МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2018 **№ 12**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О. И., д-р юрид. наук, доц.; Воронин О.В., канд. юрид. наук, доц. (отв. секретарь); Елисеев С.А., д-р юрид. наук, проф. (председатель редколлегии); Мариничева А.Ю. (технич. секретарь); Свиридов М.К., д-р юрид. наук, проф.; Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (главный редактор); Филимонов В.Д., д-р юрид. наук, проф.; Шеслер А.В., д-р юрид. наук, проф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Ахмедшин Р.Л., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Барабаш А.С., д-р юрид. наук, проф. (Красноярск); Ведерников Н.Т., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Голик Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Головко Л.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Гришко А.Я., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Зникин В.К., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Николюк В.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Прозументов Л.М., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Самович Ю.В., д-р юрид. наук, доц. (Кемерово); Селиверстов В.И., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Серкан Айян (Измир, Турция); Скаков А.Б., д-р юрид. наук, профессор (Астана, Республика Казахстан); Смолькова И.В., д-р юрид. наук, проф. (Иркутск); Стойко Н.Г., д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург); Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Халиулин А.Г., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Черненко Т.Г., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие нового журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:
634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция»
E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет:
http://journals.tsu.ru/crimjust/

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите:
http://www.elibrary.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета
Редактор Н.И. Шидловская; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелоюр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 24.12.2018 г. Формат 60x80 1/8. Усл.-печ. л. 21,1. Тираж 500 экз. Заказ № 3535. Цена свободная.

Дата выхода в свет 18.01.2019 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: http://publish.tsu.ru. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Ольховик Н.В. Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права: обзор материалов научно-практической конференции, посвященной 120-летию юридического образования в Сибири, 95-летию выдающегося отечественного пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора А.Л. Ременсона (1923–1985) и 40-летию кафедры уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права и криминологии 6

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Ботвин И.В. Принудительные меры воспитательного воздействия: сравнительно-правовое исследование 11
Гулиева Н.Б. Соотношение уголовно-правовых и гражданско-правовых способов защиты чести, достоинства и репутации 14
Долгиева М.М. Особенности объекта и предмета преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты 19
Ермакова О.В. Отдельные вопросы законодательной регламентации принудительных мер воспитательного воздействия 24
Кокотова Д.А. Применение судами последствий освобождения по амнистии к лицу, которое не было амнистировано 28
Репьева А.М. О необходимости внесения изменений в регламентацию применения принудительных мер воспитательного воздействия 35
Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления 40
Фролов А.И., Черепанов В.В. Эффективность противодействия сокрытию имущества должника при банкротстве гражданско-правовыми и уголовно-правовыми средствами в контексте зашиты прав предпринимателей 46

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Противодействие злоупотреблению правами и принцип благоприятствования защите в уголовном процессе 53
Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате 57
Беляев М.В. Особенности решений, принимаемых судом с участием присяжных заседателей 62
Григорьев В.Н., Савенков А.В. О цифровых технологиях фиксации сведений по уголовному делу 66
Дударев С.С., Тузов А.Г. К вопросу о самостоятельном обжаловании меры пресечения, избранной судом первой инстанции при постановлении приговора 71
Желева О.В., Ткач А.С. Системные и несистемные злоупотребления субъективными правами: понятие, способы предупреждения и пресечения..... 77
Зинченко И.А., Григорьев В.Н., Победкин А.В., Трубникова Т.В. Отказ от права – комплексная проблема уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства 82
Нехороших М.Е. Злоупотребление правом на кассационное обжалование: виды и меры предупреждения 87
Ясельская В.В. Некоторые проблемы проведения защитником опроса лиц с их согласия 92

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Корякин Е.А. Профилактика производственного травматизма привлекаемых к оплачиваемому труду осужденных в исправительных учреждениях: вопросы и ответы 96
Писаревская Е.А. К вопросу о профилактике рецидива несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях 102
Ушаков Р.В. Критерии, подлежащие оценке при реализации законных интересов осужденных к лишению свободы 108

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. Об организации и устройстве прокурорской деятельности в некоторых зарубежных странах 113
Мариничева А.Ю. О прокурорском противодействии экстремизму 118

КРИМИНОЛОГИЯ

Абдулаева И.А., Деркач Д.В., Лоба В.Е. Метеорологический фактор преступности (на примере Краснодарского края) 122
Дедкова Т.А., Андреев Е.И. Проблемы ответственности за незаконную рубку лесных насаждений в Российской Федерации 127
Дроздов И.С. Основные показатели криминологического рецидива при осуждении без лишения свободы 132
Титаренко А.П. Опасность правонарушителя для окружающих как относительно новый феномен в профилактической деятельности сотрудника полиции 139

КРИМИНАЛИСТИКА

Ведерников Н.Т. Анализ речи опознаваемого при производстве предъявления для опознания: процессуальные и тактические аспекты 148

Попова Е.И. Рекомендации по созданию средств правового просвещения (на примере памяток, адресованных широким слоям населения) 152

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Кудратов Н.А. Формирование и развитие категории «государственные преступления» на территории Таджикистана 157
Паканич С.И. Зарубежный опыт обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных при исполнении наказания в виде лишения свободы 164
Терентьева В.А. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания по законодательству Германии 171
Трефилов А.А. Судебная система швейцарских кантонов Ааргау и Берн: сравнительно-правовой анализ 176

Сведения об авторах 180

CONTENTS

Olkhovik N.V. Problems of the theory of punishment and penal law: Review of reports presented at the conference dedicated to the 120th anniversary of legal education in Siberia, the 95th anniversary of an outstanding Russian penitentiarist, Doctor of Law, Professor A.L. Remenson (1923–1985) and the 40th anniversary of the Department of Penal (Corrective Labour) Law and Criminology 6

CRIMINAL LAW

Botvin I.V. Compulsory educational measures: A comparative legal study 11
Gulieva N.B. Correlation of criminal and civil ways to protect honour, dignity and reputation 14
Dolgieva M.M. Features of the object and target of crimes in the sphere of cryptocurrency turnover 19
Ermakova O.V. Selected issues of the legislative regulation of compulsory educational measures 24
Kokotova D.A. The application by courts of the consequences of release by amnesty to a person who was not amnestied 28
Repieva A.M. On the need to change the regulations for the application of compulsory educational measures 35
Filimonov V.D. The genesis of crime in the legal content of corpus delicti 40
Frolov A.I., Cherepanov V.V. Effective counteraction to the concealment of the debtor's property in the bankruptcy by civil and criminal law means in the context of entrepreneurs' rights protection 46

CRIMINAL PROCEDURE

Azarov V.A., Nurbaev D.M. Counteraction to rights abuse and favor defensionis in the criminal process 53
Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Prospects for conducting Russian criminal proceedings in electronic format 57
Belyaev M.V. Features of decisions made by a jury court 62
Grigoryev V.N., Savenkov A.V. On digital technologies for recording information on criminal cases 66
Dudarev S.S., Tuzov A.G. On the independent appeal of the measure of restraint chosen by the first instance court when reaching the verdict 71
Zheleva O.V., Tkach A.S. Systemic and non-systemic abuse of subjective rights: The concept and ways to prevent and counteract 77
Zinchenko I.A., Grigoryev V.N., Pobedkin A.V., Trubnikova T.V. Waiver of right as a complex problem relating to criminal procedure law and criminal proceedings 82
Nekhoroshikh M.E. Abuse of the right to cassation appeal: Its types and prevention measures 87
Yaselskaya V.V. Some problems of the defender's questioning of persons with their agreement 92

CRIMINAL AND PENAL LAW

Koryakin E.A. Prevention of industrial injuries of convicts engaged in paid labour in correctional facilities: Questions and answers 96
Pisarevskaya E.A. On the issue of preventing recidivism among juveniles serving punishment in juvenile correctional facilities 102
Ushakov R.V. Criteria to be assessed in exercising legitimate interests of persons sentenced to deprivation of liberty 108

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. On the organisation and structure of the prosecutor's activities in certain foreign countries 113
Marinicheva A.Yu. On the prosecutor's counteraction to extremism 118

CRIMINOLOGY

Abdulaeva I.A., Derkach D.V., Loba V.E. The meteorological factor of crime (a case study of Krasnodar Territory) 122
Dedkova T.A., Andreev E.I. Problems of liability for illegal logging in the Russian Federation 127
Drozdov I.S. Main indicators of criminological recidivism in condemnation without detention 132
Titarenko A.P. Public danger of the offender as a relatively new phenomenon in the police prevention activity 139

FORENSIC SCIENCE

Vedernikov N.T. Analysis of the speech of the person identified in the presentation for identification: Procedural and tactical aspects 148
Popova E.I. Recommendations on creating legal education means (a case study of memos addressed to general public) 152

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Kudratov N.A. Formation and development of the category "crimes against state" in Tajikistan 157
Pakanich S.I. Foreign experience of ensuring the personal security of juvenile convicts 164
Terentyeva V.A. Exemption of minors from criminal punishment under German legislation 171
Trefilov A.A. Judicial systems of the Swiss cantons of Aargau and Bern: A comparative-legal analysis 176

УДК 347.9 DOI 10.17223/23088451/12/1

Н.В. Ольховик

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 120-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ, 95-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПЕНИТЕНЦИАРИСТА, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А.Л. РЕМЕНСОНА (1923–1985) И 40-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО (ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО) ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

В статье освещаются итоги Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права», посвященной 120-летию юридического образования в Сибири, 95-летию выдающегося отечественного пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора А.Л. Ременсона (1923–1985) и 40-летию кафедры уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права и криминологии.

Ключевые слова: *юридическое образование, юридическая наука, Томский государственный университет, Юридический институт, кафедра уголовно-исполнительного права, профессор А.Л. Ременсон.*

15–16 ноября 2018 г. в Юридическом институте Национального исследовательского Томского государственного университета прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права», посвященная 120-летию юридического образования в Сибири, 95-летию выдающегося отечественного пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора А.Л. Ременсона (1923–1985) и 40-летию кафедры уголовно-исполни-тельного (исправительно-трудового) права и криминологии. В её работе приняли участие ведущие ученые пенитенциаристы, преподаватели Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, Российского университета дружбы народов, Московской академии Следственного комитета России, Академии права и управления ФСИН России, Алтайского государственного университета, Байкальского государственного университета экономики и права, Иркутского государственного университета, Сибирского юридического института МВД России, Новосибирского государственного университета, Нижегородской академии МВД России, Кузбасского института ФСИН России, Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, работники уголовно-исполнительной системы, судебных и правоохранительных органов, представители общественности.

Пленарное заседание было открыто **директором Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженным юристом Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором В.А. Уткиным.** В докладе «А.Л. Ременсон и современная наука уголовно-исполнительного права» В.А. Уткин отметил, что А.Л. Ременсон как один из крупнейших ученых-теоретиков оставил фундаментальное научное наследие, составляющее свыше ста научных работ в области криминологии, уголовного права, но особенно исправительно-трудового права [1, с. 3–7], внес огромный вклад в развитие общей теории наказания, теоретических основ исправительно-трудового права.

А.Л. Ременсон, обладая научной и гражданской смелостью, отстаивал гуманистические идеи в общей теории наказания применительно к вопросам и целям понятия наказания, его индивидуализации и конструирования уголовно-правовых санкций, проблемам общепредупредительного воздействия уголовного наказания. Обращение А.Л. Ременсона к проблемам исполнения наказания положило начало формированию Томской школы исправительно-трудового права, деятельность которой опирается на идеи А.Л. Ременсона о соединении наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, о понятии и содержании карательно-воспитательного процесса. Эти идеи были положены в основу исправительно-трудового законодательства и теории исправительно-трудового права. Важное значение, по мнению В.А. Уткина, имеет позиция А.Л. Ременсона об эволюции исправительно-трудового права. А.Л. Ременсон предвидел трансформацию исправительно-трудового права в более широкую отрасль законодательства, регулирующего не только исполнение всех наказаний, но и осуществление в отношении осужденных целого комплекса воспитательно-профилактических мер с широким участием общественности.

«Когда наказание неприменимо?» – об этом говорила **профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета РФ, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Т.Ф. Минязева.** Проанализировав изменения и дополнения в УК РФ, внесенные за последнее десятилетие, а также судебную практику, Т.Ф. Минязева обосновала, что большой разрыв пределов наказания существенно осложнил работу судей, которые не только должны назначить наказание, но и определить порядок его исполнения, а также отрицательно сказался на предупреждении рецидивной преступности. Показатели рецидивной преступности убедительно показывают слабую эффективность наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также условного осуждения и отсрочки отбывания наказания. В конечном счете, Т.Ф. Минязевой были предложены критерии назначения отдельных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера.

Идеи профессора А.Л. Ременсона об эволюции (исправительно-трудового) уголовно-исполнительного права и предупреждении рецидивной преступности нашли отражение в докладе «А.Л. Ременсон о постпенитенциарном рецидиве и постпенитенциарное право» **профессора кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктора юридических наук, профессора А.Я. Гришко**. В своем докладе он отметил значимость Томской школы уголовно-исполнительного права, ее роль в развитии теории уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительного законодательства. Изучение рецидивной преступности является традиционным направлением исследований томских ученых, начиная с создания в Томском государственном университете проблемной лаборатории по вопросам борьбы с рецидивной преступностью в 1972 г. и по настоящее время. Уже не одно поколение томских исследователей успешно занимается этой проблемой. Не случайно в настоящее время большинство работ монографического характера по этой теме опубликованы именно томскими учеными.

По мнению А.Я. Гришко, постпенитенциарная адаптация освобожденных из мест лишения свободы (в ее подготовительной к освобождению части) является самостоятельным институтом уголовно-исполнительного права. Существует и уголовно-исполнительная политика в этой части. А принятие «Основ законодательства Российской Федерации о социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы» в совокупности с соответствующими нормами других отраслей права позволит создать постпенитенциарное право.

«Высокий научный авторитет профессора А.Л. Ременсона стал главным условием образования в Томском государственном университете в 1972 г. проблемной лаборатории по вопросам борьбы с рецидивной преступностью в Сибири», отметил **профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Л.М. Прозументов.** Он был первым заведующим этой лаборатории, которая среди гражданских вузов СССР была единственным научным подразделением с таким направлением исследований. Проанализировав работы А.Л. Ременсона, Л.М. Прозументов отметил его огромный вклад не только в уголовно-исполнительное право, но и в становление и развитие криминологии.

Идеи профессора А.Л. Ременсона живут и преумножаются в его учениках уже в нескольких поколениях. Результатами своего 25-летнего исследования осужденных к пожизненному лишению свободы поделился с участниками конференции **заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор А.П. Детков.** Среди отбывающих пожизненное лишение свободы преобладают психопаты, алкоголики, нуждающиеся в оказании им психиатрической помощи. Проведенное А.П. Детковым исследование свидетельствует, что после двадцатипятилетнего срока заключения человек уже, в сущности, не является нормальным ни физически, ни психически. Если к этому добавить, что для содержания пожизненно лишенных свободы необходимо строить ежегодно в России новые тюрьмы, а расходы на их содержание велики и ничем не оправданы, то все это заставляет еще раз задуматься либо об изменении условий содержания данной категории осужденных, либо о целесообразности существования этого наказания вообще.

Профессор В.Д. Филимонов в своей статье об А.Л. Ременсоне писал: «Научные достижения А.Л. Ременсона и его школы исправительно-трудового права – это результат его собственной работы и возглавляемого им творческого коллектива. Они стали возможны, прежде всего, благодаря его незаурядному уму, его интеллекту. Но чтобы сплотить людей в устойчивый твор-

ческий коллектив, необходимо еще и благожелательное к ним отношение. Это уже нравственное качество, и этим нравственным качеством А.Л. Ременсон обладал в полной мере…» [1, с. 11]. Об этих и других человеческих качествах Александра Львовича говорил **профессор Кузбасского института ФСИН России, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор В.К. Зникин** в своем докладе «А.Л. Ременсон – человек, ученый, педагог». Он также обратил внимание собравшихся на теснейшую связь научной школы А.Л. Ременсона с практикой, организации совместно с ними многочисленных научно-практических конференций в разных регионах страны.

Доклад В.К. Зникина вызвал у участников живую и интересную дискуссию, в ходе которой каждый из ее участников, которым посчастливилось лично знать и общаться с А.Л. Ременсоном, подчеркивал те или иные его личные качества как выдающегося ученого, учителя и Человека. **Заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор С.А. Елисеев** отметил, что, наделенный незаурядными способностями генерировать научные идеи и формировать вокруг себя творческую атмосферу, А.Л. Ременсон был очень скромным человеком, в том числе и в вопросах бытового характера. **Доцент В.В. Тирский** подчеркнул ответственное отношение Александра Львовича к учебному процессу, к воспитанию студентов, его умение увидеть тягу студента к научному исследованию.

На секционном заседании конференции обсуждались вопросы эффективности наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. Доцент Н.В. Ольховик проанализировал основные показатели эффективности непенитенциарного режима и средств его обеспечения, отметил, что рост рецидивной преступности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, обусловлен недостаточной индивидуализацией их назначения и исполнения применительно к отдельным наиболее уязвимым группам осужденных (несовершеннолетние, женщины, лица без определенного места жительства, иностранцы и т.д.), а весьма низкий обеспечительный характер предусмотренной уголовным законодательством угрозы замены наказаний без изоляции от общества (отмены условного осуждения и отсрочки отбывания наказания) – несовершенством предусмотренных уголовным законодательством оснований из замены (отмены условного осуждения и отсрочки отбывания наказания) либо отсутствием такой возможности при исполнении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

16 ноября 2018 г. работа участников научно-практической конференции должна была проходить по трем секциям. На секции «Общие теоретические вопросы уголовного наказания и его исполнения» планировалось обсудить следующие вопросы: средства принуждения в механизме уголовно-исполнительного регулирования; эффект наказания; элементы и факторы прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний; установление уголовно-исполнительной политики Российской Федерации; цели применения мер принуждения в уголовно-исполнительном праве; европейский пенитенциарный комплаенс; эффективность уголовного наказания через призму его содержания; дефекты юридических фактов в уголовно-исполнительном праве; результаты работы авторского коллектива по выявлению и анализу коллизий законодательства России и ряда стран постсоветского пространства в сфере применения наказаний в отношении больных осужденных; международные стандарты изоляции от общества; проблемы определения пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. Программа секции «Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы» предусматривала необходимость обсуждения следующих вопросов: источники правового регулирования дифференциации осужденных к лишению свободы; закрепление права на охрану здоровья осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве стран постсоветского пространства; результаты исследований женщин в местах лишения свободы; перспективы гуманизации уголовно-исполнительного законодательства в отношении осужденных женщин; организацию воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы; уголовно-исполнительные проблемы предупреждения преступлений осужденными к лишению свободы; организационно-правовые проблемы привлечения осужденных к лишению свободы к общественно-полезному труду; достижение целей уголовно-исполнительного законодательства; основания освобождения от отбывания наказания по болезни; особенности исполнения наказания в лечебно-профилактических учреждениях; проблемы исправления осужденных женщин, имеющих малолетних детей; проблемные аспекты исполнения ограничения свободы в отношении несовершеннолетних; правовое положение осужденных при принятии решения об изменении вида исправительного учреждения; поэтапную ресоциализацию положительно характеризующихся осужденных; проблемы правового регулирования и практики реализации раздельного содержания осужденных. Секция «Проблемы криминализации и исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы» должна была объединить исследователей, занимающихся вопросами: назначения и исполнения принудительных работ; отсрочки исполнения наказания в виде лишения свободы; проблемами применения ст. 157 УК РФ; криминологическим обоснованием санкций ст. ст. 199.3 и 199.4 УК РФ; вопросами ответственности за преступления, совершенные в сфере государственного оборонного заказа; исправительным воздействием в отношении осужденных к обязательным работам, страдающим различными видами заболеваний; проблемами исправления осужденных в зависимости от вида наказания; совершенствования законодательства о службе в УИС.

Участники конференции, проникнувшись творческой атмосферой пленарного заседания, воспоминаниями об Александре Львовиче Ременсоне, единогласно решили провести совместное заседание всех трех секций. Это решение оправдало себя, поскольку позволило действительно разносторонне обсудить актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Модераторами этого заседания были профессора В.А. Уткин, А.Я. Гришко, Т.Ф Минязева, А.П. Детков.

Научно-практическая конференция стала площадкой для теоретического осмысления современных проблем пенитенциарной науки, уголовного, уголовно-исполнительного права, она также актуализировала необходимость совершенствования действующего законодательства и правоприменительной деятельности. Самое главное заключается в том, что проведенная конференция показала сохранение и развитие традиций и ценностей томской школы (исправительно-трудового) уголовно-исполнительного права, заложенных ее основателем профессором Александром Львовичем Ременсоном, который был и продолжает оставаться одной из центральных фигур в отечественной науке уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права [2, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ременсон А.Л.* Избранные труды: к 80-летию со дня рождения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 134 с.
2. *Проблемы* теории уголовного наказания и его применения : сборник материалов науч.-практич. конф. / под ред. В.А. Уткина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 104 с.

PROBLEMS OF THE THEORY OF PUNISHMENT AND PENAL LAW: REVIEW OF REPORTS PRESENTED AT THE CONFERENCE DEDICATED TO THE 120TH ANNIVERSARY OF LEGAL EDUCATION IN SIBERIA, THE 95TH ANNIVERSARY OF AN OUTSTANDING RUSSIAN PENITENTIARIST, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR A.L. REMENSON (1923–1985) AND THE 40TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF PENAL (CORRECTIVE LABOUR) LAW AND CRIMINOLOGY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 6–10. DOI 10.17223/23088451/12/1
Nikolay V. Olkhovik, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru
Keywords: legal education, legal science, Tomsk State University, Law Institute, Department of Penal Law.

On November 15–16, 2018, the Law Institute of the National Research Tomsk State University held the All-Russian Conference “Problems of the Theory of Punishment and Penal Law”, dedicated to the 120th anniversary of legal education in Siberia, the 95th anniversary of an outstanding Russian penitentiarist, Doctor of Law, Professor A.L. Remenson (1923–1985) and the 40th anniversary of the Department of Penal (Corrective Labour) Law and Criminology. The Conference gathered leading specialist in penitentiary law, lecturers of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk Institute of Advanced Training for the Federal Penitentiary Service of Russia, employees of the penitentiary system, judicial and law enforcement agencies, and members of the public.
The article analyses the conference presentations on the history of the Department of Penal (Corrective Labour) Law and Criminology at Tomsk University and the Tomsk Scientific School of Penal (Corrective Labour) Law. The author covers the main results of the Department of Penitentiary Law and Criminology of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, with particular

attention paid to the traditions of scientific and educational activities, including the Tomsk school research program, prompting young researchers to reflect on axiological bases of their own research activities, and the formation of ethical norms and rules of research in young scientists. The author also analyses the problems that became the subject of discussion at the Conference, among which are general theoretical issues of criminal punishment and its execution, problems of imprisonment, and criminalisation and execution of non-custodial sentences. Special emphasis is laid on the significance of the Conference for theoretical understanding of the problems of penitentiary, criminal and penal law, the need to improve existing legislation and law enforcement, while preserving and developing traditions and values of Tomsk school of penal (corrective labour) law.

References

1. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Utkin, V.A. (ed.) (2003) *Problemy teorii ugolovnogo nakazaniya i ego primeneniya* [Problems of the Theory of Criminal Punishment and Its Application]. Tomsk: Tomsk State University.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.27 DOI 10.17223/23088451/12/2

И.В. Ботвин

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Изучается зарубежный опыт применения мер воздействия на несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом. Отмечается, что закрепленное в законе правило, при котором несовершеннолетним лицам назначается не уголовное наказание, а альтернативная мера воздействия, является действенным инструментом, позволяющим поставить подростка на путь исправления. На основе выводов, сделанных автором, критике подвергается отечественный подход к законодательной регламентации воздействия на лиц, не достигших возраста совершеннолетия и впервые совершивших преступление.

Ключевые слова: *принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетний, зарубежный опыт, уголовная ответственность.*

Важным шагом законодателя по регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних стала интеграция норм в отдельном разделе Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем прошедшие десятилетия свидетельствуют о недостаточной эффективности действующих дефиниций, неразрешенных проблемах закрепления, применения и дифференциации существующих мер привлечения к ответственности.

С учетом произошедших глобальных изменений современного социума назрела острая необходимость поиска эффективного ответа российского общества на противоправное поведение несовершеннолетних. С каждым годом актуальность применения принудительных мер воспитательного воздействия (без наличия судимости у подростка) и, как следствие, их действенность приобретает все большую значимость.

Исследование любой социально-правовой проблемы в современных условиях немыслимо изучения зарубежного опыта. В этом отношении без изучение принудительных мер воспитательного воздействия не является исключением. Н.Д. Сергеевский утверждал, что любой научный труд не должен замыкаться на исследовании лишь отечественного права, поскольку исследовать сугубо национальное право – значит отрицать всю новейшую историю и ставить свою собственную, произвольную утопию на место реальной действительности [1, с. 3–4]. Основываясь на справедливом замечании ученого, предлагаем обратиться к законодательному опыту закрепления принудительных мер воспитательного воздействия.

Предметом исследования будет выступать уголовное законодательство зарубежных стран, в ходе анализа которого можно извлечь опыт, полезный для российского уголовного права. Яркими представителями стран с различными подходами к воздействию на несовершеннолетних преступников, на наш взгляд, являются Германия, Швеция, Дания, Англия, Польша, Испания.

Законодательный опыт Германии интересен, в первую очередь, тем, что эта страна успешно применяет институт ювенального правосудия, а также активно осуществляет профилактику молодежной преступности.

Ювенальное правосудие реализуется на основании Закона 1953 г. «О суде по делам несовершеннолетних», которым устанавливаются следующие меры воспитательного воздействия:

– так называемые амбулаторно-воспитательные меры, которые своей целью преследуют замещение санкций, связанных с лишением свободы, и могут заключаться в прохождении социального антиагрессивного тренинга, отработке наказания на различного рода общественных работах и т.д.;

– исправительные меры, для реализации которых на несовершеннолетнего могут быть возложены следующие обязанности: возмещение причиненного вреда; денежное взыскание в пользу общественного учреждения, которому преступлением причинен вред; выполнение различных общественно полезных обязанностей; взыскание денежных средств в пользу государства;

– непосредственные меры наказания, которые предусмотрены уголовным законодательством Германии.

При применении перечисленных мер суд может установить испытательный срок, на протяжении которого несовершеннолетний осужденный обязывается: являться в назначенное время в суд; соблюдать установленные судом ограничения по посещению общественных мест, проведению свободного времени или ведению хозяйственных дел; соблюдать запрет на общение с лицами из преступной среды и др.

Кроме того, в соответствии с уголовным законодательством ФРГ дети, не достигшие 14-летнего возраста, считаются неправоспособными и не могут нести уголовную ответственность, в чем проявляется схожесть с мнением российского законодателя [2, с. 49]. А к лицам в возрасте 14–18 лет, в зависимости от соответствия психического, биологического и социального возрастов, могут применяться как нормы, касающиеся несовершеннолетних, так и применяться карательные меры общего характера.

Таким образом, правовое регулирование принудительных мер воспитательного воздействия немецкий законодатель осуществляет посредством УК ФРГ и Закона «О суде по делам несовершеннолетних», которые закрепляют как меры материального воздействия на несовершеннолетнего, так и различные ограничения, которые аналогичны правилу, закрепленному в п. «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ. При этом в законодательстве Германии раскрыта содержательная характеристика рассматриваемых мер, которые, в свою очередь, представлены в виде системы (от менее к более суровой), чего не прослеживается в отечественном законодательстве.

В Швеции нормы, регламентирующие принудительные меры воспитательного воздействия, также содержатся в нескольких нормативных актах. Так, помимо Уголовного кодекса [3, с. 61–64], данные правоотношения регулируют акты 1990 г. «Об особых положениях по опеке над несовершеннолетними» и 1998 г. «О приведении в использование закрытого попечения над несовершеннолетними».

Согласно указанным документам, в качестве альтернативы тюремному заключению суды назначают лицу, не достигшему 18-летнего возраста, закрытое попечение над несовершеннолетним. Данная мера заключается в помещении несовершеннолетнего осужденного в специальное исправительное учреждение в воспитательных целях на срок от 14 дней до 4 лет. Полагаем, что данная мера является строгой, поскольку заменяет реальное лишение свободы и ее применение должно преследовать реализацию целей наказания, в частности исправления несовершеннолетнего.

В отношении лиц, не достигших 21-летнего возраста, суд Дании может назначить лечение или применение иных мер, которые дополнительно обременяются штрафом или наложением обязанности выполнять работу без последующей оплаты или участвовать в специальных мероприятиях на срок от 20 до 100 часов. В том случае, когда совершение преступления сопряжено с причинением имущественного ущерба, суд, по согласованию с потерпевшим, может применить меру, заключающуюся в выполнении работ или оказании услуг в пользу последнего с целью восстановления причиненного материального ущерба, что охватывается и российской дефиницией возмещения вреда [4, с. 38].

Английский законодатель, помимо наказания, также предусматривает меры уголовного принуждения, к которым относит меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетнего и пробацию (лишение права управления автомобилем, заниматься определенной деятельностью в течение конкретизированного промежутка времени и др.). Согласно Закону 1982 г. «Об уголовной юстиции», суд вовсе не имеет права назначать тюремное заключение лицам, не достигшим 21-летнего возраста.

Закон 1988 г. «Об уголовной юстиции» закрепляет еще одну воспитательную меру, применяемую в отношении несовершеннолетних, – помещение в специализированное учреждение для молодых преступников в целях их исправления. В такие заведения в качестве альтернативы тюремному заключению по решению суда могут быть направлены лица в возрасте от 15 лет до 21 года. Подобные учреждения, на наш взгляд, содержат признаки ныне действующих и в нашей стране учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

Интерес также представляет положение Закона 1994 г. «Об уголовной юстиции», согласно которому суд имеет право помещать несовершеннолетних осужденных в специальные закрытые воспитательные центры, где такие лица получают образование и трудовые навыки.

Любопытной представляется регламентация принудительных мер воспитательного воздействия по уголовному законодательству Польши, в котором содержится очень значительный набор таких мер, среди которых:

– объявление выговора;
– широкий перечень различных ограничений;
– компенсация причиненного ущерба;
– родительский контроль;
– контроль со стороны педагогических организаций;
– кураторский контроль;
– обязанность посещать кураторский центр;
– содержание в воспитательном центре (в случае, если родители лишены родительских прав);
– помещение в центр социального воспитания;
– содержание в исправительном центре (предназначено для лиц от 17 лет, представляющих особую опасность для общества);
– назначение условного наказания с отсрочкой исполнения приговора суда.

Следует отметить, что в Польше особое внимание уделяется вопросам кураторства над несовершеннолетними. Институт кураторства регламентирован Законом 1986 г. «О кураторах по семейным и уголовным делам», где детально закреплены полномочия, права и функции куратора. Такие лица осуществляют контроль практически во всех сферах жизнедеятельности подростка (посещение школ, обращение в семье, проведение досуга), что позволяет найти пути для постановки несовершеннолетних правонарушителей на путь исправления.

Исследование законодательного опыта регламентации принудительных мер воспитательного воздействия в Испании показало, что такой институт не выделяется вовсе, а уголовная ответственность наступает на общих основаниях. Возраст лица, совершившего преступление, существенным образом влияет лишь на индивидуализацию наказания.

Таким образом, проведенный анализ применения принудительных мер воспитательного воздействия в некоторых зарубежных странах показал, что закрепленное в законе правило, при котором несовершеннолетним лицам назначается не уголовное наказание, а альтернативная мера воздействия, является действенным инструментом, позволяющим поставить подростка на путь исправления. Обращает на себя внимание и существующая система нормативных актов, регламентирующая проблемы отправления правосудия по делам несовершеннолетних, чего нет в отечественном законодательстве.

В Российской Федерации изучаемый институт регламентирован лишь нормами Уголовного кодекса, которым закреплены основания и виды мер воспитательного воздействия. В этой связи понимание правоприменителем их содержательной части вызывает значительные трудности. Кроме того, следует констатировать отсутствие детального законодательного закрепления понятия, видов и возможностей применения рассматриваемых мер. В свою очередь, практика применения принудительных мер воспитательного воздействия не основана на достаточно принципиальном подходе к соотношению конкретной меры с глубоким и тщательным изучением психологических особенностей формирования мировоззрения подростка [5. с. 4]. Вместе с тем негативное влияние на уровень повторной преступности несовершеннолетних оказывает именно недостаточная эффективность мер государственного принуждения.

Представляется, что назрела острая необходимость во всестороннем комплексном исследовании проблем воздействия на несовершеннолетнего, совершившего преступление, в основе которого должно лежать изучении личности подростка, факторов, причин и условий, влияющих на его противоправное поведение, норм действующего законодательства, регламентирующего систему существующих мер воздействия на лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет, а также социальных институтов, задействованных в указанном процессе.

Такое исследование в совокупности с положительным зарубежным опытом позволит разработать наиболее эффективный кардинальный, инновационный подход к воздействию на лиц, не достигших возраста совершеннолетия и впервые совершивших преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. 7-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 364 с.
2. *Уголовное* уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и науч.-практич. комментарий / под ред. А.И. Рарога. М. : Проспект, 2010. 280 с.
3. *Уголовный* кодекс Швеции / науч. ред.: С.С. Беляев, Н.Ф. Кузнецова. СПб. : Юрид. центр Пресс, Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
4. *Уголовный* кодекс Дании / науч. ред.: С.С. Беляев (пер.); пер.: А. Рычев. М. : Изд-во МГУ, 2001. 171 с.
5. *Ботвин И.В., Ермакова О.В., Репьева А.М.* Принудительные меры воспитательного воздействия: вчера, сегодня, завтра : учеб. пособие. Барнаул : АЗБУКА, 2018. 48 с.

COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 11–13. DOI 10.17223/23088451/12/2

Ilya V. Botvin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: botviniv@mail.ru

Keywords: compulsory educational measures, minor, foreign experience, criminal liability.

Taking into account the global changes that have taken place in modern society, there is an urgent need for the Russian society to find an effective response to the unlawful behaviour of minors. Compulsory educational measures for minors without a criminal record and their effectiveness are becoming increasingly important with every year. The author believes that the study of any social and legal problem requires the study of foreign experience. So does the study of compulsory educational measures. The subject of this research is the foreign criminal law, which provides positive experience for the Russian criminal law. Various approaches to the treatment of juvenile delinquents can be found in the legislation of Germany, Sweden, Denmark, England, Poland, and Spain. The analysis of compulsory educational measures in these countries has shown that the rule regulating the application of an alternative educational measure rather than criminal punishment is an effective tool to put adolescents on the path of correction. The author draws attention to the existing system of normative acts regulating the problems of juvenile justice, which lacks in the Russian legislation. The researcher concludes that in the corresponding Russian institution is regulated only by the norms of the Criminal Code related to the causes and types of educational measures, while it turns out to be very difficult for the law enforcement officer to understand their content. The researcher argues that there is an urgent need for a comprehensive study of the problem based on studying the personality of a minor, factors, causes and conditions affecting their unlawful behaviour, the current norms regulating the system of measures applied to persons who committed a crime under the age of 18, as well as social institutions involved in this process. Such a study, combined with positive foreign experience, will make it possible to develop the most effective cardinal, innovative approach to the treatment of first-offender juveniles.

References

1. Sergeevskiy, N.D. (1908) *Russkoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. 7th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
2. Rarog, A.I. (ed.) (2010) *Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya* [The Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. Moscow: Prospekt.
3. Belyaev, S.S. & Kuznetsova, N.F. (eds) (2001) *Ugolovnyy kodeks Shvetsii* [The Criminal Code of Sweden]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Belyaev, S.S. (ed.) (2001) *Ugolovnyy kodeks Danii* [The Criminal Code of Denmark]. Translated from Danish by A. Rychev. Moscow: Moscow State University.
5. Botvin, I.V., Ermakova, O.V. & Repyeva, A.M. (2018) *Prinuditel'nyye mery vospitatel'nogo vozdeystviya: vchera, segodnya, zavtra* [Compulsory Educational Measures: Yesterday, Today, Tomorrow]. Barnaul: AZBUKA.

УДК 343.31 DOI 10.17223/23088451/12/3

Н.Б. Гулиева

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И РЕПУТАЦИИ

Исследованы предусмотренные законом способы защиты чести, достоинства, репутации и деловой репутации. Отмечается возможность одновременного применения частно-правовых и публично-правовых способов защиты нематериальных благ. Автор раскрывает соотношение имеющихся способов защиты сквозь призму юридической природы уголовной и деликтной ответственности, указывает на неотвратимый, пресекательный и восстановительный характер способов защиты нарушенных прав.

Ключевые слова: *честь, достоинство, репутация, преступление, деликт.*

Честь, достоинство, репутация представляют несомненную важность для человека, в связи с чем посягательства на эти блага должны влечь для посягающего на них лица неблагоприятные правовые последствия. На законодательном уровне должны быть предусмотрены действенные механизмы защиты нарушенных прав.

Способы защиты нарушенного права можно охарактеризовать как предусмотренные законом приемы по восстановлению нарушенного права, обеспечению его безопасности.

Юридические способы защиты таких нематериальных благ, как честь, достоинство и репутация сводятся к возможности прибегнуть и к частно-правовым, и к публично-правовым механизмам защиты. Восстановление нарушенного права возможно посредством одновременного использования обоих механизмов, поскольку способы защиты, приемлемые в частных отраслях права, существенно отличаются от мер воздействия в праве публичном.

Известно, что уголовно-правовая защита нарушенных прав осуществляется посредством введения запрета на соответствующее поведение, отвечающее конкретным признакам. Наличие оснований криминализации того или иного деяния позволяет констатировать объективную необходимость введения соответствующего запрета и, одновременно, недостаточность уже имеющихся возможных механизмов воздействия на правонарушителя. «Решение о правовой регламентации складывается из трех групп факторов, характеризующих необходимость в такой регламентации, ее допустимость и реальную возможность. Эти три критерия принятия законодательного решения применимы и к установлению уголовно-правового запрета (его отмене). Критерии допустимости и реальной возможности складываются в один общий критерий – целесообразность» [1, с. 244]. Иными словами, введение уголовно-правового запрета всегда является необходимым и целесообразным при условии, что имеющихся правовых средств защиты нарушенных прав недостаточно.

Одновременное применение нескольких публично-правовых способов защиты, предусмотренных разными отраслями права (например, административно-правовых и уголовно-правовых мер воздействия), недопустимо. Принцип невозможности двойного вменения в вину одного и того же поступка исключает возможность одновременного привлечения к административной и уголовной ответственности. Другое дело, когда правонарушение и преступление схожи между собой, отличаясь по одному или двум признакам. Например, правонарушения на транспорте, не повлекшие наступление пагубных последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти человека, влекут административную ответственность. В случае же наступления таких последствий содеянное образует состав преступления. В данном случае речь не идет даже о конкуренции двух публично-правовых способов защиты нарушенного права: лицо привлекается к ответственности в зависимости от того, признаки какого деяния – правонарушения или преступления – усматриваются в его действиях.

Причинение вреда нематериальным благам (например, посредством распространения заведомо ложных сведений) порождает возникновение охранительных правоотношений, одновременно образующих предмет правового регулирования двух отраслей права: гражданского и уголовного. Основанием возникновения таких правоотношений является совершение противоправного деяния, порочащего честь, достоинство и репутацию человека. Лицо, чье право было нарушено, может воспользоваться правом на защиту как в рамках гражданского, так и уголовного судопроизводства. При этом сочетание частно-правовых способов защиты с уголовно-правовыми, как было отмечено выше, не исключается. Более того, судебная практика допускает возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности даже в случаях прекращения производства по уголовному делу или в случае отказа в его возбуждении. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 5 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 129 Уголовного кодекса Российской Федерации[1], прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства [2].

[1] В настоящее время уголовная ответственность за клевету предусмотрена ст. 128.1 УК РФ.

Указанное разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, безусловно, является обоснованным, поскольку юридическая природа уголовной ответственности отлична от гражданско-правовой. Использование гражданско-правовых способов защиты чести, достоинства, репутации не влечет автоматически уголовного преследования, равно как привлечение к уголовной ответственности не исключает возможности восстановить нарушенное право в порядке гражданского судопроизводства. Закон упрощает процедуру защиты нарушенного права, предоставив возможность предъявить гражданский иск в рамках уголовного производства по делу. Такая возможность, предоставленная законодателем, обусловлена разной юридической природой уголовной ответственности и гражданско-правовой.

Специфика уголовной ответственности заключается в порицании содеянного и личности преступника в обвинительном приговоре суда. А.К. Музеник справедливо отмечал, что «стержневым звеном, сущностью уголовной ответственности является факт порицания государством и обществом характера учиненного лицом общественно опасного деяния, нашедшего свое выражение в осуждении преступника, поскольку именно через осуждение государство дает отрицательную оценку как преступления, так и лица, его совершившего» [3, с. 5]. Уголовное наказание как самая распространенная форма реализации уголовной ответственности преследует конкретные цели. Так, цель восстановления социальной справедливости предполагает, что наказание является ответной реакцией государства на содеянное, гарантирующей не только потерпевшему, но и каждому из нас возможность использовать уголовно-правовые способы защиты нарушенных прав. Более того, социальная справедливость восстанавливается и по отношению в самому виновному посредством применения к нему исключительно законных механизмов уголовно-правового воздействия. Это выражается в назначении справедливого наказания, которое не должно быть ни чрезмерно мягким, ни чрезмерно суровым. Наказание должно быть соразмерным содеянному, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления.

Каждый акт совершения преступления, отмечают В. К. Дуюнов и И.В. Иванов, должен с неизбежностью влечь соответствующую реакцию государства – его ответ на факт нарушения установленного им уголовно-правового запрета. Это необходимо для обеспечения реализации правовых норм и предупреждения их массовых нарушений в дальнейшем. Авторы описывают, какой должна быть реакция государства:

а) по своему характеру она должна быть *негативной*, содержать отрицательную оценку факта преступления и лица, его совершившего, в форме официального государственного осуждения содеянного и порицания личности виновного в обвинительном приговоре суда, с применением в необходимых случаях в отношении осужденного также лишений и ограничений в виде наказания или иных мер уголовно-правового воздействия;

б) по своему размеру она должна быть *справедливой* (соответствующей, соразмерной характеру и степени опасности совершенного преступления);

в) чтобы быть социально полезной и эффективной, указанная реакция государства на преступление должна быть *неотвратимой,* она должна быть ответом на каждый случай нарушения, и чтобы каждый нарушитель знал о неминуемости такой реакции [4, с. 62].

Стало быть, предоставляя возможность потерпевшему воспользоваться правом на уголовно-правовую защиту, законодатель понимает, что только негативная, справедливая и неотвратимая публично-правовая реакция государства способна восстановить нарушенное право. При этом стоит учитывать эффективность механизма публично-правового воздействия, принимая во внимание то обстоятельство, что частно-правовых способов защиты недостаточно. В этой связи верным представляется суждение Л.М. Прозументова о субсидиарной природе уголовной ответственности, поскольку уголовное наказание является наиболее жесткой мерой государственного принуждения, а признание деяния преступлением – крайней степенью его негативной оценки [1, с. 244–245]. Законодатель, понимая высокую степень общественной опасности деяния, обуславливающую необходимость наиболее жесткой реакции государства при недостаточности имеющихся способов защиты, вводит соответствующий уголовно-правовой заперт. Наличие такого запрета позволяет лицу, чье право было нарушено, прибегнуть к уголовно-правовым способам защиты нарушенного права.

Существование уголовно-правового запрета обуславливает возможность порицать содеянное и лицо, его совершившего, со всеми вытекающим в результате такого порицания последствиями. Результат порицания отражается в официальном осуждении виновного лица в обвинительном приговоре суда, обязывающий (приговор) виновного претерпевать определенные лишения или ограничения.

Способы защиты нематериальных благ в гражданском праве представляют собой совокупность частноправовых средств и приемов защиты нарушенного права.

В.В. Витрянский определяет способ защиты чести и достоинства как предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, устранение нарушений права, его восстановление и компенсация [5, с. 466].

Следует отметить, что гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства, репутации претерпели значительные изменения, внесенные Федеральным законом 02.07.2013 № 142-ФЗ. В соответствии с указанными изменениями был расширен перечень способов гражданско-правовой защиты. Если ранее защита реализовывалась посредством опровержения порочащих сведений – специальный способ защиты, и компенсации морального вреда или возмещения убытков, причиненных распространением порочащих сведений – общие гражданско-правовые способы защиты, то сейчас перечень возможных средств гораздо шире. Во-первых, новеллой является введение дополнительных способов защиты нарушенных прав гражданина.

В частности, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (п. 2 ст. 150 ГК РФ). В п. 1 ст. 152 ГК РФ предусмотрена возможность обеспечения после смерти гражданина судебной защиты не только его чести и достоинства, но также его деловой репутации. Кроме того, в тех случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданину предоставлено право требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно (п. 4 ст. 152 ГК РФ). Во-вторых, новеллы коснулись и способов защиты интересов юридических лиц. Исключена возможность применения нормы о компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица. С учетом этого юридические лица и индивидуальные предприниматели как субъекты предпринимательской деятельности вправе защищать свою деловую репутацию путем опровержения порочащих их сведений или опубликования своего ответа в печати, а также заявлять требование о возмещении убытков, причиненных распространением таких сведений [6].

Заметим, что гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства, репутации преимущественно имеют денежно-компенсационный характер. Это вполне объяснимо, поскольку гражданское право является частной отраслью права. Посредством компенсационных выплат, имеющих исключительно денежный характер, нарушенное право на честь, достоинство, репутацию, деловую репутацию восстанавливается. В то же время некоторые публичные начала также присутствуют. Например, право изымать и уничтожать без какой-либо компенсации материальные носители, содержащие сведения, порочащие честь, достоинство, репутацию; право пресекать и запрещать действия, нарушающие или создающие угрозу посягательства на нематериальное благо. Подобное присутствие публичных начал в частном праве обусловлено спецификой деликтной ответственности. Последняя, как известно, возникает из внедоговорных обязательств, связанных с причинением вреда в результате совершения гражданского правонарушения – деликта. Требовать восстановления нарушенного права в деликтных обязательствах посредством, например, компенсации морального вреда для человека или компенсации репутационного вреда для юридических лиц возникает при доказанности общих условий деликтной ответственности (наличия противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятных последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца) [7]. Отметим, что принципы деликтной ответственности схожи с принципами уголовной ответственности. Деликтная ответственность строится на принципах неотвратимости ответственности, ее индивидуализации, что очень напоминает принципы уголовного права, а также на принципе полного возмещения вреда. В ряде случаев в деликтных правоотношениях законодатель презюмирует виновность причинителя вреда. Именно так обстоит дело с компенсацией морального вреда, причиненного чести, достоинству и репутации человека. Законодатель императивно отнес подобное поведение к категории противоправных в интересах наименее защищенной стороны. Компенсация же репутационного вреда, т.е. вреда, причиненного деловой репутации юридического лица распространением порочащих его репутацию сведений, на наш взгляд, не освобождает от необходимости доказывать виновность распространителя. К такому выводу можно прийти, буквально истолковывая положения Гражданского кодекса РФ о деликтных обязательствах, предусмотренные ст. 1100 ГК РФ. Законодатель не обозначает исчерпывающе основания компенсации морального вреда безотносительно вины причинителя, указав и на иные случаи причинения такого вреда, предусмотренные законом. Однако законом до настоящего времени такая возможность взыскать компенсацию репутационного вреда, не доказывая виновность его причинителя, юридическим лицам не предоставлена. В этой связи полагаем, что взыскание компенсации вреда, причиненного деловой репутации юридическим лицам, возможно на общих основаниях возмещения причиненного вреда. В этой части деликтная ответственность имеет сходство с уголовной ответственностью, которая строится исключительно на принципе субъективного вменения.

К выводу о необходимости констатировать виновное поведение распространителя порочащих деловую репутацию юридического лица сведений мы пришли потому, что правоприменители столкнулись с проблемой возможности взыскать компенсацию репутационного вреда. Нововведения, не позволяющие применять положения о компенсации морального вреда к защите деловой репутации юридического лица привели в недоумение правоприменителей, вызванное неодинаковостью региональной судебной практики. В некоторых регионах суды взыскивали компенсацию вреда, причиненного деловой репутации юридического лица распространением порочащих сведений, в некоторых – отказывали (Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 25 сентября 2015 г. № Ф09-6957/15 по делу № А07-1900/2015; Постановление Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 6 августа 2015 г. № Ф08-5582/2015 по делу № А63-11510/2014). Наконец, в 2017 г. ситуацию разрешил Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики № 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда 16 февраля 2017 г. В случае умаления репутации юридиче-

ского лица оно вправе защищать свое право путем заявления требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица [7].

Иными словами, основанием привлечения к деликтной ответственности является наличие в действиях лица признаков гражданского правонарушения – деликта. Совершение деликта, порочащего честь, достоинство, репутацию человека со всеми неблагоприятными последствиями, презюмирует виновность лица, что освобождает человека, чье право было нарушено, от необходимости доказывать виновность распространителя. В случае же распространения ложных сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, прибегнуть к гражданско-правовым способам защиты с последующей компенсацией причиненного вреда можно лишь при доказанности вины причинителя.

Резюмируя изложенное, отметим, что уголовно-правовые и гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства, репутации имеют немало общего, но в то же время и значительно отличаются.

И те и другие способы имеют пресекательный характер, направлены на устранение случившегося противоправного деяния и восстановление нарушенного права. Уголовно-правовая защита нарушенного права, равно как и гражданско-правовая, осуществляется посредством введения соответствующего запрета, нарушение которого неотвратимо влечет уголовную или деликтную ответственность, обязывающую причинителя вреда претерпевать неблагоприятные для него обременения (правоограничения), обусловленные привлечением его к уголовной ответственности, или обязывающую к совершению определенных действий в целях устранения последствий деликта и восстановления нарушенного права. Отличие уголовно-правовых и гражданско-правовых способов защиты следует проводить сквозь призму юридической природы уголовной и деликтной ответственности. Специфика уголовно-правовых способов защиты нарушенного права заключается в порицании виновного и деяния, им учиненного, выраженное в официальном осуждении лица в обвинительном приговоре суда и в применении к нему лишений или ограничений, образующих содержание уголовной ответственности. Частно-правовые способы защиты имеют преимущественно денежно-компенсационный характер, подразумевающий восстановление нарушенного права посредством компенсации причиненного вреда в денежном эквиваленте, а также характеризуются возможностью обязать причинителя вреда устранить допущенное нарушение посредством выполнения конкретных, определенных судом действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
2. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая, электр. дан. (дата обращения: 01.02.2018).
3. *Музеник А.К.* Стадии реализации уголовной ответственности // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. Ч. 3. С. 3–7.
4. *Дуюнов В.К., Иванов И.В.* О сущности уголовной ответственности и освобождения от нее // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (3). С. 60–63.
5. *Витрянский В.В.* Договорное право. Книга первая: Общие положения. М. : Статут, 2011. 776 с.
6. *Обзор* практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая, электр. дан. (дата обращения: 01.02.2018).
7. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф, сетевая, электр. дан. (дата обращения: 01.02.2018).

CORRELATION OF CRIMINAL AND CIVIL WAYS TO PROTECT HONOUR, DIGNITY AND REPUTATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 14–18. DOI 10.17223/23088451/12/3

Natavan B. Gulieva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: natavan-1212@mail.ru

Keywords: honour, dignity, reputation, crime, delict.

Honour, dignity, and reputation are undoubtedly important for a person, so there must be effective mechanisms to protect violated rights at the legislative level. Criminal and civil law methods of protection of honour, dignity, and reputation have much in common, but at the same time they differ significantly. Both are preventive in nature and aimed at eliminating the wrongful act and restoring the violated right. Criminal and civil law protection of the violated right is carried out through an appropriate prohibition, the violation of which inevitably entails criminal or delictual liability, obliging the injurer to undergo unfavourable encumbrances caused by bringing them to criminal liability, or obligating to commit certain actions in order to eliminate the consequences of delict and restoration of violated rights.

References

1. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General Part)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2005) *Resolution No. 3 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005, "On judicial practice in cases of protecting honour and dignity of citizens, as well as business reputation of*

citizens and legal entities". [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/. (Accessed: 01.02.2018). (In Russian).
3. Muzenik, A.K. (2000) Stadii realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti [Stages of criminal liability implementation]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Problemy razvitiya i sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of development and improvement of Russian legislation]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–7.
4. Duyunov, V.K. & Ivanov, I.V. (2010) About the essence of criminal liability and the exemption from criminal liability. *Vektor nauki. TGU – Vector of Sciences. Togliatti State University*. 3(3). pp. 60–63. (In Russian).
5. Vitryanskiy, V.V. (2011) *Dogovornoe pravo* [Contract Law]. Moscow: Statut.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Review of the practice of court hearing of the cases on defamation of honour, dignity and business reputation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016).* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/. (Accessed: 01.02.2018). (In Russian).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Review No. 1 of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2017) (ed. April 26, 2017).* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/. (Accessed: 01.02.2018). (In Russian).

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/12/4

М.М. Долгиева

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ

Рассматриваются общественные отношения, возникающие в сфере оборота криптовалюты, как новый объект уголовно-правовой охраны. Автором указывается, что криптовалюта должна быть признана иным имуществом в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Криптовалютные отношения – это такие отношения, которые возникают исключительно по поводу оборота криптовалюты, любые криминальные проявления в этой связи могут влечь причинение ущерба как отдельным лицам, так и обществу и государству в целом. Криптовалюта, как предмет преступления – неосязаема, представляет собой цифровой код, при этом имеет цену и потребительский спрос.

Ключевые слова: *криптовалюта, криптовалютные отношения как объект уголовно-правовой охраны.*

Как справедливо отметил более чем полвека назад А.Н. Трайнин, «объектом всякого посягательства является то, чему это посягательство причиняет или пытается причинить ущерб» [1, с. 73]. Однако еще ранее А.А. Пионтковским было подчеркнуто, что объектом каждого преступления являются общественные отношения, общие для всех преступных посягательств [2, с. 129].

Теория уголовного права традиционно различает понятия общего, родового (специального), видового и непосредственного объектов преступления, допуская при этом наличие сопутствующих дополнительных объектов посягательства [3, с. 343–345].

Преступления, совершаемые в сфере оборота криптовалюты, исходя из складывающейся судебной практики, посягают на различные объекты: на отношения собственности, порядок экономической деятельности, общественную безопасность, компьютерную информацию.

При этом многогранная структура постоянно эволюционирующих общественных отношений в сфере оборота криптовалюты определяет причинение вреда не только основным, но и дополнительным объектам, содержание которых определяется непосредственным действием виновного лица и его статусом.

Особенности объекта криминальных посягательств в сфере оборота криптовалюты состоят в том, что без теоретического обоснования понятия криптовалютных отношений такие деяния будут находиться в правовом вакууме, среди спорных и неоднозначных мнений правоприменителей, влекущих существенные разногласия в судебной практике.

Так, наиболее распространенными преступлениями в сфере оборота криптовалюты в России является незаконный сбыт наркотических средств, осуществляемый за криптовалюту, и последующая ее легализация (32 приговора суда с 2015 г. по данным интернет-сайта Росправосудие [4]), кроме того, довольно часто криптовалюта похищается путем использования вредоносных программ и создания мошеннических сайтов по обмену криптовалюты на денежные средства, а также путем вымогательства.

При совершении деяний, связанных с оборотом криптовалюты, будь то различные ее хищения, легализация (отмывание) преступных доходов, либо контрабанда или иные посягательства, общими либо специальными субъектами нарушаются не только общественные отношения, которым в первую очередь причиняется ущерб, но и установленный безопасный порядок функционирования и использования информационно-телекоммуникационных и виртуальных сетей.

Безусловно, в этом контексте рассматриваются только ситуации, непосредственно затрагивающие оборот криптовалюты, осуществляемый через специальные программные средства в виртуальных сетях. В тех случаях, когда речь идет о простых мошенничествах, посягательства ограничиваются основным объектом, как, например, в случае, когда в Калужской области «интеллигентного вида цыганами» потерпевшему на улице были проданы несколько монет под видом биткоинов за 1 тыс. рублей каждая [5].

В настоящее время назрела острая необходимость в принятии федерального закона, устанавливающего правовой статус криптовалюты и зоны ее легального оборота. Только законодательно закрепив такие понятия, как криптовалюта и криптовалютная деятельность, в государстве образуется эффективный уголовно-правовой аппарат противодействия криминальным посягательствам с использованием криптовалюты.

Нельзя отрицать того факта, что рынок криптовалют уже давно функционирует и саморегулируется, государство не может контролировать эмиссию криптовалют и их количество, соответственно на законодательном уровне не регулируются и криптовалютные отношения как таковые.

Однако быстрорастущее число криминальных посягательств в сфере оборота криптовалюты требуют от науки уголовного права обоснования необходимости исследования криптовалютных отношений как нового объекта уголовно-правовой охраны и установления их общих свойств и понятий.

Криптовалютные общественные отношения как объект уголовно-правой охраны и предмет правового регулирования следует рассматривать только после законодательного закрепления указанных нами понятий, поскольку в настоящее время сложилась ситуация, когда фактически криптовалютные отношения во всем мире, в том числе и в России, существуют и развива-

ются сами по себе, без должного внимания со стороны государства.

Объекты уголовно-правовой охраны, указанные в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), являются фундаментальным основанием Особенной части и выступают в качестве общих объектов преступления.

Для отражения специфики конкретного преступления или группы преступлений объект приобретает индивидуальные черты.

При этом следует согласиться с мнением Ю.А. Ляпунова о том, что место нормы в системе законодательства не является определяющим критерием установления объекта [6, с. 22].

Несмотря на то, что посягательства в сфере оборота криптовалюты квалифицируются правоприменителями по вышеуказанным объектам уголовно-правовой охраны (главы 21, 22, 24, 28 УК РФ), нам представляется, что основным объектом таких посягательств являются вновь складывающиеся отношения, возникающие в связи с криптовалютной деятельностью либо посягающие на нее.

«Признавая важность нормального функционирования определенных общественных отношений для общества и государства, законодатель переводит объект уголовно-правовой охраны в элемент состава преступления, устанавливая его границы посредством описания в диспозиции статьи Особенной части УК РФ других его элементов» [7, с. 51].

Критериями ценности объекта уголовно-правовой охраны выступает важность отношений, которым причиняет вред преступление, а также механизм причинения вреда, т.е. непосредственное воздействие на объект отношений или предмет внешнего мира, таким образом, «вред объекту может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определен свойствами самого объекта» [8, с. 137].

Следовательно, от того, «что считать объектом преступления и как он будет описан в диспозиции статьи Особенной части УК РФ (путем детального перечисления предметов материального мира или потерпевших либо общим указанием на сферу отношений, признаваемых объектом преступления), зависит беспробельность уголовного закона и соблюдение принципа законности» [7, с. 40].

Соответственно «для того, чтобы избежать применения закона по аналогии, объект преступления должен быть описан так, чтобы охватывать значительный объем охраняемых отношений, то есть должен использоваться абстрактный способ изложения диспозиций уголовно-правовых норм» [7, с. 45]. И действительно, такой механизм описания в качестве непосредственного объекта преступления общественных отношений, позволит трактовать уголовно-правовые запреты расширительно, что в случае с динамикой развития криптовалютных отношений представляется весьма обоснованным.

Нам представляется, что новая норма, ставящая под уголовно-правовую охрану криптовалютные отношения, должна, в силу природы таких отношений, быть безусловно бланкетной и отсылать к соответствующему федеральному закону о регулировании криптовалютной деятельности, о необходимости принятия которого автором указано выше.

Сами по себе отношения, складывающиеся в сфере криптовалютной деятельности, определяются принципами создания и функционирования криптовалюты.

Автором предлагается, что криптовалюта должна быть признана в качестве иного имущества (имущества в цифровой форме) в рамках ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, определив легальный статус криптовалюты как имущества, можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся в сфере ее оборота, как новый объект уголовно-правовой охраны.

Любая деятельность, так или иначе связанная с криптовалютой, определенно зарождает новые отношения, будь то майнинг криптовалют, размещение токенов в ICO, организация деятельности по обмену или торговле криптовалютами, – это такие отношения, которые возникают исключительно по поводу оборота криптовалюты, в том числе и разновидности ее хищения.

Представляется, что базовым принципом установления объекта криптовалютных отношений является понимание того факта, что криптовалюта имеет стоимость, соответственно любые криминальные проявления в этой связи могут влечь причинение ущерба как отдельным лицам, так и обществу и государству в целом.

Большую важность для определения признаков криптовалютных отношений как объекта представляет установление свойств предмета преступления в сфере оборота криптовалюты.

Предметы таких преступлений обладают определенной спецификой, поскольку имеют цену и потребительский спрос, при этом объем оборота криптовалют имеет тенденцию к росту, и, кроме того, криптовалюта как предмет – неосязаема, представляет собой цифровой код.

В современной науке уголовного права теоретические понятия предмета преступления уже не ограничиваются рамками вещей материального мира, как это было принято в науке советского уголовного права.

Эволюцию понятия предмета преступления можно проследить в целях обоснования такого понятия применительно к криптовалютным преступлениям.

Некоторые советские ученые считали, что существуют беспредметные преступные посягательства. «Предмет преступления – это вещь или процесс, служащие условием (предпосылкой) существования или формой выражения конкретного общественного отношения» [9, с. 57; 10, с. 123; 11, с. 137].

Таким образом, в науке уголовного права акцент в определении предмета преступления был смещен в сторону его «материальности» и «вещной природы».

Однако в последние годы появились нетрадиционные взгляды на понятие предмета преступления, в которое стали включаться поведение людей, нематериальные блага и интеллектуальные ценности. «Предмет преступления – это то, по поводу чего совершается преступление. Воздействуя на предмет, преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение» [12, с. 309].

А.Г. Безверхов также справедливо указывает, что «предметом имущественных преступлений в условиях рыночной экономики выступают не только вещи, но и иные объекты имущественных отношений в той части, в какой они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке». К таким предметам он относит имущественные права, энергию, информацию, интеллектуальные ценности [13, с. 41].

Л.А. Букалерова, А.С. Денисова, расширяя понятие предмета преступления, также предлагают в качестве такового считать информацию [14, с. 125; 15, с. 124].

И действительно, расширение объема понятия предмета преступления обусловлено реалиями современного информационного и научно-технологического развития.

Нам представляется, что дальнейшее развитие понятия и свойств предмета преступления в тесной связи с трансформацией понятия объекта преступных посягательств в сфере оборота криптовалюты будет являться логическим обоснованием мер уголовно-правового противодействия, рассматриваемых в данном исследовании.

Понятие предмета преступления, совершаемого в сфере оборота криптовалюты, являясь необходимым признаком для решения вопроса о правильной квалификации такого деяния, позволит разграничить исследуемые преступные посягательства от иных схожих составов.

При этом особенности преступлений в сфере оборота криптовалюты в сегменте экономической деятельности и совершение их посредством использования виртуальных сетей определяют специфику их предмета.

Криптовалюта, в буквальном понимании, представляет собой код, сгенерированный компьютером с помощью математических вычислений.

При этом программное обеспечение для скачивания и генерации криптовалюты и затрачиваемая электроэнергия в процессе майнинга предопределяют ее стоимость и также могут являться предметами преступления.

К таким предметам также могут быть отнесены пароли и коды, закрытые и открытые ключи доступа, однако в данном случае такие предметы необходимо отличать от предметов преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ.

Исчерпывающего перечня предметов преступлений в сфере оборота криптовалюты регламентировано быть не может в силу специфики средств и способов совершения таких преступлений.

Однозначно в теории и на практике должно быть установлено, что криптовалюта, сама по себе, имеет стоимость, и эти так называемые расчетные единицы, в случае посягательства на них, превращаются в реальный ущерб, который всегда имеет эквивалент.

Другой вопрос, каким образом эта стоимость должна устанавливаться? Данное обстоятельство имеет существенное значение для уголовного закона, поскольку установление ущерба от анализируемых деяний влечет сам факт привлечения к уголовной ответственности.

Как показывает практика, криптовалюта имеет стоимость, основанную на ее курсе. Однако курс криптовалют, а вернее ее токенов, устанавливается на интернет-торгах путем обмена или продажи.

Поскольку курс криптовалюты не является официальным и не регулируется Центральным банком России, полагаем, что он не может быть взят за основание расчета ущерба, например, при хищении криптовалюты или неуплате налогов с прибыли.

Представляется справедливым, что в рамках уголовного законодательства, стоимость криптовалюты должна исходить из средств, фактически на нее затраченных, по аналогии с подтверждением затрат на вещи, при хищениях, а для установления ущерба при других криминальных посягательствах, например при неуплате налогов, легализации и другой незаконной деятельности, ущерб должен исчисляться из суммы, на которую криптовалюты были обменяны в денежном эквиваленте.

Криптовалютные отношения как объект уголовно-правовой охраны не всегда являются непосредственным объектом посягательства.

Раскрывая взаимосвязь выделяемых нами видов объектов преступлений в сфере оборота криптовалюты, подразумевается соотношение категорий их системы, то есть близкого ряда взаимосвязанных преступлений.

Вся совокупность объектов преступлений, которые совершались в России за последнее время (а в основном это ст.ст. 159, 159.6, 174, 174.1, 186, 272, 273 УК РФ), представляется нам не общим объектом посягательства, а системой, в рамках которой выделяются подсистемы и элементы. Отдельно взятый объект преступления (определенные криптовалютные отношения) выступает как часть системы таких преступлений.

В этой связи общественные отношения как объект преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, подразделяются на три категории:

– когда криптовалюта является объектом посягательства (например, ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком»), при этом необходимо отличать случаи, когда криптовалюта выступает в качестве предмета преступления (различные виды ее хищений);

– когда ущерб причиняется объектам при использовании криптовалюты как инструмента (средства) совершения преступления (например, ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»);

– когда криптовалюта является поводом к совершению преступления и объектом посягательства выступают иные общественные отношения (например, контрабанда оборудования для майнинга криптовалюты, или незаконное использование энергоресурсов в тех же целях).

Следовательно, обоснование общего для всех преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, видового объекта посягательства представляется вполне закономерным, при этом в качестве непосредственного объекта преступления будут выступать конкретные общественные отношения, возникающие вследствие совершения определенных преступных действий.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что видовым объектом преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, является совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с созданием, использованием и оборотом криптовалюты.

При том что природа объектов посягательства рассматриваемых преступлений разнообразна (от посягательств на собственность до посягательств на общественную безопасность) и до настоящего времени, в силу высокой латентности криптопреступности, до конца не изучена, усматривается необходимость установления общей нормы о преступлениях, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, на основе указанного нами абстрактного способа изложения диспозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трайнин А.Н.* Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 73.
2. *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. М. : Гос. изд-во, 1924. С. 129.
3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 344–345.
4. *Банк* судебных решений. URL: http://www.rospravosudie.ru (дата обращения: 10.05.2018).
5. *Цыгане* в Обнинске продали мужчине «биткоины» с рук. URL: https://lenta.ru/news/2017/10/04/pozoloti_ruchku/ (дата обращения: 10.05.2018).
6. *Ляпунов Ю.А.* Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. 144 с.
7. *Винокуров В.Н.* Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. М. : Юрлитинформ, 2015. 368 с.
8. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. 228 с.
9. *Кудрявцев В.Н.* К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 57.
10. *Кригер Г.А.* К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Москоского университета. 1955. № 1. С. 123.
11. *Герцензон А.А.* Уголовное право. Часть общая. М. : Изд-во РИО ВЮА, 1948. С. 137.
12. *Российско*е уголовное право. Курс лекций. Т. 1: Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 309.
13. *Безверхов А.Г.* Имущественные преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002. 41 с.
14. *Букалерова Л.А., Остроушко А.В.* Некоторые вопросы квалификации преступлений с использованием информации как предмета преступлений и предмета совершения корыстных преступлений // Научные труды РАЮН. Вып. 2 : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 411.
15. *Денисова А.С.* Отграничение орудий и средств совершения преступления от предмета преступления // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». М. : Проспект, 2005. С. 124.

FEATURES OF THE OBJECT AND TARGET OF CRIMES IN THE SPHERE OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 19–23. DOI 10.17223/23088451/12/4

Madina M. Dolgieva, Criminal Justice Department of the Moscow Region Prosecutor's Office (Moscow, Russian Federation). E-mail: novator111@mail.ru

Keywords: cryptocurrency, cryptocurrency relations as an object of criminal law protection.

Cryptocurrency public relations as an object of criminal law protection and the target of legal regulation should be considered only after legislative consolidation of the corresponding concepts, since nowadays cryptocurrency relations all over the world, including Russia, exist and develop on their own, without due attention from the state. Cryptocurrency must be recognized as other property (digital property) under Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. Thus, by defining the legal status of cryptocurrencies as property, one can consider public relations, developing in the sphere of its turnover, as a new object of criminal law protection. It seems that the basic principle of establishing the object of cryptocurrency relations is the understanding of the fact that a cryptocurrency has a value, so any criminal manifestations in this regard may entail damage to both individuals and society and the state as a whole. Of great importance for determining the signs of cryptocurrency relations as an object is to determine the properties of the target of a crime in the sphere of cryptocurrency turnover. The targets of such crimes have certain specificity, since they have a price and consumer demand, while the volume of cryptocurrency turnover tends to increase, and, in addition, cryptocurrency as an object is intangible, as it is a digital code. The nature of the targets of crimes under consideration varies from encroachments on property to encroachments on public safety, and, up to now, due to the high latency of crypto-crime, has not been fully studied. There is a need to establish a general rule on crimes committed in the field of cryptocurrency, based on the abstract way of presenting the disposition.

References

1. Traynin, A.N. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Piontkovskiy, A.A. (1924) *Ugolovnoye pravo R.S.F.S.R. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the RSFSR. General Part]. Moscow: Gos. izd-vo.
3. Naumov, A.V. (2017) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. 6th ed. Moscow: Prospekt. pp. 344–345
4. Rospravosudie.ru. (n.d.) *Bank sudebnykh resheniy* [Bank of Court Decisions]. [Online] Available from: http://www.rospravosudie.ru. (Accessed: 10.05.2018).
5. Lenta.ru. (2017) *Tsygane v Obninske prodali muzhchine "bitkoiny" s ruk* [Gypsies in Obninsk sold the bitcoins to a man]. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2017/10/04/pozoloti_ruchku/. (Accessed: 10.05.2018).

6. Lyapunov, Yu.A. (1974) *Ugolovno-pravovaya okhrana prirody organami vnutrennikh del* [Criminal law protection of nature by internal affairs bodies]. Moscow: USSR Academy of the Interior.
7. Vinokurov, V.N. (2015) *Ob"ekt prestupleniya: pravotvorcheskie i pravoprimenitel'nye aspekty* [The object of the crime: law-making and law enforcement aspects]. Moscow: Yurlitinform.
8. Nikiforov, B.S. (1960) *Ob"ekt prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu* [The object of the crime under the Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
9. Kudryavtsev, V.N. (1951) K voprosu o sootnoshenii ob"ekta i predmeta prestupleniya [On the correlation between the object and the target of the crime]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 57.
10. Krieger, G.A. (1955) K voprosu o ponyatii ob"ekta prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave [On the concept of the object of crime in Soviet criminal law]. *Vestnik Moskoskogo universiteta*. 1. pp. 123.
11. Gertsenzon, A.A. (1948) *Ugolovnoye pravo. Chast' obshchaya* [Criminal Law. General Part]. Moscow: RIO VYUA.
12. Korobeev, A.I. (ed.) (1999) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vol. 1. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
13. Bezverkhov, A.G. (2002) *Imushchestvennye prestupleniya* [Crimes against property]. Abstract of Law Dr. Dis. Izhevsk.
14. Bukalerova, L.A. & Ostroushko, A.V. (2002) Nekotorye voprosy kvalifikatsii prestupleniy s ispol'zovaniem informatsii kak predmeta prestupleniy i predmeta soversheniya korystnykh prestupleniy [Some questions on the qualification of crimes with the use of information as the target of crimes and the target of the commission of acquisitive crimes]. *Nauchnye trudy RAYUN*. 2(1). p. 411.
15. Denisova, A.S. (2005) [The delimitation of tools and means of committing a crime from the target of a crime]. *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: a Development Strategy in the 21st Century]. Proc. of the Second International Conference. Moscow: Prospekt. p. 124. (In Russian).

УДК 343.244 DOI 10.17223/23088451/12/5

О.В. Ермакова

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Анализируется законодательная регламентация принудительных мер воспитательного воздействия в рамках УК РФ. Автором указывается на такие законодательные пробелы, как отсутствие понятия и целей данных мер, оснований, препятствующих их применению, а также поощрительных мер. В качестве предложения, способствующего эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, автором указывается на необходимость создание системы видов таких мер.

Ключевые слова: *уголовная ответственность несовершеннолетних, принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания.*

Повышенная актуальность исследования принудительных мер воспитательного воздействия объясняется их огромным исправительным потенциалом, заключающимся в возможностях воздействия на поведение несовершеннолетнего без применения к нему наказания, а как следствие, без возникновения судимости.

По мысли законодателя, правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия определяется как освобождение от уголовной ответственности (о чем прямо сказано в ч. 1 ст. 90 УК РФ), исходя из чего институт принудительных мер воспитательного воздействия выступает проявлением гуманизации ответственности несовершеннолетних. А учитывая, что в современном уголовном законодательстве принцип гуманизма объявлен в числе основных (ст. 7 УК РФ) и его претворение поэтапно осуществляется в нормах как Общей, так и Особенной части УК РФ, закрепление в рамках уголовной ответственности несовершеннолетних мер воспитательного воздействия следует признать правильным и перспективным.

Вместе с тем законодательная регламентация принудительных мер воспитательного воздействия в действующем уголовном законе представляется весьма поверхностной, поскольку в УК РФ их характеристике посвящены только две статьи (ст. ст. 90 и 91), которые фрагментарно закрепляют основания применения мер, виды, сроки, а также последствия неисполнения.

Первое, что обращает на себя внимание и, по сути, является законодательным пробелом, – это отсутствие в рамках уголовного закона понятия принудительных мер воспитательного воздействия. В обосновании данного утверждения приведем следующие доводы: во-первых, любое понятие аккумулирует в себе отличительные черты и признаки явления, облегчает познание его сущности; во-вторых, в таких институтах, как наказание, принудительные меры медицинского характера, понятийный аппарат прямо закреплен в законе. В связи с этим считаем необходимым восполнить законодательное упущение путем закрепления понятия принудительных мер воспитательного воздействия в нормах УК РФ.

Помимо понятия рассматриваемых мер, по аналогии со ст. ст. 43 и 98 УК РФ, указанию подлежат цели применения принудительных мер воспитательного воздействия, конкретизирующие тот результат, на достижение которого они направлены.

Совокупное закрепление понятия и целей принудительных мер обрисует сущность рассматриваемого института уголовного права.

Из двух норм, регламентирующих институт принудительных мер воспитательного воздействия, наиболее неудачной представляется ст. 90 УК РФ, поскольку ее содержание гораздо шире по своему объему по сравнению с названием. Фактически норма охватывает абсолютно разные вопросы, касающиеся не только применения принудительных мер, но и их виды, а также последствия неисполнения. Такой подход видится не вполне удачным, в связи с чем наиболее оптимальным представляется градация норм об основаниях применения, видах и отмены назначения в различные статьи УК РФ.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 90 УК РФ, основаниями применения принудительных мер воспитательного воздействия являются:

1) совершение преступления небольшой или средней тяжести;

2) убежденность суда в том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения данных мер.

Следует отметить, что из данных оснований только первое отличается определенностью и четкостью предъявляемого требования. В свою очередь, второе основание не имеет каких-либо критериев установления и полностью зависит от усмотрения судебных органов.

Не отрицая фактов использования в нормах уголовного закона оценочных категорий, значимость которых объясняется возможностью «подвести» под действие нормы неопределенное число случаев, правоприменительные органы зачастую испытывают трудности в их толковании.

Например, И.В. Овсянников утверждает, что «на практике принудительные меры воспитательного воздействия применяются редко не потому, что они неэффективны, а прежде всего потому, что вопрос о том, возможно ли исправление несовершеннолетнего путем

их применения, как правило, решить трудно» [1, с. 113–120].

Таким образом, перечень оснований, представленных в ч. 1 ст. 90 УК РФ, нуждается в конкретизации, поскольку неопределенность предписаний уголовного закона создает опасность нарушения принципов законности, справедливости, равенства, а также трудности в правоприменительной деятельности.

Помимо закрепления оснований, пробелом уголовного законодательства в части регламентации принудительных мер воспитательного воздействия следует признать отсутствие перечня тех оснований, которые препятствуют применению данного института.

В этой части можно использовать за основу те ограничения, которые обозначены для применения условного осуждения (ч. 1 ст. 73 УК РФ).

В ч. 2 ст. 90 УК РФ закреплен исчерпывающий перечень видов принудительных мер воспитательного воздействия, к которым относятся: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный преступлением вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Подобная законодательная регламентация видов принудительных мер представляется неудачной по следующим обстоятельствам:

1. Данный перечень нельзя признать системой принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку в любой системе элементы построены в определенной последовательности (например, в системе наказаний последовательность исходит из степени тяжести наказания).

Применительно к ч. 2 ст. 90 УК РФ такая градация не усматривается, поскольку только одно предупреждение можно отнести к менее тяжкой мере воздействия, а остальные обладают схожей тяжестью.

Кроме того, элементы системы должны обладать признаком взаимозаменяемости. В свою очередь, исходя из ч. 3 ст. 90 УК РФ, суд может одновременно назначить несколько мер (и даже все меры в совокупности). Указанные доводы подтверждают, что виды мер воспитательного воздействия представляют собой не систему, а закрытый перечень.

Трансформация перечня видов принудительных мер воспитательного воздействия в систему будет способствовать более эффективному применению данного института в правоприменительной деятельности, поскольку суды будут иметь четкое представление о том, какая мера больше соответствует общественной опасности совершенного преступления.

2. Не все виды, представленные в ч. 2 ст. 90 УК РФ, по своему карательному воздействию можно признать *уголовно-правовыми* мерами воздействия (выделено мною. – *О.Е.*), соответствующими совершению лицом преступления. Так, например, предупреждение как мера уголовной ответственности представляется абсолютно нецелесообразной, поскольку фактически является разъяснительной работой, которую выполняют ежедневно все органы внутренних дел при общении с несовершеннолетним лицом.

Таким образом, целесообразным видится построение системы принудительных мер воспитательного воздействия с включением тех видов, карательное воздействие которых соответствовало бы общественной опасности совершенного преступления.

Регламентация в уголовном законе каждой из принудительных мер воспитательного воздействия представлена их содержанием (ст. 91 УК РФ), а для таких мер, как передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа и ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, еще сроками применения.

Так, согласно ч. 1 ст. 91 УК РФ, сущность предупреждения ограничивается исключительно объяснительной работой суда.

Передача под надзор (ч. 2 ст. 91 УК РФ) состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением.

При этом основной проблемой возложения надзорных функций на специализированное учреждение является отсутствие в законодательных актах указания на тот орган, который уполномоченный осуществлять контроль за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия.

В соответствии с п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» таким органом выступает комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав [2].

Однако анализ судебной практики показывает, что, применяя принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего, суды поручают осуществление контроля за данной мерой различным органам и лицам: комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав; подразделениям по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и даже родителям несовершеннолетних. В ряде случаев конкретный орган, которому поручается данный контроль, не указывается, суды ограничиваются абстрактным указанием на специализированный государственный орган системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [3, с. 21–26].

Полагаем, что, вынося постановление о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (за исключением случаев применения предупреждения), суд должен в обязательном порядке поручить специализированному государственному органу контроль за ее исполнением. На законодательном же уровне необходимо закрепить наименование такого надзорного органа, а также его права и обязанности.

В отличие от других мер воспитательного воздействия, в УК РФ не раскрыто содержание такой меры, как обязанность загладить причиненный вред. В ч. 3 ст. 91 УК РФ разъясняются только дополнительные основания, необходимые для применения меры.

В частности, обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков. Принимая во внимание название ст. 91 УК РФ «Содержание принудительных мер воспитательного воздействия», считаем необходимым закрепить содержание обязанности загладить причиненный вред в рамках ч. 3 ст. 91 УК РФ.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего представляет собой перечень запретов, которые должен соблюдать несовершеннолетний (например, запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга и т.д.).

При этом по смыслу ч. 4 ст. 91 УК РФ представленный перечень не является исчерпывающим. В свою очередь, в научной литературе встречаются предложения о необходимости создания закрытого перечня ограничений [4, с. 35–41].

По нашему мнению, создание исчерпывающего перечня видов ограничений создаст сложности для правоприменительной деятельности, поскольку их конкретные разновидности должны избираться только на основе личности конкретного несовершеннолетнего, а также особенностей совершенного преступления.

Анализ мер воспитательного воздействия оставляет открытым вопрос о том, во всех ли случаях в отношении несовершеннолетнего в дальнейшем будет осуществляться надзор со стороны специализированных органов?

Исходя из буквального толкования ст. 90 УК РФ, обязательные надзорные функции имеют место только при применении меры в виде передачи под надзор (п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ). Остальные же меры не предполагают обязательность надзора. Однако, учитывая, что суд вправе применить сразу несколько мер, возможно сочетание любой из них с возложением на специализированное учреждение для несовершеннолетних контроля за исполнением требований, предусмотренных принудительной мерой воспитательного воздействия.

В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Очевидно, что действующая редакция УК РФ предусматривает только возможность отмены мер воспитательного воздействия с последующим назначением уголовного наказания. В свою очередь, процедура замены одной меры принудительного воздействия на другую отсутствует, что является существенным пробелом, который можно объяснить отсутствием системы мер воспитательного воздействия (как ранее нами указывалось на страницах исследования, ч. 2 ст. 90 УК РФ является простым перечнем).

Кроме того, в уголовном законе не предусмотрено изменение или отмена принудительных мер воспитательного воздействия, связанных с добросовестным их исполнением (с позитивным поведением). Полагаем, что наличие таких поощрительных мер позволит стимулировать законопослушное поведение несовершеннолетнего.

Соответственно, только создание четкой системы принудительных мер воспитательного воздействия позволит провести их разграничение по степени тяжести и предусмотреть возможность замены менее тяжкой меры на более тяжкую в случае ее неисполнения.

В качестве еще одного недостатка регламентации института принудительных мер воспитательного воздействия в науке уголовного права также указывается на отсутствие в рамках уголовного закона процедуры применения таких мер [5, с. 116–121]. Анализируя представленную точку зрения, отметим, что в большинстве случаев процедура применения любых мер уголовно-правового характера в рамках уголовного закона не описывается, поскольку относится к предмету уголовного процесса. В связи с этим, считаем нецелесообразным вводить в УК РФ нормы, закрепляющие процессуальные процедуры.

Таким образом, представленная в уголовном законе регламентация принудительных мер воспитательного воздействия представляется неполной и непоследовательной, в связи с чем требуется трансформация данного института в рамках уголовного закона с устранением пробелов законодательной регламентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овсянников И.В.* Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5. С. 113–120.
2. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
3. *Качалов В.И.* Отмена принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: уголовно-процессуальный аспект // Lex russica. 2017. № 8. С. 21–26.
4. *Корягина С.А.* Современные тенденции практики применения принудительных мер воспитательного воздействия // Академический юридический журнал. 2007. № 1 (27). С. 35–41.
5. *Боровиков С.А.* Правовое обеспечение назначения и исполнения принудительных мер воспитательного воздействия // Российский юридический журнал. 2010. № 1 (70). С. 116–121.

SELECTED ISSUES OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 24–27. DOI 10.17223/23088451/12/5

Olga V. Ermakova, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Keywords: criminal liability of minors, compulsory educational measures, release of minors from criminal liability and punishment.

The article discusses compulsory educational measures as an institution of criminal law. Analysing the legislative regulation of these measures in the Criminal Code of the Russian Federation, the author identifies gaps that significantly affect the effectiveness of cumpulsory measures in judicial practice. The main shortcomings of the legislative regulation include the lack of definition of the concept and objectives of compulsory educational measures and the grounds preventing their use in the Criminal Code of the Russian Federation. The greatest attention should be paid to the development of a system of educational measures, as the list of measures in Article 90 of the Criminal Code is of a closed type. A unified system of compulsory measures will allow the judiciary to select the most relevant to the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its commission, and the identity of the perpetrator. In addition, it will be possible to replace the ineffective measure with a more stringent one. The analysis of judicial practice shows that transfer under the supervision of a specialised state body causes the greatest difficulty in interpretation, since, according to law enforcement officers, such bodies include departments of juvenile affairs and protection of their rights, internal affairs bodies, etc. The resolution of this problem requires recording the name of such a body at the legislative level. In order to make these measures more effective, it is necessary to assign the transfer to the supervision of a specialised body, regardless of the chosen measure. As far as the current criminal law provides only the possibility of abolishing compulsory educational measures in the case of a person's unlawful behaviour, it is most advisable to provide for norms of a stimulating action aimed at those minors who do not violate these measures.

References

1. Ovsyannikov, I.V. (2016) Determining the possibility of juvenile correction through application of compulsory educational measures. *Ugolovnoye pravo*. 5. pp. 113–120. (In Russian).
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011, "On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors". *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 4.
3. Kachalov, V.I. (2017) Termination of coercive measures of educational impact in relation to minors: a criminal procedure aspect. *Lex russica*. 8. pp. 21–26. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.217-223
4. Koryagina, S.A. (2007) The contemporary tendencies in practice of application of compulsory arrangements of pedagogical influence. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal – Academic Law Journal*. 1(27). pp. 35–41. (In Russian).
5. Borovikov, S.A. (2010) Legal assuring of assignment and realization of coercive measures of educational treatment. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 1(70). pp. 116–121. (In Russian).

УДК 343.293 DOI 10.17223/23088451/12/6

Д.А. Кокотова

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ПОСЛЕДСТВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО АМНИСТИИ К ЛИЦУ, КОТОРОЕ НЕ БЫЛО АМНИСТИРОВАНО

Статья посвящена практике судов по применению последствий освобождения по амнистии до того, как такое освобождение произошло. Автор указывает на связь такой практики со стремлением суда разрешить вопрос так, как ему представляется правильным и справедливым, пусть и с нарушением процессуальных норм и с присвоением чужой компетенции. Обосновывается некорректность этой практики.

Ключевые слова: *амнистия, судебная практика, признание подлежащим освобождению, присвоение полномочий, верховенство права.*

Объявление амнистии предполагает, что будут выполнены действия, предписанные оформляющими ее постановлениями. Вместе с тем анализ практики показывает, что иногда суды выходят за пределы действий, прямо предписанных актами, оформляющими амнистию. Так существуют решения судов, которые указывают, что лицо следует считать несудимым в связи с тем, что к нему должна быть применена, хотя и не была применена, амнистия. Изучению таких решений, оценке их корректности, объяснению их существования и посвящена настоящая статья.

Решения судов, проанализированные в настоящем исследовании. Идея этой статьи родилась в ходе иного исследования, временем проведения и целями которого определяется состав первоначально изученной практики. К моменту проведения настоящего исследования было изучено 2043 решения по уголовным делам, в тексте которых содержится слово «амнистия», опубликованные 14.10.2015–2.07.2017 г. [1].

Проведение нового исследования потребовало обновления судебной практики, с учетом прошедшего времени. При актуализации пришлось отказаться от схемы получения практики исходного исследования, поскольку на сайте, который использовался, изменилась поисковая форма. Теперь в качестве критерия можно выбрать только дату принятия решения либо его поступления на рассмотрение суда. Какой бы из этих вариантов ни был избран, смена критериев приведет к нарушению непрерывности наблюдения, так как решения, опубликованные после 12.07. 2017 г., включают в себя и те решения, которые были приняты, поступили на рассмотрение суда до этой даты. Разрыв между моментом принятия решения и его опубликования при этом колеблется и его не представляется возможным просчитать[1]. Следовательно, изменчив и разрыв между поступлением решения на рассмотрение суда и его опубликованием. Поэтому невозможно обеспечить непрерывность наблюдения путем выбора более ранней даты принятия решений (их поступления на рассмотрение суда).

В настоящем исследовании не ставятся вопросы о динамике и распространенности такой практики. Актуализация нужна для того, чтобы подтвердить, что она не перестала существовать. Наличие разрыва между исходной группой и группой решений, добавленной в рамках актуализации, поэтому не имеет значения. То есть мог быть выбран любой из доступных критериев. Была выбрана дата поступления дела на рассмотрение суда. Результат запроса, осуществленного 04.01.2018 г., 582 решения, поступивших на рассмотрение судов 13.072017–31.12.2017 г.[2]

Из всех 2625 решений вручную были отобраны решения, вынесенные по итогам рассмотрения дел в первой инстанции, относящиеся к решениям, изучению которых посвящена настоящая статья. В дальнейшем при оформлении ссылок на судебную практику, если не указан ресурс, с которого она заимствовалась, подразумевается, что решения были получены на ранее указанном ресурсе по описанным запросам.

Изученная практика. Среди изученных решений присутствует 55 постановлений и приговоров, вынесенных судами 28.04.2015 г. – 31.10.2017 г. по итогам рассмотрения дел в первой инстанции, в которых суды отказываются учитывать факт осуждения, значение которого хотя и не было, но должно быть, по их мнению, погашено амнистией. Это заключается в том, что они не включают во вводную часть решения информацию о судимости лица[3], отказываются констатировать наличие рецидива[4], отказывают в применении правил о назначении наказаний по совокупности приговоров[5], отмене условного осуждения[6] и т.д.

[1] Например, присутствуют и решения, для которых разрыв между моментом их принятия и опубликования составляет менее месяца (Приговор Северского городского суда Томской области от 05.02.2016 г. по делу № 1-6/2016, опубликованный на этом сайте 01.03.2016 г.), и решения, для которых этот разрыв – около 10 месяцев (Постановление Анапского районного суда Краснодарского края от 28.04.2015 г. по делу № 1 – 53/2015, опубликованное 25.02.2016 г.).

[2] Число решений, которые, как утверждает поисковик, доступны при таких условиях запроса, несколько больше. Это связано с тем, что иногда в списке результатов несколько раз приводилось одно и то же решение. В этом случае учитывалось одно из нескольких совпадающих по дате принятия, номеру и подсудимому решений.

[3] Например: Приговор Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга от 29.03.2016 г. по делу № 1-121/2016.

[4] Например: Приговор Каргасокского районного суда Томской области от 02.06.2016 г. по делу № 1-49/2016.

[5] Например: Приговор Тагилстроевского районного суда г. Нижний Тагил от 09.09.2015 г. по делу № 1-380/2015.

[6] Например: Приговор Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 16.06.2016 г. по делу № 1-158/2016.

При этом только в одном из 55 судебных актов решение этого вопроса вынесено в резолютивную часть в виде предписания освободить лицо по амнистии от наказания по предшествующим приговорам[1]. В остальных решениях суды ограничивались обсуждением вопроса об амнистии, которая должна быть применена, в мотивировочной части. То есть такие решения, как правило, не осуществляли освобождение по амнистии. Они лишь разрешали отдельный вопрос исходя из того, что амнистия должна быть применена.

Вопрос о репрезентативности этой группы решений не представляется возможным решить, так как неизвестно число случаев, когда у суда возникала возможность подобных действий, а именно по отношению к такому числу случаев должен бы был решаться вопрос о распространении полученных выводов. Разнообразие судов, вынесших такие решения, однако, позволяет утверждать, что эта практика не сводится к воплощению личной позиции какого-то одного судьи, какого-то одного суда. Данную группу из 55 решений образуют решения, вынесенные 42 судами 17 субъектов Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург; Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский края; Брянская, Воронежская, Иркутская, Ленинградская, Московская, Ростовская, Свердловская, Тамбовская, Томская, Челябинская области; Республика Башкортостан[2]).

Эти 55 решений ссылаются на постановления об объявлении амнистии 2013 г. [2] и 2015 г. [3], а также отсылают к амнистии, описывая ее недостаточно полно, чтобы можно было понять, о какой именно амнистии идет речь. То есть данная практика складывается при применении не какой-то одной, но различных амнистий. Состав амнистий, к положениям которых отсылают суды, определяется временем принятия изученных решений.

Соотношение изучаемой практики и компетенции судов. Оценка корректности описанной судебной практики требует проверки того, правомочны ли суды принимать составляющие ее решения.

Часть 2 ст. 84 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает перечень форм, в которых может осуществляться амнистирование (освобождение от уголовной ответственности и от наказания, сокращение, замена наказания, снятие судимости с лиц, отбывших наказание) [4]. Такой формы амнистирования, которой соответствовала бы изучаемая судебная практика, данное положение уголовного кодекса не предусматривает. Ни один из актов, оформляющих амнистии, объявленные за время существования Российской Федерации, не предполагал возможности применения амнистии в такой форме [5][3].

Амнистия не считается примененной автоматически с момента своего объявления ко всем лицам, на которых распространяется действие акта об амнистии. Будучи адресована неопределенному кругу лиц, амнистия требует правоприменения, состоящего в констатации того, что определенное лицо относится к той категории, освобождение которой предписано [6, с. 29; 2, с. 45–46]. Как справедливо указывает Конституционный Суд России, применение к конкретному лицу акта об амнистии невозможно без правоприменительного решения[4]. Почти все постановления о порядке применения актов об амнистии, принятые за время существования Российской Федерации, содержат положение о том, что решение о применении амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально[5] (текстуальное выражение несколько различается в разных постановлениях, но смысл неизменен) [7, с. 46][6].

При отсутствии постоянно действующего регулирования распределения компетенции по применению амнистии функцию законодательной регламентации этого вопроса выполняют постановления Государственной Думы, оформляющие отдельные амнистии. Каждая из амнистий, объявленных за время существования Российской Федерации, сопровождалась решением вопроса о том, на какие именно органы или должностных лиц возлагается применение амнистии, в каком порядке должно происходить ее применение[7].

---

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Уфы от 06.04.2017 г. по делу № 1 – 55/2017.

[2] В одном из решений при опубликовании указание на субъект федерации, в котором оно было вынесено, было заменено словом «адрес», т.е. скрыто как данные, видимо, составляющие тайну личной жизни суда. Субъект федерации установлен путем обращения к карточке, содержащей информацию об этом решении, размещенной вместе с решением.

[3] Были проанализированы оформляющие амнистию акты, принятые 31.12.1991 г. – 09.07.2018 г. Все акты взяты из Информационно-правовой системы «Законодательство России» (URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1 (дата последнего обращения 09.07.2018 г.)) по запросу: вид акта – постановление, слова в названии – «амнистия». Из полученного списка отобраны постановления об объявлении амнистии, постановления о порядке их применения. В дальнейшем, при описании практики амнистирования не будут приводиться выходные данные каждого из актов, если только не будет даваться ссылка на какой-то отдельный акт. Предполагается, что во всех случаях речь идет об актах, относящихся к группам, описанным в этой ссылке.

[4] См. п. 6 Постановления Конституционного Суда России от 05.07.2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 г. № 429 – III ГД «О внесении изменений в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Рос. газ. 2001. 18 июля. (Далее – «Постановление КС РФ»).

[5] Такой оговорки нет лишь в Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания России от 09.02.1996 г. № 61-II ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в отношении лиц, участвовавших в противоправных действиях, связанных с вооруженным конфликтом на территории Республики Дагестан в январе 1996 года”» // СЗ РФ.1996. № 8. Ст. 723. Это логично, т.к. эта амнистия оформляет «обмен пленными» по принципу всех на всех. См.: Об объявлении амнистии в отношении лиц, участвовавших в противоправных действиях, связанных с вооруженным конфликтом на территории Республики Дагестан в январе 1996 года: Постановление Государственной Думы от 09.02.1996 г. № 60-II ГД // СЗ РФ. 1996. № 8. Ст. 722.

[6] На типичность такого положения для актов о порядке применения принятых в современный период уже указывалось [7, с. 46], но в настоящем исследовании была еще раз изучена практика амнистирования, с учетом изменившегося за прошедшее время состава объявленных амнистий.

[7] Во всех проанализированных постановлениях о порядке применения постановлений об объявлении амнистии содержались такие положения.

До регламентации таких положений амнистия оказывалась неспособной к реализации [8][1].

Акты, оформлявшие амнистии, объявленные за время существования Российской Федерации, относили к компетенции судов решение вопроса о применении амнистии в отношении:

1) лиц, дела о преступлениях которых находятся в производстве этих судов и не рассмотрены до дня вступления в силу постановления об амнистии, а также лиц, дела о преступлениях которых рассмотрены, но приговоры судов не вступили в законную силу[2];

2) отдельных категорий лиц, дела которых находятся на стадии исполнения:

2.1) лиц, в отношении которых данный суд ранее принял решение об отсрочке наказания или их условном осуждении, при условии внесения представления органом или должностным лицом, осуществляющими контроль за их поведением[3];

2.2) осужденных, к которым до дня вступления в силу постановления об амнистии данным судом применены условно-досрочное освобождение или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания[4];

2.3) акты, принятые до 2010 г., относили освобождение лица, которому назначен штраф, к компетенции суда, назначившего это наказание.

Это наиболее распространенные варианты. Применительно к отдельным амнистиям компетенция суда могла быть уже[5] или шире[6], но никогда не шла речь о праве суда решать вопрос об освобождении лица от наказания на основании амнистии «по прошлым приговорам» в ходе рассмотрения им дела о новом преступлении лица. Разрешение вопроса о применении амнистии к лицам, в отношении которых исполняется наказание, кроме оговоренных случаев, относилось к компетенции иных органов.

Прямое отнесение вопроса к компетенции определенного органа (должностного лица) означает, что этот вопрос неподведомственен любому другому органу (должностному лицу). Более того, сами суды осознают, что не являются в данном случае органами, компетентными решить вопрос об амнистии. Как уже указывалось, в описанной практике суды за редким исключением не позиционируют свои действия как освобождение лица, не выносят решение этого вопроса в резолютивную часть. Если бы они считали себя полномочными на применение амнистии, они бы включали в свои решения предписания об освобождении лица, а не рассуждение о том, что оно должно быть освобождено по амнистии.

В 6 из 55 решений суды прямо называют органы, должностных лиц, которые с их точки зрения должны решать вопрос об амнистии. Еще в одном решении суд отмечает, что имеются основания для рассмотрения в установленном законом порядке вопроса об освобождении[7]. То есть суд исходит из того, что признание им лица несудимым не может рассматриваться, как осуществленное в подобном порядке и для освобождения лица требуется рассмотрение этого вопроса уполномоченным органом в иной процедуре. Еще в одном приговоре, указав на необходимость применения к лицу амнистии, суд делает вывод, что в связи со сказанным им «наказание по данному приговору подлежит самостоятельному исполнению до принятия соответствующего решения»[8]. То есть суд предполагает, что его решение не заменяет применения амнистии, предусмотренного оформляющими ее постановлениями.

Таким образом, суды разрешают вопрос, который лежит вне их компетенции, в том числе исходя из их собственного представления о действующем регулировании.

Разрешение органом вопроса, не отнесенного к его компетенции (при наличии прямого указания на орган, должностное лицо уполномоченный на его разрешение) в форме, не предусмотренной действующим регулированием, не может быть законным. Размеры и характер собственной компетенции органа не имеют значения. Построение государственного управления на основе принципов разделения властей и верховенства права предполагает, что органы власти делятся не на «сильные» и «слабые», а на компетентные или нет в тех или иных вопросах в соответствии с нормами права; что не существует органа власти, который был бы способен к реализации любых полномочий, их перераспределению вне нормативного регулирования[9]. Исключительность собственных полномочий суда[10] не означает его способность к разрешению вопросов, не отнесенных к его компетенции. Неправомерность решения, к примеру, сотрудника МВД о не включении в справку данных о наличии судимости на том основа-

[1] В 1994 г. была объявлена амнистия без принятия постановления о порядке применения акта об амнистии, разрешающего такие вопросы. В 1995 г. в ходе заседания Государственной Думы, на котором наконец-то было принято постановление о порядке его применения, обсуждали, что такое принятие позволит «закрыть» прецедент с открытым постановлением об амнистии.

[2] Этот вопрос отнесен к компетенции судов всеми актами о порядке применения амнистии, кроме постановления 1996 г.

[3] Это полномочие закрепляли за судами все акты о порядке применения, кроме постановления 2010 г., которое отнесло его к компетенции уголовно-исполнительных инспекций. См. пп. 5 п. 1 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16.04.2010 г. № 3521-5 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”».

[4] Это полномочие предоставляли судам все постановления о порядке применения актов об амнистии, предусматривающих амнистирование данной категории лиц, кроме постановления 2010 г. Также не было оно закреплено для амнистии 1996 г., не предполагающей освобождения данных лиц. Полномочие по освобождению условно-досрочно освобожденных лиц – для амнистии 2015 г., не предусматривавшей их освобождения.

[5] Суды не были наделены никакими полномочиями по исполнению амнистии 1996 г.

[6] Например, постановления 1992 и 1994 гг. наделяют полномочием по амнистированию лиц, осужденных судами Российской Федерации и отбывающих наказание на территории другого государства, ранее входившего в состав СССР суды, вынесшие приговоры в отношении таких лиц.

[7] Приговор Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 16.06.2016 г. по делу № 1-158/2016.

[8] Приговор Свердловского районного суда г. Красноярска от 19.11.2015 г. по делу № 1-702/2015.

[9] Часть 1 ст. 1, ч. 4 ст. 3, ст. 10, ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изм. от 21.07.2014 г.)

[10] Часть 1 ст. 118 Конституции.

нии, что с его точки зрения лицо должно было быть освобождено по амнистии, кажется более очевидной, чем некорректность признания судом несудимым лица, подлежащего, по его мнению, амнистированию. Вместе с тем разницы между этими вариантами нет. И то и другое неправомерно, поскольку посягает на право, разграничившее компетенцию между различными органами и стоящее выше, чем любой из таких органов, в том числе и суд.

Недопустимость разрешения судом вопроса, лежащего вне его компетенции, является и позицией Верховного Суда России, который в п. 2.2, 2.6 «Обзора судебной практики по применению Федерального закона от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 02.07.2013 г. № 2559-6 ГД "Об объявлении амнистии"» указывает, что если исполнение акта об амнистии возложено на другие учреждения и органы, то судам следует отказывать в приёме соответствующих заявлений и разъяснять лицам их право обратиться к должностным лицам, уполномоченным применить акт об амнистии[1].

Проблемы, порождаемые изучаемой практикой. Изучаемая практика не только неправомерна, но и связана с возникновением определенных проблем. Во-первых, возникает вопрос, считать ли лицо, в отношении которого суд вынес подобное решение, амнистированным? От решения этого вопроса зависит то, следует ли в будущем отказывать лицу в применении амнистии, на том основании, что он уже был ранее освобожден по амнистии[2]. Ни одно из возможных решений данного вопроса не представляется удовлетворительным. С одной стороны, объем карательного воздействия на лицо был уменьшен в связи с амнистией, с другой стороны, амнистия не была применена к лицу в полном объеме и надлежащим образом.

Причем может оказаться, что вопрос об амнистировании лица в установленном порядке так и не будет поставлен перед компетентным субъектом, в т. ч. потому, что лицо сочтет, что означенное решение суда достаточно для его освобождения по амнистии. Тем самым лицо так и останется в неопределенном статусе – подлежащего освобождению. По крайней мере, есть решения судов, которые ссылаются на решения о признании лица подлежащим амнистированию как на достаточное основание, чтобы считать, что к лицу следует относиться так, как будто оно было освобождено от наказания[3]. Существование подобных отсылок указывает на то, что решения судов, стремившихся разрешить частный вопрос исходя из того, что лицо должно быть амнистировано, становятся актами, которыми и определяется статус лица для всех других органов.

Эти отсылки также указывают, что изучаемая практика приводит к воздействию на практику иных органов. Воздействию, которое некорректно, так как основано на присвоении судами чужих властных полномочий. Воздействию, постоянство которого, думается, не может быть обеспечено именно потому, что у суда нет права на такое влияние [9][4].

Изучаемая практика, следовательно, может приводить к некорректному воздействию на практику иных органов, порождает неопределенность положения лица, признанного подлежащим амнистированию, а также риск параллельного применения к нему различным образом одного и того же акта разными субъектами.

Объяснение существования исследуемой практики. Итак, данная практика противоречит закону и связана с определенными проблемами. Почему же суды выносят такие решения? Найти ответ на этот вопрос позволяет обращение к аргументам, которые приводятся в актах, образующих эту практику. Как правило, суды ограничиваются обоснованием того, что лицо подлежит освобождению по амнистии, и выводом, что в силу этого обстоятельства к нему следует относиться как к амнистированному. Лишь в некоторых из изученных решений содержатся аргументы, обосновывающие, что суду следует признать лицо амнистированным.

Первый аргумент – бесспорная необходимость освобождения лица по амнистии, связанная с императивностью предписания об освобождении (лицо подлежало безусловному освобождению[5]; неприменение постановления об амнистии в настоящем является вопросом исполнения[6]).

Типичная для нашей страны императивность предписания об освобождении по амнистии[7] снижает значение факта применения амнистии[8]. Роль правоприменителя сводится к оформлению устранения уголовного преследования[9]. В этих условиях то, что предписание об освобождении еще не было применено к лицу, должно казаться менее существенным препятствием для того, чтобы относиться к лицу как к уже освобожденному по амнистии.

Императивное предписание, не ставящее освобождение в зависимость от усмотрения правоприменителя,

---

[1] Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013.
Интересно, что Верховный Суд включил это указание в обзор практики, призванный транслировать правильные ответы на вопросы, необходимость единообразного решения которых выявлена в ходе проведённого им выборочного изучения практики применения судами постановления об амнистии (см. преамбулу обзора). Возможно, это свидетельство того, что некоторые из судов, чья практика была изучена перед составлением обзора, выбирали иную линию поведения.

[2] Ограничение неоднократного амнистирования одного и того же лица в том или ином виде предусматривалось в 12 из 20 актов об объявлении амнистии, принятых за время существования Российской Федерации.

[3] В изученной практике было обнаружено 2 таких решения: Приговор Братского городского суда Иркутской области от 08.08.2017 г. по делу № 1-334/2017; Приговор Зеленоградского районного суда Москвы по делу от 22 декабря 2015 № 1-475/2015 (в тексте решения дата принятия заменена на «ДД.ММ.ГГ», информация о дате принятия получена из сопровождающей решение карточки).

[4] По крайней мере, для решений судов, вышедших за пределы своих полномочий в иной сфере, констатируют существование проблем с их исполнением, т.е. возможностью, готовностью иных органов следовать решению суда, вынесенному вне его компетенции [9].

[5] Постановление Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 03.03.2016 г. по делу № 1-96\16.

[6] Приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 17.03.2016 г. по делу № 1-207/16.

[7] Из амнистий, объявленных за время существования Российской Федерации, лишь две оставляли решение вопроса о составе освобождаемых лиц на усмотрение правоприменителя.

[8] Сказанное ни в коей мере не означает, что императивность предписаний является недостатком амнистии.

[9] Пункт 6 Постановления КС РФ № 11-П.

делает более очевидным и бесспорным круг случаев, в которых амнистия должна быть применена. Суды могут утверждать, что освобождение должно произойти, что было бы невозможным, если бы амнистирование зависело от усмотрения правоприменителя. Следует, впрочем, оговорить, что очевидность необходимости освобождения зависит не только от наличия (отсутствия) у правоприменителя усмотрения, но также и от того, могут ли возникнуть разночтения в интерпретации предписания об освобождении. При возможности различного толкования одних и тех же положений судом и субъектом, уполномоченным на применение амнистии, есть вероятность, что уверенности суда в необходимости амнистирования не будет соответствовать готовность уполномоченного субъекта его осуществить. Таким образом, следует говорить об относительных бесспорности и очевидности необходимости амнистирования либо уверенности суда в них.

Меньшая значимость факта применения амнистии в совокупности с очевидной, с точки зрения суда, необходимостью амнистирования отчасти объясняют следующее. Суды, даже считая необходимым применение к лицу амнистии, полагают возможным, пока такое освобождение не произошло, относиться к лицу как к уже амнистированному, исходя из того, что такое состояние лица является временным или случайным. Для тех случаев, когда суд обсуждает вопрос о надлежащем порядке применения амнистии, можно утверждать, что суды понимают необходимость применения амнистии, для всех иных случаев нельзя исключать, что некоторые из судов полагают, что амнистия действует автоматически (т.е. лицо считается освобожденным с момента ее объявления).

То есть первое, что способствует существованию изучаемой практики, – это представление суда о безусловной и очевидной необходимости освобождения, для применения последствий которого акт правоприменения имеет не слишком большое значение либо вовсе не нужен.

Второй аргумент – необходимость защиты прав лица, недопустимость их ограничения по основаниям, не связанным с его личностью, поведением (бездействие судебного пристава-исполнителя при решении вопроса о применении амнистии не может повлечь негативные последствия для подсудимого[1]; применение амнистии не произошло по обстоятельствам, не зависящим от лица[2]). В этом аргументе также прослеживается стремление вынести правильное решение в совокупности с уверенностью суда в том, что необходимость применения амнистии бесспорна.

Таким образом, аргументы судов, объясняющие существование исследуемой практики, связаны со стремлением суда вынести содержательно правильное, справедливое решение, защитить интересы лица. Может ли это намерение оправдывать действия суда?

Оправдывает ли мотивация судов существование изучаемой практики? Ранее был сделан вывод, что изучаемая практика некорректна, неправомерна. Могут ли полученные данные о причинах ее появления опровергнуть такой вывод? Решить этот вопрос не позволяет соотнесение самой по себе значимости тех ценностей, которые стремится защитить данная судебная практика (правильное применение норм материального права в конкретном деле, права человека), и тех ценностей, которые страдают при вынесении составляющих ее решений (интересы органа, уполномоченного на применение амнистии; соответствие нормам, разграничивающим полномочия по ее применению; верховенство права). Должны учитываться реальные последствия изучаемой практики, т.е. не то, чего она стремится достигнуть, а то, что в результате достигает.

Результат, который получают суды – возможность назначить за конкретное преступление то наказание, которое представляется им справедливым и правильным; возможность при решении отдельного вопроса отнестись к лицу как к уже освобожденному по амнистии. На стадии назначения наказания данным судом это обеспечивает защиту интересов лица, которое признается подлежащим амнистированию. По существу вопрос об освобождении такого лица по амнистии, однако, в результате не разрешается. Более того, вероятность его разрешения снижается. Неопределенность статуса лица и возможные проблемы при дальнейшем правоприменении также становятся последствиями практики судов (см. расположенный ранее фрагмент статьи: «Проблемы, порождаемые изучаемой практикой»).

Суды стремятся обеспечить правильное применение норм материального права, справедливость выносимого решения. При этом представление суда о том, какое решение является правильным, может быть верным или нет, может совпадать или не совпадать с представлением органа (должностного лица) уполномоченного на применение амнистии к данной категории случаев.

Поскольку такая практика судов является присвоением чужих полномочий, очевидно, что она ущемляет интересы органов власти (должностных лиц), которым принадлежат полномочия по применению амнистии. Вместе с тем она посягает и на то регулирование, которым устанавливается разграничение полномочий по исполнению амнистии, поскольку ставит под сомнение обязательность подчинения такому регулированию. Соответственно страдает авторитет не только субъектов, уполномоченных на применение амнистии, чьи полномочия суд присваивает, но и авторитет Государственной Думы, чьи веления суд нарушает.

Эта практика противоречит не только нормам, устанавливающим разграничение полномочий по применению амнистии, но и принципу верховенства права. Принцип верховенства права означает связанность правом поведения и деятельности всех физических и юридических лиц, объединений, сообществ, органов государства и самого государства [10, с. 18]. Российское законодательство основывается на требованиях верховенства права над любой властью, соблюдения законов всеми субъектами, в том числе и судами (ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 15 Конституции), гарантированных в том числе запретом на присвоение властных полномочий

[1] Приговор Усть-Кутского городского суда Иркутской области от 31.10.2017 г. по делу № 1-246/2017.

[2] Приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 24.09.2015 г. по делу № 1-353/2015.

(ч. 4 ст. 3 Конституции). При этом отдельно оговаривается подчинение суда закону и только закону (ч. 2 ст. 120 Конституции). Следовательно, суд не стоит выше закона и ничем не отличается от других органов в своей подчиненности ему.

Действия одного лица, с учетом реакции на них окружающих, их последствий, считываются другими лицами как воплощение нормы или как ее нарушение; как образец для подражания или как модель, которую не стоит воспроизводить. Обсуждение правильности этого тезиса выходит за рамки предмета исследования и не будет осуществляться в настоящей статье. Оговорим лишь, что будем исходить из справедливости этого суждения, а также, что такое суждение обосновывается и развивается в ряде работ [11, с. 97, 115–116, 155; 6, с. 23, 28–29; 7, с. 106–107].

Если изучаемая практика судов не влечет для них негативных последствий, если она оправдывается благими намерениями судов, то в качестве нормы считывается один из следующих вариантов:

1. Верховенство не права, но суда, чьей не вытекающей из закона власти готовы подчиняться иные органы. При этом статус суда как более сильного органа может быть предметом посягательства со стороны других органов, претендующих на такое положение и перераспределяющих полномочия в свою пользу теми методами, которыми пользуются суды сегодня.

2. Допустимость для любого лица присваивать чужие властные полномочия, отклоняться от норм в сходных ситуациях. Если суд имеет право во имя своего представления о справедливости присвоить себе чужую власть, то почему не имеют на это право иные субъекты. Представьте: администрация держит лицо в местах лишения свободы не 10 предписанных судом, а 5 полагающихся с ее точки зрения по закону лет (или наоборот); работодатель берет на работу судимого, вопреки установленным ограничениям, так как тот должен был быть освобожден, с его точки зрения, по амнистии или так как приговор, по его мнению, очевидно неправосуден; и т.д.

Оба варианта являются отклонением от системы, основанной на принципе верховенства права. Следовательно, такая практика ставит под угрозу воплощение в жизнь саму идею верховенства права как необходимого регулятора властных полномочий.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что изучаемая практика не может быть оправдана мотивами, по которым суд выносит подобные решения.

Вывод. Сложившаяся практика по затронутой проблеме вызывает вопросы. Существование такой практики может объясняться тем, что полагая, что лицо должно быть освобождено по амнистии, суды стремятся вынести содержательно правильное, справедливое с их точки зрения решение, пусть и вторгаясь в чужую компетенцию и создавая новую, не предусмотренную законом процедуру. Такое объяснение не может оправдывать существование изучаемой практики, исходя из порождаемых ею последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Единая* база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. URL: http://судебныерешения.рф/ (дата обращения: 12.07.2017).
2. *Постановление* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18.12.2013 г. № 3500-6 ГД // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2018).
3. *Постановление* Государственной Думы Федерального Собрания России от 24.04.2015 г. № 6576-6 ГД // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2018).
4. *Официальный* интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2018).
5. *Информационно-правововая* системы «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1 (дата обращения: 09.07.2018).
6. *Гришко А.Я., Потапов А.М.* Амнистия. Помилование. Судимость. М. : Университетская книга; Логос, 2009. 272 с. URL: http://znanium.com/bookread2.php?book=468462 (дата обращения: 11.03.2018).
7. *Сотников С.А.* Амнистия в уголовном праве России / под ред. А.И. Чучаева. М., 2010. 368 с.
8. *Стенограмма* заседания Государственной Думы от 13.12.1994 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/3123/ (дата обращения 15.09.2015 г.); Стенограмма заседания Государственной Думы от 08.02.1995 г. URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/3097/ (дата обращения: 15.09.2015).
9. *Баиева Н.А., Баиева М.И.* Правовые последствия несоблюдения судом конституционно-правового принципа разделения властей в контексте бюджетных правоотношений // Вестник СевКавГТИ. 2015. Т. 1. № 2 (21). С. 100–102. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23692962_65218331.pdf (дата обращения: 30.06.2018).
10. *Чиркин В.Е.* Верховенство права в правовом государстве: терминологические вопросы конституционного права // Право и современные государства. 2016. № 5. С. 9–19. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27705505_25841958.pdf (дата обращения: 21.06.2018).
11. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М. : Инфра-М, 2009. VI, 183 с.

THE APPLICATION BY COURTS OF THE CONSEQUENCES OF RELEASE BY AMNESTY TO A PERSON WHO WAS NOT AMNESTIED

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 28–34. DOI 10.17223/23088451/12/6
Daria A. Kokotova, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: darya.kokotova@mail.ru
Keywords: amnesty, judicial practice, recognition of release, assignment of authority, rule of law.

This article studies the court practice of recognition of persons as subject to amnesty and applying to them the consequences of release under amnesty before it occurs, for which the author summarises court practice, the practice of declaring an amnesty and analyses current legislation. The practice under analysis consists of court decisions, which, when deciding on punishment, do not take into account the convictions of the person on the grounds that the person should be granted amnesty, without being released under amnesty. The ac-

tual release under amnesty, as a rule, does not occur. The variety of courts that made such decisions suggests that this practice exceeds the personal position of a certain judge, a certain court, but appears to be a general phenomenon for the country. The article emphasises the incorrectness of such practices, since the problem is solved by a body not competent to do it in a form not provided for by the current regulation. Problems caused by this practice include the uncertain position of the person in relation to whom the decision was made, incorrect influence of other bodies, the risk of different application of the same act to the same person. The author points to the connection of this practice with the idea of indisputable need for release under amnesty, the desire of the court to protect interests of the person and resolve the issue as it seems right and fair. The values protected by this practice are correlated with its real results, as well as the values this practice encroaches on (the interests of the competent authority; the rules delimiting the powers to apply amnesty; the rule of law). The author concludes that this practice cannot be justified by the motives that guide courts when making its decisions.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Edinaya baza dannykh resheniy sudov obshchey yurisdiktsii Rossiyskoy Federatsii* [Unified database of decisions of courts of general jurisdiction of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://sudebnyyeresheniya.rf/. (Accessed: 12.07.2017).
2. The Federal Assembly of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2013 g. № 3500-6 GD* [Resolution No. 3500-6 GD of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of December 18, 2013]. [Online] Available from: www.pravo.gov.ru. (Accessed: 25.11.2018).
3. The Federal Assembly of the Russian Federation. (2015) *Postanovleniye Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossii ot 24.04.2015 g. № 6576-6 GD* [Resolution No. 6576-6 GD of the State Duma of the Federal Assembly of Russia of April 24, 2015]. [Online] Available from: www.pravo.gov.ru. (Accessed: 25.11.2018).
4. Russian Federation. (n.d.) *Official Internet portal of legal information*. [Online] Available from: www.pravo.gov.ru. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
5. Russian Federation. (n.d.) *Informatsionno-pravovovaya sistema "Zakonodatel'stvo Rossii"* [Information and legal system "Russian Legislation"]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1. (Accessed: 9th July 2018).
6. Grishko, A.Ya. & Potapov, A.M. (2009) *Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost'* [Amnesty. Pardon. Criminal record]. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos, 2009. [Online] Available from: http://znanium.com/bookread2.php?book=468462. (Accessed: 11th March 2018).
7. Sotnikov, S.A. (2010) *Amnistiya v ugolovnom prave Rossii* [Amnesty in the criminal law of Russia]. Moscow: Prospekt.
8. The State Duma of the Russian Federation. (1994) *Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy ot 13.12.1994 g.* [Transcript of the meeting of the State Duma of December 13, 1994]. [Online] Available from: http://transcript.duma.gov.ru/node/3123/. (Accessed: 15th September 2015 g.).
9. Baieva, N.A. & Baieva, M.I. (2015) Pravovye posledstviya nesoblyudeniya sudom konstitutsionno-pravovogo printsipa razdeleniya vlastey v kontekste byudzhetnykh pravootnosheniy [Legal consequences of non-observance by the court of the constitutional-legal principle of separation of powers in the context of budgetary legal relations]. *Vestnik SevKavGTI – Scientific Bulletin SevKavGTI*. 2(21). pp. 100–102. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_23692962_65218331.pdf. (Accessed: 30th June 2018).
10. Chirkin, V.E. (2016) Verkhovenstvo prava v pravovom gosudarstve: terminologicheskiye voprosy konstitutsionnogo prava [The rule of law in a legal state: terminological issues of constitutional law]. *Pravo i sovremennye gosudarstva – Law and Modern States*. 5. pp. 9–19. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_27705505_25841958.pdf. (Accessed: 21st June 2018).
11. Beccaria, C. (2009) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Translated from Italian. Moscow: Infra-M.

УДК 343.24 DOI 10.17223/23088451/12/7

А.М. Репьева

О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕГЛАМЕНТАЦИЮ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Проводится исследование института принудительных мер воспитательного воздействия, проблематика его содержательной части и особенностей применения в отношении несовершеннолетних. На основе анализа действующих норм ст. ст. 90, 91 УК РФ предлагается авторское видение регламентации рассматриваемого института, обосновываются соответствующие изменения в законодательство.

Ключевые слова: *принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетний преступник, освобождение от уголовной ответственности.*

Анализ действующей на данный момент регламентации особенностей применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего заставляет задуматься об эффективности и действенности функционирования данного института освобождения от уголовной ответственности.

Прежде чем непосредственно перейти к формулированию авторского видения регламентации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетнего, необходимо отметить, что в понятие «меры воспитательного воздействия» должен включаться целый комплекс проводимых мероприятий. Большинство ученых, исследующих принудительные меры воспитательного воздействия, определяют их как меры государственного принуждения, которые не являются наказанием и применяются к несовершеннолетним, совершившим преступление, с целью их исправления [1; 2; 3, с. 42]. Как мы видим, даваемые определения не содержат даже какого-либо намека на освещение этих мер, кроме того, определение с точки зрения методологии довольно упрощено по своей сути.

Таким образом, не до конца понятно, что же из себя представляет институт «принудительных мер воспитательного воздействия». Кроме того, на сегодняшний день размыты и не проработаны основания их назначения, а также не установлены необходимые «рамки» применения. Логично, что разработка подхода к пониманию принудительных мер воспитательного воздействия с формулировкой дефиниции и установление оснований и ограничений применения с последующим внесением изменений в законодательство положительно скажутся и на содержательном аспекте данных мер, и на их воплощении в практику.

С учетом изложенного, редакция ч. 1 ст. 90 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [4] видится следующим образом:

«Статья 90. Применение принудительных мер воспитательного воздействия

1. Принудительные меры воспитательного воздействия – это система мер, осуществляемых государственными органами, назначаемых по решению суда, заключающаяся в освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего, с установлением обязанностей или правоограничений для достижения целей его исправления и предупреждения совершения новых преступлений, а также выявления и устранения их причин и условий.

1.1. Основаниями применения принудительных мер воспитательного воздействия являются:

а) совершение преступления впервые;

б) совершение преступления небольшой или средней тяжести;

в) признание возможности исправления без привлечения к уголовной ответственности, то есть формирование у несовершеннолетнего уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

1.2. Принудительные меры воспитательного воздействия не применяются к несовершеннолетним:

а) совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 223, ст. 280, ст. 280.1, ч. 1 ст. 282 настоящего Кодекса;

б) ранее освобождавшимся от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия».

Что касается мер, предлагаемых законодателем в ст. 90 УК РФ, то, с одной стороны, их недостаточная разновидность для более дифференцированного подхода и одновременно низкая превентивная составляющая уже имеющихся, подвели нас к мысли формирования нового перечня и соответственно внесения изменений в УК РФ.

Видится возможным существование следующих видов принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетнего:

1) возложение обязанности загладить причиненный вред;

2) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;

3) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа (далее – СУВУОТ).

Прокомментируем наше видение существования, среди принудительных мер воспитательного воздействия, помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа. Итак, на сегодняшний момент в ряде норм законодательства предусмотрено существование для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и

требующих специального педагогического подхода, такой образовательной организации, как СУВУОТ (ст.ст. 22, 66 ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» [5], ст. 15 ФЗ от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [6]). Не совсем ясно, почему уголовное законодательство, уделяя внимание специальным учебно-воспитательным учреждениям закрытого типа (далее – СУВУЗТ), проигнорировало возможность применения к несовершеннолетнему преступнику необходимость помещения в СУВУОТ. Как нам видится, существование в системе образования таких учреждений может стать хорошей основой исправительно-воспитательного воздействия на несовершеннолетнего.

В настоящее время законодателем в ст. 92 УК РФ предусмотрено в качестве освобождения от наказания (то есть при наличии самой уголовной ответственности и, как следствие, судимости) помещение несовершеннолетнего, осужденного к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления СУВУЗТ.

По факту, можно четко разграничивать в зависимости от тяжести преступления помещение подростка в СУВУОТ или СУВУЗТ с учетом применения возможности освобождения либо от уголовной ответственности, либо от наказания. Это подтверждается тем, что выбор судом этих принципиально разных мер должен отвечать принципам справедливости и соразмерности. Иначе, в ситуации, когда подросток совершил преступление небольшой или средней тяжести, суд (безусловно, как мы уже указывали, с учётом изучения личности) может освободить от уголовной ответственности с помещением в СУВУОТ для интенсивного воздействия и корректировки поведения несовершеннолетнего. При совершении тяжкого преступления суд может освободить лишь от уголовного наказания и уже с помещением в СУВУЗТ [7, с. 67].

Одновременное указание в ст. ст. 90 и 92 УК РФ такого основания помещения, как совершение преступления средней тяжести, дает возможность широкого судейского усмотрения, зачастую приводит к путанице, не способствует единообразному применению норм уголовного законодательства.

В связи с указанным видится необходимым внесение следующих изменений и дополнений в законодательство:

– часть 2 ст. 90 УК РФ изложить следующим образом:

«…2. Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

а) возложение обязанности загладить причиненный вред;

б) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;

в) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа»;

– часть 3 ст. 90 УК РФ изложить следующим образом:

«…3. Несовершеннолетнему может быть назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия. Срок применения принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной п. “б” ч. 2 настоящей статьи, устанавливается продолжительностью от 1 месяца до 2 лет при совершении преступления небольшой тяжести и от 6 месяцев до 3 лет – при совершении преступления средней тяжести. Срок применения принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной п. “в” ч. 2 настоящей статьи, устанавливается продолжительностью до 3 лет»;

– статью 91 УК РФ изложить следующим образом:

«Статья 91. Содержание принудительных мер воспитательного воздействия

1. Обязанность загладить причиненный вред состоит в возмещении ущерба, а также иных мерах, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Решение принимается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков.

2. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа. Настоящий перечень не является исчерпывающим.

3. Помещение в СУВУОТ применяется в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. Несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на 3 года.

4. Пребывание несовершеннолетнего в СУВУОТ прекращается до истечения срока, установленного судом, если судом будет признано, что несовершеннолетний не нуждается более в применении данной меры, либо если у него выявлено заболевание, препятствующее его содержанию и обучению в указанном учреждении.

5. Суд вправе восстановить срок пребывания несовершеннолетнего в СУВУОТ в случаях:

а) уклонения его от пребывания в указанном учреждении, на срок, в течение которого такое уклонение производилось;

б) по истечении срока, установленного судом, в случае, если судом будет признано, что несовершеннолетний нуждается в дальнейшем применении данной меры.

При этом общий срок пребывания несовершеннолетнего в указанном учреждении не может превышать 3 лет.

6. В случае необходимости завершения освоения несовершеннолетним соответствующих образовательных программ или завершения профессионального обучения продление срока пребывания его в СУВУОТ допускается только по ходатайству несовершеннолетнего»;

– часть 2 ст. 92 УК РФ изложить следующим образом:

«…2. Несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в СУВУОТ…»;

– часть 2 ст. 15 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» дополнить п. 5 следующего содержания:

«…5) принимают для содержания, воспитания и обучения лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, в случае применения к ним судом принудительных мер воспитательного воздействия в порядке, предусмотренном ст. 90, 91 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

– пункт 3 ч. 4 ст. 15 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» изложить следующим образом:

«…3) осуждены за совершение тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Остановимся также на обосновании тех мер, которые мы посчитали нужным исключить из перечня, действующего на сегодняшний момент. Нам представляется очевидным, что существование в комплексе принудительных мер воспитательного воздействия, таких мер, как предупреждение и передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих (существующие на сегодняшний момент), неэффективно. Данная точка зрения может быть подкреплена следующими доводами:

– порицание в форме разъяснения несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений (именно так раскрывает содержание предупреждения УК РФ), должно осуществляться в целом в ходе заседания суда и каждодневно в ходе воспитательного процесса, а не как мера принудительного воздействия, назначаемая в качестве альтернативы уголовной ответственности;

– содержание меры в виде передачи подростка под надзор родителей или лиц, их заменяющих (возложение на указанных лиц обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением), по сути повторяет требования семейного законодательства [8]. Иначе получается следующая ситуация: родители на протяжении всего периода взросления подростка не смогли ему привить нормы и традиции человеческого общежития, морали и правопослушного поведения, в результате чего несовершеннолетний совершил преступление, а УК РФ допускает, что альтернативой привлечения к ответственности может быть по сути его оставление в кругу этих же лиц без каких-либо особых изменений условий его повседневной жизни. Возникает справедливый вопрос: насколько серьезно это повлияет на его мировоззрение и отношение к совершенному деянию?

Стоит отдельно сказать и о закрепленном в качестве одной из мер воспитательного воздействия – надзоре и контроле со стороны специализированного государственного органа. Во-первых, до сих пор в законодательстве не прописано, кто выступает в качестве такого специализированного органа? Органы прокуратуры, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав? Исходя из расширительного и системного толкования норм законодательства, а именно пп. «в» п. 7 Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав [9] – это именно тот орган, о котором ведет речь ст. 90 УК РФ. Однако на сегодняшний момент существуют проблемы в части реализации этих полномочий.

Поскольку комиссия – коллегиальный орган, то ее членами могут быть руководители (их заместители) органов и учреждений системы профилактики, представители иных государственных (муниципальных) органов и учреждений, представители общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, имеющие опыт работы с несовершеннолетними, депутаты соответствующих представительных органов, а также другие заинтересованные лица. Отсюда вытекает логичный вывод, что свои полномочия они реализуют, в большинстве своем, без освобождения от основных обязанностей и, как следствие, не обладают ресурсами для должного воплощения мер воздействия. Из этого следует, что правовой статус данных категорий должностных лиц, привлекаемых к работе в составе комиссий, должен быть соответствующим образом скорректирован. Думается, что после внесения такого рода изменений в соответствующие нормативные правовые акты ситуация коренным образом изменится.

Более того, хотелось бы также внести коррективы в эту деятельность с точки зрения УК РФ. Видится необходимость обязательного сопровождение любого вида назначаемых принудительных мер воспитательного воздействия (а не в качестве одной из мер, как это прописано на данный момент) надзором и контролем со стороны специализированного государственного органа. В этой связи стоит дополнить ст. 91 УК РФ ч. 3.1 следующего содержания:

«3.1. При назначении любого из видов принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 настоящей статьи, суд устанавливает в обязательном порядке передачу несовершеннолетнего под надзор и контроль специализированного государственного органа».

В дальнейшем, определившись с комплексом мер воздействия, для того чтобы понять, какие из них конкретно и в каком объеме необходимо применять к осужденному-индивиду, необходимо глубокое изучение его личности. Этому вторит главная их цель – исправление, а также принцип справедливости как основа, базис правил назначения наказания.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание, что процесс воспитательного воздействия и, как следствие, исправления подростка – это живая, не застывшая, требующая постоянного внимания процедура. Суд объективно не может, применяя ту или иную меру воспитательного воздействия, спрогнозировать и дать гарантии ее 100-процентной действенности. В этой связи нельзя ограничивать суд только предоставлением возможности в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия привлекать несовершеннолетнего к уголовной

ответственности. Как нам видится, его полномочия могут быть расширены путем дополнения ст. 90 УК РФ ч. 3.2 следующего содержания:

«3.2. С учетом особенностей исполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия, в случае вывода специализированного государственного органа о невысокой эффективности примененной меры, по его представлению суд вправе скорректировать назначенные меры, дополнив уже существующие или заменив другими».

Без учета всех вышеуказанных в работе нюансов применения принудительных мер воспитательного воздействия не представляется возможным сформировать эффективную систему рассматриваемого института и добиться самой основной цели, наиболее важной для общества и государства – исправление подростка. Представленные в нашей работе меры, направленные на совершенствование законодательства в сфере регламентации существования и применения принудительных мер воспитательного воздействия положительным образом скажутся на исправлении подростка, а также сокращении числа преступлений, повторно совершаемых несовершеннолетними.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карелин Д.В.* О некоторых проблемах применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в связи с освобождением от уголовной ответственности // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 9–12.
2. *Комментарий* к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 736 с. Консультант Плюс: Высшая школа / Справочные правовые системы. 2018. URL: http: // www.consultant.ru (дата обращения: 25.06.2018).
3. *Бурлака С.А.* Необходим федеральный закон о принудительных мерах воспитательного воздействия // Российский следователь. 2015. № 15. С. 41–44.
4. *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 18. Ст. 2581.
5. *Об образовании* в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2018. № 11. Ст. 1591.
6. *Об основах* системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; 2017. № 24. Ст. 3478.
7. *Правовые* запреты и ограничения в отношении несовершеннолетних, помещаемых в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: от теории к практике // Алтайский юридический вестник. 2016. № 14. С. 67–71.
8. *Семейный* кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2018. № 1 (Часть I). Ст. 22.
9. *Об утверждении* примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 г. № 995 (ред. от 06.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45. Ст. 5829; 2017. № 50 (Часть III). Ст. 7638.

ON THE NEED TO CHANGE THE REGULATIONS FOR THE APPLICATION OF COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 35–39. DOI 10.17223/23088451/12/7

Anna M. Repieva, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: annarepeva@yandex.ru

Keywords: compulsory educational measures, juvenile offender, exemption from criminal liability.

Presently, both law enforcers and scientific community recognise the problems related to the application of compulsory educational measures to juvenile offenders. These problems are caused by misunderstanding of the substantive part of the measures under consideration, improper or superficial legislative framework, a reduced list of types and possibilities of their application, and insufficient effectiveness of government compulsory measures. This entails changes to Articles 90 and 91 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of definition of compulsory educational measures as well as their grounds and restrictions. It should be noted, that Article 90 of the Criminal Code largely requires amendments, as the insufficient variety of measures and their low preventive component hinder a more differentiated approach. The author suggests the following types of compulsory educational measures applied to minors minor: 1) a duty to compensate for the damage caused; 2) restriction of leisure and special requirements for the behaviour of a minor; 3) placement in a specialised open-type educational institution. In addition, application of any of the listed types of compulsory educational measures must entail the placement of a minor under the supervision and control of a specialised state body for a more effective control. The author believes that the court should only be able to bring the minor to criminal liability in the event of systematic non-enforcement by the minor of the compulsory educational measures and that it is necessary to fix the possibility to modify the appointed measures through addition and replacement. Amendments to the criminal law in the field of the compulsory educational measures will result in the most effective system that meets the requirements of the modern policy of humanisation of criminal liability, as well as a more individual approach to the remediation of a juvenile offender.

References

1. Karelin, D.V. (2013) On selected problems of coercive measures of educational influence application to minors in cases of exemption from criminal responsibility. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 1(1). pp. 9–12. (In Russian).
2. Esakov, G.A. (ed.) (2017) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. 7th ed. Moscow: Prospekt.
3. Burlaka, S.A. (2015) Federal law on compulsory measures of educational character is needed. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator.* 15. pp. 41–44. (In Russian).

4. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 29.04.2018) [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 29, 2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 25. Art. 2954.
5. Russian Federation. (2012) Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (v red. ot 07.03.2018) [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, (as amended on March 7, 2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 53(1). Art. 7598.
6. Russian Federation. (1999) Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: federal'nyy zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ (v red. ot 07.06.2017) [On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (as amended on June 7, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 26. Art. 3177.
7. Russian Federation. (1996a) Pravovye zaprety i ogranicheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh, pomeshchayemykh v spetsial'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa: ot teorii k praktike [Legal prohibitions and restrictions on minors placed in a special educational institution of a closed type: from theory to practice]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 14. pp. 67–71.
8. Russian Federation. (1996b) Semeynyy kodeks RF ot 29.12.1995 N 223-FZ (v red. ot 29.12.2017) [The Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on December 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 1. Art. 16.
9. Russian Federation. (2013) Ob utverzhdenii primernogo polozheniya o komissiyakh po delam nesovershennoletnikh i zashchite ikh prav: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.11.2013 № 995 (red. ot 06.12.2017) [On the approval of an approximate provision on commissions for minors and the protection of their rights: Decree No. 995 of the Government of the Russian Federation of November 6, 2013, (as amended of December 6, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 45. Art. 5829.

УДК 343.97 DOI 10.17223/23088451/12/8

В.Д. Филимонов

ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕНЕЗИСА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВОВОМ СОДЕРЖАНИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривается воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления. Формулируется итоговый вывод, что с точки зрения системного подхода к исследованию явлений, состав преступления представляет собой классическую систему, элементы которой и связи, объединяющие их между собой и с элементами смежных систем, формируют качественное своеобразие изучаемого явления.

Ключевые слова: *генезис преступления, состав преступления, признаки преступления, признаки состава преступления.*

Преступление может рассматриваться как событие в общественной жизни и как общественно опасное деяние.

Как событие преступление включает в свое содержание наряду с деянием его объект, субъект и последствия деяния.

Как деяние оно включает в свое содержание только действие и бездействие, состоящее из объективных и субъективных элементов. Такое понимание соответствует закрепленному в ст. 14 УК РФ законодательному определению преступления.

Действие и бездействие как процесс воздействия человека на объект преступления, выражающийся в самом причинении ему вреда или в иных видах его детерминации, появляются в общественной жизни в начальный момент действия, а при бездействии – в момент возникновения у лица обязанности действовать. В одном из этих двух случаев имеет место причинная связь между деянием человека и его последствиями, а во втором случае – как правило, кондициональная связь между ними. В некоторых видах общественно опасного поведения возможны и другие виды детерминации преступления с его общественно опасными последствиями – функциональная, инспирирующая, системная и т.п. Все они так же, как и причинная связь, могут рассматриваться в качестве составных частей состава преступления как основания возложения уголовной ответственности.

Так, например, при убийстве обычно обнаруживается причинная связь между действием виновного и смертью потерпевшего, а при отказе от помощи больному (бездействии врача) – кондициональная связь между поведением человека и возникшей опасностью для жизни и здоровья человека. При совиновничестве в преступлении можно констатировать и более сложную детерминацию преступных последствий: действия совиновников (в том числе и в составе преступной группы) объединены между собой функциональной взаимозависимостью, а затем как единое целое – причинной связью с последствиями преступления.

Все это необходимо иметь в виду при выявлении генезисов различных видов преступного поведения. Так, если опасность для жизни или здоровья больного возникла в результате преступных действий какого-либо человека, то у его поведения и поведения лица, отказавшегося от помощи больному, разные генезисы преступления.

Разные генезисы преступного поведения в результате неодинаковой природы детерминирующих связей деяния и его последствий порой можно обнаружить также при сравнении мотивов поведения у подстрекателя и исполнителя преступления. Например, мотивом подстрекательства к убийству может быть месть потерпевшему (инспирирующая связь), мотивом же действий исполнителя преступления – ревность (причинная связь).

Для наиболее полного представления об обусловленности генезисом общественно опасного деяния признаков состава преступления приходится вновь вернуться к особенностям их социальной и правовой природы. При этом необходимо обратить внимание на то, что состав преступления по своему содержанию шире, чем совокупность признаков, присущих общественно опасному деянию.

Состав, как закрепленная в законе правовая конструкция, включает в свое содержание не только признаки, имманентно присущие преступлению (объективные и субъективные признаки самого деяния), но и такие признаки, которые лишь характеризуют общественную опасность деяния. К ним помимо признаков, имманентно присущих самому деянию, относятся прежде всего признаки объекта и субъекта преступления – обязательные признаки состава преступления, а также формирующаяся в процессе совершения деяния непосредственная опасность причинения вреда объекту преступления. Его материальные последствия, а также некоторые другие обстоятельства совершения преступления (например, обстановка) относятся к числу факультативных признаков состава.

Преступное деяние всегда обладает общественной опасностью. Включая в свое содержание мотив, форму вины и цель воздействия на общественные отношения, выражающие антиобщественные свойства сознания человека, оно во всех случаях придает его действию или бездействию антиобщественную направленность.

В отличие от признаков самого деяния, иные признаки, формирующие состав преступления, имеют релятивный, то есть относительный характер.

Объектом преступления являются, как известно, охраняемые уголовным правом общественные отношения. Они представляют собой важнейшую социальную ценность и уже по этой причине не могут считаться составной частью преступления. Но они способны характеризовать деяние, причиняющее им ущерб. Только в этом отношении они и могут включаться в состав преступления.

Возраст и вменяемость человека также не содержат в себе никакой общественной опасности. Этими признаками обладают и законопослушные граждане. Элементами состава преступления они становятся потому, что характеризуют способность человека осознавать общественную опасность совершаемого деяния и руководить своим поведением. Другими словами, они включаются в состав преступления потому, что являются обязательными критериями существования вины, без которой преступное поведение невозможно.

Материальные последствия деяния тоже обладают относительным характером. Способность характеризовать общественную опасность деяния они приобретают только в связке с антиобщественным содержанием мотива, формы вины и цели преступления. Это их свойство обусловливается и некоторыми другими обстоятельствами совершения действия или бездействия. Например, причинение смерти человеку может расцениваться в одних случаях как убийство, а в других – как причинение смерти в состоянии необходимой обороны.

При выявлении роли генезиса преступления при решении вопроса о закреплении в составе преступления последствий преступления необходимо иметь в виду, что без общественно опасных последствий, как уже неоднократно отмечалось в юридической литературе, преступлений не бывает [1, с. 171].

Если бы деяние не вызывало общественно опасных последствий, не было бы оснований признавать его преступлением. Противники этой точки зрения не учитывают того, что в одних случаях последствия преступления выражаются в создании самой непосредственной опасности причинения вреда общественным отношениям, а в других – в причинении им материального ущерба.

Опасность причинения вреда общественным отношениям – это обязательный, имманентно присущий общественно опасному деянию признак преступления. Он по нарастающей степени в течение всего времени его совершения сопровождает сам процесс причинения вреда объекту преступления. Главным образом именно по этой причине преступное деяние рассматривается законодателем в теории уголовного права как деяние общественно опасное, то есть создающее угрозу причинения вреда, а не причинившее вред.

Таким образом, можно сделать вывод, что при анализе социального содержания любого состава преступления последствия, которые наступают в результате его совершения, всегда должны рассматриваться как обязательные признаки, характеризующие его общественную опасность. При анализе же состава преступления как правовой конструкции они в число самостоятельных его признаков входят далеко не всегда. В этом последнем случае они оказываются представленными в составе преступления как свойства, имманентно присущие самому общественно опасному деянию.

Факультативные признаки преступления рассматриваются в качестве таковых потому, что не всегда включаются в составы преступлений. Однако в тех случаях, когда эти признаки становятся признаками соответствующего состава преступления, они приобретают обязательный характер.

В одних случаях они как элементы состава преступления действительно не являются обязательными. Например, некоторые средства совершения общественно опасного деяния, в частности ножи, топоры, охотничьи ружья и т.п., постоянно используются людьми для хозяйственных и иных нужд, а не только для совершения преступления. Поэтому в состав убийства они не включаются. Даже обстановка совершения преступления, повышающая степень его общественной опасности, не всегда может считаться признаком состава преступления. Все зависит от характера поведения человека. Например, условия общественного бедствия, усиливающие ответственность за совершение некоторых видов преступного поведения, способны при оценке других поступков сыграть прямо противоположную роль. Так, при оказании помощи гибнущим людям они могут стать основанием признания некоторых поступков спасателей героическими.

В других случаях факультативные признаки состава являются показателями большого объема нанесенного преступлением вреда и (или) более высокой степени опасности содержащихся в субъективных признаках деяния антиобщественных свойств личности преступника (например, при убийстве, совершенном с особой жестокостью или совершенном общеопасным способом).

В юридической литературе анализ составов преступлений обычно начинают с характеристики их объективных признаков – объекта и признаков объективной стороны преступлений. Такой подход к изучению явлений не вызывает возражений. Он соответствует диалектико-материалистическому методу их познания, согласно которому материя первична, а сознание вторично. Но метод познания явления по своей последовательности не всегда совпадает с последовательностью его действительного развития. С таким случаем приходится сталкиваться при анализе состава преступления.

Общественно опасное деяние, признаки которого состав отражает в норме уголовного права, свое существование начинает не в объективной действительности, а в сознании человека. Его истоками являются сформировавшиеся в нем антиобщественные свойства. В одних случаях они порождают невнимательное отношение к интересам иных лиц, общества или государства, в других становятся непосредственной субъективной причиной возникновения антиобщественного по своему содержанию мотива поведения, формы умысли и цели его осуществления.

Однако упрощать этот процесс не следует. В процессе формирования преступного намерения лицо не может не сознавать социальной значимости своих будущих действий. Она же во многом зависит не только от социальной оценки непреступного поведения, но от социальной оценки других видов преступлений.

Так, например, одни и те же мотивы преступных деяний, даже посягающих на один и тот же объект преступления, могут в зависимости от объективных признаков преступного деяния иметь разную социальную трактовку. Можно сослаться, в частности, на разную социальную оценку корыстных мотивов при совершении хищении чужого имущества и при причинении ущерба собственности путем обмана и злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Мотив и цель преступления – родственные явления. Иногда их понятия используются в законе как во многом сходные: в одних случаях, например, речь идет о корыстных мотивах, в других – о корыстной цели преступления. Обычно закрепление их в составе преступления связано со стремлением законодателя указать в одних случаях на непосредственный нравственно-психологический источник конкретного вида преступного поведения (мотив преступления), в других – на запланированный результат общественно опасного деяния (цель). Указание на нравственно-психологический источник совершения преступления характеризует меру противопоставления личных интересов общественным интересам и общественную опасность совершенного преступления. Указание же на цель преступления (например, при убийстве цель скрыть преступление или облегчить его совершение) используется законодателем не только для того, чтобы выразить в преступлении указанную меру противопоставления, но и придать уголовно-правовое значение направленности поведения человека на достижение определенного результата, выразить его повышенную динамику.

Не каждую умышленную преступную деятельность можно признать мотивированной. При косвенном умысле, для которого характерно безразличное отношение виновного к преступным последствиям, мотива преступления обычно нет.

Нет его и в том случае, когда косвенный умысел на наступление тех или иных последствий соединяется с целенаправленной деятельностью на причинение иных последствий. Безразличное отношение к самому преступному результату в этих случаях можно считать мотивированным антиобщественными свойствами личности не всегда. Например, при спасении близкого человека, соединенном с безразличным отношением к окружающим людям.

Противопоставление личных интересов общественным возможно не только в виде целенаправленного нарушения интересов других лиц, общества или государства, но и в виде их игнорирования. Безразличное отношение к окружающим людям в таких случаях является следствием именно такого его проявления.

Мотив преступления может быть простым и сложным. Простым его можно считать тогда, когда он оказывается единственным, как, например, при карманных или квартирных кражах. Сложным его следует признать в тех случаях, когда он объединяет два и более мотивов совершения одного и того же преступления. Примером такого объединения может быть параллельная мотивация должностного злоупотребления как корыстными побуждениями, так и карьеристской заинтересованностью (стремлением получить более высокооплачиваемую работу и одновременно занять престижную должность).

В некоторых случаях совершение преступления оказывается детерминированным двумя и более мотивами, возникающими один за другим и связанными между собой. Однако необходимо учитывать, что уголовно-правовое значение имеют не все они. Так, если у человека возникло намерение совершить поездку заграницу для ознакомления с культурными ценностями другой страны и для получения средств на эту поездку – совершить хищение чужого имущества, то, несмотря на доминирующую роль в мотивации принятого решения мотивов духовного содержания, нести ответственность он будет все-таки за корыстное преступление. Мотив поведения приобретает уголовно-правовое значение только в обязательной связке с объектом преступления. Туристическая поездка никакого ущерба охраняемым уголовным правом общественным отношениям не наносит. Объекта преступления в этом случае нет. Следовательно, нет и мотива преступного поведения.

По своему социальному содержанию мотив представляет собой субъективную причину совершения преступления. Это обычно развивающееся явление, которое сначала формируется и закрепляется в сознании человека, конкретизируется в определенной программе его поведения, а затем переходит в стадию реализации. Реализация мотива – субъективно-объективный процесс: обусловленный потребностью человека и ее энергетическим потенциалом мотив становится источником одновременно как мыслительной деятельности человека (формированием и конкретизацией умысла и цели в процессе совершения преступления), так и производимых им изменений во внешней среде.

Антисоциальное содержание мотива преступления может быть различным [2–4]. Он может выражать корысть, личную неприязнь (мотивы мести, зависти, ревности), проявляться в социальной, национальной и религиозной вражде и т.п. Мотив может быть устойчивым и ситуативным. Во всех этих случаях он является показателем характера и степени общественной опасности обусловленного им поведения человека.

Сущность антисоциального содержания мотива преступления определяется тем, что он является одной из сторон противопоставления человеком своих эгоистических интересов общественным интересам.

Своим содержанием он прежде всего отвечает на вопрос – во имя чего совершается общественно опасное действие или бездействие. Другой стороной указанного противопоставления является отраженный в мотиве ущерб, причиняемый преступлением общественным интересам. Он отвечает на вопрос, что приносится в жертву ради удовлетворения преступником своих потребностей и интересов?

При этом при оценке меры противопоставления личных интересов общественным интересам во внимание принимаются не только характер и размер вреда, нанесенного преступником тому или иному виду охраняемым уголовным правом общественным отношениям, и их социальная ценность, но и интенсивность его причинения.

Интенсивность преступления определяется, в частности, тем, совершается ли преступление путем действия или бездействия, а также видом детерминирующей обусловленности преступных последствий (причинной, кондициональной или иной связью с совершенным деянием).

Все указанные обстоятельства участвуют в формировании мотива преступления. Без них трудно представить в полном объеме заключенную в мотиве меру противопоставления личных интересов общественным интересам.

Противопоставление лицом своих эгоистических интересов общественным интересам находит выражение не только в субъективных, но и в объективных признаках совершенного им деяния. Они в совокупности определяют характер и степень общественной опасности преступления, а следовательно, и меру противопоставления личных интересов лица, совершающего преступление, интересам других лиц, общества или государства. По этой причине они и закрепляются в составе преступления.

Обусловленность признаков объективной стороны преступления проявленной лицом мерой противопоставления личных интересов общественным интересам можно обнаружить при анализе общественно опасного деяния как объективного признака преступления, а также способа совершения преступления и его последствий.

Общественно опасное деяние, как объективный элемент преступления, часто является не одноактным поступком, а представляет собой в разной степени продолжительный процесс причинения вреда объекту посягательства. Вследствие этого обстоятельства общественная опасность преступного деяния также становится развивающимся явлением.

По мере реализации преступного намерения она нарастает. Если достаточных условий для совершения преступления нет, то они создаются самим преступником – совершается приготовление к совершению преступления, которое, как стадия задуманного преступного поведения, само становится преступным деянием. Затем совершается непосредственное посягательство на охраняемые уголовным правом общественные отношения. Завершается преступление причинением вреда этим общественным отношениям. Таким образом, по мере реализации преступного намерения общественная опасность преступления все время нарастает. Пик этого нарастания приходится на момент причинения вреда объекту преступления в полном объеме. Все эти обстоятельства характеризуют постоянно возрастающую степень противопоставления личных интересов общественным интересам и в конечном итоге именно по этой причине становятся во многих случаях основаниями для закрепления в составе преступления соответствующих им признаков.

Способ совершения преступления представляет собой внешнее выражение того механизма преступного поведения, который, как правило, еще до его совершения сформировался в сознании человека. Он является неотъемлемым признаком преступных действий при любом умышленном преступлении. Если не считать пассивное поведение способом реализации некоторых программ общественно опасного поведения, то его нет и при преступном бездействии. Его наличия нельзя усмотреть и в случаях неосторожного совершения преступления. При неосторожной форме вины обычно приходится иметь дело не со способом совершения преступлении, а с ошибкой, допущенной в процессе реализации способа совершения правомерных или легкомысленных поступков.

В учебниках по общей части уголовного права способ традиционно рассматривается в качестве факультативного признака состава преступления. Но даже с учетом упомянутых только что случаев, способ является элементом состава не только тогда, когда он прямо описан в законе. Очень часто наименование самого действия содержит в себе указание на способ совершения преступления. Обычно это бывает тогда, когда существует много конкретных выражений такого способа и они по степени общественной опасности мало отличаются друг от друга. Убийство, например, может быть совершено путем использования холодного и огнестрельного оружия, ядов, удушения и т.п., но специально способ его совершения указывается в законе, как следует из содержания ст. 105 УК РФ, тогда, когда его использование приводит к причинению вреда дополнительному объекту преступления.

Способ совершения преступления включается в число признаков его состава еще и тогда, когда он, выражая более высокую вероятность и эффективность причинения вреда объекту преступления, значительно повышает общественную опасность совершенного действия.

Основания включения в состав преступления способа его совершения во всех таких случаях объясняются тем, что они имеют прямую связь с генезисом преступления. При указанных обстоятельствах генезис преступления путем указания на способ его совершения участвует в формировании меры противопоставления лицом своих личных интересов общественным интересам. В то же время следует признать, что указание в законе на способ совершения преступления не всегда имеет прямую связь с генезисом преступления. Так, например, в действующем УК РФ помимо общего состава мошенничества, предусмотренного в ст. 159, закреплены составы мошенничества в различных сферах имущественных отношений с детализацией способов их совершения (ст. ст. 159.1–159.6). Санкции этих статей, за исключением утратившей силу по постановлению Конституционного Суда Российской Федерации ст. 159.4, законодатель уравнял, что является показателем признания им равной степени общественной опасности предусмотренных в них преступлений, в том числе и с учетом одинаковых квалифицирующих их обстоятельств. Законодатель в этих случаях не увидел различий в степени противопоставления личных интересов общественным интересам. Дифференциация составов мошенничества в зависимости от способов его совершения потребовалась законодателю, скорее всего, для того, чтобы правоприменительные органы смогли избежать многочисленных ошибок при анализе большого числа различных правовых требований в различных сферах финансовой деятельности.

Последствия преступления выражаются главным образом в изменениях в системе общественных отношений, наступивших в результате совершения преступления.

Система общественных отношений состоит из разных по своему содержанию и размеру звеньев. По содержанию общественные отношения могут быть подразделены на группы, которые выделены в Особенной части уголовного законодательства в качестве родовых объектов преступлений. Затем они делятся по видовым и непосредственным объектам преступлений. По своему объему общественные отношения могут быть представлены в виде общей совокупности охраняемых уголовным правом общественных отношений и в виде менее крупных социальных образований. На самом меньшем по своему объему уровне они предстают в виде общественных отношений, связывающих между собой отдельных лиц.

В связи с тем, что простейшее общественное отношение состоит из его субъектов, предмета (социального блага) и взаимосвязанных между собой потребностей субъектов относительно его предмета, объектом воздействия в результате совершения преступления может быть любая составная часть общественного отношения. При убийстве объектом воздействия становится субъект общественного отношения, при уничтожении имущества – его предмет, при краже – владение, пользование и распоряжение имуществом как функции его собственника.

В тех случаях, когда общественные отношения облечены в правовую форму и наделены статусом правовых отношений, объектами преступного воздействия становятся не только элементы общественных отношений, но и правовые формы их выражения. Так, преступление в сфере финансовых отношений может выражаться в воздействии на связи участников кредитных отношений в виде подделки документов или носителей компьютерной информации.

В результате совершения преступления общественные отношения, оказавшиеся объектом преступного посягательства, не просто нарушаются, а преобразуются. Преступник не просто нарушает общественные отношения, но и, преобразуя их, получает выгоду или иное удовлетворение от его совершения.

Прежние общественные отношения прекращают свое существование и замещаются новыми общественными отношениями. Если до совершения преступления они воплощали в своем содержании единство интересов большинства населения страны, общества и государства, то после его совершения они, изменяя свое содержание, становятся выразителями интересов лица, виновного в его совершении. Социальная справедливость во вновь возникших отношениях оказывается замененной социальной несправедливостью. При этом противопоставление личных интересов интересам других лиц, общества или государства получает воплощение в объективной действительности.

Все это, как и изложенное выше о социальном содержании последствия преступления, говорит о том, что оно является одним из основных показателей степени противопоставления личных интересов общественным интересам, прямой связи последствия с генезисом преступления. На этом основании последствие преступления закрепляется в составе преступления в качестве его обязательного признака.

В формировании заключенной в преступном поведении меры противопоставления личных интересов общественным интересам участвуют причинная и виновная связи преступного деяния с его последствиями.

Причинная и виновная связи находят отражение в составе преступления как связи, в одном случае, преступного деяния с последствиями преступления, а в другом случае – субъекта преступления, а затем мотива как субъективного элемента преступного деяния, с теми же последствиями.

Но этой функцией роль причинной и виновной связи в возникновении общественно опасных последствий не ограничивается. Та и другая связь выступают в роли передатчика генезиса преступления от субъекта преступления, а затем и от преступного деяния тем преобразованиям, которые происходят в системе общественных отношений в результате его совершения.

По этой причине та и другая связь в процессе совершения преступления увеличивают степень общественной опасности преступного деяния.

Причинная связь в своем развитии постоянно повышает вероятность причинения вреда объекту преступления, а виновная связь в тех случаях, когда сознание лица, совершающего преступление, включает в свое содержание обстоятельства, увеличивающие степень его общественной опасности, повышает одновременно и степень вины преступника.

Все это отражается на содержании преступных последствий, которые, как и преступление, объединяют в своем составе как объективные, так и субъективные явления, – в данном случае объективные и субъективные элементы возникших в результате совершения преступления новых общественных отношений. Генезис преступления и содержащееся в нем противопоставление личных интересов общественным интересам через причинную и виновную связь преступного деяния с преступными последствиями не только передается их содержанию, но и по мере осуществления преступной деятельности наращивает в них свой объем.

Элементы преступного деяния, связи между ними и с причиняемыми преступлением преступными последствиями, воплощая в своем содержании генезис преступления, включаются законодателем в состав преступления. В состав преступления включаются также обстоятельства, характеризующие преступное деяние (объект преступления, его последствия, обстановка совершения преступления и некоторые свойства личности преступника). Но состав преступления во всех случаях – это не просто совокупность его признаков, а такая совокупность, которая под воздействием формирующего его генезиса преступления образует единое целое.

С точки зрения системного подхода к исследованию явлений состав преступления представляет собой классическую систему, элементы которой и связи, объединяющие их между собой и с элементами смежных систем, формируют качественное своеобразие изучаемого явления. В состав преступления входят такие

элементы и детерминирующие связи, в процессе взаимодействия которых между собой и с окружающей средой формируется общественная опасность преступления. Общественная опасность в этом случае определяется не совокупностью общественной опасности отдельных признаков деяния и внешних обстоятельств, которые их характеризуют, а их единством.

К этому выводу пришел и китайский специалист в области теории уголовного права Лун Чанхай [5]. Он обратил внимание на то, что если русские дореволюционные ученые под влиянием диалектики Гегеля рассматривали состав преступления как совокупность объективных и субъективных признаков, то советские правоведы под влиянием материалистической диалектики трактовали состав преступления как единство объективных и субъективных признаков. Именно единство признаков состава преступления позволяет ему стать выразителем генезиса конкретного преступления, то есть заключенной в нем меры противопоставления личных интересов общественным интересам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М. : Госюриздат, 1957. 364 с.
2. *Ковалев В.И.* Мотивы поведения и деятельности. М. : Наука, 1988. 192 с.
3. *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. 382 с.
4. *Иванов Н.Г.* Мотив преступного деяния : учеб. пособие. М. : Метод центр, 1997. 63 с.
5. *Чанхай Лун.* Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 196 с.

THE GENESIS OF CRIME IN THE LEGAL CONTENT OF CORPUS DELICTI

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 40–45. DOI 10.17223/23088451/12/8
Vadim D. Filimonov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru
Keywords: genesis of crime, corpus delicti, elements of crime, elements of corpus delicti.

Crime can be considered as an event in public life and as a socially dangerous act. As an event, a crime includes the act, its object, subject, and consequences. As an act, it includes only action and inaction, consisting of objective and subjective elements. This understanding corresponds to the legislative definition of crime in Article 14 of the Criminal Code. The commission of a crime leads to the situation when public relations, which have become the object of criminal encroachment, are not only violated, but also transformed. The offender not only violates social relations, but also, by transforming them, receives the benefit or other satisfaction from its commission. Former social relations cease to exist and are replaced by new social relations. If, before committing a crime, they embodied the unity of interests of the majority of the country population, society and the state, then after a crime was committed, they, by changing their content, express the interests of the person guilty of its commission. Social justice in the newly formed relations is replaced by social injustice. At the same time, the opposition of personal interests to the interests of other persons, society or the state is embodied in objective reality. All this affects on the content of criminal consequences, which, like a crime, combine in their structure both objective and subjective phenomena – the objective and subjective elements of the new social relations resulting from the commission of the crime. The genesis of a crime and personal interests opposed to public interests through the causal and guilty connection of a criminal act with criminal consequences affect not only its content, but also its scope. The author concludes that, from the point of view of a systematic approach to the study of phenomena, corpus delicti is a classical system, which has links between its elements and connecting its elements with adjacent systems. These links form a qualitative originality of the phenomenon under analysis. Corpus delicti includes such elements and links, the interaction of which with each other and with the environment determines the public danger of a crime. The public danger in this case is determined not by the combination of the public danger of individual elements of the act and their external circumstances, but by their unity.

References

1. Traynin, A.N. (1957) *Obshchee uchenie o sostave prestupleniya* [General Theory of Crime]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Kovalev, V.I. (1988) *Motivy povedeniya i deyatel'nosti* [Motives of Behaviour and Activity]. Moscow: Nauka.
3. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation for Criminal Behaviour]. Moscow: Nauka.
4. Ivanov, N.G. (1997) *Motiv prestupnogo deyaniya* [The Motive of a Criminal Act]. Moscow: Metod tsentr.
5. Changhai Lun. (2010) *Uchenie o sostave prestupleniya po ugolovnomu pravu KNR i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The doctrine of corpus delicti in the criminal law of the PRC and Russia: A comparative legal study]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

УДК 347.736 DOI 10.17223/23088451/12/9

А.И. Фролов, В.В. Черепанов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОКРЫТИЮ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Проводится анализ правовых средств противодействия недобросовестным действиям по сокрытию имущества должника при банкротстве в контексте защиты прав предпринимателей. Используя методологию экономического анализа права, авторы рассматривают проблему рационального выбора оппортунистического поведения при банкротстве, оценивают выгоды и издержки, определяющие выбор оппортунистического поведения контролирующих должника лиц. Угроза «вывода активов» рассматривается как обстоятельство, повышающее трансакционные издержки.

Ключевые слова: *сокрытие имущества, вывод активов, трансакционные издержки, экономический анализ права, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство.*

Проблема рационального выбора оппортунистического поведения должником. В предельно широкой плоскости распространения различных вариантов оппортунистического поведения участников гражданского оборота обращает на себя внимание проблема «вывода активов» должника накануне его банкротства. Оппортунизм – специальный термин теории экономического анализа права – означает следование своим интересам, в том числе обманным, противоправным путем [1, с. 39–49].

В соответствии с теорией рационального выбора [2, p. 790–818], поддерживаемой исследователями в области экономического анализа права, поведение человека экономического рационально, направлено на максимизацию его материального благосостояния. Далее теория рационального выбора объясняет, что человек принимает решения в результате осознанного им соотношения выгоды (имущественной или неимущественной) и издержек по ее получению.

Предприниматель, столкнувшийся с необходимостью исполнить вынесенное в отношении него судебное решение (например, о взыскании денежных средств, об исполнении обязательства в натуре) будет просчитывать различные варианты своих действий, рассчитывая соотношение своей выгоды от сокрытия имущества от кредиторов с величиной издержек (материальных и нематериальных), которые могут при этом возникнуть. Издержками, возникающими вследствие сокрытия имущества, могут быть расходы на создание и поддержание аффилированных структур-реципиентов, реорганизационно-ликвидационные мероприятия в отношении структур-доноров (в том числе банкротство), совершение мнимых сделок и создание видимости их исполнения, расходы на совершение других действий по сокрытию имущества, расходы в связи с участием в возможных судебных заседаниях по оспариванию сделок контрагентами и многие другие. К издержкам предпринимателя, избиравшего вариант недобросовестного поведения, непременно следует относить вероятность привлечения его к юридической ответственности за недобросовестное поведение, виды и размеры санкций, а также опасность подвергнуться общественному осуждению.

Рациональным[1] выбором коммерсанта является оппортунистическое поведение, если выгоды от такого поведения превышают соответствующие издержки. Не ошибемся, если предположим, что институт банкротства в наше время стал плодородной почвой для различного рода недобросовестных практик, в результате того, что возникающие при этом издержки недобросовестного поведения минимальны.

Повсеместно совершаются недобросовестные действия по выводу имущества в исполнительном производстве, в период, предшествующий банкротству и на различных стадиях банкротства. Типичными являются «вывод» активов в пользу подконтрольных аффилированных структур и фиктивное увеличение кредиторской задолженности должника в пользу подконтрольных кредиторов.

Высокая латентность правонарушений в сфере банкротства одновременно является индикатором низких издержек оппортунизма и способствует росту недобросовестных практик и спросу на них. Институт банкротства воспринимается в качестве возможности избежать уплаты долгов, причем почетной, никак не умаляющей чести и достоинства должника или его учредителей. Спрос рождает массу рекламных предложений о возможности «законно не платить по долгам».

Этот вопрос находится не только в плоскости этики или правоотношений между должником и кредиторами, но имеет широкие негативные экстерналии в экономическом смысле. Создается атмосфера недоверия в бизнесе, подрывается авторитет суда и судебных актов, органов власти, занимающихся исполнением судебных актов.

Необходимость страхования рисков неисполнения обязательств объясняет высокие трансакционные издержки российского бизнеса. Контрагентам зачастую

[1] К сожалению, следует констатировать, что совершение незаконных действий также следует относить к рациональному поведению, особенно если вероятность привлечения к юридической ответственности минимальна

приходится прибегать к дорогостоящим способам обеспечения исполнения обязательств (поручительство, залоги, банковские гарантии и др.). Высокие трансакционные издержки приводят к удорожанию производимых товаров, работ, услуг, что делает их менее конкурентоспособными и, как известно, тормозит развитие экономики.

Очевидно, что требуется усиление контроля и достижение неотвратимости ответственности за сокрытие имущества от кредиторов. При превышении издержек, связанных с сокрытием активов, над стоимостью активов проблема «вывода» активов должника устранится сама собой.

Гражданско-правовые средства[1] противодействия «выводу» активов и их несовершенство. Основные гражданско-правовые средства возврата в конкурсную массу имущества должника, «выведенного» руководителем или иными контролирующими лицами, следующие: оспаривание подозрительных сделок (ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), сделок по предоставлению предпочтения одному из кредиторов, ст. 61.3 Закона о банкротстве) и субсидиарная ответственность контролирующих лиц (глава III.2 Закона о банкротстве). Эти меры представляются недостаточными.

Законом о банкротстве предусмотрено оспаривание сделок должника, а также сделок, совершенных другими лицами за счет имущества должника. Оспаривание может эффективно применяться к первым звеньям цепочки вывода активов: контрагентам должника, руководству, учредителям. Однако когда имущество «выводится» в пользу последующих звеньев, другим лицам (в т.ч. прикрывающимся статусом добросовестного приобретателя), вернуть его в конкурсную массу затруднительно, затратно либо не представляется возможным. При этом возникают сложности при изъятии имущества не только у добросовестного приобретателя, но и аффилированных с должником лиц.

Толкование понятия «сделка, совершенная за счет имущества должника», – вопрос контроверзный. Может ли имущество квалифицироваться в качестве имущества должника, если: а) имущество должника перешло от первого приобретателя другим лицам, б) на основе имущества должника создан другой объект, в) имущество должника было трансформировано в другое имущество? Нерешенным является вопрос о том, является ли только причитающееся должнику имущество, но не находящееся у него в распоряжении, его имуществом? Эти вопросы не получают однозначного ответа в законодательстве и судебной практике. При этом от ответа на эти вопросы зависит возможность оспаривания сделки по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве.

Наряду с этим существует проблема исполнения долга за должника третьим лицом. Одним из способов оказания предпочтения отдельному кредитору по отношению к другим кредиторам является исполнение обязательства за должника третьим лицом. Оспаривание такой сделки по Закону о банкротстве и возврат имущества в конкурсную массу осложняется сложившимся в судебной практике подходом, в соответствии с которым, в случае погашения долга третьим лицом за должника сделка не может быть признана недействительной, так как совершена не за счет имущества должника. Такой подход представляется неверным. Если третье лицо исполняет обязательство за должника, значит это имеет под собой какие-то основания, хотя бы и скрытые. Имущество, предоставленное третьим лицом кредитору должника, могло бы при других обстоятельствах (если не было бы признаков банкротства) быть предоставлено непосредственно должнику. Представляется оправданным установление запрета на исполнение долга за должника в пользу отдельных кредиторов должника при банкротстве. Последствием нарушения такого запрета целесообразно установить возврат имущества в конкурсную массу и возмещение убытков третьим лицом, предоставившим исполнение.

Недостатками гражданско-правовых средств возврата в конкурсную массу «выведенных» активов должника являются: длительность их реализации, финансовая затратность, отсутствие гарантий.

Банкротство одного должника занимает годы. Если активы выводились по цепочке, может быть необходимым инициирование банкротства промежуточных звеньев, что создает дополнительные трансакционные издержки. Оспаривание сделок должника при банкротстве также может занимать значительное время. При этом перспектива получения средств остается туманной. Если цепочка «вывода» активов теряется в офшоре, то шансы возврата имущества в конкурсную массу сводятся к нулю. Даже в тех случаях, когда у юридического лица есть имущество для погашения долга, оно избегает ответственности.

Возможность привлечения к субсидиарной ответственности руководителей, учредителей и других контролирующих должника лиц (ст. 61.10 Закона о банкротстве) является эффективным инструментом, однако на практике не гарантирует исполнение обязательств перед кредиторами, поскольку имущество этих лиц также может быть умело «спрятано».

При этом возможные риски реализации гражданско-правовых средств противодействия «выводу» активов не останавливают контролирующих должника лиц. Они безнаказанно совершают действия по выводу имущества, передают его другим лицам, а затем и третьим. Учредители и другие контролирующие лица прячутся за корпоративную вуаль юридического лица, избегая гражданско-правовой ответственности.

Многие недобросовестные предприятия пользуются банкротством как способом избавления от долгов. Контролирующие лица «выводят» активы и образуют новое дело, при этом очень часто на основе имущественного комплекса банкрота, выкупая его по сниженным ценам при реализации имущества банкрота.

Гражданско-правовые средства противодействия недобросовестным действиям при банкротстве могут

[1] Авторы статьи намеренно игнорируют существующую дискуссию о соотношении форм, средств и способов защиты права. Для целей настоящей статьи избранный термин «средство» понимается наиболее широко и обнимает как материальные, так и процессуальные инструменты противодействия выводу активов.

быть эффективным средством возврата имущества в конкурсную массу. Однако они не останавливают оппортуниста от попыток «вывести» активы, так как вероятность успеха недобросовестной тактики очень высока, выгоды в виде сохранения имущества привлекательны, а издержки минимальны. Недобросовестный предприниматель рискует возвратом имущества в конкурсную массу, а трудности, с которыми сталкиваются кредиторы, колоссальны: инициирование банкротства, поиск имущества, оспаривание сделок должника, привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности, затем банкротство контролирующего лица и повторение этой цепочки.

Уголовная ответственность как инструмент противодействия выводу активов. Эффективным, оперативным средством борьбы с недобросовестностью контролирующих должника лиц является уголовная ответственность по ст.ст. 195 (неправомерные действия при банкротстве) и 196 (преднамеренное банкротство) УК РФ. Одной из функций уголовного наказания является превенция. К сожалению, об уголовной превенции в области банкротства говорить в настоящее время не приходится. Указанные уголовно-правовые нормы являются «мертвыми». Работники органов предварительного расследования считают указанные составы «криминального» банкротства сложными, недоказуемыми, не видят судебную перспективу, и дела по ним возбуждают с невиданной редкостью.

Специалистами отмечается высокая латентность преступлений в сфере банкротства [3; 4, с. 199–206; 5]. В 2017 г. арбитражными судами России принято к производству 69031 заявлений о признании должника банкротом (из них 33064 – в отношении юридических лиц) [6]. При этом по данным судебной статистики судов общей юрисдикции за 2016 г. по всей стране по ч. 1 ст. 195 УК РФ (сокрытие имущества при банкротстве) осуждено 4 лица по основной статье и 1 по дополнительной квалификации, по ч. 2 ст. 195 УК РФ (неправомерное удовлетворение имущественных требований кредиторов при банкротстве) – 1 лицо по дополнительной квалификации, по ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство) – 25 лиц по основной статье и 22 лица по дополнительной квалификации, по ст. 197 УК РФ (фиктивное банкротство) – 2 лица по основной статье [7]. Бросается в глаза явное несоответствие числа осужденных за преступления в сфере банкротства с количеством банкротств. Несложный подсчет официальной статистики банкротств юридических лиц приводит к выводу, что на одно недобросовестное банкротство приходится по 600 добросовестных. Сложно поверить, что уголовная статистика адекватно отражает реальное положение дел. Специалисты по банкротству знают, что редкое банкротство обходится без «вывода» активов.

Статистика объясняется отчасти сложностью и неопределенностью понятийного аппарата диспозиций ст.ст. 195, 196 УК РФ. Так, П.С. Яни отмечает сложность понимания составов трудностями восприятия криминалистами категорий несостоятельности, имеющих в определённой части фикционный характер, а также множественность результатов толкования [8].

На наш взгляд, проблема ограничивается не только пониманием и толкованием, а более несовершенством самих составов, естественной латентностью и несовершенством правоохранительной системы.

Так, для возбуждения уголовного дела ст. 195 УК РФ необходимо, чтобы неправомерные действия при банкротстве, выражающиеся, в частности, в сокрытии имущества, совершались при наличии признаков банкротства. В соответствии со ст. 3 Закона о банкротстве одним из признаков банкротства является период неисполнения обязательства в течение 3 месяцев. Однако когда сокрытие имущества происходит ранее истечения 3-месячного срока с момента возникновения долга, квалификация по ст. 195 УК РФ исключается. Контролирующие должника лица, чтобы избежать ответственности, предусмотренной ст. 195 УК РФ, «уводят» имущество ещё до возможности установить наличие признаков банкротства, предусмотренных Законом о банкротстве.

Более того, категория «признаки банкротства» в действующей редакции ст. 3 Закона о банкротстве применяется только к юридическим лицам. В отношении банкротства физических лиц применяются хоть и смежные с понятием «признаки банкротства», но нетождественные понятия «неплатежеспособности» и «недостаточности имущества» (ст. 213.4 Закона о банкротстве), Указанное исключает уголовную ответственность за сокрытие имущества физическим лицом (в т.ч. предпринимателем), учитывая запрет применения норм по аналогии в уголовном праве. Причина этой коллизии ясна – уголовный закон не успевает за изменением законодательства о банкротстве[1].

Уголовное преследование за «вывод» активов, совершенный до появления признаков банкротства, содержится в ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство). Конструкция указанного состава обладает рядом недостатков.

Диспозиция ст. 196 УК РФ ориентирована в первую очередь на защиту хозяйствующего субъекта от действий контролирующих его лиц, от причинения ему «экономической смерти» (банкротства) путем совершения действий, в результате которых лицо не сможет рассчитаться перед кредиторами. Это следует из наименования статьи и диспозиции нормы. Отчасти этот вывод подтверждается сложившейся практикой определения размера ущерба (причинение крупного ущерба является обязательным элементом объективной стороны состава). В науке и на практике наиболее распространена точка зрения, согласно которой ущерб определяется суммой уменьшения активов должника [9, с. 386]. Однако при этом упускается из внимания, что убытки кредиторов, возникшие вследствие сокрытия имущества, могут превышать сумму уменьшения активов должника. Не решен окончательно вопрос о том, кого признавать потерпевшим при совершении преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ. Очень часто потерпевшим признается только юридическое лицо, но не его кредиторы [10, с. 18–24]. Отмеченное

[1] Частота изменений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также является своеобразным показателем проблем. За период с 2011 по июнь 2018 г. насчитываются 61 редакция закона.

является еще одним подтверждением «продолжниковой» ориентации ст. 196 УК РФ.

Следует отметить, что гражданский оборот нуждается в защите прав кредиторов не меньше, чем в защите хозяйствующих субъектов. Кроме того, защищая юридическое лицо, мы косвенно защищаем и его контролирующих лиц, участников, руководство, в то время как большей защиты требуют добросовестные кредиторы.

Еще одна сложность привлечения к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, кроется в том, что неплатежеспособность может быть связана также с объективными причинами, такими, как: убыточность финансово-хозяйственной деятельности; низкая рентабельность производства; изношенность оборудования; рост кредиторской задолженности; неэффективная производственная деятельность; низкая платежная дисциплина контрагентов; резкое повышение рыночных цен на сырье и материалы, а также другие факторы [11, с. 47–52]. Отмеченное допускает смешение объективных факторов с преступными действиями по сокрытию имущества, что усложняет квалификацию.

Практика нуждается в четких уголовно-правовых запретах сокрытия имущества должника как до возникновения признаков банкротства, так и после этого, обеспечивающих защиту прав добросовестных кредиторов.

Представляется целесообразным введение уголовной ответственности за сокрытие имущества, имущественных прав, иных активов от взыскания в пользу кредиторов, причинившее крупный ущерб кредиторам, вне зависимости от того, повлекло ли это банкротство или совершено в период банкротства или накануне его. Степень общественной опасности такого деяния позволяет относить его к категории преступлений средней тяжести, а при особо крупном размере – тяжким преступлениям. За деяния, не причинившие крупный ущерб кредиторам, можно ввести административную ответственность в виде дисквалификации.

При этом смежные составы действующего уголовного закона не обеспечивают ответственность за «вывод» активов: для квалификации по 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата) УК РФ не всегда при выводе активов возможно доказать корыстный характер изъятия имущества; состав ст. 201 (злоупотребление полномочиями) УК РФ включает ряд обязательных элементов объективной стороны, установление которых нецелесообразно задаче защиты кредиторов от «вывода» активов (применение ее только к руководителю, в то время как часто на практике руководитель банкрота является номинальным и не принимает ключевые решения; действие вопреки интересам организации); ст. 315 (неисполнение судебного акта) УК РФ предусматривает санкцию за неисполнение судебного акта, однако вывод активов нередко осуществляется еще до провозглашения судебного акта по делу.

Отдельно несмотря на сложности, существующие при доказывании криминальных банкротств [12], Верховный Суд РФ не дает соответствующих разъяснений по вопросам применения ст.ст. 195–197 УК РФ в виде отдельного постановления пленума. Отчасти это объяснимо небольшим количеством уголовных дел. Вместе с тем это не означает отсутствие проблем на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Уголовные дела по указанным составам не возбуждаются даже при наличии очевидных признаков «вывода» активов, а также причинно-следственной связи между соответствующими действиями и банкротством должника, при наличии заключений арбитражного управляющего о преднамеренном банкротстве.

Соавтор статьи в практической деятельности столкнулся со следующим делом, обстоятельства которого намеренно приводятся подробно, с тем чтобы читатель мог прочувствовать, до какой степени безбоязненными и при этом безнаказанными (после десятков жалоб на неполноту доследственной проверки и необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела) могут быть действия контролирующих должника лиц.

Прокурором Железнодорожного района г. Красноярска неоднократно отменялись постановления органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению конкурсного управляющего ООО «Флорист» по факту преднамеренного банкротства последнего[1].

Поводом для обращения в органы внутренних дел послужили действия руководства ООО «Флорист», которые заведомо повлекли неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредитора по денежным обязательствам (ООО «Солнечный берег-Сибирь»).

В 2010 г. ООО «Солнечный берег-Сибирь» обратилось с иском к ООО «Флорист» о взыскании задолженности в размере более чем 8 млн руб. Сразу после подачи иска в суд руководителем ООО «Флорист» совершены действия по «выводу» всего имущества организации на сумму, превышающую размер задолженности:

– вся дебиторская задолженность была «выведена» на свое аффилированное юридическое лицо (организация, учредителем и директором которой является родная сестра директора ООО «Флорист»), все денежные средства по обязательствам были перечислены на расчетный счет этого аффилированного лица. При этом аффилированная организация активно работала, занимаясь тем же видом деятельности;

– в пользу аффилированных лиц совершено отчуждение двух грузовых и одного легкового автомобиля, принадлежавших ООО «Флорист» (родной сестре и директору ООО «Флорист»). При этом суммы в договорах явно занижены, а деньги от реализации автомобилей на расчетные счета ООО «Флорист» не поступали;

– после наложения ареста на расчетные счета руководителем должника открывается новый расчетный счет, по которому за период в несколько дней со дня открытия и до наложения ареста «выведено» около 2,5 млн руб. денежных средств;

– в это же время руководитель ООО «Флорист» предъявлял в банки платежные поручения о выплате заработной платы ему же (директору), а также его родному брату на общую сумму более 500 тыс. руб. При этом обычная зарплата этих лиц – 20–30 тыс. руб., однако, очевидно, по причине более высокой очередно-

[1] Наименования юридических лиц изменены.

сти погашения, в период «вывода» активов превышала 100 тыс. руб. каждому;

– после совершения этих действий права учредителей ООО «Флорист» передаются фиктивному лицу, а организация меняет адрес регистрации (из г. Красноярск в г. Самару).

После этого бывшие учредители и руководство ООО «Флорист» на протяжении двух лет вели бизнес посредством ООО «ПИК-Трэйд», которое осуществляло те же виды деятельности, работая с теми же контрагентами, с которыми работало ООО «Флорист». В начале 2013 г. корпоративные права к ООО «ПИК-Трэйд» также передаются фиктивному лицу, а сама организация меняет место нахождения на г. Ставрополь. При этом кредиторы ООО «ПИК-Трэйд» так же не получили удовлетворения на сумму более 6 млн. руб. По настоящее время уголовное дело не возбуждено.

По мнению С.В. Красникова, преступлениям в сфере банкротства свойственна естественная латентность (только 9 % опрошенных кредиторов, не получивших свои денежные средства в результате незаконного банкротства, обращаются в соответствующие правоохранительные органы) [13].

Поэтому очень важно по каждому делу о банкротстве проводить тщательный анализ финансового состояния должника в целях выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. В соответствии с действующим законодательством о банкротстве этот анализ проводится арбитражным управляющим. Вероятная ангажированность арбитражного управляющего, который de facto может действовать в интересах кредиторов (одного из кредиторов) или в интересах должника, в зависимости от того, кто предложил его кандидатуру и кто оплачивает его труд, обусловливает необходимость установления действенного контроля со стороны за проведением анализа признаков преднамеренного банкротства. Вряд ли саморегулируемые организации арбитражных управляющих в состоянии добиться качественной работы от арбитражного управляющего. Поэтому целесообразно поручить эту работу органам внутренних дел (хотя бы частично, по крупным должникам). Это, разумеется, приведет к дополнительным государственным расходам, однако в длительной перспективе компенсируется экономическим ростом и дополнительными налоговыми доходами бюджета.

В качестве одного из аспектов решения проблемы целесообразно установление уголовной ответственности в отношении арбитражного управляющего за заведомое сокрытие сведений о фактах «криминального» банкротства. За проведение анализа финансового состояния должника ненадлежащим образом, если действия не содержат признаков уголовно-наказуемого деяния, следует установить специальную административную ответственность в виде длительной дисквалификации арбитражного управляющего и высокие штрафы. Такая ответственность может и не будет стопроцентным заградительным барьером для «вывода» активов, но существенно увеличит издержки оппортунистов, поскольку арбитражные управляющие согласятся на нарушения только за очень большие деньги.

Эффективное применение уголовной ответственности существенно повысило бы издержки оппортуниста. Высокая вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности оттолкнула бы многих от попыток «вывода» активов. Также повысило бы издержки повышение санкции.

Комплексный подход к защите прав предпринимателей. Защита прав предпринимателей – комплексный институт права, состоящий из норм различной отраслевой принадлежности. Конкретные формы и способы защиты прав предпринимателей находят свое закрепление как в административном законодательстве (включая финансовое, бюджетное, налоговое), законодательстве об административных правонарушениях, уголовном законодательстве. Гражданское законодательство также является источником множества норм, имеющих целью защиту прав предпринимателей. Добиться обеспечения прав и интересов предпринимателей в рамках одной отрасли законодательства невозможно. Пренебрежение одними способами и средствами защиты прав предпринимателей в пользу других ставит под угрозу реализацию дела защиты предпринимателей в целом.

В литературе справедливо отмечается, что защита прав предпринимателей – не только защита от незаконных действий органов власти, контролирующих, надзорных органов, но и от нарушений со стороны других предпринимателей [14, с. 29, 57–73].

Решение проблемы выбора оппортунистического поведения при банкротстве является не менее важным для предпринимателей и всего гражданского оборота, чем защита их прав при осуществлении государственного контроля (надзора), однако не занимает важного места в повестке дня уполномоченных на защиту прав предпринимателей органов власти.

К сожалению, эта сторона дела остается в тени и зачастую не рассматривается в контексте защиты прав предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оливер И.* Уильямсон. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 39–49.
2. *Ulen T.S.* Rational Choice in Law and Economics // Encyclopedia of Law and Economics / ed. by G. De Geest and B. Bouckaert. 2000. P. 790–818.
3. *Вакутин А.А.* Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 22 с.
4. *Кузьминов Д.А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с банкротством: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 214 с.
5. *Мещеряков А.В.* Уголовно-правовое и криминологическое противодействие криминальным банкротствам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 20 с.

6. *Отчет* о работе арбитражных судов субъектов РФ по делам о банкротстве за 12 месяцев 2017 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls (дата обращения: 25.11.2018).
7. *Отчет* о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2017 года. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls (дата обращения: 25.112018).
8. *Яни П.С.* Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. № 1. С. 38–42.
9. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. 765 с.
10. *Ляскало А.Н.* Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // Законность. 2012. № 12. С. 18–24.
11. *Финогенов А.В.* О некоторых особенностях квалификации преднамеренных банкротств (ст. 196 УК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 47–52.
12. *Емельянова М.* Противодействие криминальным банкротствам // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. С. 6–7.
13. *Красников С.В.* Незаконное банкротство: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 27 с.
14. *Витрянский В.В.* Защита имущественных прав предпринимателей. М. : Бек, 1992. 158 с.

EFFECTIVE COUNTERACTION TO THE CONCEALMENT OF THE DEBTOR'S PROPERTY IN THE BANKRUPTCY BY CIVIL AND CRIMINAL LAW MEANS IN THE CONTEXT OF ENTREPRENEURS' RIGHTS PROTECTION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 46–52. DOI 10.17223/23088451/12/9

Aleksey I. Frolov, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: f_ai@bk.ru
Vadim V. Cherepanov, Tomsk Region Advocate's Chamber (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim_2009@list.ru

Keywords: concealment of property, withdrawal of assets, transaction costs, economic analysis of rights, illegal actions in bankruptcy, deliberate bankruptcy.

The article presents the authors' perspective on the counteraction to the concealment of property from creditors as on an element of the system for protecting the entrepreneurs' rights. The authors dwell on the problem of the rational choice by the persons controlling the debtor of the variant of opportunistic behaviour predetermined by the ratio of the benefits and costs associated with the concealment of the debtor's assets. They argue that the civil law measures to counter the debtor's assets withdrawal are ineffective and emphasise the need to improve the criminal law methods to combat criminal bankruptcies. The study is based on the works by Russian and foreign researchers in the field of civil and criminal law, as well as on legislation and practice of applying the law in the field of countering the debtor's assets withdrawal in bankruptcy. The methodological basis of the study is both general and private scientific methods of cognition as well as methods of economic analysis of law. The analysis of civil remedies to counter the debtor's property concealment from creditors (in particular, the rules on challenging the debtor's transactions in bankruptcy cases, the rules on bringing controlling debtors to subsidiary liability) reveals their ineffectiveness. The controlling bodies do not face significant costs due to the civil means of counteracting the concealment of the debtor's property used against them. The analysis of the statistics of bringing to criminal liability for violations in the sphere of bankruptcy shows no adequate response from the law enforcement system to these violations. The threat of a debtor's "withdrawal of assets" is a circumstance that increases transaction costs and impedes economic development. The authors conclude that it is necessary to improve the mechanism of criminal prosecution for concealing property in bankruptcy as an effective means of fighting against unfair practices on the part of persons controlling the debtor. Criminal measures to combat bankruptcy crimes can lead to a significant increase in the costs of unscrupulous behaviour of the persons controlling the debtor and level off the interest in obtaining unfair advantages because of hiding property from creditors.

References

1. Williamson, O. (1993) Povedencheskie predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza [Behavioural background of modern economic analysis]. *THESIS*. 3. pp. 39−49
2. Ulen, T.S. (2000) Rational Choice in Law and Economics. In: De Geest, G. & Bouckaert, B. (eds) *Encyclopedia of Law and Economics*. Edward Elgar Pub. pp. 790−818.
3. Vakutin, A.A. (2013) *Ugolovno-pravovaya otsenka nepravomernykh deystviy pri bankrotstve* [Criminal law assessment of illegal actions in bankruptcy]. Abstract of Law Cand. Dis. Omsk.
4. Kuzminov, D.A. (2007) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s bankrotstvom: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Criminal law characteristics of crimes related to bankruptcy: A theoretical and applied study]. Law Cand. Dis. Rostov-on-Don.
5. Meshcheryakov, A.V. (2012) *Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodeystvie kriminal'nym bankrotstvam* [Criminal law and criminological counteraction to criminal bankruptcies]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017a) *Otchet o rabote arbitrazhnykh sudov sub"ektov RF po delam o bankrotstve za 12 mesyatsev 2017 goda* [Report on the work of arbitration courts of constituent entities of the Russian Federation in bankruptcy cases for 12 months of 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls. (Accessed: 25.11.2018).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017b) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 12 mesyatsev 2017 goda* [Report on the number of convicts for all the crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages /sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls. (Accessed: 25.11.2018).
8. Yani, P.S. (2014) The problems of classification of bankruptcy crimes. *Zakonnost'*. 1. pp. 38−42. (In Russian).
9. Volzhenkin, B.V. (2007) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

10. Lyaskalo, A.N. (2012) Criminal law evaluation of certain objective features of criminal bankruptcies. *Zakonnost'*. 12. pp. 18−24. (In Russian).
11. Finogenov, A.V. (2014) On certain peculiarities of qualification of intentional bankruptcies (Art. 196 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 11. pp. 47−52. (In Russian).
12. Emelyanova, M. (2016) Protivodeystvie kriminal'nym bankrotstvam [Counteraction to criminal bankruptcies]. *EZH-Yurist*. 19. pp. 6−7.
13. Krasnikov, S.V. (2007) *Nezakonnoe bankrotstvo: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty* [Illegal bankruptcy: criminal law and criminological aspects]. Abstract of Law Cand. Dis. Chelyabinsk.
14. Vitryanskiy, V.V. (1992) *Zashchita imushchestvennykh prav predprinimateley* [Protection of entrepreneurs' property rights]. Moscow: Izdatel'stvo Bek.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.12 DOI 10.17223/23088451/12/10

В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВАМИ И ПРИНЦИП БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ ЗАЩИТЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

В статье сопоставляются возможности противодействия злоупотреблению правом и концепция благоприятствования защите. Авторами анализируются рассматриваемые категории с позиции теории и практики их проявления. Выявляется их соотношение, по результатам изучения предлагается вывод о том, что противодействие злоупотреблению правом можно применять только в ограниченных случаях, строго определенных в законе.

Ключевые слова: *злоупотребление правом, благоприятствование защите, принципы уголовного процесса.*

Тема злоупотребления правом в уголовном процессе продолжает оставаться дискуссионной и актуальной, о чем свидетельствуют многочисленные публикации на страницах юридической прессы. Многие из них освещают такие неожиданные стороны указанного явления, которые заставляют задуматься и, в известной мере, переосмыслить отношение авторов к заявленной проблеме.

В частности, анализ юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что теоретическая и практическая плоскости рассматриваемого феномена весьма отдалены друг от друга, что само по себе увеличивает потенциальную опасность нарушения прав и свобод граждан, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений.

Кроме того, очевидно весьма противоречивое отношение к данному явлению со стороны субъектов, которых непосредственно затрагивает ситуация, связанная со злоупотреблением правом, и в частности – суда, стороны обвинения и стороны защиты.

Попробуем рассмотреть наиболее острые вопросы этой темы и высказать по ним свои оценки.

Адвокатское сообщество сформировало к данному явлению однозначное отношение, которое можно сформулировать следующим образом: попытка государства отграничить права обвиняемого, подсудимого (его защитника) анализируемой правовой конструкцией в действующем УПК РФ не имеет достаточных оснований. Причина их отсутствия объясняется возможностью решать имеющиеся проблемы, возникающие в данной сфере, имеющимися уголовно-процессуальными механизмами.

В частности, Г.М. Резник рассуждает следующим образом: «Заигрывать с этой проблемной, оценочной категорией “злоупотребление правом” и пытаться использовать ее во благо уголовной защите институту адвокатуры нельзя. Уголовный процесс построен на принципах презумпции невиновности и благоприятствования защите. Посему задача состоит в том, чтобы ввести применение этой категории, отсутствующей в УПК, в узкие правовые рамки – а именно поведения, препятствующего рассмотрению дела в разумные сроки. Такие сроки исчисляются не днями и неделями, а месяцами. И судьи должны выносить о подобном, по их мнению, явно недобросовестном использовании стороной защиты своих прав мотивированные постановления (определения) с тем, чтобы обеспечивать право их обжалования» [1, с. 7].

При этом в попытке ввести в УПК РФ понятие злоупотребления правом автор видит в том числе, «осаду с такими ее средствами, как замена презумпции невиновности презумпцией добросовестности материалов предварительного расследования, принесение прав и свобод личности в жертву раскрытию преступлений, а то и не столь редкое искусственное создание уголовных дел, пренебрежение процессуальными гарантиями, по существу вырождение института допустимости доказательств, недейственность апелляции» [1, с. 7].

Весьма категоричное и спорное утверждение, с которым можно лишь отчасти согласиться. Особенно важно в данном контексте определиться с вопросом о наличии противоречий между конструкцией злоупотребления правом и концепцией благоприятствования защите (favor defensionis).

Современный российский уголовный процесс построен на принципах состязательности и равноправия сторон, что подразумевает обеспечение стороне защиты права на отстаивание своей позиции в равной мере со стороной обвинения. Уголовное судопроизводство изначально (на досудебных стадиях) ставит в неравное положение стороны обвинения и защиты. Фактическое неравенство сторон, по мысли законодателя, должно специально компенсироваться, в том числе с помощью специальных процессуальных правил и институтов, наделяющих сторону защиты (как более слабую сторону) дополнительными правами и гарантиями сверх механического уравнивания полномочий. В ряде случаев стороне защиты действительно предоставляются процессуальные преимущества (привилегии) по сравнению со стороной обвинения. Эта конструкция из-

вестна в теории уголовного процесса как «благоприятствование защите» [2, с. 276].

Указанная конструкция прослеживается во многих ключевых стадиях и институтах уголовно-процессуального права, что позволяет некоторым авторам рассматривать ее в качестве принципа уголовного процесса [3, с. 20].

Одним из постулатов, на котором зиждется указанная концепция, служит принцип презумпции невиновности, обязывающий государственные органы доказывать виновность обвиняемого (подсудимого), с непременным толкованием всех неустранимых сомнений в пользу последнего. Одной из гарантии реализации рассматриваемого принципа является обеспечение подозреваемого и обвиняемого квалифицированной юридической помощью, которая в рамках уголовного процесса реализуется, прежде всего, в деятельности адвоката – защитника. Поэтому попытка ограничения права обвиняемого (подсудимого) и его защитника путем применения положений о противодействии злоупотреблению правом последними нивелирует всю совокупность законодательных предписаний, связанных с применением концепции favor defensionis, ставя под сомнение возможность реализации фактически любого их права.

Вместе с тем Л.В. Головко следующим образом описывает соотношение анализируемых конструкций. Одновременное признание двух связанных с друг с другом процессуальных конструкций – благоприятствования защите (favor defensionis) и запрета злоупотребления правом на защиту – позволяет найти искомую точку баланса: уголовно-процессуальная система должна благоприятствовать защите как более слабой стороне, но лишь до тех пор, пока защита не начинает злоупотреблять принадлежащими ей правами. В этом смысле запрет злоупотребления правом на защиту очерчивает те **пределы**, в которых существует благоприятствование защите [2, с. 288].

В этой части автор фактически ставит возможность реализации концепции благоприятствования защите в зависимость от наличия факта злоупотребления правом, что может вызвать сомнения, прежде всего, с позиции практики реализации изучаемой конструкции.

Не случайно многие юристы выделяют в качестве основного препятствия для законодательного закрепления понятия злоупотребление правом – субъективный характер его оценки. Отсутствие четких рамок, критериев для квалификации указанного явления может создавать почву для потенциальных нарушений со стороны представителей стороны обвинения, и даже – суда.

Именно по этой причине в адвокатском сообществе в противовес сказанному предлагается весьма оригинальная идея. «Составляющим элементом процессуального механизма favor defensionis может стать законодательное сокращение дискреционных полномочий органа расследования в отношении представителей стороны защиты с передачей этих полномочий в исключительное ведение суда в рамках судебного контроля за соблюдением на досудебных стадиях конституционных прав и свобод граждан» [4, с. 53].

Для того чтобы сохранить баланс прав обвинения и защиты в ходе применения положений о противодействии злоупотреблению правом, можно воспользоваться некоторыми предложениями представителей адвокатского сообщества. В частности, предлагается нормативное закрепление в действующем уголовно-процессуальном законе России правового механизма благоприятствования защите, который позволит создать систему компенсаций, дающих основания говорить о возможности фактической реализации состязательности и равноправия сторон, в том числе на досудебных стадиях судопроизводства. Благоприятствование защите должно в себя включать, в частности, дополнительную уголовно-процессуальную ответственность органа расследования за допущенные в ходе досудебных стадий нарушения закона, а также сокращение полномочий органа расследования в отношении стороны защиты, с передачей их в ведение суда в рамках его контрольных функций [4, с. 56].

Исходя из изложенного, можно сделать весьма интересные выводы. Злоупотребление правом имеет место как в судебной, так и следственной практике. Отметим, что в действующем законодательстве наличествуют уголовно-процессуальные механизмы, позволяющие его пресекать. Правовые основания для их реализации можно отыскать в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ. Этому же посвящен также и п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

В уголовно-процессуальном законодательстве тоже созданы институты, реализующие концепцию благоприятствования защите. Зачастую их нормы практически игнорируются либо реализуются не в соответствии с духом закона, что фактически является грубым нарушением прав стороны защиты. Концепция favor defensionis дезавуируется предписаниями о противодействии злоупотреблению правом, поскольку ими создается фактическая возможность ограничения предоставляемых ею прав. Важным шагом к обеспечению действия принципа состязательности в уголовном процессе стали принятые законодателем новеллы, направленные на создание дополнительных гарантий независимости адвокатов при оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Представляется, что наметившаяся тенденция усиления возможностей благоприятствования стороне защиты в уголовном судопроизводстве в целом отвечает идее обеспечения прав и свобод человека и гражданина [5].

Иными словами, законодательное закрепление понятия противодействия злоупотреблению правом в качестве принципа уголовного процесса может создать угрозу реализации положений favor defensionis, что вряд ли правильно, поскольку это одновременно затронет многие постулаты уголовного процесса.

Поэтому правильно предложение Г.М. Резника о том, что реализация положений о злоупотреблении правом возможна весьма в достаточно узких рамках, в определенных уголовно-процессуальных правоотношениях, связанных, например, с заявлением хода-

тайств в стадии судебного разбирательства, надлежащим поведением, порядком назначения защитника по уголовному делу [1, с. 7].

Между тем весьма показательна складывающая по данному вопросу судебная практика. Здесь выделяются следующие виды возможного злоупотребления правом со стороны защиты: 1) злоупотребления при подаче жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (например, обжалуются все без исключения процессуальные решения, действия (бездействие), совершенные по обращениям; не сообщение (умышленное сокрытие для суда результатов рассмотрения обращений должностными лицами органов уголовного преследования и т.д.) [6, с. 23–27]; 2) нарушение подсудимым и защитником порядка в судебном заседании; неподчинение распоряжениям председательствующего; неявка защитника в заседание, необоснованный отказ от защитника, его отвод [7, с. 57–61]; 3) заявление многочисленных немотивированных и однотипных ходатайств [8, с. 32–34] и т.д.

Более того, некоторые авторы, на наш взгляд, не вполне обоснованно усматривают возможность – потенциальное злоупотребление правами при реализации изменений и дополнений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ. Например, полагают, что закрепленное в ч. 2.1 ст. 159 УПК право участия в следственных действиях, производимых по ходатайствам защитника, может быть им использовано для выяснения сведений, которые составляют следственную тайну. По мнению С.А. Гордейчика, грамотному защитнику не составит труда, в этой связи, заявить ходатайство, в котором будет отражена важная информация о предстоящем расследовании по делу [9, с. 51–52].

Приведенные оценки наглядно демонстрируют риски применения положений о противодействии злоупотреблению правом в случае их нормативного закрепления, что создает возможности для частичного отказа от концепции благоприятствования защите.

Некоторые адвокаты обращают внимание на имеющиеся случаи злоупотребления правом со стороны представителей стороны обвинения, такие как: уклонение от производства в определенное заранее обговоренных следственных действий, неявки в судебное заседание государственных обвинителей, безосновательный, немотивированный отказ в удовлетворении ходатайств стороны защиты, непроцессуальное общение прокурора с судьей, «работа» над показаниями свидетеля до момента его допроса в суде [10, с. 5]; искусственное завышение квалификации преступления [11, с. 7].

Однако, по верному замечанию Г.М. Резника, указные нарушения лежат в плоскости уголовно-процессуальных, административных, уголовных и дисциплинарных правоотношений [1, с. 7] и не должны расцениваться как злоупотребление правом.

Аналогичным образом можно предположить, что факты злоупотребления правами в уголовном процессе со стороны защитников должны рассматриваться квалификационными комиссиями адвокатских палат субъектов с применением к ним, в случае выявления нарушений, мер дисциплинарного характера. Иные факты злоупотребления уголовно-процессуальными правами способны пресекаться действующими правовыми механизмами.

В завершение отметим, что возможность закрепления правовой конструкции злоупотребления правом в качестве принципа уголовного процесса несет в себе потенциальную угрозу реализации положений концепции favor defensionis в уголовном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резник Г.М.* Не атака, а осада. Долгая // Адвокатская газета. 2018. № 10 (266). С. 6–7.
2. *Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др.* Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М. : Статут, 2016. 1278 с.
3. *Принципы* совершенного российского уголовного судопроизводства / коллектив авторов ; науч. ред. И.В. Смолькова ; отв. ред. Р.В. Мазюк. М. : Юрлитинформ, 2015. 382 с.
4. *Соловьев С.А.* Право следователя на отвод адвоката через призму процессуального механизма благоприятствования защите // Адвокат. 2016. № 3. С. 53–57.
5. *Соловьева Ю.И.* Нарушение права на защиту в уголовном процессе // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
6. *Ярцев Р.В., Безруков О.А.* Злоупотребление правом – основание отказа в принятии заявления // Мировой судья. 2017. № 5. С. 23–27.
7. *Коломенский П.Н.* Злоупотребление правом на защиту: отдельные вопросы правового регулирования на судебных стадиях уголовного процесса // Судья. 2015. № 11. С. 57–61.
8. *Гордейчик С.А.* Злоупотребление правом при заявлении ходатайств стороной защиты // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 32–34.
9. *Гордейчик С.А.* Новеллы уголовно-процессуального законодательства, расширяющие права адвокатов // Законность. 2017. № 8. С. 51–52.
10. *Тарасов Н.* Использовать инструментарии обвинения // Адвокатская газета. 2018. № 9 (266). С. 5–6.
11. *Ваюкин В.* Угроза произвола // Адвокатская газета. 2018. № 9 (266). С. 7–8.

COUNTERACTION TO RIGHTS ABUSE AND FAVOR DEFENSIONIS IN THE CRIMINAL PROCESS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 53–56. DOI 10.17223/23088451/12/10

Vladimir A. Azarov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru
Daulet M. Nurbaev, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: daulet_mn@mail.ru

Keywords: abuse of rights, favor defensionis, principles of criminal procedure.

This study aims at comparing the concepts of abuse of rights and favor defensionis. The authors compare the category of abuse of rights with the concept of favor defensionis from the standpoint of their possible contradiction and conclude that the abuse of rights may significantly restrict the fundamental rights of the defense. The main methods used in this work are comparison, induction and deduction. The study is based on the definitions and decisions of courts of general jurisdiction in the criminal cases. The formal legal method makes it possible to compare the concept of abuse of rights in criminal proceedings with the concept of favor defensionis, while the comparative legal method allows comparing and identifying the main contradictions in the course of their possible implementation. The authors conclude that counteraction to the abuse of rights can only be applied in very specific and typical investigative and judicial situations, but in other cases it is necessary to implement the existing criminal procedure rules governing the analysed legal relations.

References

1. Reznik, G.M. (2018) Ne ataka, a osada. Dolgaya [Not an attack, but a siege. A long one]. *Advokatskaya gazeta*. 10(266). pp. 6–7.
2. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Statut.
3. Mazyuk, R.V. (ed.) *Printsipy sovershennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of Perfect Russian Criminal Proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
4. Solovyev, S.A. (2016) Pravo sledovatelya na otvod advokata cherez prizmu protsessual'nogo mekhanizma blagopriyatstvovaniya zashchite [The right of the investigator to withdraw a lawyer through the prism of the procedural mechanism favoured by the defense]. *Advokat*. 3. pp. 53–57.
5. Solovyeva, Yu.I. (n.d.) *Narushenie prava na zashchitu v ugolovnom protsesse* [Violation of the right to defense in criminal proceedings]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru. (Accessed: 25.11.2018).
6. Yartsev, R.V. & Bezrukov, O.A. (2017) Abuse of Law – Ground for Refusal to Accept an Application. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 5. pp. 23–27. (In Russian).
7. Kolomenskiy, P.N. (2015) Zloupotreblenie pravom na zashchitu: otdel'nyye voprosy pravovogo regulirovaniya na sudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa [Abuse of rights to defense: certain issues of legal regulation at the judicial stages of the criminal process]. *Sud'ya*. 11. pp. 57–61.
8. Gordeychik, S.A. (2017a) Abuse of Law at Filing Petitions by Defence. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 4. pp. 32–34. (In Russian).
9. Gordeychik, S.A. (2017b) Novelly ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, rasshiryayushchie prava advokatov [Novellas of criminal procedure legislation extending the rights of lawyers]. *Zakonnost'*. 8. pp. 51–52.
10. Tarasov, N. (2018) Ispol'zovat' instrumentarii obvineniya [To use the tools of prosecution]. *Advokatskaya gazeta*. 9(266). pp. 5–6.
11. Vayukin, V. (2018) Ugroza proizvola [The threat of abuse]. *Advokatskaya gazeta*. 9(266). pp. 7.

УДК 343.13 DOI 10.17223/23088451/12/11

О.И. Андреева, О.А. Зайцев

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-03-00413.

Речь идет об имеющихся перспективах ведения в электронном формате уголовного судопроизводства России. Отмечено, что одним из его основных элементов является электронный документ, порядок использования которого нуждается в совершенствовании. Сделан вывод о том, что правовое регулирование применения информационно-цифровых технологий в уголовном процессе должно иметь системный характер, быть направленным на обеспечение как публичных, так и частных интересов, способствовать большей доступности к правосудию.

Ключевые слова: *электронное уголовное дело, электронный документ, доступ к правосудию, соотношение частных и публичных интересов, злоупотребление правомочиями.*

Научно-техническая революция, глобальная информатизация и цифровизация современного общества, повсеместное использование электронных средств коммуникации обусловили необходимость перехода судебно-следственных органов на качественно новый уровень [1]. Применявшиеся долгие годы методы коммуникации затрудняют производство по уголовному делу и не отвечают потребностям и ожиданиям современного общества. Одним из универсальных инструментов модернизации уголовного судопроизводства может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу. Это будет способствовать одновременному достижению целей внедрения новых информационных технологий, повышению открытости, доступности и оперативности правосудия, а также совершенствованию самого процесса посредством снижения его избыточного формализма [2, с. 101].

В современной юридической литературе под «электронным уголовным делом» понимается информационная система, предназначенная для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела, полностью заменяющая собой бумажный вариант, с высоким уровнем безопасности [3, с. 29]. Практика производства по уголовному делу в электронном формате достаточно широко распространена в рамках судебных систем таких зарубежных стран, как Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Саудовская Аравия, США, Швеция, Южная Корея и др. Следует отметить, что информационная система «электронное уголовное дело» внедрена и в государствах постсоветского пространства: Грузии, Республике Казахстан, Республике Молдова, Украине, Эстонии и др.

В Российской Федерации, к сожалению, отсутствует государственная программа реализации информационной системы «Электронное дело» в уголовном процессе, охватывающая все его этапы: от регистрации преступления до исполнения приговора. В то же время отдельные предпосылки для введения электронного формата уголовного судопроизводства в нашей стране имеются. В частности, на государственном уровне приняты федеральные целевые программы, предусматривающие информатизационное обеспечение деятельности судебной системы [4–6]. Реализация этих программ подразумевает процесс широкого внедрения и использования информационных технологий внутри судебной системы и во взаимоотношениях с такими внешними субъектами, как экспертными органами и учреждениями, службой судебных приставов. Во исполнение вышеуказанных программ Верховным Судом Российской Федерации разработаны порядок подачи [7] и использования документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов [8].

Действующее российское законодательство предусматривает различные возможности применения информационно-цифровых технологий как для должностных лиц государственных органов, осуществляющих производство по уголовному делу, так и для частных лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства в качестве его участников. Цифровые технологии достаточно широко используются в доказывании по уголовным делам. К примеру, властные участники уголовного процесса наделены правом выполнения процессуальных документов не только типографским, но и электронным способом (ст. 474 УПК РФ). Копии судебных решений могут изготавливаться в форме электронного документа (ст. 474.1 УПК РФ). Допускается направление исполнительного листа вместе с копией судебного решения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью (ст. 393 УПК РФ). Лица, пострадавшие от совершенного преступления, вправе подавать заявления о преступлениях в электронной форме посредством официальных сайтов [9]. На справочно-информационном Портале государственных услуг Российской Федерации сформирован ресурс «Безопасность и охрана правопорядка», через который граждане могут обратиться в правоохранительные органы с заявлением о преступлении. Любой участник уголовного судопроизводства вправе подавать в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления по делу, а также по вопросам, связанным с исполнением судебного акта и приговора, в форме электронного документа (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ). По заявлению субъекта уголовно-процессуальных отношений суд может

направить ему копию судебного решения в электронном виде, с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ст. 474.1 УПК РФ). Процессуальный порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве закреплен в ст. 474.1 УПК РФ.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о том, что одним из основных элементов электронного формата уголовного судопроизводства является электронный документ, порядок использования которого нуждается в совершенствовании. Под электронным документом принято понимать документ, который создан в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе и подписан электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [7, 8].

Следует отметить, что акты Верховного Суда РФ регулируют порядок подачи и использования документов в электронном виде только в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Как следствие, отсутствует ясность в вопросе о том, возможно ли изготовление процессуальных решений в форме электронного документа должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование? Представляется, что в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом – нет. Статья 474 УПК РФ, именуемая «Оформление процессуальных действий и решений на бланках процессуальных документов», предусматривает возможность выполнения процессуальных документов в уголовном процессе электронным способом. В то же время ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ наделяет суд правом изготавливать судебное решение в форме электронного документа. Вместе с тем ст. 474.1 УПК РФ предусматривает право лица подавать представления в суд в форме электронного документа. При этом ст. 5 УПК РФ устанавливает, что представление – это акт реагирования прокурора на судебное решение, вносимый в порядке, установленном УПК РФ. Очевидно, что документ, изготовленный электронным способом, как не предусматривающий подписания электронной подписью [10], отличен от электронного документа, он же отличен и от электронного образа документа, как не предусматривающий заверения электронной подписью. В этой связи, с одной стороны, сказанное не позволяет утверждать, что участником электронного взаимодействия (из должностных лиц) в уголовном судопроизводстве является только суд. С другой стороны, следует отметить, что органы и должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, недостаточно вовлечены в механизм, предусматривающий использование информационных технологий.

Не внес ясности в разрешение этого вопроса и Пленум Верховного Суда РФ, в постановлении которого от 26 декабря 2017 г. отмечено, что по смыслу ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ участники уголовного судопроизводства вправе направлять в суд в электронном виде ходатайства, заявления, жалобы, представления в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Такая возможность допускается и по вопросам, связанным с исполнением судебного акта (п. 3). Однако следует обратить внимание на то, что для должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, указанное право уголовно-процессуальным законом не предусмотрено. Между тем наделение данных должностных лиц, например, правом обращения в суд с постановлением о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения в форме электронного документа соответствовало бы тенденциям внедрения в уголовный процесс электронного документооборота.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не обеспечивает возможность обращения участников процесса в форме электронного документа с ходатайством, заявлением, жалобой к следователю, дознавателю, прокурору в ходе досудебной подготовки. Статья 474.1 УПК РФ предусматривает право обращения указанных лиц в форме электронного документа только в суд. В свою очередь, суд применяет электронный документооборот по взаимодействию с участниками процесса только при наличии у него технической возможности [11, с. 314]. Как следствие, можно поддержать предложение, встречающееся в юридической литературе, о более широком использовании органами предварительного расследования информационных технологий, в том числе посредством реализации проекта «Электронное уголовное дело» [12, с. 33–34].

УПК РФ ориентирует правоприменителя на то, что порядок и сроки подачи обращений в форме электронного документа должны быть установлены уголовно-процессуальным законом. Между тем сам порядок подачи обращения в суд, порядок отказа в принятии, возвращения такого обращения в уголовно-процессуальном законе не предусмотрен. Эту проблему попытался решить Пленум Верховного Суда РФ, указав в своем постановлении, что обращения в электронном виде подаются в суд посредством заполнения формы, размещенной на официальных сайтах судов в сети «Интернет». Данная процедура осуществляется в соответствии с порядками подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утверждаемыми Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, которые определяют не только последовательность работы с поступившими обращениями в электронном виде, но и порядок отклонения документов. Например, «Порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» предусматривает, что просмотр документов, поданных в суд в электронном виде, осуществляется работником аппарата суда, ответственным за прием документов в электронном виде. Данное лицо должно убедиться в том, что документы, поступившие в информационную систему, адресованы суду, доступны для прочтения, оформлены в соответствии с Порядком подачи документов, включая соблюдение требования о наличии графической подписи лица в электронном образе обращения в суд, требований к электронной подписи (п. 4.4). Если названные условия не соблюдены, отправителю направляется уведомление о том, что докумен-

ты не могут быть признаны поступившими в суд. Как следует из указанного Порядка, основания отклонения документа могут быть обоснованы не только несоблюдением формальных требований, предъявляемых к такого рода документам, их оформлению и размещению, но и к его содержанию. Между тем отдельные основания отклонения носят субъективный характер и, как следствие, могут способствовать злоупотреблению правомочиями со стороны работника аппарата суда. К примеру, имеет субъективный характер такое основание отклонения документа, как «отсутствие связного текста».

Представляется, что отказ в принятии обращения, направленного на защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, не может быть со стороны работника аппарата суда. Кроме того, основания отказа, ограничивающие права участников уголовного процесса, препятствующие доступу к правосудию, должны быть закреплены в законе, так же как и порядок обжалования принятого решения.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство также не ориентирует на возможную подачу заявления о преступлении в форме электронного документа. Статья 141 УПК РФ предусматривает, что заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. В то же время приказ МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [9] закрепляет возможность подачи заявлений о преступлениях в электронной форме. При этом на основании п. 11 Инструкции порядок работы с такими заявлениями предусматривает их распечатывание на бумажном носителе и дальнейшую работу с ними, как с письменными заявлениями о преступлениях. Указанный порядок также не способствует внедрению в уголовный процесс электронного документооборота.

Статья 474.1 УПК РФ закрепляет право участника уголовного судопроизводства подавать ходатайства, заявления, жалобы в суд в порядке и сроки, которые установлены уголовно-процессуальным законом, в форме электронного документа. Данный документ подписывается лицом электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Материалы, приложенные к ходатайству (заявлению, жалобе, представлению) также подаются в форме электронных документов. Электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, должны быть подписаны ими электронной подписью в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Между тем не достаточно определенным является разрешение вопроса: может ли быть подано заявление в порядке частного обвинения в форме электронного документа? Исходя из формулировки ст. 474.1 УПК РФ, препятствий этому нет. Между тем криминологическая характеристика лиц, пострадавших от такого рода преступлений, свидетельствует о реальной невозможности воспользоваться указанными лицами данным правом, так как они, в основной своей массе, не имеют электронных подписей. Часть 2 ст. 20 УПК РФ не позволяет реализовать право на подачу заявления в форме электронного документа и через представителя (адвоката), как возможно имеющего электронную подпись.

Присутствует неопределенность и с видом подписи электронных документов. В частности, ст. 474.1 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому обращения могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации. В то же время предусмотрена возможность изготовления судебных решений в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Между тем в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. предусмотрено подписание всех обращений в рамках уголовного судопроизводства в суд в виде электронного документа, усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего.

Представляется, что требование подписания усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего, во-первых, противоречит ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ. Во-вторых, требование к лицу, подающему обращение в суд, подписи или заверения усиленной квалифицированной электронной подписью, независимо от сущности, является чрезмерным, возлагающим на лицо ничем не оправданных дополнительных усилий и расходов, делающих реализацию права иллюзорным. В этой связи заслуживает внимания опыт ряда зарубежных стран. К примеру, УПК ФРГ, наряду с использованием электронно-цифровой подписи, предусматривает возможность применения любых других надёжных процедур, которые обеспечивают подлинность и целостность переданного электронного документа (§ 41a) [13]. Согласно Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2, используется планшет подписи. Он представляет собой специализированное периферийное устройство, состоящее из графического планшета и пишущего пера (стилус), позволяющего создавать цифровой аналог рукописной подписи ее владельца [14].

В целом, необходимо отметить, что обеспечение возможности использования в уголовном процессе электронных документов, как способствующее внедрению в судопроизводство электронного документооборота, имеет прогрессивный характер. Правовое регулирование применения информационно-цифровых технологий в рассматриваемой сфере деятельности должно иметь системный характер, быть направленным на обеспечение как публичных, так и частных интересов, способствовать большей доступности к правосудию. Вместе с тем является важным при осу-

ществлении уголовного судопроизводства в электронной форме не допустить какого-либо нарушения или ущемления прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Указ* Президента Российской Федерации от 9.05.2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
2. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
3. *Соколов Ю.Н.* Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.
4. *Постановление* Правительства РФ от 20.11.2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002–2006 годы» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
5. *Постановление* Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
6. *Постановление* Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 (ред. от 14.12.2017) «Развитие судебной системы России» на 2013–2020 годы // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
7. *Приказ* Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 46-П «Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
8. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
9. *Приказ* МВД России от 29.08.2014 г. № 736 (ред. от 07.11.2016) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
10. *Федеральный* закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.12.2017) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
11. *Семенцов В.А.* К вопросу о перспективе цифровизации отечественного уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Международная науч.-практич. конф. 18–19 октября 2018 г. / редкол.: А.В. Гришин и др. Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 311–318.
12. *Сергеев М.С.* Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 36 с.
13. *Трефилов А.А.* Система УПК ФРГ (с приложением в виде перевода УПК ФРГ на русский язык). Заарбрюкен, 2011. 427 с.
14. *Инструкция* о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате, утвержденная приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268 (дата обращения: 24.11.2018).

PROSPECTS FOR CONDUCTING RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS IN ELECTRONIC FORMAT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 57–61. DOI 10.17223/23088451/12/11

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru
Oleg A. Zaitsev, Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg010663@mail.ru

Keywords: electronic criminal case, electronic document, access to justice, ratio of private and public interests, abuse of authority.

The article deals with the prospects of conducting Russian criminal proceedings in electronic format. Based on the analysis of the literature and legal acts, the authors conclude that the Russian Federation does not have a state program for implementing the “Electronic Case” information system, covering all its stages from registering a crime to sentencing. However, there are some prerequisites for the introduction of an electronic format into criminal proceedings. One of the main elements of the electronic format of criminal proceedings is an electronic document, the use of which needs to be improved. The analysis of the criminal procedure law has led to the conclusion that the bodies and officials conducting the preliminary investigation are not sufficiently involved in the mechanism involving the use of information technology. Giving these officials the right to use an electronic format of a document when, for example, they come to the court with a decision to initiate a petition for selecting a preventive measure would correspond to the tendencies of introducing electronic document management into the criminal process. The authors point out the fact that the criminal procedure legislation does not inform about the possible filing of a crime report in the form of an electronic document. The requirement for the person filing an appeal to the court to sign or certify it with a reinforced qualified electronic signature is excessive and imposing unjustified additional efforts and expenses, which make this right illusory. The comparative legal method made it possible to formulate proposals, based on foreign practices, on the possibility of applying any other reliable procedures that would ensure the authenticity and integrity of the transmitted electronic document. In general, it is noted that the legal regulation of the use of information and digital technologies in criminal procedure should be systemic in nature, aimed at ensuring both public and private interests, thus promoting greater access to

justice. However, it is important in the implementation of criminal proceedings in electronic form to prevent any violation or infringement of the rights and legitimate interests of the subjects of criminal procedure relations.

References

1. Russian Federation. (2017) *Decree No. 203 of the President of the Russian Federation of May 9, 2017, "Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
2. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Elektronnoe ugolovnoye delo – instrument modernizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva [Electronic criminal case as a tool for the modernisation of criminal proceedings]. *Rossiyskoe pravosudie*. 2. pp. 95–101.
3. Sokolov, Yu.N. (2017) Dopustimost' rassmotreniya materialov ugolovnogo dela v elektronnoy forme [Admissibility of consideration of criminal case files in electronic form]. *Informatsionnoe pravo – Informational Law*. 1. pp. 28–33.
4. Russian Federation. (2001) *Decree No. 805 of the Government of the Russian Federation of November 20, 2001, "On the federal program "Development of the judicial system of Russia for 2002–2006"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34171/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
5. Russian Federation. (2006) *Decree No. 583 of the Government of the Russian Federation of September 21, 2006, "Development of the Judicial System of Russia for 2007–2012"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63101/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
6. Russian Federation. (2012) *Decree No. 1406 of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 (ed. December 14, 2017), "Development of the judicial system of Russia for 2013–2020"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) Order No. 46-P of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, "Procedure for submitting documents to the Supreme Court of the Russian Federation in electronic form, including in the form of an electronic document". [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207948/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
8. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Resolution No. 57 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017,"On some issues of the application of legislation governing the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
9. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2014) *Order No. 736 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 29, 2014, (as amended on November 7, 2016) "On the approval of the Instruction on the procedure for receiving, registering and permitting of the statements and reports about crimes, administrative offenses, and incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
10. Russian Federation. (2011) *Federal Law N 63-FZ of April 6, 2011, (as amended on June 23, 2016) "On electronic signature" (entered into force on December 31, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
11. Sementsov, V.A. (2018) K voprosu o perspektive tsifrovizatsii otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva [On prospect of digitalisation of the domestic criminal proceedings]. In: Grishin, A.V. et al. (eds) *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Modern criminal procedural law – lessons of history and problems of further reforming]. Orel: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 311–318.
12. Sergeev, M.S. (2018) *Pravovoe regulirovaniye primeneniya elektronnoy informatsii i elektronnykh nositeley informatsii v ugolovnom sudoproizvodstve: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Legal regulation of the use of electronic information and electronic media in criminal proceedings: Russian and foreign practices]. Abstract of Law Cand. Dis. Yekaterinburg.
13. Trefilov, A.A. (2011) *Sistema UPK FRG (s prilozheniem v vide perevoda UPK FRG na russkiy yazyk)* [System of the Criminal Procedure Code of Germany (with the translation of the Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany into Russian)]. Saarbrucken: LAP.
14. Republic of Kazakhstan. (2018) *Instruktsiya o vedenii ugolovnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate, utverzhdennaya prikazom General'nogo prokurora Respubliki Kazakhstan ot 3 yanvarya 2018 goda № 2* [Instruction on the conduct of criminal proceedings in electronic format, approved by Order No. 2 of the Attorney General of the Republic of Kazakhstan of January 3, 2018]. [Online] Available from: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268. (Accessed: 24.11.2018).

УДК 343.1 DOI 10.17223/23088451/12/12

М.В. Беляев

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Рассматриваются особенности судебных решений, выносимых присяжными заседателями, а также решений председательствующего судьи, принимаемых на основе вердикта. Автор приходит к выводу, что специфика этих решений обусловлена особенностями доказывания в суде с участием присяжных заседателей, разграничением компетенций присяжных заседателей и председательствующего профессионального судьи. Механизм принятия решений присяжными заседателями отличается от механизма принятия решения профессиональным судьей, он не включает этапы оценки повода к принятию решения и юридической квалификации; совокупность субъективных факторов, воздействующих на принятие решения присяжными заседателями, иная, нежели для профессиональных судей, она включает в себя особенности восприятия процессуальной информации непрофессиональными участниками судопроизводства; иной, нежели у профессиональных судей, уровень правосознания (обыденное правосознание, отсутствие профессиональной деформации и т.д.); иные подходы к оценке полученной информации; особенности воздействия внешней среды на присяжных заседателей. Судебные решения, принимаемые председательствующим на основе вердикта присяжных заседателей, тоже имеют свои особенности: механизм их принятия включает весьма специфический этап установления фактических обстоятельств дела, этот этап юридически делегирован коллегии присяжных заседателей, в результате чего председательствующий чаще всего принимает решение на основе опосредованного познания фактических обстоятельств дела, которое осуществляется непосредственно присяжными заседателями.

Ключевые слова: *судебное решение, вердикт, приговор, присяжные заседатели, механизм принятия судебного решения, доказывание, познавательная деятельность.*

Ряд судебных решений, выносимых при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей имеют существенные особенности. Как верно пишет С.А. Насонов, особенности принятия решений в данном случае обусловлены «сложным процессуальным взаимодействием двух субъектов доказывания – профессионального судьи и непрофессиональной коллегии судей, совокупная деятельность которых приводит к разрешению уголовно-правового спора [1, с. 248].

Это те решения, которые принимаются коллегией присяжных заседателей, а также решения, принимаемые председательствующим на основе вердикта. Решения, принимаемые коллегией присяжных заседателей – вердикт, а также решения о возвращении в зал судебного заседания с целью получения от председательствующего дополнительных разъяснений по поставленных вопросов либо дополнительного исследования фактических обстоятельств дела, в широком смысле, безусловно, относятся к категории «судебное решение», однако имеют свои специфические особенности. В отличие от решений, принимаемых председательствующим по уголовному делу, вердикт не имеет окончательного самостоятельного значения, поскольку не позволяет разрешить уголовно-правовой конфликт только на его основе, однако детерминирует итоговое судебное решение, принимаемое на основе вердикта (за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 348 УПК РФ, – когда председательствующий постановляет оправдательный приговор вопреки обвинительному вердикту, если признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления, а также ч. 5 ст. 348 УПК РФ – когда председательствующий выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение, признав, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления). В этом смысле трудно согласиться с позицией о том, что вердикт является разновидностью приговора [2, с. 375], сложно согласиться и с позицией С. А. Насонова в вопросе о том, что вердикт является окончательным (итоговым) решением на стадии судебного разбирательства наряду с приговором суда, выносимом на основании вердикта. Одновременно автор пишет о том, что вердикт всегда проявляется в содержании приговора суда, становясь его составной частью [1, с. 267]. Полагаем невозможным признание вердикта итоговым судебным решением ввиду того, что данное решение не разрешает уголовно-правовой конфликт, нельзя согласиться и с пониманием вердикта как окончательного решения, поскольку в случае вынесения оправдательного приговора вопреки обвинительному вердикту, а также роспуска коллегии присяжных заседателей вердикт утрачивает свое значение и не может признаваться окончательным решением. Позиция о том, что вердикт является составной частью приговора, является верной только в том случае, если вердикт положен в его основу. Полагаем, что вердикт следует рассматривать как специфическое судебное решение, которое в большинстве случаев может рассматриваться как составная часть приговора, однако в чистом виде не относится ни к категории итоговых, ни к категории промежуточных судебных решений.

К вердикту предъявляются и специфические требования, к числу которых С.А. Насонов совершенно

справедливо относит непротиворечивость, полноту, ясность, юридическую значимость ответов присяжных; соблюдение правил вынесения вердикта в совещательной комнате [3, с. 615–619].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что существенное воздействие на вердикт и его содержание оказывает предшествующее вынесению вердикта решение председательствующего по уголовному делу – вопросный лист, в котором судом с учетом мнения сторон формулируются вопросы присяжным заседателям. С.А. Насонов пишет о том, что противоречивость вердикта бывает «обусловлена противоречивостью вопросного листа, поскольку именно он определяет логическую структуру вердикта, соотношение между вопросами и ответами на них, взаимосвязь этих ответов друг с другом» [3, с. 615].

Е.Н. Алексеевская полагает, что к числу основных причин отмены приговоров, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, является неправильная постановка судьей вопросов, подлежащих разрешению коллегией присяжных заседателей [4, с. 33].

Механизм принятия решений присяжными заседателями отличается от механизма принятия решения профессиональным судьей[1] [5–8], он не включает этапы оценки повода к принятию решения и юридической квалификации; совокупность субъективных факторов, воздействующих на принятие решения присяжными заседателями, иная, нежели для профессиональных судей, она включает в себя особенности восприятия процессуальной информации непрофессиональными участниками судопроизводства[2] [9]; иной, нежели у профессиональных судей, уровень правосознания (обыденное правосознание, отсутствие профессиональной деформации и т.д.)[3] [1, с. 249; 10, с. 176; 11, с. 8–9; 12, с. 10]; иные подходы к оценке полученной информации[4] [12, с. 16]; особенности воздействия внешней среды на присяжных заседателей (манипулирование присяжными заседателями: введение их в заблуждение, запугивание и т.д.) [13; 14, с. 500–501].

Д.П. Туленков обосновывает, что в суде с участием присяжных заседателей «познание заключается не в определении точного соответствия признанных доказанными фактических обстоятельств дела писаной норме права, а в определении внутреннего правового смысла исследуемой ситуации с позиций естественного права, справедливости» [12, с. 252–260].

Существенной особенностью, влияющей на принятие решений коллегией присяжных заседателей, является специфика пределов доказывания с участием непрофессиональных судей. С.А. Насонов полагает, что предмет и пределы доказывания в суде с участием присяжных заседателей сужены [1, с. 252–260]. Разделяя данную точку зрения, следует отметить, что отказ законодателя от исследования с участием присяжных заседателей доказательств, способных оказать существенное воздействие на психику присяжных («шокирующие доказательства»), некоторых данных о личности подсудимого (факты прошлых судимостей, заболевания алкоголизмом, наркоманией и т.д.), обстоятельств производства процессуальных действий (в том числе при наличии жалоб на незаконные методы ведения расследования) существенно редуцирует пределы доказывания непрофессиональными судьями.

Также особенностью познавательной деятельности суда с участием присяжных заседателей, как верно отмечает Д.П. Туленков, является необходимость разграничения познавательной компетенции в сферах установления вопросов факта и права, что представляет особую сложность на практике [12, с. 10]. При рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, как правило, они периодически удаляются из зала судебного заседания в течение судебного следствия для определения возможности исследования доказательств в их присутствии.

Например, при рассмотрении уголовного дела в отношении А. и М. присяжные заседатели неоднократно удалялись из зала судебного заседания.

19 марта 2018 г.:

– в связи с заявленным адвокатом Б. ходатайством об оглашении показаний потерпевшей, данными на предварительном следствии ввиду наличия существенных противоречий в показаниях. В отсутствие присяжных был обсужден вопрос о содержании показаний, данных потерпевшей в ходе предварительного расследования, наличии в них существенных противоречий с показаниями, данными в суде, а также влиянии расхождений на возможный исход дела. В результате в удовлетворении ходатайства было отказано, поскольку суд не выявил существенных противоречий, позволяющих огласить данные показания;

– в связи с ходатайством государственного обвинителя М. об оглашении протоколов осмотра места происшествия, а также заключения комиссионной – медицинской экспертизы по трупу М. частично, основную ее часть, кроме части, где анализируются показания свидетеля С. и подсудимого А. *Суд постановил* ходатайство государственного обвинителя удовлетворить.

22 марта 2018 г.:

– в связи с ходатайством подсудимого М. об оглашении протоколов показаний Х. и устранении противоречий в его показаниях путем допроса Х., а также оглашении дополнительных показаний Х., взятых после протокола проверки показаний на месте;

– в связи с ходатайством адвоката Т. об оглашении показаний свидетеля Х. в целях устранения противоречий.

---

[1] Этот механизм основан на разделении компетенций между присяжными заседателями и профессиональным судьей. Возникшая на ранних этапах теория разграничения компетенции суда присяжных на судей фактов и судей права постепенно уступила место теории виновности и наказания, в соответствии с которой присяжные разрешают вопрос о виновности, а профессиональный судья – вопрос о наказании.

[2] В.М. Быков и Е.Н. Митрофанова совершенно справедливо отмечают, что в силу того, что присяжные не имеют права знакомиться с материалами уголовного дела и с обвинительным заключением, то все доказательства они воспринимают исключительно на слух. При отсутствии самых необходимых правовых знаний и опыта участия в судебных процессах получить правильное, объективное представление об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела для присяжных заседателей в связи с этим весьма затруднительно.

[3] Традиционно считается, что основой познавательной деятельности присяжных заседателей является здравый смысл, житейская психология, позволяющие успешно разрешать самые сложные ситуации.

[4] По мнению Д.П. Туленкова, присяжные заседатели привносят в познание ценности и оценки, не предписанные нормативно.

Ходатайство было удовлетворено судом.

09 апреля 2018 г.:

– в связи с ходатайством подсудимого А., который просил приобщить фотографии, подтверждающие дружеские отношения с М.

Суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку данные фотографии не имеют отношения к предъявленному обвинению.

10 апреля 2018 г.:

– в связи с ходатайством адвоката Т. о допросе явившегося в суд свидетеля Б., который может подтвердить показания одного из подсудимых.

Суд предварительно допросил Б. в отсутствие присяжных заседателей, после чего решил допросить свидетеля Б. в присутствии присяжных заседателей, поскольку свидетель дает показания о времени, которое инкриминируется подсудимому М. как время совершения преступления (Архив Верховного Суда Республики Татарстан за 2018 г.).

Таким образом, конкретизация предмета познания присяжными заседателями с целью исключения правовых вопросов на практике является довольно сложной и громоздкой.

Судебные решения, принимаемые председательствующим на основе вердикта присяжных заседателей, тоже имеют свои особенности: механизм их принятия включает весьма специфический этап установления фактических обстоятельств дела, этот этап юридически делегирован коллегии присяжных заседателей, в результате чего председательствующий чаще всего принимает решение на основе опосредованного познания фактических обстоятельств дела, которое осуществляется непосредственно присяжными заседателями. Однако при руководстве процессом исследования доказательств в судебном заседании у председательствующего складывается собственное представление о фактических обстоятельствах дела и виновности либо невиновности подсудимого. Н.А. Дудко и А.С. Камнев справедливо отмечают, что судья «фактически соотносит выводы, полученные в ходе «собственного рассмотрения дела», с вердиктом присяжных заседателей, вынесенным по делу», а при выявлении несоответствия постановляет оправдательный приговор или распускает коллегию присяжных заседателей. Это позволяет авторам сделать вывод о том, что в данном случае можно говорить о фактическом упразднении вердикта либо его замене на решение о роспуске коллегии, а также рассматривать обоснованность вердикта как «соответствие обвинительного вердикта присяжных заседателей позиции председательствующего о том, что имело место событие преступления, в деянии подсудимого имеются признаки преступления и (или) состав преступления, участие подсудимого в совершении преступления доказано» [15, с. 74].

При возникновении обратной ситуации – когда председательствующий убежден в вынесении оправдательного вердикта в отношении виновного лица, закон не позволяет нивелировать вердикт и обязывает вынести оправдательный приговор.

Н.С. Ершова пишет о том, что приговор, постановленный по итогам судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, будет обоснованным, если он основан на вердикте присяжных заседателей. При этом виновность или невиновность обвиняемого мотивируется вердиктом присяжных заседателей, который, в свою очередь, не мотивируется [16, с. 22–23]. Немотивированность вердикта присяжных заседателей ставит под сомнение обоснованность вынесенного на его основе приговора.

Таким образом, механизм принятия итоговых судебных решений с участием присяжных заседателей является сложным и по сути своей смешанным: ключевые его этапы – установление фактических обстоятельств дела и юридическая квалификация осуществляются разными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, фактически обстоятельства дела устанавливаются «в чистом виде» лицами, не отягощенными юридическими знаниями, а квалификация содеянного и выбор подлежащей применению правовой нормы – председательствующим, принимающим установленные присяжными фактические обстоятельства дела и выносящим решение на условии опосредованного ими познания. Выносимое председательствующим итоговое судебное решение основано не на фактических обстоятельствах дела, имевших место в действительности и установленных им самим, а на фактических обстоятельствах дела в том виде, в котором они установлены присяжными заседателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Насонов С.А.* Особенности доказывания и принятия решений при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Доказывание и принятие решения в состязательном уголовном судопроизводстве. М., 2017. 384 с.
2. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. М. : Изд-во А.А. Карцева, 1912. 426 с.
3. *Насонов С.А.* Вердикт присяжных заседателей в контексте учения П.А. Лупинской о решениях в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2010. № 3. С. 609–620.
4. *Алексеевская Е.Н.* Неустранимые ошибки суда с участием присяжных заседателей // Евразийская адвокатура. 2016. № 5 (24). С. 32–35.
5. *Глазер Ю.* О влиянии суда на приговор присяжных. СПб., 1868. 124 с.
6. *Насонов С.А., Ярош С.М.* Вердикт присяжных заседателей. М. : Р. Валент, 2003. 156 с.
7. *Карнозова Л.М.* Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М. : Р. Валент, 2010. 480 с.
8. *Пашин С.А.* Становление правосудия. М. : Р. Валент. 2011. 456 с.
9. *Быков В.М., Митрофанова Е.Н.* Причины вынесения присяжными заседателями необоснованных оправдательных вердиктов // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 47–51.
10. *Качалова О.В., Беляев М.В.* Вердикт присяжных заседателей и социальные запросы общества // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 176–180.
11. *Мельник В.В.* Здравый смысл – основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 8–11.

12. *Туленков Д.П.* Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 253 с.
13. *Беляев М.В.* О некоторых способах воздействия на восприятие присяжными заседателями процессуальной информации // Российский судья. 2017. № 5. С. 23–27.
14. *Беляев М.В.* Напутственное слово председательствующего в суде с участием присяжных заседателей: быть или не быть? // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159, кн. 2. С. 497–503.
15. *Дудко Н.А., Камнев А.С.* К вопросу об устранении ошибок коллегии присяжных заседателей при осуждении невиновного // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 71–75.
16. *Ершова Н.С.* Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 230 с.

FEATURES OF DECISIONS MADE BY A JURY COURT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 62–65. DOI 10.17223/23088451/12/12
Maksim V. Belyaev, Supreme Court of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru
Keywords: court decision, verdict, sentence, jurors, judicial decision-making mechanism, evidence, cognitive activities.

The article discusses the features of the court decisions made by jurors, as well as presiding judge's decisions taken on the verdict basis. The author concludes that what makes these decisions specific is the peculiarities of the evidence in jury trials, as well as responsibility delineation between the jurors and the presiding professional judge. The jury's decision-making mechanism is different from the decision-making mechanism involving the professional judge. First, the former includes assessing neither the reason for the decision, nor legal qualification. Second, the set of subjective factors influencing the jury's decision is different from that for the professional judges, as the former deals with the features of the procedural information perceiving by non-professional participants in the court proceedings. Third, the jury's level of legal consciousness (namely, ordinary legal consciousness, absence of professional deformation, and so on) differs from that of the professional judge. Fourth, the approaches the jury use when evaluating the information received are also different. Fifth, the ways of external environment conditioning the jurors must be taken into account as well.
Judicial decisions made by the presiding judge on the basis of the jury's verdict also have their own features, since their mechanism includes a specific stage of establishing the facts of the case, and the legal authority to conduct this stage is delegated to the jury. As a result, the decision made by the presiding judge is most often based on the indirect cognition of the factual circumstances of the case established directly by the jurors.

References

1. Nasonov, S.A. (2017) Osobennosti dokazyvaniya i prinyatiya resheniy pri proizvodstve v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley [Features of proving and decision-making in court proceedings with the participation of jurors]. In: Maslennikova, L.N. (ed.) *Dokazyvanie i prinyatie resheniya v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proving and decision-making in adversarial criminal proceedings]. Moscow: Norma: Infra-M.
2. Viktorskiy, S.I. (1912) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal procedure]. Moscow: Izd. A.A. Kartseva.
3. Nasonov, S.A. (2010) Verdikt prisyazhnykh zasedateley v kontekste ucheniya P. A. Lupinskoy o resheniyakh v ugolovnom sudoproizvodstve [Verdict of jurors in the context of the teachings of P. A. Lupinsky on decisions in criminal proceedings]. *Lex Russica.* 3. pp. 609–620.
4. Alekseevskaya, E.N. (2016) Ineradicable mistakes of court with participation of jury members. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*. 5 (24). pp. 32–35. (In Russian).
5. Glazer, Yu. (1868) *O vliyanii suda na prigovor prisyazhnykh* [On the influence of the court on the jury sentence]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Nasonov, S.A. & Yarosh, S.M.(2003) *Verdikt prisyazhnykh zasedateley* [Verdict of jurors]. Moscow: R. Valent.
7. Karnozova, L.M. (2010) *Ugolovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt paradigmal'nogo analiza* [Criminal Justice and Civil Society. Experience of paradigm analysis]. Moscow: R. Valent.
8. Pashin, S.A. (2011) *Stanovlenie pravosudiya* [Formation of justice]. Moscow: R. Valent.
9. Bykov, V.M. & Mitrofanova, E.N. (2010) Prichiny vyneseniya prisyazhnymi zasedatelyami neobosnovannykh opravdatel'nykh verdiktov [Reasons for jurors' unfounded acquittal verdicts]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 47–51.
10. Kachalova, O.V. & Belyaev, M.V. (2017) The jury verdict and social needs of society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 416. pp. 176–180. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/26
11. Mel'nik, V.V. (1995) Zdravyy smysl – osnova intellektual'nogo potentsiala suda prisyazhnykh [Common sense – the basis of the intellectual potential of the jury]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 8–11.
12. Tulenkov, D.P. (2016) *Poznavatel'naya deyatel'nost' pri proizvodstve po ugolovnym delam s uchastiem prisyazhnykh zasedateley* [Cognitive activity in criminal proceedings involving jurors]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
13. Belyaev, M.V. (2017) O nekotorykh sposobakh vozdeystviya na vospriyatie prisyazhnymi zasedatelyami protsessual'noy informatsii [On some methods of influencing the jury's perception of procedural information]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge.* 5. pp. 23–27. (In Russian).
14. Belyaev, M.V. (2017) The parting word of the presiding judge in the court with the participation of the jury: To be or not to be? *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" – Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series*. 159(2). pp. 497–503. (In Russian).
15. Dudko, N.A. & Kamnev, A.S. (2016) Discussing the issue of elimination of errors of the board of jury in case of condemning of the innocent. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University.* 3. pp. 71–75.
16. Ershova, N.S. (2014) *Obosnovannost' itogovykh ugolovno-protsessual'nykh resheniy suda pervoy instantsii* [Justification of the final criminal procedural decisions of the first instance court]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.

УДК 343.13 DOI 10.17223/23088451/12/13

В.Н. Григорьев, А.В. Савенков

О ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ФИКСАЦИИ СВЕДЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

Дается вывод о необходимости комплексного подхода в решении проблемы достоверности фото- и видеоизображений, полученных с применением цифровых технологий, включающего сочетание технических средств, которые делали бы невозможным сам факт внесения изменений в электронные носители информации, и тактических приемов фиксации, обеспечивающих допустимость и достоверность доказательств. Обосновывается рекомендация учитывать при выборе средства фиксации его предназначенность для отображения статической либо динамической информации.

Ключевые слова: *фиксация сведений, способы фиксации сведений, цифровые технологии фиксации сведений, фотографирование, видеосъемка, приложения к протоколу следственного действия.*

В исследованиях российских процессуалистов обоснованно отмечается изменение познавательной ситуации в уголовном процессе, в соответствии с которой для человека-субъекта доказывания уже не доступна без работающего компьютера цифровая информация о следах преступления, а при обращении правоприменителя с цифровой информацией заключения эксперта, специалиста их содействие признаются обязательными [1, с. 10]. В этой связи представляется излишне недружелюбной оценка предпринимаемых попыток в этом направлении как спекулятивное использование идеи развития цифровых технологий для продвижения своих представлений о будущей модели уголовного процесса или его институтов [2]. Исследования процессуалистами возможностей применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве находятся еще в самом начале своего пути, не без оснований первые их результаты окрещены как «научная фантастика» [3, с. 7; 4], поэтому любые попытки здесь конкретизации, продвижения вперед есть благо. Хотя некоторые наши коллеги уже поспешили заявить, что «нижегородской школой процессуалистов» уже создана новая доктрина уголовного процесса и новая теория доказательств [5, с. 180].

Кому принадлежать будут лавры – покажет время. Однако уже сегодня требуют своего решения ряд практических вопросов, в том числе связанных с использованием цифровых технологий для фиксации сведений по уголовному делу. Среди них, в частности, – вопросы о процедуре и о тактике использования цифровых технологий для фиксации сведений по уголовному делу.

О процедуре использования цифровых технологий для фиксации сведений по уголовному делу. Цифровые технологии быстро получили признание в уголовно-процессуальной деятельности, однако при этом возникли новые проблемы, которые связаны с обеспечением достоверности информации, полученной с применением цифровых технологий. Дело в том, что современные цифровые фото- и видеокамеры, в отличие от ранее применявшейся аналоговой аппаратуры, могут подвергать изображения обработке, в том числе неконтролируемой со стороны пользователей. Все это порождает сомнения в достоверности полученных результатов. Информация, отображенная цифровыми камерами на электронные носители, легко поддается на них изменению [6, с. 67–68]. В результате появляется техническая возможность внесения невыявляемых изменений в матрицу фото или видеозаписи.

Чтобы исключить возможности неконтролируемого изменения цифровой информации, необходима оптимальная процедура, которая гарантировала бы сохранение ее исходного содержания. В литературе предложены различные варианты подобной процедуры.

Так, И.Б. Тутынин и С.Н. Коваль предлагают использовать для «узаконивания» цифровой фотографии как средства фиксации доказательств такие приемы, как упаковывание и опечатывание цифровой фотокамеры после производства съемки, чтобы исключить любой доступ к ней, либо приобщение к материалам дела электронного носителя информации с находящейся на нем информацией (компакт-диск, флеш-карта) с тем, что он и будет представлять материальный носитель базовой информации, которую можно проверять и использовать для изготовления иллюстраций [7, с. 10–14].

А.В. Камелов полагает, что фототаблицу в случае применения цифровой фотосъемки лучше изготовить до окончания следственного действия (тогда она может быть подписана всеми его участниками), а к протоколу – приложить носитель электронного изображения, упаковав его при этом таким образом, чтобы был исключен несанкционированный доступ к записанной на нем информации [6, с. 69].

А.М. Сажаев и Д.В. Муленков предлагают использовать для фиксации факта и результатов использования цифровых средств в следственных действиях специальный «Акт применения цифровых средств», в котором специалист должен отразить все обстоятельства, связанные с применением технических средств – начиная с момента их применения при производстве следственных действий до момента передачи всех материалов и носителей информации («твердых копий», цифро-

вых видеофрагментов на магнитно-оптическом носителе, упаковки объектов и т.п.) следователю [8, с. 144].

Схожие приемы предлагаются и в других научных и методических источниках [9; 10].

Как видно, все они по своему характеру являются организационно-документальными и отчасти решают возникающие на практике проблемы. Вместе с тем следует признать, что их решение возможно лишь при комплексном подходе, предполагающем сочетание технических средств, которые делали бы невозможным сам факт внесения изменений в электронные носители информации, и тактических приемов, обеспечивающих допустимость и достоверность доказательств, полученных с использованием цифровых технологий.

К техническим средствам следует отнести, например, использование носителей цифровой информации, не допускающих перезаписи (в частности, CD-R-дисков) [10]. Для этих целей есть потребность в разработке специальной программы (компьютерного приложения), которая исключала бы возможности произвольного изменения фото- и видеоизображений и по умолчанию не позволяла бы вносить в них умышленно или неумышленно какие-то изменения. К тактическим приемам относятся приведенные выше различные процессуальные формы обеспечения подлинности и неизменности результатов, полученных с применением цифровых технологий.

О тактике использования цифровых технологий для фиксации сведений по уголовному делу. В материалах уголовного дела порой приходится видеть различные фото, на которых участники уголовного судопроизводства изображают жесты и позы, предназначенные свидетельствовать о каких-то значимых обстоятельствах расследуемого события: вытянутые руки, указующий перст, обнимание, приседание, протягивание предметов и документов и т.д. Сами по себе эти жесты могут говорить о чем угодно, так как весьма отдаленно напоминают существующие формы невербального общения [11, с. 144–145], в частности, язык жестов [12, с. 8–9]. Их информативность и адекватность больше диктуется элементарным здравым смыслом. А реальное содержание раскрывается в словесной подписи под фотографией, выполненной изготовившим фототаблицу специалистом. К формулированию подписи следователь обычно не привлекается. Тем более в этом не участвует свидетель или подозреваемый (обвиняемый), изображенный на фото. Они могут увидеть ее лишь при ознакомлении с материалами дела на этапе окончания расследования, так как фототаблица обычно изготавливается после окончания следственного действия, когда его протокол уже подписан и участники отпущены следователем. Поэтому у них нет возможности повлиять на точность словесной фиксации того, что они демонстрируют на фотографии.

Приведем для примера несколько наглядных фрагментов из материалов реальных уголовных дел.

Так, на рис. 1 представлена фототаблица, приложенная к протоколу следственного эксперимента по уголовному делу, находившемуся в 2017 г. в производстве следователя следственного отдела по городу Тобольску Следственного управления по Тюменской области Следственного комитета Российской Федерации, на которой представлен свидетель, весьма артистично пожимающий плечами. И лишь из подписи под фотографией становится ясно, что это значит – «ему не известно место, которое было указано подозреваемым (обвиняемым) Шинкоренко П.И. в протоколе об административном правонарушении, составленным в отношении Самолова В.А.». Весьма содержательный комментарий, который, однако, никак напрямую не вытекает из молчаливой фотографии.

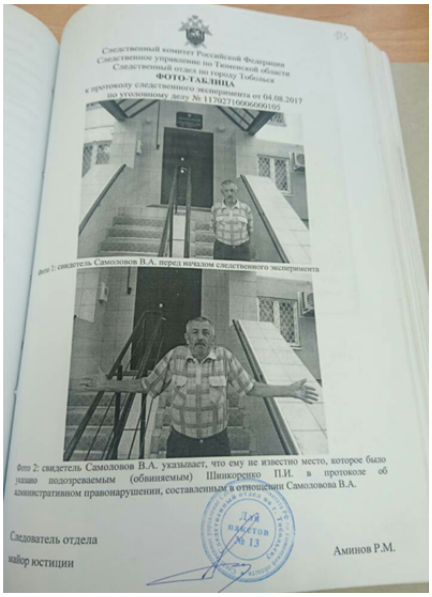

Рис. 1

Аналогичные претензии можно сформулировать и к другим динамическим обстоятельствам, которые были зафиксированы с помощью фотографии – предназначенного для отображения статических обстоятельств средства: отображенном на рис. 2 страстном поцелуе, должном свидетельствовать о примирении сторон, или же изображенном на рис. 3 молодом человеке со сберкнижками в руках в знак того, что он их добровольно выдал при выемке.

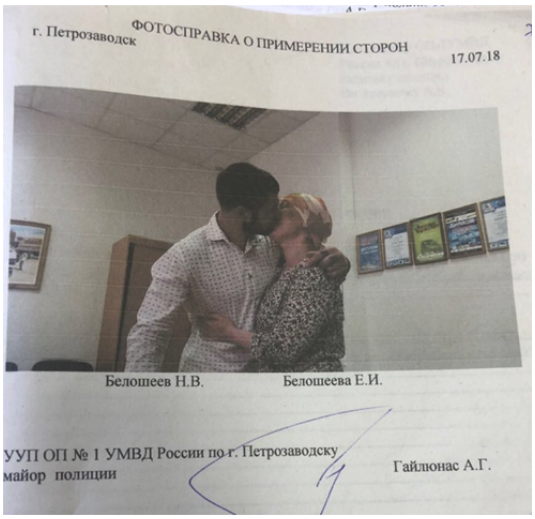

Рис. 2

ФОТОТАБЛИЦА
к протоколу выемки от 16.12.2015 по уголовному делу № 390065/15

Фото 1. Потерпевший Мажаев С.В. в помещении кабинета № 15 в здании ОМВД России по Балтийскому району по адресу: Калининградская обл., г. Балтийск, ул. Красной Армии, д. 11 – выдает 2 сберегательные книжки на имя Свиридовой Ю.И.

Заместитель руководителя Светловского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Калининградской области С.С. Щербич

Рис. 3

Случаев, когда такие результаты фиксации были бы оспорены кем-то из участников следственного действия, в ходе проведенных исследований не выявлено. Тем не менее признать такую практику безупречной нельзя. И дело не в том, что она вызывает улыбку. Дело в изначальной, сущностной ее порочности, проистекающей из неадекватности определения вида цифровых средств фиксации, в данном случае – предназначенных для отображения статических или динамических обстоятельств.

Стремление следователей обеспечить наглядность фиксации доказательственной информации следует при этом признать обоснованным. Это важно как для уяснения ее содержания, так и для проверки и оценки в случае попыток ее исказить, представить в ином свете, обвинив при этом следователя в злоупотреблении.

Вместе с тем, выбирая средство фиксации, необходимо учитывать его особенности, в частности предназначенность для фиксации статической или динамической информации. Для первой предпочтительнее фотосъемка, которая для динамической информации менее подходит, так как при этом значительная ее часть будет утрачиваться. Здесь более приемлема видеозапись, включающая синхронную звукозапись.

Однако при реализации данной рекомендации на практике могут возникнуть нормативные препятствия. Дело в том, что видеозапись обычно производится на съемную карту памяти [13], информация с которой в последующем копируется на магнитный диск, который и приобщается в конверте к материалам уголовного дела. В литературе отмечается, что предпочтение следует отдать цифровым видеокамерам, записывающим видеоизображение на одноразовый оптический диск формата DVD. Можно использовать видеокамеры с записью видеоизображения на карту памяти, встроенный жесткий диск (HDD), кассету Mini DV с последующим копированием видеозаписи с этих носителей на одноразовые диски формата DVD [14, с. 44].

Между тем такой порядок не вполне соответствует требованиям закона. В соответствии со ст. 166 УПК РФ к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия (ч. 8). Информация, содержащаяся на съемной карте памяти, не была получена при производстве следственного действия и тем более – не скопирована. Она была создана. Это обстоятельство формально выводит ее из круга объектов, которые закон допускает прилагать к протоколу следственного действия.

В публикациях встречаются иные суждения на этот счет. Например, А.П. Рыжаков в комментарии, подготовленном для системы КонсультантПлюс, пишет: «Исходя из содержания ч. 8 ст. 166 УПК РФ к протоколу задержания могут быть приложены фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы объяснений, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов» [15]. Автор в своем высказывании без объяснений исключил слова «выполненные», «полученные», «скопированные» [при производстве следственного действия], в результате чего все перечисленные носители информации, в том числе и компьютерной, стали равнозначно произвольного происхождения. Тем самым устранено законодательное препятствие прилагать к протоколу следственного действия помимо электронных носителей полученной или скопированной информации также носителей информации, которая была выполнена, сгенерирована в ходе следственного действия. Однако такой литературный прием представляется не совсем допустимым: он решает обозначенную проблему, однако при этом противоречит действующему законодательству и возможен лишь de lege ferenda.

На основании изложенного сформулируем некоторые предложения и рекомендации:

1. Решение проблемы достоверности фото- и видеоизображений, полученных с помощью цифровых технологий, возможно лишь при комплексном подходе, предполагающем сочетание технических средств, которые делали бы невозможным сам факт внесения изменений в электронные носители информации, и тактических приемов, обеспечивающих допустимость и достоверность доказательств, полученных с использованием цифровых технологий.

2. Выбирая средство фиксации, необходимо учитывать его предназначенность для фиксации статической или динамической информации, избегая тем самым утраты значительной части отображаемых сведений.

3. Необходимо уточнить редакцию ч. 8 ст. 166 УПК РФ, чтобы допустить возможность приложения к протоколу следственного действия электронных носителей информации, не только «*полученной* или *скопированной* с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия», но и ***сделанной, произведенной*** в ходе этого действия. С этой целью предлагается изложить текст закона в следующей редакции: «8. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограм-

мы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, ***сгенерированной,*** полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власова С.В.* К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
2. *Экспертная* оценка статьи: Власова С.В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Экспертная квалифицированная оценка. URL: http://www.expertugproc.ru/news/ehkspertnaja_ocenka_stati_vlasova_s_v_k_voprosu_o_prisposablivanii_ugolovno_processualnogo_mekhanizma_k_cifrovoj_realnosti/2018-04-11-7 (дата обращения: 18.11.2018).
3. *Доктринальная* модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.
4. *Розовский Б.Г., Зинченко И.А.* К дискуссии о Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: http://www.iuaj.net/node/2005/ (дата обращения: 18.11.2018).
5. *Муравьев М.В.* Актуальность реформирования уголовно-процессуального доказательственного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 174–182.
6. *Камелов А.В.* Проблемы допустимости результатов применения цифровых средств фотовидеофиксации в ходе следственных действий // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 67–69.
7. *Тутынин И.Б., Коваль С.Н.* О применении цифровой фотографии при производстве по уголовному делу // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 10–14.
8. *Сажаев А. М., Муленков Д. В.* Прикладные аспекты использования цифровых средств фиксации в следственных действиях // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2014. Т. 10, вып. 2. С. 142–147.
9. *Правила* применения цифровой аппаратуры и компьютерной техники при производстве следственных действий (Мусеибов А.Г.) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 18.11.2018).
10. *Исаева Л.М.* Проблемы применения цифровой фиксации информации // Теоретические основы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России. М.: ВНИИ МВД России, 2009. 243 с. URL: https://lawbook.online/kriminalisticheskaya-tehnika-knigi.html (дата обращения: 18.11.2018).
11. *Нэпп Н., Холл Д.* Невербальное общение : учебник. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. 256 с.
12. *Крым И.А.* Жестовые компоненты речевой коммуникации: Теоретико-экспериментальное исследование : дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 153 с.
13. *Карта* памяти для видеокамеры. URL: http://www.dv-pro.ru/1-VIDEO/KARTA.html (дата обращения: 18.11.2018).
14. *Холопов А.В.* Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 68 с.
15. *Рыжаков А.П.* Задержание по подозрению в совершении преступления // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 18.11.2018).

ON DIGITAL TECHNOLOGIES FOR RECORDING INFORMATION ON CRIMINAL CASES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 66–70. DOI 10.17223/23088451/12/13

Viktor N. Grigoryev, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Aleksey V. Savenkov, Rostov Service Dogs Training School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov, Russian Federation). E-mail: s_savenkov_80@mail.ru

Keywords: information recording, methods of recording information, digital technologies for recording information, photographing, video filming, investigation report attachments.

The practical spread of digital technologies has complicated the issues of information reliability; so, modern digital photo-video cameras, unlike previously used equipment of the kind, can subject images to manipulation, including that uncontrolled by users. Thus, making undue changes in the matrix of a photo or a video is now technically possible.

An optimal procedure needed to exclude such a situation is only feasible in the scope of an integrated approach combining the technical means able to eliminate the very fact of changing electronic media with the tactics able to ensure the admissibility and reliability of the evidence obtained using digital technology.

Sometimes criminal case materials contain various photos depicting the participants in criminal proceedings when making gestures and taking poses intended to indicate some significant circumstances of the investigated event, among them outstretched hands, pointing fingers, hugging, squatting, holding out objects and documents, and so on. However, these gestures, per se, can mean anything; thus, this practice cannot be considered flawless.

When choosing a means of recording, it is necessary to consider its designation for recording either static or dynamic information. Photographing is preferable for static information, but is less suitable for the dynamic one, since a significant part of the latter will be lost; so, video recording with a synchronous sound recording is more acceptable in this case.

Under Article 166 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (RF CCP), what may be attached to the report are the electronic media carrying the information received or copied from other electronic media in the course of an investigation (Part 8). However, information contained in a removable memory card is neither obtained, nor copied in the course of the investigation; this information is created. Thus, it is formally removed from the list of objects that the law regards as possible attachments to the investigation report. This seems to necessitate clarifying the wording of Part 8 of Article 166 of RF CCP, as the list of electronic media that can

be attached to the investigation report should include not only the media "obtained or copied from other electronic media in the course of an investigation", but also those made and produced in the course of the latter.

References

1. Vlasova, S.V. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18. (In Russian).
2. Expertugproc.ru. (2018) Expert assessment of the article: Vlasova, S.V. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18. [Online]. Available from: http://www.expertugproc.ru/news/ ehkspertnaja_ocenka_stati_vlasova_s_v_k_voprosu_o_prisposablivanii_ugolovno_processualnogo_mekhanizma_k_cifrovoj_realnosti/2018-04-11-7. (Accessed: 18.11.2018). (In Russian).
3. Aleksandrov, A.S. (ed.) (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentarii k ney* [The Doctrinal Model of Criminal Procedure Law of Evidence of the Russian Federation and commentaries on it]. Moscow: Yurlitinform.
4. Rozovskiy, B.G. & Zinchenko, I.A. (2005) *K diskussii o Doktrinal'noy modeli ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava* [To the discussion on the Doctrinal Model of Criminal Procedure Law of Evidence]. [Online]. Available from: http://www.iuaj.net/node/2005/. (Accessed: 18.11.2018).
5. Murav'ev, M.V. (2018) The urgency of reforming the criminal procedure law of evidence. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika.* 2 (44). pp. 174-182. (In Russian).
6. Kamelov, A.V. (2013) The admissibility of the results of application of digital photo and video equipment in the course of investigative actions. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3 (2). pp. 67–69. (In Russian).
7. Tutynin, I.B. & Koval, S.N. (2006) O primenenii tsifrovoy fotografii pri proizvodstve po ugolovnomu delu [On the use of digital photography in criminal proceedings]. *Ekspert-kriminalist.* 4. pp. 10–14.
8. Sazhaev, A.M. & Mulenkov, D.V. (2014) Applied aspects of digital media fixation in the investigation *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Pravo – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law.* 10(2). pp. 142–147. (In Russian).
9. Museibov, A.G. (1992) *Pravila primeneniya tsifrovoy apparatury i komp'yuternoy tekhniki pri proizvodstve sledstvennykh deystviy* [Rules for the use of digital equipment and computer equipment in the production of investigative actions]. Moscow: AO Konsul'tant Plyus.
10. Isaeva, L.M. (2009) Problemy primeneniya tsifrovoy fiksatsii informatsii [Problems of application of digital recording of information]. In: *Teoreticheskie osnovy ispol'zovaniya spetsial'nykh poznaniy v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Theoretical foundations of the use of special knowledge in criminal proceedings in Russia]. Moscow: VNII MVD Rossii. [Online]. Available from: https://lawbook.online/kriminalisticheskaya-tehnika-knigi.html. (Accessed: 18.11.2018).
11. Knapp, N. & Hall, D. (2004) *Neverbal'noe obshchenie* [Nonverbal communication]. Translated from English. St. Petersburg: "PRAYM-EVROZNAK".
12. Krym, I.A. (2004) *Zhestovye komponenty rechevoy kommunikatsii: Teoretiko-eksperimental'noe issledovanie* [Gesture components of speech communication: Theoretical and experimental research]. Philology Cand. Dis. Kemerovo.
13. Dv-pro.ru. (n.d.) *Karta pamyati dlya videokamery* [Memory card for camcorder]. [Online]. Available from: http://www.dv-pro.ru/1-VIDEO/KARTA.html. (Accessed: 18.11.2018).
14. Kholopov, A.V. (2010) *Primenenie tsifrovykh tekhnologiy fiksatsii audiovizual'noy informatsii v ugolovnom sudoproizvodstve* [The use of digital technologies for recording audiovisual information in criminal proceedings]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation.
15. Ryzhakov, A.P. (1992) *Zaderzhanie po podozreniyu v sovershenii prestupleniya* [Detention on suspicion of committing a crime]. Moscow: AO Konsul'tant Plyus.

УДК 343.155 DOI 10.17223/23088451/12/14

С.С. Дударев, А.Г. Тузов

К ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ОБЖАЛОВАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБРАННОЙ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА

Анализируются проблематика самостоятельного обжалования меры пресечения, избранной судом первой инстанции при постановлении приговора. Актуальность данной темы обусловлена неоднозначной правоприменительной практикой. Мотивируется ошибочность формируемого подхода и предлагается способ решения поставленной проблемы, а также некоторые изменения уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: *приговор, меры пресечения, обжалование приговора, обжалование избранных судом мер пресечения.*

Вынесение судом первой инстанции приговора традиционно считается одной из важнейших стадий рассмотрения уголовного дела по существу. Обжалование участниками уголовного судопроизводства приговора – это один из аспектов права на судебную защиту [1, с. 47]. Неоднозначное толкование положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) по вопросу обжалования действий (бездействий) и решений органов государственной власти ставит перед современной правоприменительной практикой ряд сложностей, в частности возможность судебного обжалования приговора по уголовному делу комплексно (весь приговор) и самостоятельно (отдельных решений в рамках рассмотрения дела в суде по существу и (или) по итогу рассмотрения). Классический постулат, изложенный в ст. 1 УПК РФ, гласящий, что разрешено только то, что разрешено УПК РФ, в рамках процесса обжалования реализуется путем использования: специальных процедур; определением субъектов обжалования и их прав; регламентацией субъектов, которые принимают властные решения в процессе обжалования; итоговые процессуальные формы решения по обжалованию [2, с. 144]. В этом плане нельзя не согласиться с Ю.К. Якимовичем, что общим критерием дифференциации в уголовном судопроизводстве должны являться предмет и задачи [3, с. 24–25]. Рассмотрим конкретную практическую ситуацию. Невским районным судом города Санкт-Петербурга был постановлен приговор по уголовному делу № 1-130/18 от 26.02.2018 …Огласив приговор, суд отменил меру пресечения в виде домашнего ареста и назначил новую меру пресечения в виде заключения под стражу. Подсудимый был взят под стражу в зале суда. Защитник подсудимого обжалует отдельно назначение новой меры пресечения в апелляционном порядке, однако апелляционная инстанция отказывает защитнику в принятии к рассмотрению данной апелляционной жалобы на том основании, что подобное решение не подлежит самостоятельному обжалованию и, следовательно, данное решение необходимо обжаловать вместе с приговором. Из этого вытекает ряд вопросов. Возможно ли обжаловать часть приговора, которая институционально является самостоятельной (решение вопроса о мере пресечения), однако в силу предписаний п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ просто является одним из разрешаемых вопросов в рамках постановления приговора? Законна ли судебная позиция, что обжаловать нужно именно приговор? Выявленная практикой проблема является крайне актуальной в связи с тем, что фактически обнажила неоднозначность и противоречивость положений УПК РФ в части обжалования решений органов публичной власти, потому что неправильное толкование норм УПК РФ приводит к незаконному ограничению прав лиц, подвергнутых государственному преследованию, а также невозможность использовать весь арсенал способов защиты. Можно с уверенностью заявить, что данная проблема не является новой, потому что в советской уголовно-процессуальной практике также с ней сталкивались. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1960 г. также принимались процессуальные решения, которые обжаловались вместе с приговором, а также те, которые обжаловались самостоятельно. В.Н. Бутов писал, что самостоятельному обжалованию и опротестованию отдельно от приговора подлежит, в том числе, решение об избрании, изменении или отмене мер пресечения [4, с. 134]. Однако автор отмечал, что по УПК РСФСР если по делу выносится приговор и на него приносится кассационный протест или жалоба, то ряд определений (в их числе решение об избрании, изменении или отмене мер пресечения) обжалуются вместе с приговором. Это показывает то, что проблематика обжалования приговора носит институциональный характер, т.е. не вызвана ошибками и недочетами юридической технике составителей УПК РФ, а именно «перекочевала» из процессуального кодекса одной эпохи в современный кодекс.

Для решения изложенной проблемы необходимо разобраться в сущности приговора как итогового процессуального решения при рассмотрении дела по существу, его свойства, предмет и цель обжалования приговора; меры процессуального принуждения, предмет и цель обжалования; взаимосвязь решения вопроса о мере процессуального принуждения в рамках постановления приговора и самого приговора.

Что из себя представляет приговор с уголовно-процессуальной точки зрения? Легальная дефиниция,

данная в п. 28 ст. 5 УПК РФ, гласит, что это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Доктринально приговор – это акт правосудия по уголовному делу, в котором наиболее полно реализуется процессуальная (юрисдикционная) функция суда – разрешение уголовного дела по существу [5, с. 385]. Как уголовно-процессуальный акт приговор обладает рядом особенностей: 1) выносится именем государства; 2) выносится только первой или апелляционной инстанциями; 3) должен содержать решение по самым главным вопросам уголовного дела – о виновности либо невиновности подсудимого и о применении к нему уголовного наказания; 4) выносится только в судебном разбирательстве; 5) может быть основан только на исследованных судом доказательствах [6, с. 720]. В фактологическом смысле приговор является итогом ретроспективного познания судом обстоятельств дела [7, с. 450–451]. Все вышеизложенное позволяет определить предмет приговора как решение вопроса о виновности или невиновности подсудимого через призму исследованных доказательств. В связи с этим легальное определение приговора уже содержит в себе и раскрывает свой предмет. Самостоятельное определение предмета приговора как уголовно-процессуального акта чрезвычайно важно, так как формирует автономный предмет обжалования. Право на обжалование процессуальных действий (бездействий) и решений органов публичной власти является фактическим способом реализации конституционного права человека на судебную защиту нарушенных прав и свобод. Однако реализация права на судебную защиту возможна только при соблюдении установленных законом процедур, в том числе четкое определение объекта и предмета жалобы по поводу конкретно возникших уголовно-процессуальных правоотношений. Какова цель обжалования приговора? Как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 297 УПК РФ приговор должен отвечать свойствам законности, обоснованности и справедливости, а также неупомянутой в ст. 297 мотивированности. Законность приговора означает, что он вынесен в соответствии с действующим уголовным и уголовно-процессуальным законом. Обоснованность приговора отражает его доказательственные характеристики, связанные с установлением фактических обстоятельств дела [8, с. 898]. Справедливость означает, что при выборе судом той или иной равнозначной и равнозаконной возможности необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого фактора и элемента, рассмотренных в ходе разрешения дела по существу [9, с. 958]. Мотивированность – это свойство приговора, характеризующего его как комплексный уголовно-процессуальный акт, отражающий взаимосвязь предпосылок, причин, следствий и выводов, т.е., по сути, представляющий собой логическое умозаключение, которое получено путем сопоставления фактических данных и норм уголовного и уголовно-процессуального закона. Все названные четыре свойства предопределяют цель обжалования приговора. Это означает, что субъект обжалование фактически ставит под сомнение и пытается опровергнуть одно из свойств или все свойства приговора, еще не вступившего в юридическую силу, имея свои собственные мотивы. Основываясь на рассуждениях о предмете и цели приговора, необходимо отметить, что предмет обжалования приговора будет заключаться в оспаривании итогового вывода суда о виновности или невиновности подсудимого с учетом исследованных в процессе доказательств. Важно обратить внимание, что УПК РФ в ч. 1 ст. 389.4 устанавливает срок для обжалования приговора суда первой инстанции – 10 суток со дня постановления приговора. Однако ч. 1 названной статьи также вносит неясность, потому что говорит, что также в течение 10 суток в порядке апелляционного обжалования подаются жалобы на «иные решения суда первой инстанции». Какие решения суда первой инстанции относятся к иным? Относится ли обжалование избранной меры пресечения в приговоре к «иным решениям»? Вопрос крайне важен, потому что ответ на него определяет суть предмета обжалования и процедуру. Сторонники позиции о том, что обжаловать избранную меру пресечения в приговоре необходимо только совместно с приговором, в том числе ссылаются и на названную выше ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ, т.е. говорят об обжаловании по правилам апелляционной инстанции в течение 10 суток для постановления приговора.

Традиционно принято считать, что институт мер процессуального принуждение – это один из инструментов властного принуждения государства, используемый исключительно в целях, указанных в ст. 6 УПК РФ, т.е. защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Классик российского уголовного процесса И.Я. Фойницкий утверждал, что «…Такая необходимость правосудия создает для государства право требовать от каждого лица споспешествования целям правосудия, но она же указывает и пределы такого права. Меры судебной деятельности вообще и, в частности, меры судебного принуждения могут быть принимаемы, лишь насколько они необходимы и если необходимы для достижения целей правосудия» [10, с. 314]. В силу того, что меры пресечения являются частью института мер процессуального принуждения, в доктрине ряд процессуалистов определяют меры пресечения как меры государственного принуждения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного к соблюдению установленных законом правил поведения, а именно не скрываться от дознания, следствия и суда, не совершать новых преступлений и т.д., путем ограничения или лишения таких лиц тех или иных прав и свобод [11; 12, с. 12, 504]. В конечном итоге меры пресечения являются субсидиарным для целей правосудия инструментом, направленным на достижения результатов правосудия. Более того, самостоятельность данного института подтверждается еще тем, что в соответствии с ч. 3 ст. 101 УПК РФ лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, разъясняется порядок обжалования решения об избрании меры пресечения, установленный ст. 123–127 УПК РФ. Данные статьи

содержат свой круг участвующих субъектов; объект и предмет разрешения; процессуальные сроки; принимаемые процессуальные решения по результату рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения. К примеру, следователь, руководствуясь ст. 97, 99, 108 УПК РФ, ходатайствует перед судом об избрании обвиняемому меру пресечения в виде заключение под стражу. Инициируется судебный процесс, в ходе которого стороны высказывают свою позицию по заявленному ходатайству об избрании меры пресечения. Важно отметить, что в ходе судебного процесса по решению вопроса об избрании меры пресечения, вопросы по существу дела не ставятся и не рассматриваются. Все факты анализируются в контексте решения вопроса об избрании меры пресечения. Постановление об избрании меры пресечения в виде заключение под стражу может быть обжаловано в течение 3 суток с момента его вынесения. Вернемся к описанному примеру из практики. Следователь ходатайствует об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Инициируется судебное рассмотрение данного вопроса; участвуют надлежащие субъекты; источник судебного процесса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – ст. 108 УПК РФ, т.е. если одна из сторон не согласна, то она имеет право обжаловать принятое решение в течение 3 дней в апелляцию. Теперь другой пример. Решается тот же самый вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу, но при постановлении приговора. Суд постановил приговор, избрал меру пресечения, однако обжаловать меру пресечения можно только с приговором. Возникает логичный вопрос. В чем разница? Сущностно поменялась только стадия уголовного процесса. Суть разрешаемого вопроса не поменялась никак. Из этого следует логический вывод, что и правила обжалования должны быть одинаковые вне зависимости от стадии.

В практике вопрос о комплексном или самостоятельном обжаловании частей приговора решался Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ). В Определении КС РФ от 27.03.2018 г. № 862-О гражданка Д.В. Ян пыталась оспорить отказ апелляционной инстанции в принятии к рассмотрении её апелляционной жалобы на часть приговора, в которой после постановления приговора ей была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу [13]. Апелляционная инстанция отказала в принятии жалобы на том основании, что недопустимо обжалование решения о мере пресечения отдельно от приговора. КС РФ сформулировал следующую позицию. Взаимосвязанные положения ст. ст. 108, 255, 389.2, 389.3 и 389.4 УПК РФ предусматривают, что самостоятельному обжалованию и в сокращенный срок подлежит обжалованию судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу до постановления приговора. В противном случае суд апелляционной инстанции будет разрешать вопрос о законности, обоснованности, мотивированности и справедливости по отдельности, т.е. в отношении разных частей одного процессуального акта – приговора. Избрание меры пресечения в приговоре лишь способствует исполнению приговора. Как видно, КС РФ исходит из комплексного подхода в определении приговора. Разные части приговора дополняют друг друга и способствуют реализации единой функции приговора. Такую же позицию КС РФ высказал и в Определении КС РФ от 17.07.2018 г. № 2045-О [14]. Суть данной позиции заключается в нескольких положениях: 1) избираемая мера пресечения – это часть приговора; 2) обжалуется вместе с приговором; 3) невозможность самостоятельного обжалования выражается в том, что приговор как итоговый процессуальный акт должен отвечать свойствам законности, обоснованности, справедливости, мотивированности, а данные свойства едины для всего приговора. Однако стоит подчеркнуть неоднозначность и ошибочность данной позиции.

Во-первых, УПК РФ подразделяет акты на промежуточные и итоговые. Пункт 53.3 ст. 5 УПК РФ «промежуточное судебное решение – все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения». Пункт 53.2 ст. 5 УПК РФ «итоговое судебное решение – приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу». Действительно, с КС РФ можно согласиться в той части, что комплексное обжалование приговора сохраняет его целостность как итогового уголовно-процессуального акта, а также исключает преждевременное вмешательство в деятельность судьи, сохраняя его независимость. Во многом это отголосок глобального Постановления КС РФ от 02.07.1998 г. № 20-П [15], в котором КС РФ четко разрешил вопрос о промежуточных и итоговых актах. Однако в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.11.2012 г. № 26 в п. 5 указывается, что промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу. Законность и обоснованность иных промежуточных судебных решений могут быть проверены судом апелляционной инстанции одновременно с проверкой законности и обоснованности итогового решения по делу. К таковым промежуточным решениям Пленум относит, в том числе, судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении срока ее действия. Также в современной уголовно-процессуальная доктрине высказываются позиции, что такое обжалование мер пресечения самостоятельно возможно [16, с. 713].

Во-вторых, КС РФ прямо говорит о том, что так как избрание меры пресечения является частью приговора, то и обжаловать нужно комплексно, т.е. совместно с приговором. Такой подход представляется ошибочным в связи с тем, что институционально приговор как итоговый процессуальный акт, разрешающий главным образом дело по существу, т.е. определяющий вопрос о виновности или невиновности подсудимого, и меры пресечения направлены на решение разных вопросов; имеют разный предмет и цель. По сути, это разные уголовно-процессуальные про-

изводства, т.е. самостоятельные виды процессуальной деятельности, имеющие свои собственные предметы и задачи [17, с. 124–125]. Тот факт, что они объединены в приговоре, показывает лишь функциональное единство в том смысле, что в одном акте содержат все юридически значимые положения относительно сложившегося уголовного и уголовно-процес-суального правоотношения. Выше это институциональное различие было четко разграничено. Одно из следствий – это самостоятельный предмет обжалования. В приговоре предмет обжалование – это несогласие с итогом разрешения дела по существу, т.е. определение главным образом вины подсудимого, а также вытекающие из этого факта последствия. Именно при обжаловании приговора как итогового процессуального акта ставятся под сомнения выводы относительно его свойства. Предмет обжалования при назначении меры пресечения – это обжалование решения дознавателя, следователя, суда (в зависимости) о назначении меры пресечения как превентивного инструмента государственного принуждения для достижения интересов правосудия.

В-третьих, вывод, который логически вытекает из второго аргумента. Несмотря на неопровержимость тезиса о том, что приговор как итоговый акт должен отвечать свойствам законности, обоснованности, справедливости и мотивированности в целом, рассмотрение самостоятельно вопроса о законности и обоснованности избранной меры пресечения не колеблет статуса приговора. Дефекты процесса об избрании меры пресечения – это дефекты, которые должны исправляться автономно от приговора, потому что вступают в силу сразу, несмотря на возможность обжалования, в то время как приговор имеет «отсроченное действие», т.е. не вступит в силу, пока не истечет срок на обжалование.

В-четвертых, остается лишь предположить, что КС РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, потому что пытается сохранить комплексность процесса обжалования, а также не повышать суды дополнительной нагрузкой. Однако, конечно, подобные аргументы не имеют под собой юридического основания, а значит, не могут (даже у КС РФ) являться опорой для принятия соответствующей позиции.

При неочевидной сложности проанализированной проблематики, с которой сталкиваются участники уголовного судопроизводства в реальной жизни, представляется рациональным рекомендовать законодателю внести небольшие изменения в УПК РФ с целью формирования единообразной судебной практики по рассмотренной проблеме. Полагаем, что следует внести изменения в ст. 299 УПК РФ, исключив п. 17 ч. 1, дополнив указанную статью частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. В случае избрания, изменения, продления или отмены меры пресечения в отношении каждого подсудимого судья выносит соответствующее постановление. Осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, государственные обвинители и (или) вышестоящие прокуроры, потерпевшие, частные обвинители, их законные представители и представители могут обжаловать такое постановление в порядке, определенном главой 13 УПК РФ».

Конечно, соответствующей технической редактуре должны быть подвергнуты и институты апелляции, кассации и надзора. Однако полагаем, что подобное изменение исключит разночтения положений УПК РФ по поводу способа, сроков и порядка обжалования меры пресечения, избранной по итогу рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции.

Подводя итог изложенной проблеме, необходимо отметить, что право на обжалование есть один из важнейших способов защиты прав в уголовном процессе. Его умаление или ограничение невозможно. В ситуации противоборства публичного и частного необходимо предоставить сторонам равные юридические возможности. При разрешении данной проблемы в реальном процессе необходимо исходить из такого понимания права на обжалование, что функциональное включение вопроса о мере пресечения в приговор не предрешает вопрос о комплексном (едином) обжаловании и приговора, и избранной меры пресечения. Данные процессуальные решения подлежат самостоятельному обжалованию путем использования автономных, закрепленных в УПК РФ процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева О.И.* Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. 47 с.
2. *Андреева О.И.* Значение соблюдения процессуальной формы в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы развития российского законодательства. Томск, 2005. 144 с.
3. *Якимович Ю.К.* Дифференциация уголовного судопроизводства: упрощение или упрощенчество // Закон и право. 2014. № 9. С. 24–25.
4. *Бутов В. Н.* Обжалование и опротестование определений суда первой инстанции по уголовным делам // Научные труды. Выпуск 45. Гарантии прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Свердловск, 1975. 134 с.
5. *Воскобитова Л.А.* Уголовный процесс : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2013. 385 с.
6. *Лебедев В.М.* Уголовно-процессуальное право. М. : Юрайт, 2016. 720 с.
7. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 451 с.
8. *Уголовное* судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрайт, 2014. 898 с.
9. *Головко Л.В.* Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2017. 958 с.
10. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. 374 с.
11. *Еникеев З.Д.* Проблемы мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1991. 22 с.
12. *Бойков А.Д., Карпец И.И.* Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М. : Юрид. лит., 1989. 640 с.
13. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ян Дианы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 308, частями первой и второй статьи 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 862-О // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).

14. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синюшкина Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 23, 25 и 28 статьи 5, части первой статьи 101, частей десятой и одиннадцатой статьи 108, статьи 255, пункта 17 части первой статьи 299, части первой статьи 303, пункта 5 статьи 307, пункта 10 части первой статьи 308, частей второй и третьей статьи 389.2, статей 389.3 и 389.4, части второй статьи 389.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 2045-О // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
15. *По делу* о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 28. Ст. 3393 // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф., сетевая, элект. дан. (дата обращения: 25.11.2018).
16. *Лебедев В.М.* Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М. : Юрайт, 2013. 824 с.
17. *Якимович Ю.К.* Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 124–125.

ON THE INDEPENDENT APPEAL OF THE MEASURE OF RESTRAINT CHOSEN BY THE FIRST INSTANCE COURT WHEN REACHING THE VERDICT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 71–76. DOI 10.17223/23088451/12/14
Sergey S. Dudarev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sergey.dudarev@icloud.com
Andrey G. Tuzov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.tuzov@spbu.ru
Keywords: verdict, measure of restraint, appeal against verdict, appeal against imposed measures of restraint.

In law enforcement practice, the authors designate the issue related to the courts' refusals to independently consider the appeals against the choice, diversion and extension of the measures of restraint that were chosen in the verdict reached by the first instance court.
Under the current criminal procedure law, such a decision is reflected in the verdict, which can be appealed on the merits. However, the decision on the choice or diversion of a measure of restraint requires, per se, independent proceedings (as it has independent subject of proof), although technically it is fixed in the verdict. But the refusal to accept an independent appeal against the measure of restraint mentioned in the verdict inherently impedes the right to appeal, and fails to fully meet the goals and objectives of criminal proceedings. After all, a convicted person may dispute the diversion of the measure of restraint, but not the merits of the conviction. This person has the right to verify the legality of the first instance court decision in a shorter period; otherwise, this check makes no sense, and also the appeal court having nothing to do with the arguments mentioned in the appeal may spend time and forces on the entire case review, while there was no initial interest in appealing the verdict on the merits.
Such an approach follows from the analysed doctrinal works on criminal proceedings differentiation and from the content of the rights to defence and effective appeal, and is confirmed by the legal positions set out in the judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation that were analysed in the article.
According to the results of the study, the authors substantiate the need for ensuring the implementation of the right of independent appeal against the decisions on the choice (diversion) of the measure of restraint chosen in the verdict reached by the first instance court. They also suggest eliminating the problem through formulating a regulatory requirement in the law, that is, through making changes, primarily in Article 299 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, aimed at establishing a uniform approach to solving the identified problem in judicial practice.

References

1. Andreeva, O.I. (2012) Limits of individual rights restriction in criminal proceeding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 46–49. (In Russian).
2. Andreeva, O.I. (2005) Znachenie soblyudeniya protsessual'noy formy v ugolovnom sudoproizvodstve [The value of compliance with the procedural form in criminal proceedings]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Topical problems of the development of Russian legislation]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Yakimovich, Yu.K. (2014) Differentsiatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva: uproshchenie ili uproshchenchestvo [Differentiation of criminal proceedings: simplification or simplificationism]. *Zakon i pravo.* 9. pp. 24–25.
4. Butov, V.N. (1975) Obzhalovanie i oprotestovanie opredeleniy suda pervoy instantsii po ugolovnym delam [Appealing and challenging the rulings of the court of first instance in criminal cases]. In: *Nauchnye trudy. Garantii prav lits, uchastvuyushchikh v ugolovnom sudoproizvodstve* [Scientific works. Guarantees of the rights of persons involved in criminal proceedings]. Is. 45. Sverdlovsk: [s.n.].
5. Voskobitova, L.A. (2013) *Ugolovnyy protsess: uchebnik dlya bakalavrov* [The criminal procedure: a textbook for bachelors]. Moscow: Prospekt.
6. Lebedev, V.M. (2016) *Ugolovno-protsessual'noe pravo* [Criminal Procedure Law]. Moscow: Yurayt.
7. Strogovich, M.S. (1958) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [A course of the Soviet criminal procedure]. Moscow: USSR AS. pp. 450–451.
8. Kolokolova, N.A. (ed.) (2014) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika* [Criminal proceedings: theory and practice]. Moscow: Yurayt.
9. Golovko, L.V (2017) *Kurs ugolovnogo protsessa* [A course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.
10. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2-kh tomakh* [A course of criminal proceedings: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Al'fa.
11. Enikeev, Z.D. (1991) *Problemy mer presecheniya v ugolovnom protsesse* [Problems of preventive measures in the criminal procedure]. Abstract of Law Dr. Dis. Yekaterinburg.
12. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (1989) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. Obshchaya chast'* [A course of the Soviet criminal procedure. The general part]. Moscow: Yurid. lit.
13. Russian Federation. (2018) *On refusal to accept complaints by citizen Diana Yan for violation of her constitutional rights by Paragraph 10 of Part 1 of Article 308, Parts 1 and 2 of Article 389.4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Deter-*

mination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 862-O of March 27, 2018. Moscow: AO Konsul'tant Plyus. (In Russian).

14. Russian Federation. (2018) *On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgeny Sinyushkin on violation of his constitutional rights by the provisions of Paragraphs 23, 25 and 28 of Article 5, Part 1 of Article 101, Parts 10 and 11 of Article 108, Article 255, Paragraph 17 of Part 1 of Article 299, Part 1 of Article 303, Paragraph 5 of Article 307, Paragraph 10 of Part 1 of Article 308, Parts 2 and 3 of Article 389.2, Article 389.3 and 389.4, Part 2 of Article 389.8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2045-O of 17.07.2018.* Moscow: AO Konsul'tant Plyus. (In Russian).
15. Russian Federation. (1998) Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 331 i 464 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami ryada grazhdan : Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.1998 № 20-P [On the case of verification of the constitutionality of certain provisions of Articles 331 and 464 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of 02.07.1998]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation.* 28. Art. 3393.
16. Lebedev, V.M. (2013) *Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt.
17. Yakimovich, Yu.K. (2015) Aktual'nye voprosy differentsiatsii rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Topical issues of differentiation of Russian criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava.* 12. pp. 124–125.

УДК 343.1 DOI 10.17223/23088451/12/15

О.В. Желева, А.С. Ткач

СИСТЕМНЫЕ И НЕСИСТЕМНЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫМИ ПРАВАМИ: ПОНЯТИЕ, СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект 16-03-00413.

В статье приводится классификация случаев злоупотребления субъективными правами на системные и несистемные. Указывается, что критерием классификации являются причины совершения злоупотребительного поведения. Авторы отмечают, что способы предупреждения, пресечения и механизм их применения зависят от конкретного вида злоупотребления правом и возможности устранения их появления посредством восполнения законодательных пробелов.

Ключевые слова: *злоупотребление субъективным правом, системные злоупотребления субъективными правами, несистемные злоупотребления субъективными правами, способы предупреждения, способы пресечения.*

В соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их охрана и защита – одной из приоритетных задач государства. В целях осуществления данного предписания предусмотрена возможность личности отстаивать свои интересы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ). Закрепление в Конституции РФ такого положения явилось предпосылкой расширения юридически признанных пределов свободы индивида, включающих в себя не только возможность распоряжаться предоставленными правами в своей воле и своем интересе, но и свободно выбирать способ их осуществления. Это направление стало тенденцией развития и совершенствования отраслевого законодательства, в том числе и уголовно-процессуального. Особенно это коснулось обвиняемого, который, руководствуясь своей тактикой защиты, может использовать способы и средства как прямо предусмотренные, так и не запрещенные УПК РФ. Между тем в уголовном процессе, в условиях правового спора, обвиняемый при осуществлении своих прав, действуя в соответствии с собственными интересами, может причинить вред правам и законным интересам других лиц, интересам общества и государства, что хотя и находится в рамках дозволенного законом общего типа поведения, но не соответствует назначению права. Указанный способ реализации обвиняемым субъективных прав признается в литературе ненадлежащим и именуется «злоупотребление субъективным правом».

Злоупотребление субъективным правом по своему содержанию представляет собой формальное соблюдение правовых предписаний, но при этом является социально нежелательным, поскольку направлено на достижение нелегитимных интересов, приводит к причинению вреда правам и законным интересам третьих лиц, общества и государства, что не позволяет отнести данный вид поведения к числу правомерных. Отсюда, злоупотребление субъективным правом нуждается в соответствующей реакции государства. Вместе с тем представляется убедительной точка зрения С.Г. Зайцевой о том, что с учетом вероятности проявления злоупотребления правом практически в любой сфере общественных отношений следует говорить не о методах борьбы с данным явлением, а о методах, с помощью которых возможно минимизировать возникшие в результате злоупотребительного поведения негативные последствия [1, с. 155].

Необходимо отметить, что анализ научной литературы позволяет классифицировать пути преодоления злоупотребления субъективным правом в зависимости от целей их применения на два вида: предупреждение и пресечение [2, с. 82]. При этом под предупреждением следует понимать законодательную и правоприменительную деятельность, основной целью которой является исключение самой возможности злоупотребительного поведения, а под пресечением – деятельность соответствующих государственных органов и должностных лиц, направленную на предотвращение или минимизацию негативных последствий, наступивших в результате злоупотребления субъективным правом. Стоит обратить внимание, что конкретные способы предупреждения и пресечения, механизм их применения будет зависеть от вида злоупотребления правом и причин их появления. К примеру, А.В. Волков указывает, что предпосылки злоупотребления правом можно подразделить на объективные и субъективные [3, с. 328]. К числу объективных ученый относит юридико-технический формализм норм, а также несовершенство (пороки) норм, под которым понимаются: 1) текстуальные, контекстуальные ошибки; 2) неопределенность принципов и общих норм; 3) пробелы правового регулирования; 4) коллизии правовых режимов; 5) ошибки функциональных связей; нарушение баланса между законами и подзаконными актами. Субъективные предпосылки, по мнению А.В. Волкова, составляют социальные (пробелы воспитания, пробелы образования, правовой нигилизм) и индивидуальные (ментально-волевые) источники [3, с. 328]. В.И. Крусс в качестве причин злоупотребления правом называет законодательные пробелы, юридико-техническое несовершенство правовых норм, недостатки в правоприменительной деятельности [4, с. 151].

Применительно к уголовному судопроизводству Т.В. Трубникова указывает, что злоупотребление участниками уголовного судопроизводства своими правами может быть вызвано правовой неопределенностью, пробельностью уголовно-процессуального законодательства, а также противоречащей закону сложившейся правоприменительной деятельности [5, с. 78].

Думается, что в зависимости от причин злоупотребительного поведения можно выделить следующие его разновидности: 1) системные злоупотребления субъективным правом – наиболее типичные, являющиеся следствием правовой неопределенности, несовершенства юридической техники, содержания уголовно-процессуального законодательства, а также отсутствием единства правоприменительной практики; 2) несистемные злоупотребления субъективным правом – единичные случаи, вызванные невосполнимыми законодательными пробелами и низким уровнем правосознания индивида, который неумело распоряжается предоставленными ему правовыми возможностями.

К числу системных злоупотреблений субъективными правами, к примеру, можно отнести обращение с беспредметной жалобой, в которой не называется, какое именно решение, действие (бездействие) должностного лица следует признать незаконным. Изучение практики в Красноярске, Томске, Омске показало, что количество таких жалоб составило 12,03 % (156 жалоб из 408 изученных уголовных дел). Например, обвиняемая М. подала жалобу в Центральный районный суд Красноярска на решения, действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, не указывая ни конкретное действие (бездействие), которое причинило ущерб ее конституционным правам и свободам, ни конкретное должностное лицо, которое допустило предполагаемые нарушения [6]. Суд вернул данную жалобу заявительнице, пояснив, что в ней следует указать предмет, повод и основания обжалования. Обвиняемая М. не устранила данные недостатки и обратилась с первоначальной жалобой еще пять раз. Результатом указанных действий заявительницы стал отказ суда в принятии жалоб и прекращении производств по ним, поскольку право на судебное обжалование использовалось лицом не с целью защиты прав и законных интересов, а с целью затруднить ход предварительного расследования, нарушить его установленный порядок.

Представляется, что причиной данного поведения заявительницы стало отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве требований, предъявляемых к порядку обжалования. Анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства показал, что в УПК ряда стран, так же как и в УПК РФ, не предусмотрено никаких специальных требований к форме и содержанию жалобы (например, УПК Украины, УПК Республики Беларусь, УПК Республики Казахстан). В то же время УПК Швейцарии устанавливает, что при подаче жалобы заявитель должен указать, какие пункты решения он обжалует; в связи с какими основаниями настоятельно необходимо принять другое решение; какими именно доказательствами он обосновывает свою позицию (ст. 385 УПК Швейцарии). В случае, если жалоба не соответствует вышеперечисленным требованиям, то должностное лицо возвращает ее заявителю для исправления в течение краткого срока, по истечении которого в случае неисправления недостатков жалоба не будет принята и рассмотрена.

На основе вышеизложенного, можно прийти к выводу, что для предупреждения злоупотреблений субъективными правами в форме подачи беспредметной жалобы следует восполнить пробел и закрепить в УПК РФ следующие требования к форме жалобы: наличие данных о заявителе; ссылки на обжалуемое действие (бездействие) либо решение; указание на те конституционные права, которые, по мнению заявителя, были нарушены; перечисление достоверных доводов, обосновывающих существо жалобы, а также обстоятельств, которые необходимо исследовать для ее разрешения; указание на процессуальные решения, которые принимались должностными лицами и государственными органами по существу данной жалобы ранее (о возращении жалобы для устранения недостатков, о прекращении производства, об оставлении жалобы без рассмотрения, об отказе в ее рассмотрении, об удовлетворении жалобы). В случае, если указанные требования не будут соблюдены заявителем, то должностному лицу следует оставить жалобу без движения до устранения недостатков, а при повторной ее подаче в неизменном виде в целях экономии процессуальных и временных средств – отказывать в принятии жалобы.

Системным злоупотреблением является также неоднократная замена защитника, представляющая собой отказ обвиняемого от конкретного защитника и приглашение им другого. Согласно результатам изучения материалов практики, из 408 уголовных дел случаи замены защитника составили 37,5 %, из них 56,9 % осуществлялись перед ознакомлением с материалами уголовного дела.

В соответствии со ст. 52 УПК РФ обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Такой отказ заявляется в письменном виде и не должен быть мотивирован. В случае неявки защитника на проведение следственного действия обвиняемый также имеет право отказаться от него на время данного действия, что следует из толкования ч. 3 ст. 50 УПК РФ. Однако отказ от защитника не обязателен для следователя. Последний не должен подходить к решению этого вопроса формально, ему необходимо учитывать категорию преступления, возможности обвиняемого осуществлять свою защиту самостоятельно. В любом случае, отказ от защитника не лишает участника уголовного судопроизводства возможности в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве по уголовному делу. На практике, обвиняемый, как правило, заявляет в одном ходатайстве два требования: отказ от защитника и требование назначить ему нового защитника, однако причины такого заявления им не поясняются. Следователь, обеспечивая право пользоваться услугами защитника, удовлетворяет данное ходатайство, что создает трудности для хода расследования. Так, в случае замены защитника вновь вступивший в дело защитник имеет право: озна-

комиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться обвиняемому (п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Реализация данных прав неизбежно приведет к затягиванию предварительного расследования, создаст препятствия для осуществления следователем своих полномочий. Особенно это наблюдалось при замене защитника лишь на одно конкретное следственное действие, что встречалось в 16,42 % случаев среди 408 изученных материалов уголовных дел. Но если при однократной или обоснованной замене обвиняемым своего защитника интересы последнего имеют приоритет перед публичными, то при неоднократном инициировании данной процедуры право на защиту, выбор защитника может стать средством манипуляции поведением следователя. В частности, среди случаев замены защитника 41,83 % являлись неоднократными.

Например, в ходе предварительного расследования обвиняемый З. заявил ходатайство об отказе от имеющегося у него защитника и назначении нового, приглашенного по соглашению [7]. Данное ходатайство было удовлетворено следователем, новый защитник приступил к выполнению своих полномочий, а спустя некоторое время обвиняемым был заявлен отказ и от его услуг. Замена защитника инициировалась обвиняемым неоднократно, при этом «новым» защитником всегда становился тот, который уже участвовал в деле на определенном его этапе. То есть всего в данном уголовном деле было задействовано 4 защитника, но их участие не было единовременным, в зависимости от производимого следственного действия обвиняемый менял их посредством отказа от услуг предыдущего и перезаключения соглашения. Данное поведение обвиняемого привело к тому, что каждый из защитников при вступлении в дело знакомился с новыми материалами, заявлял ходатайства, жалобы, а следователь был вынужден переносить, откладывать производство следственных действий. Иными словами, реализация права на замену защитника указанным способом противоречила его назначению, была направлена на затягивание расследования, создание препятствий следователю по планированию, выстраиванию тактики ведения предварительного следствия.

Причиной появления рассматриваемого вида злоупотребления субъективным правом стало наличие пробелов в законодательстве, отсутствие законодательного регулирования порядка вступления новых защитников. Представляется, что средством предупреждения такого злоупотребительного поведения может стать закрепление в УПК РФ дополнительного основания для отвода защитника: если обвиняемый от него ранее отказался и этот отказ был выражен явно и недвусмысленно. Данная мера не будет противоречить существу права на защиту, а, наоборот, повысит качество оказываемой юридической помощи.

К категории несистемных злоупотреблений можно отнести подачу повторных ходатайств. Законодатель не ограничил количество ходатайств, которые могут быть поданы в досудебном производстве, независимо от повода, целей и мотивов субъекта их число безгранично. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 120 УПК РФ отклонение ходатайства не лишает заявителя права заявить его вновь. Так, в результате изучения практики было установлено, что среди всех поступивших от обвиняемого и (или) защитника, действовавшего в его интересах, 42,76 % ходатайств являлись повторными. Такая возможность подачи безграничного числа ходатайств становилась предпосылкой злоупотребительного поведения частного лица, целью которого являлись не объективное выяснение обстоятельств дела, не защита собственных прав и законных интересов, а создание препятствий для предварительного расследования, затягивание его производства путем вынужденного рассмотрения и разрешения должностным лицом поступивших ходатайств.

Например, в ходе предварительного расследования обвиняемый К. заявил ходатайство о проведении очной ставки между ним и свидетелем [8]. В установленные законом сроки следователем было вынесено постановление об удовлетворении данного ходатайства, требуемое следственное действие произведено, протокол, составленный по результатам его проведения, не содержал каких-либо замечаний и заявлений от участвующих в данном процессуальном действии лиц. Однако после проведенной очной ставки обвиняемый направил еще десять аналогичных ходатайств, ссылаясь на нарушения порядка производства следственного действия и необходимость более детального подхода следователя в разрешении противоречий между показаниями заявителя и свидетеля. В удовлетворении каждого из таких ходатайств обвиняемому было отказано по причине повторности и нецелесообразности обращения. Описанное поведение данного участника уголовного судопроизводства можно расценивать как злоупотребительное, ведь при наличии законного и обоснованного решения по изначально заявленному ходатайству он осознанно повторно использовал свое право на обращение с ходатайством во вред интересам предварительного расследования.

Между тем законодательное установление поводов обращения с повторными ходатайствами или предельного числа ходатайств, заявляемых в ходе предварительного расследования, невозможно, поскольку это будет противоречить содержанию права на защиту лица, приведет к нарушению баланса интересов в уголовном процессе в пользу интересов властных субъектов, а отсюда и к невозможности достижения назначения уголовного судопроизводства. В любом случае, должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, должно рассмотреть поступившее ходатайство несмотря на его повторность и принять соответствующее решение, отвечающее требованиям законности, обоснованности и мотивированности.

В связи с недопустимостью более подробного регулирования права на обращение с ходатайствами, установления законодательных пределов его реализации, появление данного вида злоупотребления правом невозможно исключить, к нему следует относиться как к определенным процессуальным издержкам. Аналогич-

ная ситуация обстоит с заявлением повторных жалоб и отводов.

Необходимо отметить, что к системным и несистемным случаям злоупотребления субъективным правом может быть применим и более универсальный способ их предупреждения. Так, на случаи злоупотребления субъективным правом распространяется действие общеправового принципа, закрепленного в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, в которой законодатель установил, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», тем самым определив порядок реализации субъективных прав участниками любых общественных отношений.

Данная норма-принцип не содержит определения характера и вида нарушений прав и интересов других лиц, указания на санкции за недопустимое осуществление прав и свобод. В то же время сформулировать вышеперечисленное в единой норме невозможно, поскольку требуется учет особенностей различных правоотношений, где встречается злоупотребление правом, а также методов их регулирования. В результате такого регулирования, в процессе злоупотребительных действий (бездействия) лицо реализует возможности, предоставленные ему специальной, частной нормой права, а неопределенность, расплывчатость положений, содержащихся в общей норме-принципе, позволяют субъекту даже при нарушении последней оставаться в плоскости объективного права, ведь она не содержит прямого запрета конкретной разновидности злоупотребления правом.

В связи с этим особенности уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой с применением различных мер принудительного характера, предполагают не просто отсылки к конституционному положению, признанному общеправовым принципом, но и разработки особого механизма реализации данного принципа, обеспечивающего его проявление именно в рамках уголовного судопроизводства. Такое возможно в случае, если данный принцип в качестве отраслевого будет закреплен в уголовно-процессуальном законе и иметь следующую формулировку: «Участники уголовного судопроизводства не должны допускать злоупотребления своими правами». Содержанием указанного предписания станет требование добросовестного и разумного осуществления предоставленных прав, а также недопустимость причинения вреда в ходе правореализации правам и законным интересам других участников уголовного процесса, интересам правосудия в целом. Действие данного принципа поставит под контроль свободу реализации прав той личности, которая не соотносит свое поведение с интересами иных участников, общественными и публичными интересами и тем самым препятствует доступу к правосудию субъектов процесса и достижению назначения уголовного судопроизводства.

Таким образом, изучение судебной практики и литературы позволило классифицировать встречающиеся случаи злоупотребления субъективным правом на два вида: системные и несистемные. Их основное отличие заключается в причинах их появления и наличии либо отсутствии возможности устранения таких причин с помощью совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Представляется, что ввиду разнообразия и динамики общественных отношений невозможно установить нормативные запреты на все виды возможного злоупотребительного поведения и тем самым полностью искоренить данное социально нежелательное поведение. Между тем внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство посредством устранения противоречий, восполнения пробелов позволит избежать совершения системных злоупотреблений правом. Несистемные злоупотребления также создают препятствия для осуществления предварительного расследования и правосудия, вместе с тем преодоление их с помощью более подробной нормативной регламентации уголовно-процессуальных отношений невозможно, иное приведет к значительному отграничению прав участников уголовного судопроизводства либо лишению их прав вовсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцева С.Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук. Коломна, 2003. 198 с.
2. *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. Челябинск : Цицеро, 2013. 152 с.
3. *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М. : Волтерс Клувер, 2009. 453 с.
4. *Крусс В.И.* Злоупотребление правом : учеб. пособие. М. : Норма, 2010. 176 с.
5. *Трубникова Т.В.* Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–79.
6. *Производство* по материалам, разрешаемым в порядке досудебного производства 3/10-233/2016; 3/10-234/2016; 3/10-235/2016; 3/10-236/2016; 3/10-237/2016 // Архив Центрального районного суда г. Красноярска.
7. *Уголовное* дело № 2002/337 // Архив Томского областного суда.
8. *Уголовное* дело № 23051249 // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярска.

SYSTEMIC AND NON-SYSTEMIC ABUSE OF SUBJECTIVE RIGHTS: THE CONCEPT AND WAYS TO PREVENT AND COUNTERACT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 77–81. DOI 10.17223/23088451/12/15

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com
Aleksandr S. Tkach, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandertkach01@gmail.com

Keywords: abuse of subjective right, systemic abuse of subjective rights, non-systemic abuse of subjective rights, ways to prevent, ways to counteract.

The subject of the article is the procedure for exercising the rights and freedoms of individuals in criminal proceedings. The relevance of the subject stems from legal uncertainty, as the criminal procedure legislation lacks proper limitations for exercising the legal options of individuals. The article states that because of the absence of legal limits for exercising their rights the participants in criminal proceedings may use them in contradiction with the initial purpose, thereby infringing the rights and legitimate interests of other persons, society and the state as well; that is, these participants can abuse their subjective rights. In that regard, the authors resolve the tasks of (1) defining the concept of the abuse of a subjective right; (2) identifying both objective and subjective reasons for the abusive behaviour; (3) classifying the abuses of subjective rights; (4) determining ways to prevent and counteract the abuses of subjective rights.
The research methodology of the designated issue includes general scientific and specific scientific methods of cognition, namely, dialectical, formal logical, comparative legal, systemic, analytical and synthetic ones. On the basis of those, the article provides an analysis of the current criminal procedure legislation in terms of the procedure for exercising the subjective rights of participants in criminal proceedings. It is stated that, depending on the reasons for the abusive behaviour, the following types of the abuse of subjective rights can be distinguished. First, the systemic abuse of a subjective right; this is the most common type resulting from legal uncertainty, flawed legal techniques and content of the criminal procedure legislation, and disunity of the law enforcement practice. Second, the non-systemic abuse of a subjective right; this type comprises separate cases caused by irreparable legal gaps and poor legal awareness of the individual ineptly managing the legal options granted to them. As a result of the research, the authors conclude that this classification can contribute to the development of specific ways to prevent and counteract abusive behaviour in criminal proceedings. At the same time, the most universal way of prevention is to amend the criminal procedure law with the principle of right abuse inadmissibility; this principle is to guarantee the conscientious and reasonable exercising of the rights granted.

References

1. Zaytseva, S.G. (2003) *“Zloupotreblenie pravom” kak pravovaya kategoriya (voprosy teorii i praktiki)* [“Abuse of Right” as a legal category (theory and practice)]. Law Cand. Dis. Kolomna.
2. Darovskikh, O.I. (2013) *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve* [Abuse of right in criminal proceedings]. Chelyabinsk: Tsitsero.
3. Volkov, A.V. (2009) *Zloupotreblenie grazhdanskimi pravami. Problemy teorii i praktiki* [Abuse of civil rights. Problems of theory and practice]. Moscow: Volters Kluver.
4. Kruss, V.I. (2010) *Zloupotreblenie pravom* [Abuse of right]. Moscow: Norma.
5. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–79. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/17/8
6. Archive of the Central District Court of Krasnoyarsk. *Proceedings on materials permitted in pre-trial proceedings 3/10-233/2016; 3/10-234/2016; 3/10-235/2016; 3/10-236/2016; 3/10-237/2016*. (In Russian).
7. Archive of the Tomsk Regional Court. *Criminal case No. 2002/337. (In Russian).*
8. Archive of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk. *Criminal Case No. 23051249.* (In Russian).

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/12/16

И.А. Зинченко, В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, Т.В. Трубникова

ОТКАЗ ОТ ПРАВА – КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

На материале и по результатам анализа монографии А.С. Гамбаряна «Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства» рассмотрены проблемы, связанные с объективным отказом от права и с отказом участника уголовного судопроизводства от своих субъективных прав. Определены формы и обозначены пределы отказа участника процесса от своих субъективных прав, обоснована невозможность отказа от некоторых субъективных прав, определены последствия злоупотребления своими субъективными правами со стороны обвиняемого.

Ключевые слова: *обеспечение прав и свобод в уголовном судопроизводстве, отказ от права, злоупотребление субъективным правом, злоупотребление дискреционными полномочиями.*

Права на защиту жизни, здоровья, свободы, собственности и других благ – важнейшие, неотъемлемые права гражданина, признание которых объясняется в юридической и философской литературе их естественным генезисом [1]. Государство эти права легализует, т.е. формулирует, уточняет объемы, закрепляет способы и процедуры реализации, устанавливает соответствующие обязанности государственных органов. Таким образом появляются юридические права. Особую актуальность проблемы реализации прав человека и гражданина, их защиты приобретают в уголовном судопроизводстве, где, несомненно, меры принудительного государственного воздействия на личность наиболее болезненны. Безгрешны ли процессуально-правовые механизмы обеспечения прав участников уголовного производства, особенно в последние годы зыбкости и изменчивости процессуальной формы? Вопрос, надо полагать, риторический.

Пытливые исследователи обнаруживают в ряду указанных проблем все новые аспекты, формулируют новые вопросы, ищут ответы на них. Один из интереснейших подходов представлен в новой книге доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права Российско-Армянского университета А.С. Гамбаряна «Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства». Отметим также: Артур Сиреканович – юрист практикующий, он является заместителем председателя Следственного комитета Республики Армения, поэтому ему хорошо известны проблемы не только теории, но и правоприменительной практики обеспечения прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве. В данной монографии [2], в которой получили новое звучание традиционные вопросы не только уголовного судопроизводства, но и, не будет преувеличением заявить, правоведения в целом. В последние годы из-под пера А.С. Гамбаряна вышло немало хороших работ, в том числе и в российских издательствах (специалистам они хорошо известны), но назвать данную книгу «очередной работой» было бы несправедливо банально. Монография А.С. Гамбаряна неординарна. Ее своеобразие проявляется в комплексном характере проведенного им исследования, которое развивается в двух магистральных направлениях. Прежде всего, автор не ограничил себя и читателей обращением лишь к проблематике уголовного процесса. Первую часть книги он посвятил историко-философским и теоретическим вопросам феномена «отказ от права». В этой ее части А.С. Гамбарян задается непростыми вопросами: обязан ли человек использовать свое право на жизнь так, чтобы обеспечить сохранение жизни; обязан ли он пользоваться своим правом на труд или правом участвовать в управлении государством; может ли кто-либо быть принужден к использованию права? В контексте отказа от права его привлекает соотношение понятий «свобода воли» и «побег от ответственности». В поисках ответа на эти и другие методологически значимые вопросы он обращается к исследованию философских категорий свободы – внешней и внутренней, позитивной и негативной, к идеологии автономии субъекта, к исследованию понятий «неотчуждаемости» и «неотъемлемости» основных прав человека, к анализу полномочий публичной власти. Привлекательным представляется суждение автора о том, что если, с одной стороны, государство может отчуждать права человека, ограничивая их, а с другой – человек отчуждать свои права, отказываясь от них, то можно прийти к заключению, что «неотъемлемое право» представляет собой правовой миф, фикцию (мы бы добавили – идеологему). В позитивном же праве «оно обретает содержательные признаки – память, волю, интеллект – в понятии дееспособности» [2, с. 42].

Будем честны, человек может быть лишен любого права. В отдельных случаях общество само готово отказаться от некоторых прав (А.С. Гамбарян называет это объективным отказом от права). Объявленные на конституционном уровне «высшей ценностью» права и свободы человека могут быть ограничены ради иных ценностей: для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства

(ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). С учетом многочисленных новаций действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, вызывавших бурные дискуссии по отдельным вопросам (обеспечение прав человека, возможность установления истины, соответствие принципам уголовного процесса и др.), впору поставить вопрос о том, не произошло ли «скрытого» отказа от вышеперечисленных «абсолютных ценностей»? Не получилось ли так, что подмененным оказался предмет? Отказывались от формализма, а отказались от прав, достойных быть неотъемлемыми? Есть о чем размышлять в ракурсе, заданном А.С. Гамбаряном.

Теория отказа от права в монографии представлена анализом правовых концепций отказа от объективного и субъективного права. Под отказом от объективных прав в работе понимается отказ от государственного признания права человека со стороны народа (жителей конкретной территории). Говоря же об отказе от субъективного права, имеется в виду поведение лица – правомерное или неправомерное деяние, – из которого вытекает, что оно не желает реализовывать свое право или отказывается от правовой защиты [2, с. 64, 81, 322].

Второе (основное) направление исследования (являющееся логическим продолжением первого и тесно с ним связанное) состоит в изучении проблематики уголовно-процессуального характера. В монографии оно представлено вторым разделом, включающим шесть глав, и соответственно анализом шести уголовно-процессуальных институтов:1) отказ от права на участие в судебном разбирательстве; 2) отказ от права на встречный опрос (конфронтацию); 3) отказ от права на неприкосновенность жилища; 4) отказ от права на тайну связи; 5) отказ от соматических прав; 6) отказ от права на личную свободу.

Перечисленные институты исследуются автором в контексте вмешательства в названные права государства в лице субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Заметим, что автор отнюдь не старается упростить проблему отказа от права. В упрощенном виде возможность такого отказа виделась бы весьма опасным явлением, ставящим под угрозу гарантии прав и законных интересов личности в уголовном процессе. Под отказом от субъективного права А.С. Гамбарян понимает: 1) отказ от *реализации* (курсив наш. – *Авторы*) субъективного права; 2) отказ от субъективного права путем дачи согласия на вмешательство в право; 3) отказ от субъективного права путем совершения неправомерного (противоправного) деяния (forfeiture by wrongdoing). Иначе говоря, речь идет об отказе от реализации права в конкретном правоотношении, а не от права вообще. Это крайне важно. Отказаться от предоставленного законодателем права нельзя, оно, будучи предусмотрено законом, составляет элемент правового статуса человека, который не может им самим корректироваться. Скорее именно поэтому, а не ввиду особенностей советских правовых отношений нельзя было отказаться от права на труд. Отказ же от обязанности трудиться в советской системе, действительно, не допускался, одновременно делая невозможным отказ от *реализации* (курсив наш. – *Авторы*) права на труд.

В целом считая, что возможен отказ от любого права (в смысле, разъясненном автором монографии, который, повторим, вовсе не заключается в отказе от права как элемента правового статуса), А.С. Гамбарян признает, что отказ от некоторых прав, являющихся элементом более сложных систем (например, принципов), невозможен. Так, невозможен отказ от права на толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, иначе это привело бы к краху системы. С этой позицией невозможно не согласиться [3, с. 16–18; 4].

Импульс к размышлению, заданный А.С. Гамбаряном, заставляет предположить, что термин «отказ от права» даже в смысле реализации его в конкретном правоотношении не в полной мере применим ко всем ситуациям нежелания реализовывать право. Право – мера возможного поведения, однако, отнюдь не должного поведения лица. Если лицо не реализует право, это не всегда означает, что оно именно отказывается от его реализации. В ряде случаев оно его просто не использует, т.е. отказывается совершать действие, а не реализовывать право в целом. Так, например, незаключение подозреваемым (обвиняемым) соглашения с адвокатом не означает еще его отказа от предоставления ему квалифицированной юридической помощи. Отказ от реализации права скорее имеет место в ситуациях наличия фактических оснований для реализации права, при нежелании управомоченного лица воспользоваться правом. Полагаем, что такое разграничение отказа от реализации права и отсутствия фактических оснований для совершения действий, составляющих его содержание, важно с практической позиции. Отказ от реализации права в таком понимании заслуживает особой оценки правоприменителем, поскольку сопряжен со значительным риском вынужденности [3, с. 16–18].

Стоит всерьез поразмыслить и о соотношении отказа от права с дачей согласия на вмешательство в право. Субъективные права личности могут быть элементом иных правовых конструкций, которые не исключают реализацию права и допустимость правомерного вмешательства государства в сферу охраняемых законом субъективных прав. Например, право на неприкосновенность жилища не исчерпывается правом человека требовать от государственных органов недопустимости действий по проникновению в жилище. Дача человеком согласия на осмотр жилища, как представляется, может рассматриваться как действие в рамках реализации права на неприкосновенность жилища, а не как отказ от реализации такового. Хотя признаем, что аргументация автора монографии, который видит в этой ситуации именно отказ от реализации права на неприкосновенность жилища, солидна и его точка зрения бесспорно заслуживает быть введенной в научный оборот, равно как и масса других идей, обоснованных в монографии.

Труд А.С. Гамбаряна предоставляет поистине богатейшую почву для размышлений. Несомненным достоинством данной книги является широкое использование компаративистского подхода, позволяющего соотнести уголовно-процессуальное законодательство Республики Армения (причем не только действующее, но и ожидаемое – Республика готовится к принятию

нового УПК), а также законодательство Российской Федерации и ряда других государств ближнего и дальнего зарубежья. Невозможно не обратить внимание и на тщательность авторского анализа рассматриваемых им институтов и норм: даже придирчивым взглядом в книге трудно отыскать ситуации, неминуемо возникающие в многогранной практике уголовного судопроизводства в части реализации прав человека, которые остались бы вне поля зрения А.С. Гамбаряна. Кроме того, в монографии использован значительный по объему и уникальный, ранее не опубликованный в российских литературных источниках фактический материал. В этом, по свидетельству самого автора [2, с. 5], ему была оказана неоценимая помощь английскими, немецкими и французскими учеными-правоведами.

Уделим более детальное внимание анализу структуры лишь одного из разделов монографии А.С. Гамбаряна «Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства» [2, с. 132–181], сопровождая его некоторыми авторскими мыслями, которых не может не вызывать научная работа высокого уровня на злободневную тему. Это позволит читателю составить представление о круге охваченных автором проблем.

Данная глава состоит из 5 параграфов, резюмируемых ясными и краткими выводами. В первом параграфе анализируются доктринальные и историко-сравнительные аспекты отказа от права на участие в судебном заседании, анализируется соотношение данного права с соответствующей обязанностью подсудимого и доступностью правосудия для потерпевшего. В историческом аспекте рассматривается регламентация отказа на участие в судебном заседании в римском праве, в УПК РСФСР 1922, 1923 и 1961 гг. В позитивном праве анализируется законодательство Армении, Грузии, Казахстана, России и Украины, а также уголовно-процессуальное законодательство США, Франции, Германии и Англии.

Второй параграф посвящен анализу судебной практики Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации и Кассационного Суда Республики Армения в части отказа от такого права. Детально анализируются правовые последствия отказа от рассматриваемого права, в частности условия правомерности оглашения досудебных показаний подсудимого.

В этой части работы А.С. Гамбарян совершенно справедливо задается вопросом о «судьбе» иных, неотделимых от участия в судебном заседании процессуальных прав. Отвечая на него, автор отмечает, что сам по себе отказ подсудимого от анализируемого права вовсе не означает отказ от реализации других прав (дачу показаний, участие в перекрестном допросе и др.). Он полагает, что для разрешения подобных ситуаций «законом должны быть предусмотрены дополнительные гарантии, например, обязательное участие защитника, предоставление лицу возможности подачи жалобы в условиях истечения установленных законом сроков» [2, с. 162–163]. Кроме того, по мнению А.С. Гамбаряна, суд заранее должен разъяснить подсудимому, что его отсутствие в зале судебного заседания, ставшее последствием его неправомерного поведения в судебном разбирательстве (например, в случае удаления его из зала суда), может расцениваться судом как его отказ от дачи показаний. В этом случае его показания, данные при производстве предварительного расследования, могут без ограничений оглашаться и использоваться в качестве доказательств [2, с. 164]. Заметим, что в данном случае речь, в конкретной ситуации, может идти и о злоупотреблении судом своими дискреционными полномочиями [5].

В третьем параграфе анализируется проблемы законодательства и правоприменительной практики, обусловленные отказом от участия в судебном заседании по ходатайству подсудимого, а в четвертом – потеря рассматриваемого права путем совершения противоправного деяния. В последнем случае обращено внимание на нестандартную ситуацию – намеренное приведение подсудимым себя в состояние процессуальной недееспособности, исключающее его участие в работе суда (примером может служить объявление голодовки, применение наркотических средств).

В заключительном параграфе главы формулируются предложения автора, в которых он приходит к выводу о целесообразности замены законодательного положения об обязанности подсудимого на участие в судебном заседании соответствующим субъективным правом. Допустимость такого отказа, по мнению А.С. Гамбаряна, не может априори зависеть от тяжести совершенного преступления и строгости наказания, суд должен иметь дискреционные полномочия для решения этого вопроса в каждой конкретной ситуации» [2, с. 180]. Отдавая должное авторской позиции и ее аргументации, хотим подчеркнуть, что к ликвидации обязанности подсудимого участвовать в судебном заседании необходимо подходить осторожно. Судебное разбирательство – процессуальная форма осуществления правосудия, значение которого отнюдь не ограничивается собственно вынесением итогового решения. Непосредственное участие подсудимого в процессе – важная гарантия не только обоснованности судебного решения, но и средство социально-воспитательное. В публичном уголовном процессе лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно «предстать перед судом» в буквальном смысле. Факт участия подсудимого в процессе осуществления правосудия является элементом справедливости для потерпевшего, общества, имеет мощный воспитательный потенциал. Вспомним выездные судебные заседания, практиковавшиеся в советское время, когда воспитательное значение уголовного судопроизводства не считалось отжившим и бессмысленным, а напротив, рассматривалось как неотъемлемая характеристика уголовного процесса, что, наверное, правильно.

Аналогичная структура изложения материала использована автором и в других главах второго раздела монографии, которые также насыщены не менее интересными суждениями, выводами и рекомендациями. В частности, относительно новыми и недостаточно исследованными в теории уголовного процесса, не получившими серьезного развития в УПК РФ, нам представляются рассмотренные в книге проблемы обеспече-

ния соматических прав граждан и соответственно вопросы уголовно-процессуального вмешательства при отказе от них [2, с. 237–309]. Они касаются защиты прав граждан при их отказе от участия в производстве таких процессуальных действий, как получение образцов (прежде всего, биологических) для сравнительного исследования и освидетельствования. Добавим к сказанному – книга А.С. Гамбаряна написана хорошим литературным языком, привлекательно оформлена. Заинтересованные специалисты найдут в ней ответы на многие вопросы и пищу для дискуссий и размышлений.

Кроме обозначенного, автору можно адресовать некоторые пожелания.

1. В монографии высказано немало идей, направленных на изменение или дополнение уголовно-процессуального законодательства. Во многих случаях хотелось бы при этом увидеть конкретные формулировки норм, которые можно учесть в законотворческой деятельности. Без них порой трудно составить исчерпывающее представление о позиции автора. Активное участие Артура Сирекановича в работе над совершенствованием законодательства хорошо известно и его конкретные законотворческие предложения были бы несомненно интересны читателю.

2. Представляется также, что полезным для монографического исследования могло быть обращение автора к законодательству ряда других, оставленных им без внимания государств, расположенных на постсоветском пространстве. Например, к весьма привлекательному во многих отношениях новому УПК Киргизской Республики 2017 г. (он вступает в силу с 1 января 2019 г.) или УПК Республики Молдова. В них мы находим ряд интересных новелл, относящихся к предмету исследования А.С. Гамбаряна, в частности касающихся соматических прав участников уголовного процесса. В то же время мы понимаем – нельзя «объять необъятное». Любому автору приходится всегда себя ограничивать.

3. Как мы уже отмечали, в монографии широко представлены материалы следственной и судебной практики, высказано немало практических рекомендаций. В этом смысле круг ее читателей должен быть гораздо шире, чем заявлено в аннотации к книге. (В ней указано, что монография будет интересна лишь «специалистам в области общей теории права, конституционного и уголовно-процессуального права» [2, с. 2].) Немало интересного в ней должны для себя обнаружить и компаративисты, и те, кто создает законы, и практикующие юристы – дознаватели, следователи, прокуроры, судьи, и все, кому небезразличны проблемы уголовно-процессуального права и уголовного процесса.

Общая оценка монографии А.С. Гамбаряна, ее научная и практическая значимость, вне всяких сомнений, высока. Она написана квалифицированным человеком, неравнодушным к современным проблемам уголовно-процессуального права и уголовного процесса и, очевидно, не для книжных полок. Думается также, что выход в свет работы А.С. Гамбаряна инициирует развитие научных исследований, направленных на изучение общественных отношений, обусловленных отказом от права, и в иных отраслях юрисдикционного производства – конституционном, гражданском, арбитражном и административном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева О.И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 443 с.
2. *Гамбарян А.С.* Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства / под ред. проф. А.В. Смирнова. М. : Юрлитинформ, 2018. 352 с.
3. *Трубникова Т.В.* Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-таУ, 2011. 296 с.
4. *Андреева О.И.* Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 46–49.
5. *Андреева О.И., Трубникова Т.В.* Злоупотребление правом в уголовном процессе: некоторые итоги исследования // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 86–94.

WAIVER OF RIGHT AS A COMPLEX PROBLEM RELATING TO CRIMINAL PROCEDURE LAW AND CRIMINAL PROCEEDINGS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 82–86. DOI 10.17223/23088451/12/16

Igor A. Zinchenko, Kaliningrad Branch of the International University in Moscow (Moscow, Russian Federation). E-mail: zinchenko3939@mail.ru

Viktor N. Grigoryev, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Aleksandr V. Pobedkin, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: apobedkin71@mail.ru

Tatyana V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

Keywords: ensuring rights and freedoms in criminal proceedings, waiver of right, abuse of subjective right, abuse of discretionary power

On the basis and analysis of A.S. Gambaryan's monograph, this article considers the problems associated with the admissibility, manifestation forms, permissible limits and consequences of the waiver of right. The issue is whether certain recent amendments to the criminal procedure legislation do not actually restrict a number of inalienable rights; whether there has been a kind of a covert denial of "absolute values". The article considers two types of the waiver of right. The first is defined as an objective surrender of certain human rights (caused by the legal awareness of the people); the second stands for a surrender by a person (including a participant in criminal proceedings) of their subjective rights. The authors substantiate that the surrender of a subjective right may take one of the following

forms; 1) a surrender of exercising the powers that are elements of the subjective right; 2) a surrender of the subjective right through giving consent to the state interference with the right; 3) a surrender of the subjective right through committing an unlawful (illegal) act (or abuse of the right). The authors argue that the need to protect public interests implies that certain rights cannot be subject to surrender; also it indicates a number of limits to the trial participant's waiver of their subjective rights. For example, the participation of the accused in the court hearing should be considered not only as their right, but also as their duty. The trial is a procedural form of the administration of justice, so its significance is not limited to making the final decision. The defendant's direct participation in the procedure not only provides an important safeguard for the court decision validity, but also contributes to fulfilling the social and educational goals of the criminal procedure. In a public criminal trial, a person accused of committing a crime must literally "stand trial". The fact of the defendant's participation in the procedure of administering justice introduces the idea of fair justice to the victim and society, and has a strong educational potential as well. The article also considers the possibility of limiting the rights of the accused in case of their abuse of these rights (for example, in the case of the court procedure violation). Moreover, the authors take into account a nonstandard situation when the defendant deliberately brings themselves to a state of procedural incapacity precluding their participation in the proceedings (for example, a hunger strike or a use of narcotic drugs).

References

1. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugolovnogo protsessa* [Conceptual framework for the correlation of the rights and obligations of the state and the individual in the criminal procedure of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activities to dispose of the subject of the criminal process]. Law Dr. Dis. Tomsk.
2. Gambaryan, A.S. (2018) *Otkaz ot prava i voprosy ugolovno-protsessual'nogo vmeshatel'stva* [Waiver of right and questions of criminal procedure intervention]. Moscow: Yurlitinform.
3. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal proceedings of the Russian Federation] Tomsk: Tomsk State University.
4. Andreeva, O.I. (2012) Limits of individual rights restriction in criminal proceeding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 46–49. (In Russian).
5. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2017) Zloupotreblenie pravom v ugolovnom protsesse: nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of right in criminal proceedings: some results of the research]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 3(4). pp. 86–94.

УДК 343.157 DOI 10.17223/23088451/12/17

М.Е. Нехороших

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА КАССАЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ: ВИДЫ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

Анализируются виды злоупотребления правом на кассационное обжалование. Обосновывается, что злоупотребление правом на кассационное обжалование препятствует реализации такой задачи кассационного производства, как обеспечение стабильности приговора. Формулируются предложения по изменению действующего уголовно-процессуального закона, направленные на предупреждение злоупотребления правом на кассационное обжалование.

Ключевые слова: *кассационное производство, свобода обжалования, злоупотребление правом, сплошная кассация.*

Злоупотребление правом в уголовном процессе становится достаточно актуальной темой научных исследований в последние годы. Было опубликовано несколько монографий [1, 2], множество научных статей [3–6], проведены диссертационные исследования, посвященные видам злоупотребления правом участниками уголовного процесса, способам предупреждения и пресечения такого поведения [7, 8]. Однако следует отметить, что в основном в научных работах рассматриваются проблемы злоупотребления правом участниками со стороны защиты в досудебных стадиях уголовного процесса.

Вместе с тем, как представляется, особо актуальным является также исследование вопросов злоупотребления правом в судебном производстве, а именно в тех проверочных стадиях уголовного процесса, в которых проверяется приговор, уже вступивший в законную силу. Связано это, прежде всего, с тем, что одной из задач таких производств (в том числе и кассационного) должно являться обеспечение стабильности приговора [9; 10, с. 73; 11, с. 15]. Определение стабильности приговора приводит М.К. Свиридов: «Стабильность приговора означает его неизменность с момента вступления в законную силу до окончания срока действия» [12, с. 139]. Схожее определение формулировал ранее и Я.А. Вилдерс: «Стабильность приговора, прежде всего, следует понимать, как неизменность и постоянство единства его формы и содержания» [13, с. 10].

Значение стабильности приговора подчеркивал в советское время В.П. Маслов: «Чрезмерная легкость отменять или изменять вступившие в законную силу судебные решения влечет за собой нарушение прав и охраняемых законом интересов граждан, причиняет вред интересам государства, подрывает авторитет советского суда, отрицательно влияет на воспитание трудящихся в духе уважения советских законов» [14, с. 11]. Схоже определяет отрицательные последствия нестабильности приговоров в настоящее время М.К. Свиридов: «Отсутствие определенности жизни многих людей в течение длительного времени подрывает правопорядок в целом, снижает доверие людей к судебной власти. Нестабильность приговора имеет и другое негативное последствие – она противоречит закону о разумном сроке судопроизводства. Кроме того, нестабильность негативно влияет на законную силу приговора, содержание которой значительно сужается и начинает сводиться к процессуально-техническому характеру – быть требованием обратить приговор к исполнению и служить исходной точкой для отсчета времени начала реализации приговора» [12, с. 140].

Выделение задачи по обеспечению стабильности приговора в настоящее время связано с тем, что объект кассационной проверки – приговор, вступивший в законную силу, – должен признаваться res judicata и не может быть произвольно пересмотрен в связи с простым несогласием с ним одной из сторон уголовного судопроизводства. Кроме того, обеспечение авторитета судебной власти также требует, чтобы вступившее в законную силу судебное решение принималось за истинное и не подвергалось более сомнению.

Схожей позиции придерживается и Европейский суд по правам человека. В частности, он считает, что пересмотр вступившего в законную силу приговора не должен производиться только для целей нового рассмотрения дела, но, скорее, для исправления юридических ошибок и ошибок, допущенных при отправлении правосудия [15, 16]. Иными словами, Европейский суд по правам человекам данным утверждением разграничивает апелляционное производство и иные проверочные производства по их назначению в системе проверочных производств: апелляционное производство должно предоставлять возможность повторного пересмотра и нового рассмотрения дела, а проверочные производства, в которых проверяются приговоры, вступившие в законную силу, должны быть направлены лишь на исправление допущенных юридических ошибок (то есть нарушений законности).

В то же время нельзя не отметить, что кассационное производство, как и любое производство, должно быть направлено на реализацию назначения уголовного процесса – восстановление нарушенных прав участников уголовного процесса. Восстановление нарушенных прав предполагает, что суды кассационной инстанции должны быть наделены всеми возможностями по выявлению и

устранению допущенных нарушений закона, а лицам, которые считают, что их права нарушены, не должно быть необоснованно отказано в защите их прав.

Как представляется, в этом и заключается главное противоречие кассационного производства: с одной стороны, в таком производстве проверяется приговор, вступивший в законную силу, а значит, должны быть созданы гарантии обеспечения его стабильности; с другой стороны, заинтересованные лица должны обладать реальными возможностями по восстановлению своих нарушенных прав и после вступления приговора в законную силу. Указанное противоречие может разрешаться как в пользу преимущества реализации задачи по обеспечению стабильности приговора, так и в пользу преимущества обеспечения заинтересованным лицам возможности по обжалованию приговора. При этом, если говорить о преимуществе обеспечения заинтересованным лицам возможности по обжалованию приговора, то нельзя забывать, что предоставление широких прав по обжалованию приговора, вступившего в законную силу, создает реальную угрозу злоупотребления такими правами. Злоупотребление же правом на обжалование вступившего в законную силу приговора влечет полное обесценивание законной силы приговора, то есть создает такое положение, когда и после вступления приговора в законную силу никто не может быть уверен в том, что он останется неизменным и будет исполнен.

Переходя к вопросу о том, каковы виды злоупотребления правом на кассационное обжалование, следует отметить, что оно может выражаться в следующем:

1) подача необоснованных кассационных жалоб, то есть жалоб, не содержащих указания на действительные кассационные основания, или жалоб, в которых содержатся ложные сведения о допущенных нарушениях закона;

2) подача повторных и новых кассационных жалоб в тот же суд кассационной инстанции, которые влекут пересмотр уголовного дела в полном объеме;

3) подача кассационных жалоб за пределами установленного срока на кассационное обжалование приговора.

Следует подробно рассмотреть каждый из указанных видов злоупотребления правом на кассационное обжалование приговора и установить, содержит ли действующее уголовно-процессуальное законодательство какие-либо меры предупреждения злоупотребления правом или, напротив, лишь способствует такому поведению.

Что касается такой формы, как подача необоснованных кассационных жалоб, то необходимо отметить, что в отличие от УПК РСФСР в современном уголовно-процессуальном законодательстве установлены требования к форме и содержанию кассационной жалобы. В частности, в кассационной жалобе обязательно указание на: 1) наименование суда, в который она подается; 2) данные о лице, подавшем жалобу, с указанием его места жительства или места нахождения, процессуального положения; 3) указание на суды, рассматривавшие уголовное дело в первой, апелляционной или кассационной инстанции, и содержание принятых ими решений; 4) указание на судебные решения, которые обжалуются; 5) указание на допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях; 6) просьбу лица, подающего жалобу (ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ). Специально в УПК РФ отмечается, что если кассационная жалоба не отвечает вышеперечисленным требованиям, то судья суда кассационной инстанции возвращает кассационную жалобу без рассмотрения с указанием на допущенные нарушения закона при составлении жалобы (п. 1 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ).

На первый взгляд, можно сказать, что в УПК РФ содержатся меры предупреждения такого вида злоупотребления правом на кассационное обжалование, как подача необоснованных кассационных жалоб. Однако нельзя не отметить, что суды кассационной инстанции недостаточно широко используют свое полномочие по возвращению кассационных жалоб без рассмотрения. Иными словами, если в кассационной жалобе не указывается вовсе на кассационные основания к отмене приговора, суды кассационной инстанции все равно истребуют уголовное дело и проверяют в ревизионном порядке, были ли допущены нижестоящими судами существенные нарушения закона.

Далее, установленные законом требования к форме и содержанию кассационной жалобы не препятствуют заинтересованным лицам указывать в своих жалобах на заведомо несуществующие нарушения закона, якобы допущенные нижестоящими судами. Иначе говоря, для того, чтобы кассационная жалоба отвечала всем требованиям закона, заинтересованное лицо вполне может указать на любое допущенное нарушение закона, пусть даже знает о том, что оно не существует. Никакой ответственности за такое поведение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено.

Как представляется, именно для того, чтобы не допускать положения, когда кассационные жалобы без указания на допущенные нарушения закона или кассационные жалобы с указанными несуществующими нарушениями закона могут повлечь рассмотрение уголовного дела судом кассационной инстанции, в структуру кассационного производства был введен такой этап, как изучение кассационной жалобы единолично судьей. На этом этапе судья суда кассационной инстанции единолично проверяет поступившую кассационную жалобу и истребованные материалы уголовного дела на наличие в них действительных кассационных оснований. И лишь при установлении последних судья выносит постановление о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В противном случае судья отказывает в передаче кассационной жалобы. Таким образом, нельзя не признать, что существующий этап изучения кассационной жалобы единолично судьей служит действенной гарантией против такой формы злоупотребления правом, как подача необоснованных кассационных жалоб.

С этих позиций достаточно противоречивым видится позиция законодателя, изложенная в Федеральном законе от 11.10.2018 г. № 361-ФЗ [17]. Согласно указанному закону, в уголовный процесс вводится сплошная кассация для пересмотра приговоров всех судов со дня

начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции. Иными словами, надлежащим образом оформленная кассационная жалоба будет служить достаточным основанием для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании суда кассационной инстанции (для приговоров мировых судей и районных судов – в судебной коллегии по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции; для приговоров областных судов – в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации). Как представляется, введение сплошной кассации может повлечь лишь то, что из кассационного производства будет устранена важная мера предупреждения злоупотребления правом на кассационное обжалование, поскольку подача даже необоснованной кассационной жалобы будет влечь пересмотр приговора, уже вступившего в законную силу.

Переходя к анализу такого вида злоупотребления правом на кассационное обжалование, как подача повторной и новой кассационной жалобы, следует отметить, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве установлен запрет на принесение лишь повторной кассационной жалобы, то есть жалобы, направленной тем же участником уголовного процесса по тем же кассационным основаниям в тот же суд кассационной инстанции. В первоначальной редакции ст. 401.17 УПК РФ содержался также запрет на принесение новой кассационной жалобы, то есть жалобы, направленной в тот же суд кассационной инстанции, но другим участником уголовного процесса (пусть и по тем же кассационным основаниям) или по новым кассационным основаниям (пусть направленной и тем же участником уголовного процесса).

Следует отметить, что позицию законодателя по устранению запрета на подачу новых кассационных жалоб нельзя оценить положительно. В совокупности с тем, что практически судьями не рассматривается подача необоснованных жалоб как жалоб, не соответствующих формальным требованиям УПК РФ, а с момента начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции будет вообще устранен такой этап кассационной производства, как изучение кассационной жалобы единолично судьей, это может привести к следующему. Каждый участник уголовного процесса будет наделен возможностью подачи неограниченного количества кассационных жалоб в один и тот же суд кассационной инстанции, при этом как минимум в одной из таких жалоб он может вообще не указывать на допущенные по уголовному делу нарушения закона, а в остальных жалобах указывать на заведомо несуществующие нарушения закона, причем подача каждой жалобы будет влечь необходимость рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции.

Следует также обратить внимание на то, что устранение из УПК РФ запрета на подачу новых кассационных жалоб не повлекло ограничение действия ревизионного начала при проверке материалов уголовного дела судом кассационной инстанции. Напротив, как и в первоначальной редакции, в настоящее время ст. 401.16 УПК РФ предусматривает, что суды кассационной инстанции проверяют уголовное дело вне зависимости от доводов кассационной жалобы и вне зависимости от того, в чьих интересах она подана. Иными словами, подача каждой жалобы должна влечь полную проверку всех материалов уголовного дела, не ограниченную лишь содержащимся в кассационной жалобе указанием на допущенные по уголовному делу нарушения закона и подтверждающие наличие таких нарушений доводы.

Все это приводит к тому, что подача даже новой (содержащей новые основания или поданной в отношении другого участника уголовного процесса) кассационной жалобы вынуждает суд кассационной инстанции пересматривать уголовное дело вновь в полном объеме и констатировать, что и указанных в жалобе нарушений закона не было допущено по уголовному делу и что иных нарушений также не было установлено. В связи с этим, как представляется, возможность подачи новых кассационных жалоб в тот же суд кассационной инстанции не способствует созданию гарантий для восстановления нарушенных прав участников уголовного процесса, а лишь создает возможности для злоупотребления ими своим правом на кассационное обжалование. Более того, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрена возможность подачи кассационных жалоб последовательно в два суда кассационной инстанции: в президиум областного суда и в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. При этом в вышестоящий суд кассационной инстанции может быть направлена как новая, так и повторная кассационная жалоба, что является достаточной гарантией для лиц, обращающихся за защитой своих нарушенных прав.

Последний вид злоупотребления правом на кассационное обжалование выражается в подаче кассационной жалобы за пределом установленного в законе срока. Следует отметить, что в настоящее время в законодательстве созданы все гарантии, не допускающие такое проявление злоупотребления правом. Однако данные гарантии направлены лишь против злоупотребления правом на кассационное обжалование участниками уголовного процесса со стороны обвинения. В частности, в действующей редакции УПК РФ предусматривается, что подача кассационной жалобы только по основаниям, влекущим поворот к худшему для осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, ограничена определенным сроком – один год с даты вступления обжалуемого судебного решения в законную силу. При этом, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, установленный в ст. 401.6 УПК РФ срок является пресекательным, и в случае его пропуска он не может быть восстановлен (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 г. № 2). Для стороны защиты же никакого срока для обжалования приговора, вступившего в законную силу, не предусмотрено.

Стоит отметить, что в первоначальной редакции ст. 401.2 УПК РФ был предусмотрен общий срок на подачу любой кассационной жалобы – 1 год с момента вступления приговора в законную силу. Однако в отличие от срока, предусмотренного ст. 401.6 УПК РФ, общий срок подачи кассационной жалобы мог быть восстановлен, если был пропущен по уважительным

причинам. Иными словами, в первоначальной редакции гл. 47.1 УПК РФ была также предусмотрена привилегия стороны защиты по сравнению со стороной обвинения при определении срока на подачу кассационной жалобы – первой допускалось требовать восстановления пропущенного по уважительной причине срока подачи кассационной жалобы, в то время как вторая была лишена такой возможности.

Стоит отметить, что вообще упразднение общего срока на подачу кассационной жалобы соответствует сложившимся в России общим представлениям о том, что любая судебная ошибка, допущенная в отношении осужденного, должна быть исправлена даже после вступления приговора в законную силу, его исполнения, погашения судимости. В связи с этим не вполне можно согласиться с предложением А.А. Рукавишниковой о необходимости восстановления этого срока [18, с. 79], поскольку он будет выступать не столько мерой предупреждения злоупотреблением правом на кассационное обжалование, сколько реальным препятствием для исправления тех существенных нарушений закона, которые не были выявлены ранее.

Однако нельзя не учитывать, что упразднение общего срока на подачу кассационных жалоб в совокупности с вводимой сплошной кассацией и отсутствием запрета на подачу новых кассационных жалоб в тот же суд кассационной инстанции может повлечь только более худшие последствия, а именно: наличие всех этих факторов в совокупности приводит лишь к тому, что в уголовно-процессуальном законодательстве устраняются все меры предупреждения злоупотребления правом на кассационное обжалование, а значит, кассационное производство перестает быть исключительным производством и неспособно реализовывать задачу по обеспечению стабильности приговора.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сформулировать следующие предложения, направленные на воссоздание в действующем порядке кассационного производства мер предупреждения злоупотребления правом на кассационное обжалование:

1) следует внести изменения в Федеральный закон от 11.10.2018 г. № 361-ФЗ и упразднить создаваемую сплошную кассацию, сохранив этап единоличного изучения кассационной жалобы судьей суда кассационной инстанции;

2) необходимо восстановить запрет на подачу новых кассационных жалоб в тот же суд кассационной инстанции.

В случае принятия этих предложений, как представляется, не будет необходимости по восстановлению в УПК РФ общего срока на подачу кассационной жалобы, поскольку отсутствие этого срока при решении вопроса об улучшении положения осужденного соответствует сложившимся в российском уголовном процессе представлениям о необходимости исправления любой судебной ошибки в отношении осужденного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баев О.Я., Баев М.О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М. : Проспект, 2014. 216 с.
2. *Рябцева Е.В.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. 144 с.
3. *Желева О.В.* О причинах злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве и путях его предупреждения и пресечения // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 43–48.
4. *Нурбаев Д.М., Азаров В.А.* Способы противодействия злоупотреблению правом в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 170–173.
5. *Емельянов Д.В., Зайцев О.В., Андреева О.И.* О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 19–24.
6. *Даровских О.И.* К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 25–29.
7. *Желева О.В.* Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2018. 240 с.
8. *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 211 с.
9. *Желонкин В.С.* О задачах кассационного производства в российском уголовном процессе на современном этапе // Право и политика. 2014. № 7 (175). С. 1017–1023.
10. *Свиридов М.К.* Вопросы совершенствования кассационного производства в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 73–80.
11. *Давыдов В.А.* Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 10–17.
12. *Свиридов М.К.* Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 139–142.
13. *Вилдерс Я.А.* Стабильность приговора и эффективность правосудия : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1981. 27 с.
14. *Маслов В.П.* Пересмотр уголовных дел в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1965. 102 с.
15. *По вопросу* приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasiy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации»: Решение Европейского суда по правам человека от 09.03.2006 // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая, электр. дан. Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 30.10.2018).
16. *Дело* «Владимир Николаевич Федоров (Vladimir Nikolayevich Fedorov) против Российской Федерации» (жалоба № 48974/09): Постановление Европейского суда по правам человека от 30.05.2017 // КонсультантПлюс: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая, электр. дан. Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 30.10.2018).
17. *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.10.2018 № 361-ФЗ // Российская газета. 15.10.2018. № 230.

18. *Рукавишникова А.А.* Гарантии от злоупотребления правом на обжалование судебного решения, вступившего в законную силу // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 76–80.

ABUSE OF THE RIGHT TO CASSATION APPEAL: ITS TYPES AND PREVENTION MEASURES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 87–91. DOI 10.17223/23088451/12/

Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihaneh_92@mail.ru

Keywords: cassation proceedings, freedom of appeal, abuse of right, complete cassation.

The article substantiates the urgent relevance of studying the issues of abuse of right in court proceedings, namely, in the criminal procedure verification stages when a verdict already entered into force is being verified. The primary reason for this is that such proceedings (including cassation proceedings) should ensure the stability of the verdict.

The author argues that the urgency of the task of ensuring the verdict stability is related to the fact that the object of the cassation check (a verdict that has entered into force) must be recognized as res judicata and cannot be arbitrarily reviewed just due to simple disagreement of one of the parties in the criminal proceedings. Moreover, the abuse of the right to appeal against the verdict entered into force can completely debase the legal force of the verdict, since this creates a situation where even after the verdict has entered into force no one can be sure that it will remain unchanged and be executed.

The following types of the abuse of the right to cassation appeal are distinguished: (1) filing unreasonable cassation appeals, which are appeals either indicating no valid grounds for cassation, or containing false information about violations of the law; (2) filing cassation appeals, both repeated and new, that entail a full review of the criminal case before the same cassation court; 3) filing cassation appeals outside the time limit established for cassation appeal against the verdict.

Further, the article analyses each of these types of the abuse of the right to appeal the verdict and formulates the conclusion on whether the current criminal procedure legislation contains any measures to prevent the abuse of the right or rather contributes to such behaviour. On the basis of the analysis, the author formulates proposals aimed at re-establishing measures to prevent the abuse of the right of cassation appeal in the current cassation proceedings as follows:

(1) Federal Law No. 361-FZ of 11 November 2018 is necessary to change; the introduced complete cassation should be abolished, while maintaining the stage of the cassation appeal sole examination by the judge of the cassation court;

(2) the ban on filing new cassation appeals before the same cassation court is necessary to restore.

References

1. Baev, O.Ya. & Baev, M.O. (2014) *Zloupotreblenie pravom v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam* [Abuse of right in pretrial criminal proceedings]. Moscow: Prospekt.
2. Ryabtseva, E.V. (2014) *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve* [Abuse of right in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
3. Zheleva, O.V. (2017) On the causes of the abuse of rights in criminal procedure and the ways of its prevention. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 43–48. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/8
4. Nurbaev, D.M. & Azarov, V.A. (2018) Standard regulation of ways to counteract abuse of right in criminal trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 170–173. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/23
5. Emel'yanov, D.V., Zaytsev, O.V. & Andreeva, O.I. (2017) On the defender's abuse of right to protect and the methods of reacting of the officers to their inequitable conduct. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 19–24. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/4
6. Darovskikh, O.I. (2017) On the signs of the abuse of rights in criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 25–29. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/5
7. Zheleva, O.V. (2018) *Zloupotreblenie obvinyaemym sub"ektivnymi pravami v khode predvaritel'nogo rassledovaniya: ponyatie, vidy i puti ego preodoleniya* [Abuse of subjective rights by the defendant during the preliminary investigation: the concept, types and ways to overcome it]. Law Cand. Dis. Tomsk.
8. Darovskikh, O.I. (2013) *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Abuse of right in criminal proceedings of Russia]. Law Cand. Dis. Chelyabinsk.
9. Zhelonkin, V.S. (2014) On the goals of cassation proceedings in the Russian criminal process at its current stage of development. *Pravo i politika – Law and Politics*. 7(175). pp. 1017–1023. (In Russian). DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.12444
10. Sviridov, M.K. (2017) Questions of development of cassation proceedings in Russian criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 23. pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/23/8
11. Davydov, V.A. (2011) Prinyatie Federal'nogo zakona № 433-FZ – ves'ma znachimyy etap sudebnoy reformy [Adoption of Federal Law No. 433-FZ as a very significant stage of the judicial reform]. *Ugolovnyy protsess*. 3. pp. 10–17.
12. Sviridov, M.K. (2012) Maintenance of stability of a sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 139–142. (In Russian).
13. Vilders, Ya.A. (1981) *Stabil'nost' prigovora i effektivnost' pravosudiya* [Stability of the sentence and the effectiveness of justice]. Abstract of Law Cand. Dis. Leningrad.
14. Maslov, V.P. (1965) *Peresmotr ugolovnykh del v poryadke sudebnogo nadzora v sovetskom ugolovnom protsesse* [Revision of criminal cases in the framework of judicial supervision in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Yurid. lit.
15. ECHR. (2006) *Regarding the admissibility of application no. 72776/01 "Afanasiy Semenovich Bratyakin against Russia: Decision of the European Court of Human Rights of March 9, 2006*. Moscow: AO "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
16. ECHR. (20017) Vladimir Nikolayevich Fedorov against the Russian Federation (Application No. 48974/09): Resolution of the European Court of Human Rights of May 30, 2017. Moscow: AO "Konsul'tantPlyus".
17. *Rossiyskaya gazeta*. (2018) O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 11.10.2018 № 361-FZ [On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 361-FZ of 11.10.2018]. 15th October.
18. Rukavishnikova, A.A. (2017) Warranties against abuse of right to appeal the judicial decision res judicata. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 76–80. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/13

УДК 343.131 DOI 10.17223/23088451/12/18

В.В. Ясельская

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАЩИТНИКОМ ОПРОСА ЛИЦ С ИХ СОГЛАСИЯ

Проведен сравнительный анализ между допросом свидетелей следователем и опросом адвокатом – защитником лиц с их согласия, выявлены сходства и существенные отличия меду ними. Автором определено основание опроса лиц защитником, рассмотрены вопросы регламентации порядка проведения данного действия и внесены предложения по совершенствованию норм УПК РФ.

Ключевые слова: *адвокат-защитник, следователь, предварительное расследование, допрос свидетелей, опрос лиц с их согласия.*

УПК РФ, впервые предоставив защитникам право опрашивать лиц, существенно расширил их возможности на стадии предварительного расследования. Как отмечалось в юридической литературе, в период действия УПК РСФСР всякая инициатива защитника в поиске новых доказательств и попытка их фиксации воспринимались органом предварительного расследования как незаконное противодействие [1, с. 51; 2, с. 47]. Защитник не имел права встречаться со свидетелями и беседовать с ними до слушания дела, выяснять что-либо по делу. Сам факт беседы служил основанием для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката. [3, с. 4] Кроме того, к свидетелям, с которыми предварительно беседовал защитник, суд относился предвзято. Отсутствие права защитника опрашивать лиц отражалось на активности адвокатов и эффективности участия защитника в уголовном судопроизводстве в целом. Сложно себе представить, как, не опросив лиц, которым могут быть известны сведения, необходимые для защиты обвиняемого, возможно сформировать позицию по делу, проверить доказательства, полученные следователем, заявить ходатайство о вызове и допросе свидетеля защиты и надлежащим образом подготовиться к предстоящему судебному разбирательству.

УПК РФ данную проблему разрешил, закрепив в ч. 3 ст. 86 право защитника собирать доказательства, в том числе опрашивать лиц с их согласия. Однако в законе не определены основание и порядок проведения данного действия защитником.

Советом Федеральной палаты адвокатов РФ в 2004 г. были одобрены методические рекомендации по реализации прав защитника, предусмотренных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в частности по проведению опроса лиц с их согласия [4]. Однако данные рекомендации не носят нормативного характера и являются выработанными наукой и практикой, в связи с чем, в юридической литературе высказывается предложение нормативно закрепить порядок производства и фиксации результатов опроса адвокатом лиц с их согласия [5, с. 18]. Так, по мнению А.В. Рагулина, отсутствие нормативного характера положений, связанных с производством опроса, негативно влияет на возможность реализации соответствующего правомочия на практике и на возможность использования результатов опроса в процессе доказывания [6, с. 50]. Кроме того, рекомендации Федеральной палаты адвокатов по проведению опроса лиц защитником, не содержат конкретных предложений по организации и порядку проведения данного действия (в основном они посвящены порядку фиксации результатов опроса).

В указанных выше рекомендациях отмечено, что действия, которые проводит защитник, по существу отличаются от действий, которые осуществляют органы предварительного следствия и суд при собирании доказательств [4].

Для того чтобы уяснить суть данного действия и определить оптимальный порядок его проведения, необходимо провести четкое разграничение между допросом свидетеля следователем на стадии предварительного расследования и опросом лица защитником, проанализировать сходства и отличия между ними.

Так, в основе допроса свидетеля и опроса лиц лежат одни и те же познавательные приемы. Разделяем позицию С.А. Шейфера, что познавательную основу допроса составляет операция расспроса. Наблюдение же (мимики, жестов) допрашиваемого играет вспомогательную роль, позволяя следователю лучше уяснить смысл словесного сообщения [7, с. 85]. При проведении опроса лиц защитник использует аналогичные приемы: ставит перед опрашиваемым задачу на воспроизведение и передачу запечатленной в его памяти информацию об обстоятельствах, оправдывающих обвиняемого либо смягчающих наказание в устной форме. А также защитник использует вспомогательный прием – наблюдение, что также играет немаловажную роль при проведении данного действия. Так, по невербальным жестам, мимике защитник может, в частности, оценить правдивость информации, предоставленной опрашиваемым лицом.

Кроме того, определенные черты сходства имеются в основаниях производства допроса свидетеля следователем и опроса лиц с их согласия защитником. Так, основанием для допроса свидетеля являются данные о том, что ему известны обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения дела (ч. 1 ст. 56 УПК РФ).

В УПК РФ основание проведения опроса защитником лиц не определено, содержится лишь условие – должно быть согласие лица, которого возникла необходимость опросить (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Согласно п. 2 ч.3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и

адвокатуре в РФ, адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь» [8].

Представляется, что подобная формулировка закона не позволяет разграничить основание для проведения допроса свидетеля и опроса лица, а также может привести к злоупотреблениям со стороны адвокатов, оказывающих юридическую помощь по уголовному делу. Задача защитника состоит в том, чтобы выявлять обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, подозреваемого либо смягчающие их наказание. И основанием для проведения защитником опроса должны быть данные о том, что лицо располагает информацией о существенных обстоятельствах дела, имеющих значение для защиты обвиняемого, подозреваемого.

В остальном же допрос свидетеля следователем и опрос лиц с их согласия защитником существенно отличаются друг от друга.

Во-первых, отличаются участники данных действий. Так, обязательными участниками допроса свидетеля является лицо, осуществляющее производство по делу (следователь, дознаватель) и свидетель. Лицо приобретает статус свидетеля после того, как следователь принял решение о вызове его на допрос. Если свидетель не достиг возраста шестнадцати лет, обязательно участие педагога или психолога (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Участниками же опроса лиц с их согласия является защитник (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ) и лицо, предположительно владеющее информацией, относящейся к делу.

Представляется необходимым наделить правом опрашивать лиц с их согласия и представителя потерпевшего. Как верно отмечал Ю.К. Якимович, у потерпевшего весьма ограниченные возможности по вовлечению в процесс тех сведений, на которых он основывает свою позицию [9, с. 98]. Закрепление же в УПК РФ права представителя потерпевшего собирать сведения, в том числе путем опроса лиц с их согласия, уравняют процессуальные возможности потерпевшего и обвиняемого в доказывании.

Во-вторых, допрос, в отличие от опроса лица защитником, – следственное действие, которое обеспечивается государственным принуждением. Защитник не может предупреждать опрашиваемых лиц об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний, не может обязать гражданина явиться для дачи объяснения. Как показал анализ практики, лица, обладающие информацией, необходимой для защиты обвиняемого, не всегда соглашаются на проведения опроса адвокатом-защитником, а если и соглашаются, зачастую уклоняются от явки в орган уголовного преследования или суд для дачи показаний, либо являются, но не подтверждают сообщенные ранее ими сведения.

Отсутствие при опросе лиц защитником таких гарантий, как предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, разъяснения права не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников, было предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Так, согласно позиции Конституционного Суда РФ, наделение защитника таким правом означало бы придание – вопреки требованиям Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства – несвойственной ему процессуальной функции [10].

В-третьих, результаты допроса свидетеля имеют доказательственное значение, а сведения же, полученные в результате опроса защитником лиц, сами по себе не являются доказательствами. Доказательства в уголовном деле появляются после того, как они получены и зафиксированы в порядке, предусмотренном УПК РФ. Фиксация же доказательств – прерогатива должностных лиц, осуществляющих производство по делу.

Верховный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что из смысла ст. ст. 84 и 86 УПК РФ следует, что относимые к делу сведения, полученные защитником в результате опроса частных лиц…, нельзя рассматривать в качестве показаний свидетеля или потерпевшего. Они получены в условиях отсутствия предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий их доброкачественности и поэтому могут рассматриваться в качестве оснований для вызова и допроса указанных лиц… или для производства других следственных действий по собиранию доказательств, а не как доказательства по делу [11, 12].

В-четвертых, порядок производства допроса следователем и фиксации результатов детально регламентирован в УПК РФ. Порядок же проведения опроса защитником лиц с их согласия законом не определен.

Между тем отсутствие четкой регламентации опроса лиц защитником, по нашему мнению, может негативно отразиться на результатах данного действия. Неверно выбранная защитником тактика при проведении опроса может повлиять на достоверность полученной информации.

В связи с тем, что при производстве допроса свидетелей следователем и опроса лиц защитником используются одни и те же познавательные приемы (расспрос, наблюдение), представляется возможным при проведении опроса взять за основу общую структуру допроса и использовать тактические приемы следователя.

В юридической литературе традиционно выделяют четыре основные стадии (этапа) проведения допроса: предварительная, свободного рассказа, вопросно-ответная и процессуального оформления полученных показаний (заключительная) [13, с. 197].

На первоначальной стадии защитник знакомится с опрашиваемым лицом и разъясняет ему, в связи с чем возникла необходимость проведения данного действия. Для того чтобы человек, которого опрашивает защитник, не чувствовал себя, как на допросе у следователя, целесообразно анкетные данные в протоколе опроса заполнить уже после проведения беседы.

На этапе свободного рассказа опрашиваемый, по предложению защитника, сообщает сведения об обстоятельствах, имеющих значение для защиты обвиняемого.

В рекомендациях Федеральной палаты адвокатов по реализации прав защитника, предусмотренных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, предлагается оформлять опрос в

виде ответов на конкретные вопросы либо в форме свободного рассказа с постановкой уточняющих вопросов в конце его [4]. Однако не разъясняется, какие преимущества имеет одна форма перед другой. Между тем выбор тактики ведения опроса имеет большое значение.

Рекомендации по проведению допроса следователем достаточно хорошо обоснованы в юридической литературе. Например, В.Л. Кудрявцев пишет о преимуществах свободного рассказа: «...свободное изложение дает лицу возможность сосредоточиться, вспомнить отдельные обстоятельства, имеющие, по его мнению, значение для дела, …ответы на вопросы в ходе допроса свидетеля не всегда могут осветить все стороны события, а реплики и замечания во время свободного рассказа способны привести его в замешательство и, как следствие этого, к путанице или не освещению им определенных обстоятельств, велика вероятность, что вопросами защитник может внушить определённый вариант ответов допрашиваемому лицу» [14, с. 152]. Однако, на наш взгляд, данные рекомендации имеют несомненную ценность и при организации опроса лиц защитником.

После этапа свободного рассказа следует вопросно-ответная часть. Что касается допроса свидетеля следователем, в Законе содержится запрет задавать наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Представляется, что данное требование закона обосновано. Как справедливо отмечал М.С. Строгович, в случае постановки наводящих вопросов, свидетель показывает не то, что он сам знает, а то, что ему подсказал следователь, особенно, если сам свидетель не помнит данного факта или помнит его не достаточно отчётливо, путается, не уверен в том, что было в действительности [15, с. 197].

По нашему мнению, необходимо законодательно аналогичное требование закрепить и для опроса защитником лица с его согласия. Так, психологи доказали, что на воспоминание о событиях может влиять и то, как задаются свидетелю вопросы, нечаянные и умышленные подсказки, содержащиеся в вопросах, очень часто могут оказать влияние на содержание памяти опрашиваемого [16, с. 388]. Кроме того, тон, интонация, выражение лица, с которым задан вопрос, соответственно способны вызвать замешательство, сомнения, фантазии и, в конечном счете, исказить достоверность информации.

В вопросно-ответной стадии опроса, с целью получения интересующей информации защитнику необходимо задавать уточняющие и конкретизирующие вопросы. Данный подход позволяет выявить пробелы и противоречия в полученной информации и принять законные меры к их устранению. При определении тактики работы с конкретным гражданином защитник должен учитывать его психологические особенности, характер, темперамент и эмоциональное состояние. В любом случае, когда человеку задают преимущественно закрытые вопросы, он чувствует себя как на допросе у следователя, что мешает установлению психологического контакта и может препятствовать получению полной и достоверной информации. Поэтому необходимо чередовать открытые и закрытые вопросы.

На заключительном этапе защитник фиксирует результаты опроса. Согласно разработанным Федеральной палатой адвокатов методическим рекомендациям, ход и результаты опроса предлагается фиксировать в специальном документе. При этом акт опроса должен соответствовать требованиям, предъявляемым ст. ст. 189–191 УПК РФ к протоколу допроса свидетеля [4].

Отдельный и принципиальный вопрос, требующий регламентации, – это возможность защитника использовать научно-технические средства для фиксации хода и результатов опроса лица. Это актуально, так как потенциальный свидетель не всегда может явиться в суд по объективным причинам (смерть, тяжелая болезнь, выезд за пределы страны и т.д.). Вышеуказанные обстоятельства могут быть непреодолимы, повлиять на возможность установления истины, привести к судебным ошибкам, поэтому необходимо законодательно закрепить данное право защитника. Однако вопросы регламентации применения защитником научно-технических средств требуют тщательной научной проработки и заслуживают самостоятельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давлетов А.* Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 50–51.
2. *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : ТК Велби, Проспект, 2006. 192 с.
3. *Винберг А.* Первая командировка // Литературная газета. 1969. № 41.
4. *Методические* рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: www.fparf.ru (дата обращения: 25.11.2018).
5. *Рагулин А.В.* О необходимости совершенствования регламентации института профессиональных прав адвоката-защитника в России // Адвокатская практика. 2014. № 2. С. 18–23.
6. *Рагулин А.В.* Регламентация прав адвоката-защитника на опрос лиц с их согласия и представление предметов и документов // Евразийская адвокатура. № 1(2). 2013. С. 50–52.
7. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004. 184 с.
8. *Федеральный* закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // «Консультантплюс»:Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).
9. *Якимович Ю.К.* Участники уголовного процесса. СПб. : Юридический центр, 2015. 176 с.
10. *Определение* Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.А. Бугрова на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.
11. *Кассационное* определение Верховного Суда РФ от 21.09.2010 № 74-О10-29 // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).

12. *Определение* Верховного Суда РФ от 08.12.2004 № 3-О04-42 // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).
13. *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защит от него. М. : Экзамен, 2003. 432 с.
14. *Кудрявцев В.Л.* Актуальные вопросы участия адвоката-защитника в производстве допроса подсудимого, потерпевшего и свидетеля // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 146–161.
15. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Госюриздат, 1968. 703 с.
16. *Годфруа Ж.* Что такое психология : в 2 т. М. : Мир, 1992. Т. 1. 496 с.

SOME PROBLEMS OF THE DEFENDER'S QUESTIONING OF PERSONS WITH THEIR AGREEMENT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 92–95. DOI 10.17223/23088451/12/18

Veronika V. Yaselskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: defence lawyer, investigator, preliminary investigation, interrogation of witnesses, questioning of persons with their agreement.

The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation gives the defender the right to interview persons with their agreement. In practice, defence lawyers rarely use it. The lack of a clear regulation of the questioning of persons by the defender may adversely affect the results of this procedure. An incorrectly tactic chosen by a defender during the questioning negatively affects its results.
The article presents a comparative analysis of the interrogation of a witness by an investigator at the stage of preliminary investigation and the questioning of a person by a defence lawyer, their similarities and differences are revealed.
During the interrogation of witnesses by an investigator and the questioning of persons by a defence lawyer, the same cognitive methods (questioning, observation) are used; in this connection, it is advisable for a defence lawyer to take the general structure of interrogation as a basis and use similar tactics.
The correct tactics of questioning affects the completeness and accuracy of the information received by the defender.

References

1. Davletov, A. (2003) Pravo zashchitnika sobirat' dokazatel'stva [The right of the defender to collect evidence]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 50–51.
2. Mikhaylovskaya, I.B. (2006) *Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugolovnom protsesse* [Handbook of a judge for proving in criminal proceedings]. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt.
3. Vinberg, A. (1969) Pervaya komandirovka [First business trip]. *Literaturnaya gazeta.* 41.
4. Official site of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. (n.d.) *Methodological recommendations on the implementation of the rights of a lawyer, provided for by Paragraph 2 of Part 1 of Art. 53, Part 3 of Art. 86 of the RF Code of Criminal Procedure and Paragraph 3 of Art. 6 of the Federal Law "On Lawyers' Activities and the Bar in the Russian Federation".* [Online]. Available from: www.fparf.ru. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
5. Ragulin, A.V. (2014) O neobkhodimosti sovershenstvovaniya reglamentatsii instituta professional'nykh prav advokata-zashchitnika v Rossii [On the need to improve the regulation of professional rights of defence lawyer in Russia]. *Advokatskaya praktika*. 2. pp. 18–23.
6. Ragulin, A.V. (2013) Reglamentatsiya prav advokata-zashchitnika na opros lits s ikh soglasiya i predstavlenie predmetov i dokumentov [The regulation of the rights of defence lawyer to question persons with their agreement and the presentation of objects and documents]. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*. 1(2). pp. 50–52.
7. Sheyfer, S.A. (2004) *Sledstvennye deystviya. Osnovaniya, protsessual'nyy poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Moscow: Yurlitinform.
8. Russian Federation. (2017) *Federal'nyy zakon ot 31.05.2002 N 63-FZ (red. ot 29.07.2017) "Ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 63-FZ of 31.05.2002 (as amended on July 29.2017) "On Lawyers' Activity and the Bar in the Russian Federation"]. Moscow: AO "Konsul'tantPlyus".
9. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Uchastniki ugolovnogo protsessa* [Participants in the criminal procedure]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Yuridicheskiy tsentr".
10. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. (2006) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 4 aprelya 2006 g. N 100-O ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina A.A. Bugrova na narushenie ego konstitutsionnykh prav p. 2 ch. 3 st. 86 UPK RF [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 100-O of April 4, 2006, on the refusal to accept complaints from citizen A.A. Bugrov on the violation of his constitutional rights by Paragraph 2 of Part 3 of Article 86 of the RF Code of Criminal Procedure]. 4.
11. Russian Federation. (2010) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 21.09.2010 N 74-O10-29* [Cassation determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 74-O10-29 of September 21, 2010]. Moscow: AO "Konsul'tant plyus".
12. Russian Federation. (2004) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 08.12.2004 N 3-O04-42* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3-O04-42 of December 8, 2004]. Moscow: AO "Konsul'tant plyus".
13. Baev, O.Ya. (2003) *Taktika ugolovnogo presledovaniya i professional'noy zashchit ot nego* [The tactics of criminal prosecution and professional protection against it]. Moscow: Izdatel'stvo "Ekzamen".
14. Kudryavtsev, V.L. (2008) Aktual'nye voprosy uchastiya advokata-zashchitnika v proizvodstve doprosa podsudimogo, poterpevshego i svidetelya [Topical issues of the participation of defence lawyer in the interrogation of the defendant, the victim and the witness]. *Biznes v zakone*. 2. pp. 146–161.
15. Strogovich, M.S. (1959) Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa [A course of the Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosyurizdat.
16. Godefroid, J. (1992) *Chto takoe psikhologiya: v 2 t.* [What is psychology: in 2 vols]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Mir.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 331.4 DOI 10.17223/23088451/12/19

Е.А. Корякин

ПРОФИЛАКТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ТРАВМАТИЗМА ПРИВЛЕКАЕМЫХ К ОПЛАЧИВАЕМОМУ ТРУДУ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Анализируется информация, полученная в результате анкетирования сотрудников производственно-технических служб федеральных казённых исправительных учреждений по проблемам, связанным с низкими показателями привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности за нарушения требований охраны труда в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных мастерских исправительных учреждений. Выявлены причины, оказывающие влияние на указанные показатели, и предложены рекомендации и мероприятия, направленные на профилактику и снижение производственного травматизма.

Ключевые слова: *труд осужденных, ответственность осужденных за нарушение требований охраны труда.*

При подведении итогов деятельности уголовно-исполнительной системы России за прошедший год и задачах на будущий год на расширенных заседаниях коллегии ФСИН России всегда обращается внимание на производственную деятельность в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). При организации трудовой занятости осужденных к лишению свободы в УИС Российской Федерации проводится работа по исполнению требований законодательства Российской Федерации по охране труда, обеспечению безопасных условий труда работающих и снижению уровня травматизма на имеющихся промышленных объектах.

Целью написания научной статьи является выявление проблем для углубленного изучения и выработки мероприятий, способствующих профилактике производственного травматизма в центрах трудовой адаптации осужденных, лечебно-производственных и учебно-производственных мастерских исправительных учреждений.

В ежегодовых обзорах ФСИН России «о производственном травматизме в исправительных учреждениях» указывается, что одной из причин допущенных несчастных случаев на производстве является ослабление контроля за работающими осужденными со стороны инженерно-технического персонала, что, учитывая низкий квалификационный уровень и слабую подготовленность работников, приводит к нарушению пострадавшими требований охраны труда [1, с. 2].

В целях ужесточения контроля за соблюдением требований законодательства Российской Федерации по охране труда, создания условий для сохранения жизни и здоровья работающих необходимо территориальным органам ФСИН России, допустившим увеличение производственного травматизма, разработать конкретные мероприятия по профилактике и снижению производственного травматизма на производственных объектах подведомственных объектов [2, с. 5].

В целях профилактики производственного травматизма на промышленных объектах УИС требуется в рамках инструктажей по технике безопасности проводить с осужденными разъяснительную работу, направленную на стимулирование у них внутренней мотивации на неукоснительное соблюдение требований техники безопасности, поддержание трудовой и технологической дисциплины на должном уровне [3, с. 2].

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что одновременно с разъяснительной работой необходимо организовать работу по привлечению осужденных к дисциплинарной ответственности за нарушения требований охраны труда.

В обзорах ФСИН России анализ причин травм, приводящих к росту производственного травматизма, указывает не только на слабый контроль администрации учреждений за проведением работ, но и на нарушение правил и инструкций по технике безопасности самими пострадавшими [4, с. 2].

Другими словами, рост уровня производственного травматизма свидетельствует не только об ослаблении контроля со стороны руководства территориальных органов, заинтересованных служб в подведомственных учреждениях за соблюдением требований действующего законодательства Российской Федерации в части обеспечения безопасных условий труда работающих, но и на недостаточную фиксацию нарушений требований охраны труда у допущенных к оплачиваемому труду осужденных с последующим оформлением мер дисциплинарного характера.

Проведённый анализ информации, полученной в результате анкетирования автором в 2014–2017 гг. в ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России 87 слушателей групп повышения квалификации по должностной категории «Начальники отрядов ИК, КП, ЛИУ, СИЗО и тюрем» и 269 слушателей групп повышения квалификации производственно-технических служб федеральных казённых исправительных учреждений из разных территориальных органов ФСИН России, показал, что по фактам нарушения осужденными требований охраны труда привлекается к дисциплинарной ответственности только 3,4% от общего количества нарушителей.

Получается, что, несмотря на предпринимаемые работодателями, в лице администрации федеральных казённых учреждений и организаций иных организационно-правовых форм, меры по соблюдению требований охраны труда в производственной деятельности исправительных учреждений крайне редко ставится вопрос о дисциплинарной ответственности осужденных за нарушение правил охраны труда.

Сложившаяся ситуация указывает на то, что на производственных объектах подведомственных территориальным органам ФСИН России учреждений необходимо организовать и реализовывать превентивные меры по профилактике производственного травматизма среди привлекаемых к общественно-полезному труду осужденных.

Статья 104 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) определяет условия труда осужденных к лишению свободы. На осужденных распространяется продолжительность рабочего времени, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии, которые устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

Государство гарантирует работникам защиту их права на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда. В соответствии с п. 3 ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Ряд статей Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) раскрывают и закрепляют данное право.

В соответствии со ст. 22 ТК РФ работодатель обязан обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда.

На работодателя, согласно ст. 212 ТК РФ, возлагается перечень обязанностей по обеспечению безопасных условий и охраны труда. Например, приобретать и выдавать за счет собственных средств специальную одежду, специальную обувь и других средств индивидуальной защиты, контролировать правильность применения работниками средств индивидуальной и коллективной защиты, участвовать в расследовании несчастных случаев с оформлением соответствующих документов и др.

Статья 214 ТК РФ обязывает работника в области охраны труда: соблюдать требования охраны труда; правильно применять средства индивидуальной и коллективной защиты; проходить обучение безопасным методам и приемам выполнения работ и оказанию первой помощи пострадавшим на производстве, инструктаж по охране труда, стажировку на рабочем месте, проверку знаний требований охраны труда и др.

В соответствии со ст. 219 ТК РФ право работника на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда, подразумевает право каждого работника на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда; обеспечение средствами индивидуальной и коллективной защиты в соответствии с требованиями охраны труда за счет средств работодателя; обучение безопасным методам и приемам труда за счет средств работодателя и др.

Лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, в соответствии со ст. 419 ТК РФ привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном ТК РФ и иными федеральными законами.

При проверках сотрудниками прокуратуры соблюдения требований охраны труда на производстве исправительных учреждений выявляются нарушения, связанных с недостаточным обеспечением безопасных условий труда, назначением на должность осужденных, не имеющих соответствующих документов для выполнения определенных видов работ и др. Наибольшее количество нарушений выявляется следователями прокуратуры по соблюдению законов в исправительных учреждениях при проверках совместно с государственными инспекторами труда государственной инспекции труда в субъекте Российской Федерации.

При выявлении проверяющими прокурорами фактов несоставления рапортов по нарушениям осужденными требований охраны труда может быть поставлен вопрос о привлечении сотрудников и работников исправительного учреждения к дисциплинарной ответственности ввиду неосуществления должного контроля за работой осужденных. Например, за неисполнение обязанности правильно применять средства индивидуальной защиты, выданные осужденному в установленном порядке.

По выявленным нарушениям оформляются представления и протесты. По результатам рассмотрения мер прокурорского реагирования должностные лица, как исправительного учреждения, так и контрагента привлекаются к разным видам ответственности. Юридические лица за нарушения в области охраны труда также привлекаются к административной ответственности.

Вопрос же о применении дисциплинарных взысканий к осужденным за нарушение установленных требований охраны труда на производственных объектах исправительных учреждений в практической деятельности ставится гораздо реже, чем по сотрудникам и вольнонаемных работникам. Сложность заключается в правоотношениях, возникающих в связи с привлечением осужденных к лишению свободы к дисциплинарной ответственности за нарушения требований охраны труда.

Федеральной службой исполнения наказаний в подведомственные территориальные органы телеграммой от 12 апреля 2011 г. № 14/6359-041 и письмом от 13 августа 2015 г., исходящий номер 05-51704, направлялись указания по вопросам, связанным с применением норм трудового и уголовно-исполни-тельного законодательства Российской Федерации. В них говорится о том, что в связи с вступлением в силу обвинительного приговора суда осуждённые привлекаются к труду в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства.

ТК РФ связывает возникновение трудовых отношений с добровольным соглашением сторон при свободном волеизъявлении, являющимся правообразующим юридическим фактом.

Согласно ч. 2 ст. 10 УИК РФ, основанной на положениях ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федера-

ции, при исполнении наказаний осуждённым гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Особенностью правового регулирования трудовых отношений осужденных к лишению свободы является то, что они регулируются как нормами трудового, так и уголовно-исполнительного законодательства.

Поскольку труд как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) и обязанность (ст. ст. 11 и 103 УИК РФ) осужденных является одной из составляющих процесса отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, их трудовые отношения с администрацией исправительного учреждения носят специфический характер.

В отличие от регулируемых ТК РФ правоотношений работника и работодателя, возникновение трудовых отношений осужденных к лишению свободы связано не с заключением трудового договора, основанного на свободном волеизъявлении сторон, а с обязанностью трудиться в связи с вступлением в силу обвинительного приговора. Кроме того, в данных отношениях отсутствуют присущие трудовым отношениям стороны – работник и работодатель.

Отношения, связанные с трудом осужденных к лишению свободы, трудовыми не являются, хотя опосредованно находятся в сфере действия ТК РФ.

Данную точку зрения поддерживает Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. В письме от 18.08.2014 г. № 14-2/10/В-5159 также уточняется, что нормы трудового законодательства на осужденных распространяются в ограниченном объеме.

В письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.08.2014 г. № 17-30-2014 также указывается, что осужденные обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. В этом случае это не свободное волеизъявление осужденного, а его обязанность трудиться в определённых местах и на работах. В данных отношениях отсутствуют стороны трудовых отношений – работник и работодатель.

Таким образом, трудовое законодательство в отношении осужденных применяется только в случаях, прямо предусмотренных статьями УИК РФ. Исчерпывающий перечень вопросов, когда на осужденных к лишению свободы распространяются без каких-либо изъятий нормы законодательства о труде Российской Федерации, определён ст. ст. 104 и 105 УИК РФ: продолжительность рабочего времени; правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии; оплата труда.

Остановимся подробнее на дисциплинарной ответственности за нарушение осужденными требований охраны труда. Автор полагает, что складывающиеся правоотношения по соблюдению в исправительных учреждениях безопасных условий труда должны носить обоюдный характер как для администрации исправительного учреждения, так и для осужденных, привлекаемых к общественнополезному труду.

Соответствуют ли составленные администрацией колонии документы о нарушениях осужденными требований охраны труда на производстве и принятым по ним мерам дисциплинарной ответственности действующему законодательству Российской Федерации. Если конкретные действия (юридические факты) нарушают правоотношения по надлежащему выполнению требований охраны труда, которые возникают между администрацией исправительного учреждения и осужденными, то какими нормативно-правовыми актами они регламентируются.

Как ранее было отмечено с осужденными, при исполнении и отбывании ими уголовного наказания в виде лишения свободы возникают особые трудовые отношения.

В главе 55 ТК РФ отсутствуют статьи по особенностям регулирования труда такой категории работников, как осужденные к лишению свободы. Единственное упоминание содержится в ст. 227 по расследованию и учёту несчастных случаев в главе 25 ТК РФ. К лицам, участвующим в производственной деятельности работодателя, помимо работников, исполняющих свои обязанности по трудовому договору, относятся лица, осужденные к лишению свободы и привлекаемые к труду.

Применение дисциплинарных взысканий регламентируется в главе 30 ТК РФ. В ст. ст. 189–194 ТК РФ, законодателем предусмотрены такие понятия, как работодатель и работник.

Таким образом, в теории и практической деятельности исправительных учреждений возникает сложная юридическая конструкция, основанная на применении отсылочных норм в уголовно-исполнительном и взаимосвязи трудовых институтов в трудовом законодательствах Российской Федерации.

Предположим возможность привлечения осужденного, в качестве работника структурного подразделения федерального казённого учреждения, за совершение дисциплинарного проступка к дисциплинарному взысканию по ст. 192 ТК РФ. В указанной статье за совершение дисциплинарного проступка, т.е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодателю даётся право применять следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; увольнение по соответствующим основаниям. Тогда администрация исправительного учреждения по собственной инициативе не сможет осуществить увольнение работника по основаниям, предусмотренным в ст. 81 ТК РФ.

Применение мер взыскания в УИК РФ основано на нарушениях осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания. Можно говорить о нарушении установленного порядка исполнения и отбывания уголовного наказания (режим).

На основании УИК РФ соответствующие вопросы деятельности исправительных учреждений регламентируют и конкретизируют правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ПВР ИУ) [5].

На этапе фиксации нарушений практические действия администрации исправительных учреждений заключаются в том, что начальники цехов (мастера участков) ссылаются на несоблюдение осужденным производственной инструкции, а начальник отряда –

на несоблюдение правил внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Как правило, в мотивированном рапорте (справке, заключении) указывается о том, что своими действиями осужденный нарушил требования инструкции по охране труда, а также п. 16 гл. 3 ПВР ИУ. В соответствии с абз. 8 п. 16 указанных Правил осужденные обязаны добросовестно относиться к труду и учёбе.

В совокупности с названным основанием также для наложения взыскания являются ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и ст. 214 Трудового кодекса Российской Федерации. Согласно ст.е 214 ТК РФ, работники обязаны соблюдать требования охраны труда и правильно применять средства индивидуальной и коллективной защиты.

Основанием будет являться зафиксированный надлежащим образом факт недобросовестного отношения к трудовым обязанностям, который должен содержать в себе исключительно объективные данные, например посредством акта о нарушении осужденным требований п. 16 ПВР ИУ, выписки из журнала выдачи сменного задания или иным образом. При этом не имеет значение, применялась ли ранее к осужденному мера взыскания за недобросовестное отношение к труду.

Является ли обязанность осужденного к лишению свободы добросовестно трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, тождественным понятию обязанности осужденного соблюдать требования охраны труда на производственных объектах жилой и промышленной зоны учреждений.

В научной литературе нет единого определения, соответственно нет единого понимания, какие действия осужденных к лишению свободы попадают под понятие «недобросовестное отношение к труду».

Добросовестное отношение осужденных к общественнополезному труду предполагает, прежде всего, изменение их негативных взглядов на роль и назначение труда, воспитание у них трудовых навыков и привычек, профессиональных компетенций, осознанной потребности в труде [6, с. 81].

Под добросовестным отношением к труду следует понимать общепризнанные правила поведения, например такие, как выполнение норм выработки, качества выполняемой работы, соблюдение графика работы и т.п.

В большинстве производственных структурных подразделений исправительных учреждений ФСИН России применяется сдельно-премиальная система оплаты труда и бригадная форма организации труда.

Размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда [7].

Норма выработки представляет собой установленное задание, которое осужденный должен выполнить за определённое время при соответствующих организационно-технических условиях. Уровень выполнения нормы выработки показывает результативность труда конкретного осужденного, привлекаемого к оплачиваемым работам. По его величине можно оценить трудовой вклад осужденного в конечный результат, а также его отношение к труду и профессиональному мастерству.

По мнению автора, под недобросовестным отношением к труду можно понимать систематическое ненадлежащее исполнение осужденным трудовых обязанностей. Следовательно, осужденный к лишению свободы может добросовестно относиться к труду соблюдая обязанность трудиться путём выполнения либо «с небольшим недовыполнением» установленных норм выработки, качества продукции и услуг, соблюдения технологической дисциплины, но при этом допускать нарушения требований охраны труды.

Также следует иметь в виду, что ненадлежащее выполнение трудовых обязанностей может быть связано и с личными качествами, навыками и способностями конкретного осужденного, т.е. неумением выполнять предоставленную работу и неспособностью соблюдать трудовую дисциплину.

Ещё одним основанием для принятия решения начальником отряда могут явиться ч. 2, 3, 6 ст. 11 УИК РФ и пп. 1, 3 п. 16 гл. 3 ПВР ИУ о неисполнении осужденными возложенных на них обязанностей по соблюдению требований федеральных законов Российской Федерации и ПВР ИУ, а также по выполнению законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания.

Особое место среди локальных нормативных актов занимают документы, призванные обеспечить безопасность и условия труда на каждом рабочем месте. К ним относятся инструкции по охране труда для работников, инструкции по охране труда для профессий и (или) видов выполняемых работ. Данные документы составляются на основе межотраслевых и отраслевых правил, типовых инструкций по охране труда, инструкций по технической эксплуатации производственного оборудования [8].

Инструкции по охране труда, а так же производственные инструкции (обязанности по должности, характеристика работ по профессии или специальности, инструкции по видам оборудования или выполняемых работ), с которыми осужденных ознакамливают под подпись, содержат требования охраны труда.

Администрация исправительных учреждений требует от осужденных соблюдения данных инструкций, отражающих трудовые функции и требования охраны труда.

Соответствуют ли разработанные в исправительных учреждениях локальные нормативные акты (инструкции) и требования администрации о их соблюдении осужденными установленным в Российской Федерации требованиям федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний и принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов.

Основной причиной низкого показателя по привлечению осужденных к дисциплинарной ответственности за нарушения требований охраны труда в исправительных учреждениях, по мнению автора, является отсутствие определённых законодательных норм права, регламентирующих основания привлечения осуждённых к лишению свободы к дисциплинарной ответственности за нарушение требований охраны труда.

Вопросы, связанные с регулированием труда осужденных к лишению свободы, рассматриваются в главе 14 УИК РФ. Каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

В то же время в главе 14 УИК РФ и п. 16 и 17 гл. 3 ПВР ИУ не содержатся обязанности осужденных по соблюдению требований охраны труда, не предусмотрены действенные меры за нарушение требований охраны труда.

Отсутствие данных обязанностей, зачастую, приводит к отмене прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях приказов и постановлений руководства исправительных учреждений о привлечении к дисциплинарной ответственности осужденных, нарушающих требования охраны труда.

Анализ и изучение вопросов привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности за нарушение требований охраны труда позволило предложить конкретные мероприятия по профилактике и снижению производственного травматизма, сохранению жизни и здоровья лиц, привлекаемых к общественнополезному труду на производственных объектах исправительных учреждений.

1. Дополнить п. 16 гл. 3 ПВР ИУ словами осужденные обязаны соблюдать требования охраны труда.

2. Разработать ведомственную форму отчетности по профилактике несчастных случаев и производственного травматизма в исправительных учреждениях. Существующая ведомственная форма статистической отчетности 7-Т «Сведения о травматизме на производстве, профессиональных заболеваниях, специальной оценке условий труда, трудоустройстве и реабилитации осужденных инвалидов и лиц с ограниченной трудоспособностью» (далее – форма 7-Т) разработана в целях анализа информации о пострадавших при несчастных случаях на производстве.

Проведенное анкетирование слушателей по должностным категориям «Сотрудники (работники), ответственные за охрану труда и технику безопасности», «Начальники инспекций по охране труда территориальных органов ФСИН России» показало, что в случае введения в статистическую отчетность (7-Т или разработанную и утвержденную вновь форму) такого показателя, как количество осужденных и вольнонаемного состава, привлеченных к дисциплинарной ответственности за нарушения требований охраны труда, принимаемые ответственными за данное направление сотрудниками действия будут разными.

Около 65 % сотрудников высказались за то, чтобы в отчете показывать количество лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности. Обоснованием данного мнения у анкетируемых респондентов явилась целесообразность «показывать свою работу для того, чтобы при наступлении несчастного случая можно было доказать, что получивший производственную травму осужденный неоднократно наказывался за нарушение охраны труда и таким образом снять ответственность с сотрудников или работников, ответственных за профилактику несчастных случаев и производственного травматизма».

3. Рассмотреть возможность внесения дополнений в уголовно-исполнительное законодательство в части применения к осужденным к лишению свободы, нарушившим установленные требования охраны труда, дисциплинарного штрафа в размере до 200 рублей. В соответствие с ч. 3 ст. 117 УИК РФ дисциплинарный штраф налагается только за нарушения установленного порядка отбывания наказания, перечисленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ.

Перечисленные рекомендации и мероприятия, на взгляд автора, могут способствовать мотивации осужденных к соблюдению производственной дисциплины, усилению собственной ответственности за соблюдение (выполнение) правил техники безопасности и требований охраны труда, и как следствие, уменьшение травматизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О производственном* травматизме в исправительных учреждениях // Письмо ФСИН России от 17 марта 2016 г. № 05-13739. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон» (дата обращения: 20.03.2017).
2. *О производственном* травматизме в исправительных учреждениях // Письмо ФСИН России от 10 марта 2017 № 04-14549. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон» (дата обращения: 20.03.2017).
3. *О производственном* травматизме в исправительных учреждениях // Письмо ФСИН России от 01 июня 2015 г. № 04-32645. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон» (дата обращения: 20.03.2017).
4. *О производственном* травматизме в исправительных учреждениях // Письмо ФСИН России от 05 марта 2018 г. № 09-14755. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон» (дата обращения: 20.03.2017).
5. *Об утверждении* правил внутреннего распорядка исправительных учреждений // Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295. // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 20.10.2017).
6. *Корякин Е.А.* Порядок привлечения осужденных к труду в исправительных учреждениях (на примере швейного производства) : науч.-метод. пособие. Киров : ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2017. 170 с.
7. *Уголовно-исполнительный* кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 105.
8. *Межгосударственный* стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения (вместе с Программами обучения безопасности труда) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 20.02.2018).

PREVENTION OF INDUSTRIAL INJURIES OF CONVICTS ENGAGED IN PAID LABOUR IN CORRECTIONAL FACILITIES: QUESTIONS AND ANSWERS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 96–101. DOI 10.17223/23088451/12/19

Evgeniy A. Koryakin, Kirov Institute for Advanced Training of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Kirov, Russian Federation). E-mail: e.a.koryakin@yandex.ru

Keywords: labour of convicts, responsibility of convicts for violation of labour protection requirements.

The article analyses the information obtained as a result of questioning the employees of the production and technical services of federal state correctional institutions on problems related to low rates of bringing convicts to disciplinary responsibility for violations of labour protection requirements in labour adaptation centres for convicts and production workshops of correctional facilities. The causes that influence these indicators are identified, and recommendations and measures aimed at preventing and reducing industrial injuries are proposed. As practice shows, the existing rules of law are not sufficient for an effective impact on convicts violating the requirements of labour protection and for regulating the existing legal relations. The practical value of the study the author conducted is seen in the ability to delineate responsibility arising from violations of labour protection requirements and a possible accident by attributing part of the fault from the administration of correctional facilities to convicts involved in labour.

References

1. Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Letter from the Federal Penitentiary Service of Russia No. 05-13739 of March 17, 2016: On occupational injuries in correctional institutions*. “Etalon”. (Accessed: 20.03.2017). (In Russian).
2. Federal Penitentiary Service of Russia. (2017) *Letter from the Federal Penitentiary Service of Russia No. 04-14549 of March 10, 2017: On occupational injuries in correctional institutions*. “Etalon”. (Accessed: 20.03.2017). (In Russian).
3. Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Letter from the Federal Penitentiary Service of Russia No. 04-32645 of June 1, 2015: On occupational injuries in correctional institutions*. “Etalon”. (Accessed: 20.03.2017). (In Russian).
4. Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Letter from the Federal Penitentiary Service of Russia No. 09-14755 of March 5, 2018: On occupational injuries in correctional institutions*. “Etalon”. (Accessed: 20.03.2017). (In Russian).
5. Russian Federation. (2016) *Ob utverzhdenii pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel’nykh uchrezhdeniy: prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 16 dekabrya 2016 g. № 295* [On approval of the internal regulations of correctional institutions: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 295 of December 16, 2016]. Moscow: AO “Konsul’tant plyus”.
6. Koryakin, E.A. (2017) *Poryadok privlecheniya osuzhdennykh k trudu v ispravitel’nykh uchrezhdeniyakh (na primere shveynogo proizvodstva)* [The procedure for attracting convicts to work in correctional institutions (on the example of sewing production)]. Kirov: FKU DPO Kirovskiy IPKR FSIN Rossii.
7. Russian. Federation. (1997) Ugolovno-ispolnitel’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Elektr. resurs]: feder. zakon ot 8 yanvarya 1997 g. № 1-FZ [Penal Code of the Russian Federation: Federal Law 1 of January 8, 1997]. *Sobranie zakonodatel’stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 2. Art. 105.
8. Russian Federation. (n.d.) *Mezhgosudarstvennyy standart. Sistema standartov bezopasnosti truda. Organizatsiya obucheniya bezopasnosti truda. Obshchie polozheniya (vmeste s Programmami obucheniya bezopasnosti truda)* [Interstate standard. Occupational safety standards system. Organization of occupational safety training. General Provisions (together with the Occupational Safety and Health Education Programs)]. Moscow: AO “Konsul’tantplyus”.

УДК 343.85 DOI 10.17223/23088451/12/20

Е.А. Писаревская

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

В статье отмечается, что в настоящее время в воспитательных колониях содержатся наиболее запущенные в нравственном отношении несовершеннолетние, анализируются личностные характеристики данных осужденных. Обосновывается актуальность проведения своевременной и достаточной работы по профилактике совершения осужденными несовершеннолетними повторных преступлений в условиях ухудшения качественных характеристик осужденных несовершеннолетних и отсутствия ближайших перспектив кардинального реформирования системы воспитательных колоний.

Ключевые слова: *предупреждение рецидива, воспитательная колония, несовершеннолетний осужденный.*

Динамика осуждения несовершеннолетних за совершение преступлений в Российской Федерации в последние годы характеризуется значительным снижением. Так, темп снижения числа судимых несовершеннолетних в 2017 г. составил 31,6 % по сравнению с 2013 г. Доля осужденных, признанных виновными в совершении преступлений в несовершеннолетнем возрасте, снизилась с 4,0 % в 2013 г. до 3,0 % в 2017 г. Абсолютные значения в рассматриваемые годы составили: 29,2 тыс. осужденных несовершеннолетних в 2013 г. и 20,7 тыс. осужденных несовершеннолетних в 2017 г. [1].

Эти данные напрямую соотносятся с имеющейся на протяжении ряда последних лет тенденцией к сокращению количества как регистрируемых преступлений несовершеннолетних, так и тенденцией сокращения выявления самих несовершеннолетних преступников.

Анализируя некоторые социально-демографические и уголовно-правовые признаки лиц, осужденных за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте, отметим, что в настоящее время в структуре всех осуждаемых лиц данной категории:

1) наибольший удельный вес приходится на осужденных, совершивших преступления в возрасте 16–17 лет, – около 70 %;

2) преобладают осужденные, являвшиеся учащимися на момент совершения преступления, – около 68 % со снижением абсолютного количества числа учащихся осужденных с 20,0 тыс. лиц в 2013 г. до 14,2 тыс. лиц в 2017 г.;

3) наибольший удельный вес приходится на осужденных, воспитывавшихся в семье с одним родителем, – 45,6 % или 9,1 тыс. осужденных в 2017 г. При этом удельный вес лиц, воспитывавшихся в полной семье, в 2017 г. составил 43,7 %, а вне семьи – 10,7 %;

4) стабильно высокую долю составляют осужденные за кражи – 49,4 % в 2017 г. (49,2 % – в 2013 г.); удельный вес осужденных за грабеж уменьшился с 13,8 % в 2013 г. до 12,7 % в 2017 г., а также за угоны с 11,1 % в 2013 г. до 9,8 % в 2017 г.; доля осужденных за преступления, связанные с наркотическими средствами и психотропными веществами, колебалась в пределах 7,3 % в 2013 г. и 9,4 % в 2017 г.;

5) значительным удельным весом продолжают характеризоваться осужденные, имеющие неснятые и непогашенные судимости на момент совершения нового преступления, – 19,6 % при снижении абсолютного количества данных лиц с 6,6 тыс. в 2013 г. до 4,0 тыс. в 2017 г.[1].

При этом наиболее распространенные виды наказаний, назначаемые судами лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, в период с 2013 г. по 2017 г. продолжали составлять:

1) *условное осуждение к лишению свободы* – 40,5 % всех осужденных данной категории в 2017 г. и 41,1 % – в 2013 г.;

2) *обязательные работы* – 25,1 % всех осужденных данной категории в 2017 г. и 22,9 % – в 2013 г.;

3) *лишение свободы* – 17,8 % всех осужденных данной категории в 2017 г. и 16,5 % – в 2013 г.;

4) *штраф* – 9,8 % всех осужденных данной категории в 2017 г. и 12,3 % – в 2013 г.

Таким образом, можно констатировать, что на фоне общей тенденции по либерализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних осужденных фактически их пятая часть продолжала осуждаться судами к реальному лишению свободы. Абсолютное значение осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2017 г. составило 3,5 тыс. лиц.

На этом фоне происходило значительное сокращение количества воспитательных колоний для несовершеннолетних. Так, если в 2006 г. в России функционировали 62 воспитательные колонии, в которых содержалось 12 752 осужденных, то в 2017 г. осталось всего 23 воспитательные колонии, в которых содержалась 1395 осужденных [2]. Таким образом, количество осужденных, содержащихся в воспитательных колониях в 2017 г., уменьшилось по отношению к 2006 г. на 89,1 %.

Этот факт не вызывает особого удивления, поскольку в рассматриваемый период времени в целом существенно снизилось количество осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте.

Одновременно с уменьшением количества содержащихся в воспитательных колониях осужденных криминологами отмечается ухудшение их личностных качественных характеристик. Согласимся с Л.М. Прозументовым и Н.В. Ольховиком в том, что «в послед-

ние годы в связи с осуществляемой в стране гуманизацией карательной политики государства качественный состав несовершеннолетних, осуждаемых судами к реальному лишению свободы, существенно ухудшился. Реальное лишение свободы назначается наиболее запущенным в нравственном отношении несовершеннолетним, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а также несовершеннолетним, ранее судимым за совершение преступлений» [3, с. 31].

Проведенный нами анализ структуры осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, по некоторым социально-демографическим и уголовно-правовым показателям за период с 2006 по 2017 г. показал, что:

1. Среди осужденных преобладают лица мужского пола, их удельный вес на протяжении рассматриваемого периода времени изменился незначительно и составил в 2017 г. 91,2 %, в то время как в 2006 г. этот показатель составлял 93,5 % от общего количества лиц, содержавшихся в воспитательных колониях.

2. В рассматриваемый период произошло незначительное увеличение удельного веса отбывавших наказание в воспитательных колониях сирот и лиц, лишенных родительского попечения, с 12,1 % в 2006 г. до 13,5 % в 2017 г.

3. Среди отбывающих наказание по-прежнему преобладают лица в возрасте 16–17 лет, при этом их удельный вес в данный период времени увеличился с 66,1 % в 2006 г. до 70,0 % в 2017 г.

4. Фактически 1/3 лиц, содержащихся в воспитательных колониях, отбывала срок свыше 3 до 5 лет включительно. Так, в 2006 г. этот показатель составил 34,5 %, в 2017 г. – 29,8 %. При этом следует отметить увеличение в 2017 г. удельного веса лиц, отбывавших краткие по продолжительности сроки до двух лет включительно, до 23,2 %, в то время как в 2006 г. этот показатель составлял всего 15,9 %;

5. В рассматриваемый период времени в воспитательных колониях преобладали лица, отбывавшие наказание впервые. Так, если в 2006 г. их удельный вес составил 95,9 %, то в 2017 г. – 98,1 %.

Совокупный удельный вес лиц, осужденных за убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилование и содержавшихся в воспитательных колониях, в указанный период времени изменился незначительно. Так, удельный вес данных лиц в общем числе осужденных, содержавшихся в воспитательных колониях, в 2006 г. составил 30,8 %, в 2017 г. – 31,3 %.

При этом совокупный удельный вес лиц, содержащихся в воспитательных колониях за совершение краж, грабежей и разбоев, снизился с 57,3 % в 2006 г. до 38,1 % в 2017 г. [2].

Таким образом, мы видим, что фактически 1/3 осужденных содержалась в воспитательных колониях за совершение тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, что является абсолютным подтверждением данных, приведенных Л.М. Прозументовым и Н.В. Ольховиком.

При этом по данным М.П. Чернышковой в 2014 г. увеличилось до 30,04 % количество осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, к которым уже применялись наказания в виде условного осуждения и которые, не оправдав оказанного им доверия и не выдержав испытательного срока, отбывают наказание в местах лишения свободы за совершение преступления [4, с. 15].

Анализ приведенных выше характеристик с очевидностью показывает, что проблема предупреждения повторных преступлений осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, как во время отбывания наказания, так и после освобождения на сегодняшний день не теряет своей актуальности.

Согласимся с тем, что «преступность осужденных в воспитательных колониях, являясь разновидностью рецидивной преступности, обладает повышенной общественной опасностью» [3, с. 31]. Это связано с рядом обстоятельств: ухудшением качественных характеристик осужденных; возможной дестабилизацией в результате совершения преступлений обстановки в колонии в целом; возможностью ухудшения нормального социально-психологического климата среди осужденных и, как следствие, возникновения необходимости дополнительных затрат для его восстановления.

Л.М. Прозументовым и Н.В. Ольховиком было обоснованно отмечено, что если судить о криминогенной ситуации в воспитательных колониях исключительно по формальным критериям, то ситуация с преступностью в данных учреждениях не выглядит угрожающей. Так, в воспитательных колониях «в 2001 г. было зарегистрировано 42 преступления – это самый высокий показатель за рассматриваемый период времени. В 2002 г. – 30, в 2003 г. – 35, в 2004 г. – 27, в 2005 г. – 25, в 2006 г. – 27, в 2007 г. – 34» [3, с. 39].

Продолжив анализ статистики преступлений, совершенных в воспитательных колониях, мы увидим, что эти преступления фактически перестали совершаться. Так, в воспитательных колониях в 2008 г. было совершено 13 преступлений, в 2009 г. – 11, в 2010 г. – 8, в 2011 г. – 8, в 2012 г. – 7, в 2013 г. – 7, в 2014 г. – 2, в 2015 г. – 5, в 2016 г. – 9, в 2017 г. – 3 [2].

Таким образом, темп снижения по преступлениям, совершаемым в воспитательных колониях, в 2017 г. по отношению к 2001 г. составил 92,9 %. Вместе с тем, учитывая сокращение численности осужденных в воспитательных колониях, отметим, что уровень преступности осужденных в воспитательных колониях в расчете на 1 000 человек даже повысился с 1,98 в 2006 г. до 2,08 в 2017 г. [2]. Кроме того, увеличился уровень нарушений установленного порядка отбывания наказаний в воспитательных колониях на 1000 человек с 636,2 в 2006 г. до 1420,7 в 2017 г. [2].

Большая часть осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательных колониях (87 %), то есть наиболее рецидивоопасный контингент, была лишена свободы за совершение преступлений против личности (в основном убийство, причинение вреда здоровью или изнасилование). Из них 91,8 % были лишены свободы впервые. Несовершеннолетние наиболее часто ставились на профилактический учет как лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других подозреваемых,

обвиняемых и осужденных (12,9 %); склонные к совершению побега (11,9 %); склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка (11,5 %); склонные к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность (11,5 %); признанные судом нуждающимися в лечении от наркомании и алкоголизма (10,8 %); активно участвующие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды и организующие их (9,2 %) [5, с. 13, 15].

В связи с этим возникает вопрос о том, существует ли в настоящее время возможность реального осуществления функции по профилактике в отношении столь запущенного в нравственном отношении контингента?

Воспитательные колонии являются типичными исправительными учреждениями, реализующими цели наказания, установленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Согласимся и с тем, что особенностью исполнения наказания в воспитательных колониях по сравнению с исполнением наказания в исправительных колониях «является то, что основные средства исправления осужденных реализуются в ходе организации единого учебно-воспитательного процесса» [3, с. 27].

Однако, по мнению некоторых ученых, например А.Л. Ощепкова, в реальной действительности уголовная и уголовно-исполнительная практика не учитывает возрастные и психолого-педагогические особенности несовершеннолетних осужденных. Это снижает эффективность достижения положительных результатов в работе с несовершеннолетними осужденными [6, с. 58].

Кроме того, следует учитывать, что система исправительного воздействия в отношении несовершеннолетних, осужденных к реальному лишению свободы, в настоящее время находится в стадии реформирования.

Так, Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р, предусматривала преобразование воспитательных колоний в воспитательные центры двух видов: с обычным наблюдением (для несовершеннолетних, впервые осужденных к лишению свободы); с усиленным наблюдением (для несовершеннолетних, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы; несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение особо тяжкого преступления) [7].

Эти преобразования были вызваны изменениями уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних на основе гуманизации процесса исполнения наказаний, новыми взглядами на его цели и средства. В ходе реформирования предполагались такие изменения, которые позволили бы достигнуть международных стандартов содержания осужденных в исправительных учреждениях. Воспитательный центр должен был стать таким учреждением, в котором осуществляется комплексная, завершенная система исполнения лишения свободы для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте с целью социализации личности.

Согласимся с А.Л. Ощепковым в том, что разработанная в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 г. модель исправительного учреждения нового типа для несовершеннолетних (воспитательный центр) имела целый ряд преимуществ, а именно:

– создание структуры воспитательного центра;

– обеспечение раздельного содержания несовершеннолетних осужденных по степени криминальной зараженности (за счет создания воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением);

– создание вместо отрядов мультидисциплинарных групп осужденных;

– обеспечение условий отбывания наказания, позволяющих стимулировать правопослушное поведение осужденных путем последовательного снижения уровня правоограничений;

– наличие в штатах воспитательного центра значительно большей численности сотрудников, осуществляющих функции социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, а также функции медицинского обслуживания;

– минимизация в работе воспитательных центров элементов, характерных для тюремного учреждения (упразднение обращения воспитанников к сотрудникам «гражданин начальник», хождение строем по территории; введение специальной формы (без атрибутики ФСИН) для сотрудников с той целью, чтобы у воспитанников не возникло предубеждение к людям в военизированной форме, введение для несовершеннолетних осужденных специально сшитой одежды по типу гражданской, вместо бирок – бейджики, на которых будут только имя, фамилия и отчество);

– размещение осужденных несовершеннолетних в помещениях, рассчитанных на 3–4 человека, а осужденных за не очень тяжелые преступления – за пределами центра [6, с. 59].

В правоприменительной практике были предприняты конкретные шаги в этом направлении. Например, по данным на 8 июня 2012 г. в Брянской воспитательной колонии было уже полностью переоборудовано помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора (ПФРСИ). Это 2-, 3- и 4-местные камеры, в которых на каждого человека приходится не менее 7 кв. м жилой площади, туалетные помещения изолированы. В камерах установлены ЖК-телевизоры, радиоточки, развернута система видеонаблюдения [6, с. 59].

Однако внесенные распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.09.2015 г. № 1877-р в разд. 5 вышеназванной Концепции изменения свидетельствуют о намерении государства отказаться от идеи перепрофилирования воспитательных колоний в воспитательные центры. Так, на втором этапе ее реализации предусматривается исключительно осуществление мероприятий по созданию условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях [7]. Исключением не станет и третий этап реализации Концепции, в ходе которого будут завершены мероприятия по созданию условий для постепенного снижения количества осужденных, содер-

жащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях [7].

Мы видим, что, к сожалению, речь о перепрофилировании исправительных учреждений больше не идет. В ближайшие годы не стоит ожидать кардинального реформирования данной системы. Следовательно, необходимо осуществлять работу по исправлению осужденных в текущих условиях в установленных действующим законодательством рамках.

Полагаем, что действующее российское уголовно-исполнительное законодательство в полной мере позволяет применять в процессе исполнения лишения свободы к осужденным несовершеннолетним «все основные средства исправления, указанные в законе: режим (установленный порядок исполнения и отбывания наказания), воспитательная работа, общественно-полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие (ст. 9 УИК РФ)» [3, с. 30–31].

Комплексность, своевременность и достаточность применения данных средств исправления во многом зависит от профессионализма руководства конкретной воспитательной колонии.

Между тем даже элементарный анализ информации о деятельности воспитательных колоний, размещенной на сайтах соответствующих колоний, свидетельствует об отсутствии единого подхода к предоставлению элементарной информации о деятельности по исправлению содержащихся в воспитательных колониях осужденных. Данные зачастую не обновляются.

Так, на сайте Мариинской воспитательной колонии имеется раздел «Статистические данные», в котором размещена информация, актуальная на 30 ноября 2017 г. Так, в данном разделе содержится информация о количестве осужденных, содержащихся в воспитательной колонии, – 59 человек. Предоставлена информация о регионе их «происхождения». Из 59 осужденных: 8 человек прибыли из Республики Хакасия, 6 – из Республики Алтай, 1 – из Республики Бурятия, 1 – из Забайкальского края, 1 – из Красноярского края, 11 – из Омской области, 31 – из Кемеровской области. Численность осужденных 28 % от лимита наполнения. С начала 2017 г. в учреждение прибыло – 101 осужденных, убыло – 119, из них: освобождены по отбытии срока наказания – 11, условно-досрочно – 14, переведены в ИК – 65. В обычных условиях содержатся 31 воспитанник, в облегченных – 21, в льготных – 4, в строгих – 5.

Далее в этом разделе приводятся данные о трудоустройстве, образовании, обучении. По сведениям Мариинской воспитательной колонии среди воспитанников трудоустроено 24 человека. В профессиональном училище обучается 43 человека. Имеют начальное профессиональное обучение 54 осужденных. В школе обучается 54 воспитанника. Среднее образование имеют 2 воспитанника, из них один обучается дистанционно в техникуме.

Кроме того, сообщается, что в учреждении не допущено побегов осужденных из-под охраны, случаев проникновения посторонних лиц на охраняемый объект, нарушения законности. С целью стимулирования правопослушного поведения, за добросовестное отношение к труду, учебе и хорошее поведение поощрено с начала 2017 г. – 106 осужденных. С начала 2017 г. 13 воспитанникам учреждения, состоящим на облегченных и льготных условиях, благодаря содействию Попечительского совета представилась возможность посетить исторические места города Мариинска, музея «Береста Сибири», Краеведческого музея и музея им. В.А. Чивилихина.

С целью недопущения правонарушений организована занятость воспитанников в культурно-массовых и спортивных мероприятиях. Проведено с начала 2017 г. 97 мероприятий с привлечением сторонних организаций, из них 37 – священнослужителем православной церкви; 85 мероприятий проведено сотрудниками учреждения, из них: 39 – мероприятий культурно-массовой и спортивной направленности, в рамках социально-правового информирования проведено 35 занятий, в рамках Школы подготовки к освобождению – 11.

С целью обмена информацией о несовершеннолетних осужденных, готовящихся к этапированию в ВК, осуществлено 22 выезда в следственные изоляторы Кемеровской и Томской областей. В ходе выезда до несовершеннолетних доведена информация об условиях отбывания наказания в ВК, порядке предоставления условно-досрочного освобождения, досуге.

Сотрудниками психологической лаборатории с начала 2017 г. с воспитанниками проведено 1738 консультаций. Работа направлена на профилактику аутоагрессивного поведения, профилактику тюремной субкультуры, оказание помощи в адаптации, снижение агрессивности и конфликтности. В целях профилактики конфликтов и деструктивных проявлений среди осужденных, а также распространения тюремной субкультуры проведено 387 групповых мероприятий.

Обеспеченность питанием и вещевым имуществом спецконтингента составляет 100 %. Срывов в работе объектов коммунально-бытового обеспечения учреждения не допущено. По состоянию на 30 ноября 2017 г. объем выпуска продукции УПТМ составил 4727,6 тыс. рублей [8].

Таким образом, на сайте достаточно полно, хотя не систематизированно, представлена информация о применении в колонии основных средств исправления к несовершеннолетним осужденным и другая значимая информация.

В то время как, например, сайт Тюменской воспитательной колонии содержит раздел «О Тюменской воспитательной колонии», в котором представлена историческая справка, информация о некоторых мероприятиях и о контингенте осужденных на 01 января 1999 года [9]. Представляется неправильным, основываясь только на недостаточности информации, утверждать об отсутствии подобной работы в учреждении. Однако полагаем необходимой проведение системной аналитической работы по реализации средств исправления и организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях и доведение результатов этой работы до сведения общественности.

Кроме того, общеизвестно, что в соответствии с ч. 3 ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса РФ осужден-

ные несовершеннолетние направляются для отбывания наказания по месту нахождения исправительного учреждения. Значительное сокращение численности воспитательных колоний приводит к отбыванию несовершеннолетними осужденными наказаний в воспитательных колониях, расположенных в отдалении от мест их постоянного проживания, что, по нашему мнению, не способствует их эффективной ресоциализации. Подтверждением этого являются данные Мариинской воспитательной колонии о «региональной принадлежности» осужденных.

Как уже было отмечено выше, основные средства исправления в воспитательной колонии реализуются в рамках единого учебно-воспитательного процесса. В соответствии с этим полагаем, что особое значение в текущих условиях имеет исправление имеющихся недостатков в данном процессе и реализация следующих основных мер:

1) подготовка квалифицированных сотрудников в области педагогики и психологии для работы с осужденными несовершеннолетними;

2) эффективное психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних в воспитательных колониях;

3) организация благоприятной воспитательной среды для несовершеннолетних осужденных и составление с ними индивидуальных профилактических программ с целью их последующей ресоциализации, выявления, укрепления и развития интереса к одобряемым сферам деятельности в обществе;

4) проведение в воспитательных колониях целенаправленной и комплексной работы по контрпропаганде криминальной субкультутры.

Данные направления работы, по нашему мнению, имеют первостепенное значение в профилактике рецидива несовершеннолетних осужденных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Характеристика* судимости в России в 2017 году. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskiy_obzor_po_sudimosti_2017.pdf (дата обращения: 22.10.2018).
2. *Статистическая* информация. Сайт ФСИН России. URL: http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika (дата обращения: 22.10.2018).
3. *Прозументов Л.М., Ольховик Н.В.* Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 154 с.
4. *Чернышкова М.П.* Организация воспитательного процесса несовершеннолетних осужденных воспитательных колоний как составная часть реализации государственной социальной политики // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 3. С. 12–16.
5. *Кудряшов О.В.* Характеристика несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика и управление. 2017. № 3. С. 13–15.
6. *Ощепков А.Л.* Некоторые дискуссионные вопросы преобразования воспитательных колоний в воспитательные центры для несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2012. № 43 (302). С. 58–59.
7. *Концепция* развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).
8. *Статистические* данные. Сайт Мариинской воспитательной колонии. URL: http://www.marvk.ru/index.php/ru/statisticheskie-dannye (дата обращения: 22.10.2018).
9. *О Тюменской* воспитательной колонии. Сайт Тюменской воспитательной колонии. URL: http://tvk.uis72.ru/ ?page_id=2 (дата обращения: 22.10.2018).

ON THE ISSUE OF PREVENTING RECIDIVISM AMONG JUVENILES SERVING PUNISHMENT IN JUVENILE CORRECTIONAL FACILITIES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 102–107. DOI 10.17223/23088451/12/2

Elena A. Pisarevskaya, Novokuznetsk Branch-Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

Keywords: recidivism prevention, juvenile correctional facility, juvenile convicted.

The article notes the dynamics of convicting juveniles for committing crimes in the Russian Federation to significantly decrease in recent years. Thus, the number of convicted juveniles in 2017 was 31.6% less than in 2013. These data directly correlate with the downward trend in the numbers of registered juvenile crimes and detected juvenile offenders over the past few years.

The article analyses a number of socio-demographic and criminal-legal features of persons convicted of committing crimes while juveniles, indicates the most common types of punishments imposed on these persons. It is argued that, against the background of a general trend to liberalize criminal policy relating to juvenile convicts, in fact, the courts continue to condemn every one out of five of them to real imprisonment. The year 2017 saw the absolute number of convicts who committed crimes while juveniles as high as 3.5 thousand persons. Against this background, the number of juvenile correctional facilities for young offenders was showing significant reduction.

The article states that the qualitative characteristics of juveniles held in juvenile correctional facilities have worsened. For example, in the total number of convicts held in juvenile correctional facilities, the proportion of persons convicted of murder, intentional infliction of grievous bodily harm and rape amounted to 30.8% in 2006, while it was 31.3% in 2017.

The author notes that in 2017 the number of crimes committed in juvenile correctional facilities amounted to 92.9% as compared with 2001. At the same time, the crime rate among convicts in juvenile correctional facilities increased from 1.98 per 1,000 people in 2006 to 2.08 in 2017. In addition, the rate of juvenile correctional facilities punishment regime breaches increased from 636.2 per 1,000 people in 2006 to 1,420.7 in 2017.

The article mentions the absence of a systemic and consistent approach to the execution of punishment in the form of deprivation of liberty relating to juveniles; in particular, the refusal to convert juvenile correctional facilities into educational centres is noted. The

coming years are unlikely to see a radical reform of this system. Consequently, the work on convicts' correction must be carried out in the framework established by the current legislation.

The author believes that all basic curative measures specified in the law can be fully applied in enforcing a sentence of deprivation of liberty to convicted juveniles under the current Russian penal enforcement legislation. In the current conditions, particular importance is attached to the correction of the existing educational process shortcomings and the implementation of the following basic measures:

(1) employees qualified in the field of pedagogy and psychology to work with convicted juveniles should be trained;

(2) juveniles in juvenile correctional facilities should obtain effective psychological and pedagogical support;

(3) an educational environment favourable for convicted juveniles should be created; juvenile convicts should be involved in drawing up individual preventive programs with a view to their subsequent re-socialisation, identification, strengthening and development of interest in the areas of activities approved in society;

(4) purposeful and comprehensive propagation of narratives against the crime subculture should be delivered in juvenile correctional facilities.

These areas, from the author's point of view, are of paramount importance in preventing recidivism among juvenile offenders.

References

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Kharakteristika sudimosti v Rossii v 2017 godu* [Characteristics of the criminal record in Russia in 2017]. [Online]. Available from: http://cdep.ru/userimages/ sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskiy_obzor_po_sudimosti_2017.pdf. (Accessed: 22.10.2018).
2. Federal Penitentiary Service of Russia. (2018) *Statisticheskaya informatsiya* [Statistical information]. [Online]. Available from: http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika. (Accessed: 22.10.2018).
3. Prozumentov, L.M. & Ol'khovik, N.V. (2011) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recurrent juvenile delinquency and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Chernyshkova, M.P. (2015) Organizatsiya vospitatel'nogo protsessa nesovershennoletnikh osuzhdennykh vospitatel'nykh koloniy kak sostavnaya chast' realizatsii gosudarstvennoy sotsial'noy politiki [Organisation of the educational process of juvenile convicts in correctional facilities as an integral part of the implementation of the state social policy]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii – Issues of Juvenile Justice*. 3. pp. 12–16.
5. Kudryashov, O.V. (2017) Kharakteristika nesovershennoletnikh osuzhdennykh, sostoyashchikh na profilakticheskom uchete v vospitatel'nykh koloniyakh [Characteristics of juvenile convicts who are on preventive registration lists in correctional facilities]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika i upravlenie*. 3. pp. 13–15.
6. Oshchepkov, A.L. (2012) Nekotorye diskussionnye voprosy preobrazovaniya vospitatel'nykh koloniy v vospitatel'nye tsentry dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley [Some debatable questions of the transformation of juvenile correctional facilities into educational centres for juvenile offenders]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo*. 43 (302). pp. 58–59.
7. Russian Federation. (2010) *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda, utverzhdennaya rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14.10.2010 goda № 1772-r* [The concept of the development of the penitentiary system in the Russian Federation for the period up to 2020, approved by the decree of the Government of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010]. Moscow: AO "Konsul'tantplyus".
8. Mariinsk Juvenile Correctional Facility. (2018) *Statisticheskie dannye* [Statistical data]. [Online]. Available from: http://www.marvk.ru/index.php/ru/statisticheskie-dannye. (Accessed: 22.10.2018).
9. Tyumen Juvenile Correctional Facility. (n.d.) *O Tyumenskoy vospitatel'noy kolonii* [About the Tyumen Juvenile Correctional Facility]. [Online]. Available from: http://tvk.uis72.ru/?page_id=2. (Accessed: 22.10.2018).

УДК 343.81 DOI 10.17223/23088451/12/21

Р.В. Ушаков

КРИТЕРИИ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ОЦЕНКЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Проводится анализ критериев, подлежащих оценке в ходе процедуры рассмотрения вопроса о реализации законных интересов осужденных к лишению свободы. Помимо закрепленных в законодательстве характеристик, автором предлагается включать в оценку и учет такие критерии, как наличие и характер социально-полезных связей осужденного, а также уровень его антисоциальной направленности, оцениваемый по состоянию криминальной зараженности и вовлеченности.

Ключевые слова: *осужденные, критерии оценки, криминальная зараженность, криминальная вовлеченность, социальнополезные связи.*

Вопрос четкого определения перечня критериев, подлежащих оценке при реализации законных интересов осужденных, и, в ряде случаев, его законодательного закрепления длительное время является дискуссионным как в теории уголовно-исполнительного права, так и в практике исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Рассмотрение указанных аспектов представляется особенно актуальным ввиду часто встречающихся расхождений в определении характеристик, подлежащих оцениваю компетентными органами.

Большинство ученых-пенитенциаристов едины во мнении, что главным условием реализации законных интересов осужденных является оценка поведения последних. Анализ российского законодательства, а также судебной практики и личных дел осужденных показал, что в действительности, помимо поведения, существует довольно широкий перечень критериев, подлежащих оценке в ходе реализации законных интересов осужденных к лишению свободы. Одни критерии прямо закреплены в законодательных актах, другие, не имея такого закрепления, широко используются и имеют устоявшуюся практику применения. Тем не менее на сегодняшний день отсутствует единая логично выстроенная система таких характеристик.

Поскольку такие характеристики выступают как совокупность условий, при наличии которых происходит реализация законного интереса, нами предлагается представлять их в качестве определенных способствующих (*реализации законного интереса*) обстоятельств.

Весь массив таких способствующих обстоятельств предлагается разделить на две основные группы:

– обстоятельства внутреннего характера (связаны с самим осужденным и, в той или иной мере, зависят от его особенностей, стремлений, действий и поведения). Примером таких обстоятельств могут служить правопослушное поведение осужденного, положительно характеризующие материалы, отсутствие исковой задолженности и др.;

– обстоятельства внешнего характера (не имеют отношения к личности осужденного, однако способны влиять на возможность предоставления определенных благ). В качестве такого обстоятельства выступает, главным образом, наличие экономической или технической возможности учреждения реализовать законный интерес.

Оформление учитываемых обстоятельств внутреннего характера в системном виде довольно затруднено ввиду их многообразия и, в ряде случаев, отсутствия закрепления в законодательстве. Наличие широкого спектра таких обстоятельств обусловлено индивидуализированным подходом к рассмотрению того или иного ходатайства о предоставлении законного интереса. Это делает невозможным отражение их исчерпывающего перечня в нормах права.

Однако анализ ряда норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства позволяет выделить некоторые общие критерии, относимые к учитываемым обстоятельствам внутреннего характера, способствующим реализации некоторых законных интересов осужденных.

Так, в положениях ч. 2.2 ст. 78 УИК РФ (законный интерес на изменение вида исправительного учреждения); ч. 4.1 ст. 79 УК РФ, ч. 2 ст. 175 УИК РФ (законный интерес на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания) и ч. 4 ст. 80 УК РФ, ч. 3, ч. 3.1 ст. 175 УИК РФ (законный интерес на замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания) закреплены схожие критерии, подлежащие оценке и учитываемые при решении вопроса о предоставлении указанных законных интересов:

– поведение осужденного;

– отношение осужденного к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания;

– наличие поощрений и взысканий;

– отношение осужденного к совершенному деянию;

– частичное или полное возмещение причиненного ущерба (или иное заглаживание вреда, причиненного в результате преступления);

– прохождение курса лечения и отношение к применению принудительных мер медицинского характера со стороны осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Некоторые авторы считают, что данные характеристики отражают наиболее общие позиции оценки степени исправления осужденного, которая, по мнению ученых, необходима для реализации не только представленной группы, но и большинства иных законных интересов. Исходя из этого, предлагается закрепить указанные критерии в ст. 9 УИК РФ в качестве единых характеристик, учитываемых при определении степени исправления осужденных [1, с. 66–67].

С одной стороны, мы полагаем, что такое закрепление может оказаться полезным для практики ввиду того, что позволило бы использовать единообразный оценочный подход при решении вопроса о реализации того или иного законного интереса. Сказанное подтверждается и мнением 42 % опрошенных осужденных, отметивших, что детальная проработка и закрепление условий и критериев оценки характеризующих материалов поспособствуют совершенствованию механизма реализации законных интересов.

С другой стороны, возникает вопрос: насколько обоснованным было бы применение перечня характеристик, определяющих степень исправления осужденного, в решении вопросов о реализации законных интересов, не предусматривающих такого определения?

Дело в том, что положения подавляющего большинства норм, отражающих законные интересы осужденных, не предполагают оценку степени исправления осужденного в качестве основания реализации законного интереса. Определение степени исправления осужденного может оказаться полезным, главным образом, при решении вопроса о предоставлении условно-досрочного освобождения и, частично, о замене неотбытой части наказания более мягким видом, что, безусловно, продиктовано особенностями указанных институтов. В иных же случаях объем предоставляемых осужденному благ не требует столь широкого набора предъявляемых требований, подлежащих оценке. Следовательно, предложение о закреплении в особенной части УИК РФ единого перечня характеристик, учитываемых при определении степени исправления осужденных, при ныне существующем подходе не находит свою актуальность.

На наш взгляд, гораздо целесообразнее говорить о некоем едином перечне критериев, подлежащих оценке при реализации законных интересов осужденных к лишению свободы. Отличие такой позиции заключается в том, что характеристики, образующие представленный перечень, могли бы использоваться как в совокупности (например, при определении степени исправления осужденного), так и рассматриваться самостоятельно (при решении вопроса о реализации того или иного законного интереса).

При анализе законодательства, судебной практики и документов, используемых в деятельности органов и учреждений УИС, мы пришли к выводу, что рассматриваемый выше перечень может быть вполне обоснованно дополнен еще рядом учитываемых критериев, подлежащих оценке.

Одним из таких критериев, на наш взгляд, должна выступать такая характеристика, как поддержание и характер социально-полезных связей, к которым следует отнести отношения с родственниками, а в случае их отсутствия – с иными близкими людьми.

Во-первых, семья в подавляющем большинстве случаев является действенным стимулом для положительного изменения поведения осужденного и имеет достаточно высокий ресоциализационный потенциал [2, с. 175–176].

Во-вторых, в случае реализации законного интереса, связанного с досрочным освобождением осужденного из мест лишения свободы, семья может выступать в качестве определенного сдерживающего фактора, тормозящего возможные противоправные проявления осужденного в течение оставшейся не отбытой части наказания.

В-третьих, в случае реализации законных интересов, связанных со значительным изменением объема правового статуса осужденного (изменение вида ИУ, изменение условий отбывания наказания), учет семейных отношений необходим для выявления осужденных, которым наиболее необходимо изменение объемов предоставляемых краткосрочных и длительных свиданий. К примеру, при решении вопроса об изменении условий отбывания наказания, при равной степени исправления, осужденный, имеющий семью и детей, на наш взгляд, должен иметь приоритет.

Отношения осужденных с семьей, как учитываемый критерий, указаны в ряде судебных и нормативных документов.

Так, в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» (далее – Постановление Пленума ВС № 9) среди критериев, на которых должен быть основан вывод о положительной характеристике осужденного, указывается поддержание отношений с родственниками. Вместе с тем в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (далее – Постановление Пленума ВС № 8) при решении вопроса о предоставлении несовершеннолетнему осужденному УДО суду необходимо учитывать его связи с родственниками в период отбывания наказания. В п. 3.1 Обзора судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г., указано, что при оценке поведения осужденного судами учитывался ряд оценочных критериев, в том числе поддержание осужденным отношений с родственниками. Безусловно, на наш взгляд, суду в таких случаях следует учитывать не только факт поддержания отношений и связей осужденного с родственниками, а также характер и направленность таких отношений и связей.

Родственные связи должны учитываться, в том числе и при реализации законного интереса на помилование. Так, в п. 5 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500) одним из прилагаемых к ходатайству о помиловании документов указана анкета с указанием био-

графических данных осужденного и сведений о его семейном положении.

Безусловно, при оценке характера отношений осужденного с родственниками или иными близкими людьми такая оценка не должна быть односторонней. Представляется целесообразным получение подтверждающей информации о положительной характеристике родственников осужденного из органов внутренних дел по месту жительства, наличия необходимых условий для проживания, в случае отсутствия постоянного места жительства у осужденного, а также о согласии родственников принять осужденного в таком случае.

Вместе с тем отсутствие семьи, родственников или иных близких людей у осужденного, а следовательно, и отсутствие социальнополезных связей, не должно служить основанием для отказа в реализации того или иного законного интереса. Наличие и характер социальнополезных связей всего лишь учитываются и, наряду с иными критериями, образуют целостную картину, отражающую характеристику личности осужденного.

Таким образом, можно заключить, что характер отношений с родственниками или иными близкими лицами как оценочный критерий в настоящее время активно используются в практике решения вопросов о реализации тех или иных законных интересов осужденных. Вместе с тем ряд нормативных документов прямо предписывает компетентным органам такие действия. Думается, что указанные обстоятельства могут служить достаточным основанием для включения социальнополезных связей в перечень характеристик, учитываемых при определении степени исправления осужденных.

При определении степени исправления осужденного, помимо наличия и характера социальнополезных связей, на наш взгляд, необходимо учитывать и уровень его антисоциальной направленности.

Данное предложение объясняется тем, что зачастую правопослушное поведение осужденных является всего лишь мимикрией – ими могут соблюдаться все формальные критерии, необходимые для признания эффективности их исправления, однако реальная мотивация останется в сфере криминально-ориентированных интересов. Иными словами, у осужденного может быть сформировано определенное установочное поведение в местах лишения свободы, ориентированное только на получение определенного блага (*в том числе путем реализации законного интереса*), подменяющее собой истинное желание встать на путь исправления и избежать совершения преступлений в дальнейшем.

Высказанное содержит в себе следующие риски:

– при реализации законных интересов на досрочное освобождение вполне вероятен рецидив преступлений. Осужденные, имеющие высокий уровень криминальной зараженности и вовлеченности, в основном взаимодействуют внутри сложившейся микрогруппы, образуя прочные связи, которые не утрачиваются и после освобождения из исправительного учреждения. Зачастую такие связи на свободе приобретают более криминально-ориентированный характер, а поэтому повышается риск повторного совершения преступлений досрочно освобожденными, в том числе в период не отбытой части наказания;

– при реализации законных интересов, связанных с нахождением за пределами исправительного учреждения, повышается вероятность совершения правонарушений, в том числе связанных с негативным влиянием на обстановку в исправительном учреждении. Так, например, нахождение за пределами исправительного учреждения может быть использовано как для осуществления самостоятельных противоправных действий, так и для координации противоправных действий иных лиц (например, осужденный может выступать в качестве некоего «связного» и др.);

– при реализации законных интересов на изменение условий отбывания наказания возможна угроза пропаганды криминальных ценностей среди других осужденных или иного негативного влияния на обстановку в исправительном учреждении. На практике нередки случаи, когда осужденные отрицательной направленности намеренно добиваются перевода в облегченные условия отбывания наказания, преследуя определенные противоправные цели: дестабилизацию оперативной обстановки в отряде, принуждение иных осужденных к пополнению так называемого «общака», организацию азартных игр в отряде и т.п. Вместе с тем изменение вида исправительного учреждения, главным образом на колонию-поселение, зачастую используется в целях организации каналов проникновения запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения, особенно если перевод происходит в участок колонии-поселения, функционирующий при той же исправительной колонии, в которой ранее отбывал наказание осужденный.

С целью недопущения указанных и иных противоправных эксцессов нами предлагается при решении вопроса о реализации законных интересов осужденных, помимо других характеристик, оценивать и учитывать в том числе и уровень криминальной зараженности и вовлеченности осужденного. Оценка предложенных показателей необходима в целях выявления искренности мотивации осужденного к поддержанию правопослушного поведения и возможных рисков отклонения от него.

Следует оговориться, что в представленную оценку должны входить не только такие тривиальные позиции, как, например, заинтересованность осужденного «творческими» элементами криминальной субкультуры (имеется в виду криминальный фольклор, жаргон и др.), но, прежде всего, непосредственная степень поддержания противоправного образа жизни, а также участие в деятельности, связанной с противоправными и деструктивными проявлениями.

Под криминальной зараженностью в психологии понимается морально-нравственное отношение к криминальной и формальной государственной нормативным системам [3, с. 104–107]. Таким образом, уровень криминальной зараженности воспринимается как психологическая характеристика личности.

В соответствии с Инструкцией по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы, утвержденной Приказом

Минюста РФ от 12 декабря 2005 г. № 238, одной из методик, применяемых к осужденным, является Комплексное исследование личности осужденного, непосредственно предназначенное для выявления уровня криминальной зараженности. Она представляет собой многофакторный опросник для комплексной диагностики различных видов девиантного и делинквентного поведения и рекомендована для диагностики криминальной зараженности лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях.

Данные по результатам представленного обследования отражаются в психологической характеристике осужденного, которая, в том числе, входит в число характеризующих материалов, предоставляемых для оценки компетентными органами. Таким образом, у психологических служб учреждений УИС есть все необходимые возможности для выявления уровня криминальной зараженности осужденных, которые в настоящее время активно используются.

Под уровнем криминальной вовлеченности осужденного мы предлагаем понимать показатель, отражающий глубину и характер связей с криминально-ориентированными элементами, а равно с группами осужденных отрицательной направленности, а также намерения по совершению действий, представляющих как собственно противоправные деяния, так и оказание иного негативного влияния на общественные отношения.

Под последним могут пониматься активные действия, направленные на пропаганду криминальных идей и ценностей, создание негативного образа УИС, совершение провокаций в отношении сотрудников правоохранительных органов и органов УИС, активные призывы к совершению противоправных действий, организация и активное участие в группах осужденных отрицательной направленности и тому подобные.

Необходимо заметить, что к осужденным, вынашивающим противоправные намерения, должны применяться меры предупреждения в соответствии с положениями Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20 мая 2013 г. № 72. Пункт 24 настоящей Инструкции устанавливает исчерпывающий перечень осужденных, которых необходимо подвергать профилактическому учету.

Однако постановка на учет в большинстве случаев подтверждает только сам факт склонности осужденного к совершению того или иного эксцесса. По ряду объективных причин применение мер индивидуальной профилактики зачастую носит формальный характер и имеет низкую эффективность. Именно поэтому, на наш взгляд, невозможно судить об уровне криминальной вовлеченности только по показателю проводимой индивидуально-профилактической работы.

Сведения о криминальной вовлеченности осужденного, независимо от факта постановки (либо не постановки) на профилактический учет, должны добываться и аккумулироваться сотрудниками оперативного подразделения учреждения. Ввиду закрытости средств и методов оперативно-розыскной деятельности, мы не можем детально охарактеризовать процесс получения такой информации и ее содержание, однако думается, что она могла бы предоставляться в виде справки, не содержащей сведений, раскрывающих государственную тайну.

Представляется, что условная градация уровней криминальной вовлеченности может быть представлена в следующем виде:

– криминальная вовлеченность отсутствует;
– слабый уровень криминальной вовлеченности;
– частичная криминальная вовлеченность;
– устойчивая криминальная вовлеченность.

Сведения о криминальной зараженности и вовлеченности могут существенно дополнить картину, отражающую степень исправления осужденного и во многом помочь компетентным органам в принятии решений о реализации законного интереса.

Таким образом, поддержание и характер социально-полезных связей осужденных, а также уровень их криминальной вовлеченности и зараженности выступают в качестве самостоятельных характеристик, оцениваемых при реализации законных интересов осужденных к лишению свободы. Рассмотренные критерии должны оцениваться и учитываться наряду с иными характеризующими материалами и могут быть включены в перечень критериев, подлежащих оценке при реализации законных интересов осужденных к лишению свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голодов П.В., Рудаков А.М.* Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 64–67.
2. *Финаева А.Г.* Ресоциализационный потенциал семьи осужденного // ИСОМ. 2012. № 4. 132 с.
3. *Шатровой О.В., Канчурина А.А.* Подходы к пенитенциарному воспитанию как составляющей социально-психологической безопасности // Молодой ученый. 2014. № 18. С. 104–107. URL: https://moluch.ru/archive/77/13221/ (дата обращения: 11.01.2018).

CRITERIA TO BE ASSESSED IN EXERCISING LEGITIMATE INTERESTS OF PERSONS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 108–112. DOI 10.17223/23088451/12/21
Roman V. Ushakov, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: ushakovrv@list.ru
Keywords: convicts, assessment criteria, criminal exposure, criminal involvement, socially useful links.

The article analyses a number of criteria to be assessed and requirements imposed on a convicted person in the course of deciding on the exercising the majority of special legitimate interests. The problems in exercising the legitimate interests of convicts are mainly caused by an indefinite wideness of the list of such criteria, as well as by the absence of a unified approach to their assessment and application. The conducted analysis of the Russian criminal and penal enforcement legislation revealed a single list of such criteria. At the same

time, the study of the judicial practice materials on the exercising the legitimate interests of persons sentenced to deprivation of liberty and their personal files showed that the list considered can be reasonably supplemented by several additional criteria. Firstly, it is advisable to assess and take into account the degree and nature of socially useful links of the person sentenced to deprivation of liberty. This approach is based on the significant social rehabilitation potential of a family, as well as the possibility of expanding the circle of people whose interests can be exercised; moreover, the need to regard socially useful links as a criterion to be assessed when deciding on the exercising certain legitimate interests is indicated by a number of regulations and court decisions. Secondly, the characterising materials are proposed to reflect the convict's antisocial orientation, which is assessed by the person's levels of criminal exposure and criminal involvement. The criminal exposure of a convicted person should be understood as their psychological attitude to the unlawful way of living; the level of criminal involvement indicates the depth and nature of connections with criminal elements, as well as the presence of illegal intentions. In the aauthor's opinion, the considered criteria should be assessed and adhered to along with other characterising materials; they can be included in the appropriate list of criteria taken into account when exercising the legitimate interests of persons sentenced to deprivation of liberty.

References

1. Golodov, P.V. & Rudakov, A.M. (2016) Kriterii otsenki povedeniya osuzhdennykh v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: voprosy sistematizatsii [Criteria for assessing the behaviour of convicts in the penal legislation: questions of systematization]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie.* 3 (35). pp. 64–67.
2. Finaeva, A.G. (2012) Resotsializatsionnyy potentsial sem'i osuzhdennogo [Resocialization potential of the convict's family]. *ISOM.* 4.
3. Shatrovoy, O.V. & Kanchurina, A.A. (2014) Podkhody k penitentsiarnomu vospitaniyu kak sostavlyayushchey sotsial'no-psikhologicheskoy bezopasnosti [Approaches to penitentiary education as a component of socio-psychological security]. *Molodoy uchenyy.* 18. pp. 104–107. [Online]. Available from: https://moluch.ru/archive/77/13221/. (Accessed: 11.01.2018).

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963 DOI 10.17223/23088451/12/22

О.В. Воронин

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И УСТРОЙСТВЕ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Рассматриваются два подхода к классификации современной прокурорской деятельности: функциональный и институциональный. Первый предполагает типологизацию в зависимости от превалирующей функции, второй строится на формальном определении места прокуратуры в сложившейся в той или иной стране системе органов государственной власти. С учетом предложенной классификации выделяются модели и типы организации и устройства прокурорской деятельности.

Ключевые слова: *типология прокурорской деятельности, прокуратура, прокуратуры зарубежных стран.*

Наиболее распространены два подхода к типологии современной прокурорской деятельности: функциональный и институциональный. Первый предполагает типологизацию в зависимости от превалирующей функции, второй строится на формальном определении места прокуратуры в сложившейся в той или иной стране системе органов государственной власти.

Сторонники функционального подхода выделяют два основных типа устройства и деятельности прокуратуры: прокуратуру как орган уголовного преследования («прокурор – обвинитель») и прокуратуру как орган надзора за законностью («прокурор – блюститель законности») [1, с. 4].

На прокуратуру любого типа помимо основной может быть возложено осуществление дополнительных функций, поэтому встречается мнение о существовании прокурорской деятельности смешанного типа, для которого характерно наличие многочисленных функций. В качестве примера приводится современная российская прокуратура [2, с. 66].

Первый тип прокуратуры исторически вытекает из судебного устройства прокурорской деятельности («судебной магистратуры»). В этом случае основная деятельность прокуратуры связана с обеспечением интересов правосудия, главным образом по уголовным делам, и сами прокуратуры представляют собой, как правило, органы уголовного преследования и поддержания публичного (государственного) обвинения. Здесь прокурор преследует только обвинительную цель – публично изобличить лицо в совершении преступления и добиться назначения ему соответствующего наказания. В этой связи очень часто единственной функцией прокуратуры является поддержание публичного обвинения или, более широко, осуществление уголовного преследования. Такие прокуратуры практически лишены надзорных полномочий, а в тех редких случаях, когда они все-таки встречаются, – их пределы ограничиваются надзором за досудебным производством и исполнением приговора. В современных условиях взаимоотношения прокурора, суда и стороны защиты строятся на состязательной основе. При этом суд весьма часто выступает органом, контролирующим преследовательскую деятельность прокурора. В частности, суд дает разрешение на применение прокурором мер принуждения, необходимых для собирания и представления доказательств, реже – утверждает первоначальное и окончательное прокурорское обвинение. Формально прокуратура обладает равными правовыми возможностями по сравнению со стороной защиты, однако фактически процессуальное преимущество находится на стороне обвинения, поскольку прокурор выступает стороной, инициирующей уголовное преследование в суде с целью наказания виновного. В настоящее время подобное устройство прокурорских органов характерно для таких стран, как Франция, Италия, Испания и Германия.

В последнее время на основе прокуратур этого типа развивается новый – «прокурор (прокуратура) – представитель правосудия» [3, с. 15–16; 4, с. 22–42]. Как и в первом случае, основное содержание прокурорской деятельности связано с осуществлением правосудия по уголовным делам. Вместе с тем принципиальное отличие заключается в том, что если в базовой модели прокурор является основным двигателем уголовного судопроизводства, поскольку только от него зависит инициирование и последующее применение уголовно-правовых норм, то во втором – правом инициирования уголовно-процессуальной деятельности обладают иные участники уголовного процесса, круг которых может быть весьма обширен. Обвинительная и преследовательская активность прокурора уходит на второй план, уступая место правовой оценке содержания процессуальной деятельности прочих участников уголовного процесса. В этом случае роль прокурора схожа с ролью «помощника суда»[1], однако отличается от нее тем, что он обладает большей автономией в оценке представленных иными участниками процесса доказательств и менее активен в установлении иных обстоятельств, имеющих значение для применения нормы

[1] Идеи об определении процессуального положения прокурора как «помощника суда (судьи)» в отечественной правовой науке высказывались и ранее. Более подробно об этом см. [5, с. 11–12; 6, с. 34].

права. Формально прокурор продолжает выполнять функцию обвинения, но при этом преследует цель не изобличить виновного в совершении преступления и назначить ему справедливое наказание, а обеспечить публичные (государственные и общественные) интересы при урегулировании социального конфликта, вызванного совершенным преступлением. Насколько общество заинтересовано в том, чтобы преследовать данное деяние, и возможно ли достижение цели восстановления социальной справедливости иными – альтернативными применению уголовного наказания способами – вот основные цели его процессуальной деятельности. «Прокурор – представитель правосудия» представляет собой часть судебной системы, при этом он не обладает ни фактическими, ни формальными привилегиями по отношению к стороне защиты. Наиболее близко к такой модели устройства прокуратур подошли Нидерланды и современные Скандинавские страны.

Второй тип «прокуратура как орган надзора законностью» исторически проистекает из судебно-административного и фискально-надзорного устройства прокурорской деятельности. Основная цель заключается в надзоре (наблюдении) за соблюдением законности, под которой понимается исполнение требований, закрепленных в актах высшей юридической силы – законах с целью достижения правомерного состояния поднадзорной среды. Все прочие функции, включая уголовное преследование и поддержание обвинения, подчинены главной и обусловливаются ею, либо носят второстепенный характер. Надзором прокурора охватывается деятельность всех публичных органов, учреждений и лиц, включая иные контрольные, правообеспечительные и судебные органы. В этой связи прокуратура выступает органом высшего надзора, обладающего лишь внешними признаками учреждения юстиции, и достаточно часто относится к правоохранительным органам, обладающим правом применять существенные меры государственного принуждения в упрощенном (внесудебном) порядке. В ходе судопроизводства прокурор наделен формальными или фактическими процессуальными преимуществами по сравнению с прочими участниками процесса, а также обладает явными или скрытыми надзорными полномочиями по отношению к суду. Очень часто прокурор обладает распорядительной властью, позволяющей ему активно вмешиваться в досудебное производство, а в некоторых случаях самостоятельно проводить предварительное расследование (досудебное производство). Подобная модель устройства прокурорских органов характерна для России, КНР и некоторых латиноамериканских стран.

В настоящее время наметились тенденции трансформации этого типа прокурорской деятельности в новый, который условно можно обозначить как «прокуратура как орган правообеспечения» (а прокурора соответственно как «правозаступника» или «правозащитника»). Принципиальное отличие от базового заключается в том, что традиционное понятие законности как основного предмета прокурорской деятельности уходит на второй план и заменяется категорией публичного интереса, под которым понимается не столько обеспечение исполнения требований, содержащихся в законе, сколько охрана и защита публичных благ, ценностей и общественных отношений. Обеспечение публичного интереса как предмет прокурорской деятельности включает в себя охрану и защиту интересов общества и государства, а также правового положения личности. При этом обеспечение прав и свобод человека и гражданина имеет приоритетное значение и определяется в качестве публично охраняемого блага, равнозначного прочим публичным ценностям[2]. Вторая отличительная черта заключается в ограничении круга поднадзорных прокуратуре лиц, а именно – исключении из предмета надзора деятельности суда как основного гаранта, обеспечивающего с помощью осуществления правосудия правовое положение личности, а также восстановление иных нарушенных публичных интересов. В процессуальном плане прокурор занимает особое положение: не являясь стороной в процессе и не будучи связанным ни с одной из них, он выступает как незаинтересованный независимый наблюдатель – эксперт в области правообеспечения, обладающий правом участвовать в судопроизводстве. В определенном роде его статус близок к «помощнику суда» и «представителю правосудия», однако, в отличие от последних, прокурор не является частью судебной системы. Кроме того, в судопроизводстве его интересы, исходя из правообеспечительных мотивов, в рамках конкретного производства могут не совпадать с интересами сторон и прочих участников процесса. Основное содержание деятельности прокуратуры в этом случае составляют наблюдение (надзор) и судебно-процессуальная деятельность (участие прокурора в рассмотрении дел судами). Иные направления, в том числе уголовное преследование и поддержание государственного обвинения данному типу прокурорского устройства не свойственны или же носят второстепенный характер.

Второй – институциональный – подход предполагает определение места прокуратуры в сложившейся системе органов власти конкретной страны путем отнесения к тому или иному ведомству или включения в ту или иную ветвь власти. Между тем, несмотря на простоту предлагаемой методики, на практике в зарубежных странах довольно трудно однозначно отнести прокуратуру к какой-либо одной ветви власти или выделить в отдельное ведомство.

К примеру, в литературе выделяют четыре группы стран, исходя из места прокуратуры в системе органов государственной власти: «…1) страны, где прокуратура входит в состав Министерства юстиции, хотя при этом может относиться к органам правосудия и действовать при судах, а прокуроры могут принадлежать к судейскому корпусу («судебной магистратуре»); 2) страны, где прокуратура полностью включена в состав судебной системы и находится при судах либо пользуется в рамках судебной власти административ-

[2] Следует также отметить, что у этой модели цель прокурорской деятельности также может заключаться в обеспечении законности. Однако при этом основной акцент делается на соблюдении прав и свобод человека как основного элемента понятия законности.

ной автономией; 3) страны, где прокуратура выделена в самостоятельную систему и подотчетна парламенту или главе государства; 4) страны, где прокуратуры или ее прямого аналога вообще нет» [1, с. 5–6].

Отталкиваясь от приведенной классификации, можно привести следующую типологию устройства органов прокуратуры:

1. Американское устройство прокуратуры. Основной функцией для этого вида является осуществление уголовного преследования, поддержание публичного обвинения, а также участие в судах как органа представительства публичной власти. Для него характерна децентрализация и отсутствие у прокуроров надзорных полномочий. Организационно прокуратура представляет собой скорее не орган государственной власти (по крайней мере, в континентальном понимании), а совокупность профессиональных корпораций юристов, состоящих на постоянной государственной службе (нанятых клиентом – представителем публичной власти).

Для прокуратуры США характерна более высокая степень включения в государственный аппарат на федеральном уровне. Привычный для нас термин «прокуратура» применительно к США будет включать в себя несколько служб и должностных лиц: атторнейскую службу, возглавляемую Генеральным атторнеем США (*US Attorney General*), являющимся одновременно министром юстиции США; солиситорскую службу, возглавляемую Генеральным солиситором США (*US Solicitor General*), а также должность так называемого Независимого прокурора (*Independent Counsel*), осуществляющего свою деятельность в специальном присутствии по назначению независимых прокуроров (*Special Division of Appointing Independent Counsels*) Апелляционного суда округа Колумбия (*U.S. Court of Appeals for the District of Columbia*)[3]. Выделяют четыре уровня организации атторнейской службы: федеральный, включая окружной, штатов и местный. Если на федеральном уровне прокуратура США представляет собой единую систему органов и должностных лиц, то на местном уровне и уровне штатов атторнейские службы являются скорее профессиональной корпорацией юристов, представляющей интересы штата (публичной власти) при уголовном преследовании и в судебных делах, чем самостоятельной централизованной службой. Между федеральной атторнетурой, атторнетурами штатов и муниципалитетов отсутствует какое-либо подчинение. Подобная организация прокурорской деятельности обеспечивает высокий уровень независимости, что очень часто позволяет прокурорам (атторнеям) делать политические карьеры.

Основные функции атторнейской службы на федеральном уровне сводятся к осуществлению: уголовного преследования и руководства федеральными органами уголовного преследования и правоохранительными структурами (ФБР, АНБ, Федеральной маршальской службой, Секретной службой США, Службой внутренних доходов США и др., а также так называемыми «ударными силами» (*US Joint Strike Forces*) – сводными целевыми прокурорско-следственными бригадами, сформированными для расследования конкретных дел); представления интересов федерального правительства в судах различных уровней; консультирования федерального правительства по юридическим вопросам; обеспечения исполнения федерального законодательства процессуальными средствами; рекомендации Президенту США относительно кандидатов на должности федеральных судей; участия в нормотворчестве; официального обязательного к исполнению толкования норм права, подлежащих применению в конкретном деле и др.

Обязанности Независимого прокурора США ограничиваются уголовным преследованием высших должностных лиц страны, включая Президента США и Генерального атторнея и солиситора США.

Функции Солиситорской службы США сводятся, главным образом, к судебному представительству интересов федерального правительства.

2. Европейское устройство прокуратуры. Основными функциями для этого вида являются осуществление уголовного преследования, поддержание государственного обвинения и участие в иных судебных делах, кроме того, эти прокуратуры осуществляют представительство интересов государства и реализуют некоторые надзорные полномочия. Европейские прокуратуры относятся к учреждениям юстиции. Организационно они занимают двойственное положение, с одной стороны, административно подчиняясь соответствующим министрам юстиции (т.е. формально входят в состав исполнительных органов власти), с другой – состоят и реализуют свои функции при многочисленных судах и судебных палатах (функционируют в судебной системе). Наиболее типичными представителями данного вида являются французская и германская прокуратуры.

Французская прокуратура (*le ministère public)* сочетает в себе основные признаки, характерные для прокуратуры как органа юстиции. Прокуроры Республики (*les procureuers de la République*), осуществляющие свою деятельность при трибуналах большого процесса, подчиняются генеральным прокурорам (*les procureuers générals)* при Кассационном и генеральным адвокатам[4] (*les avocats générals*) при апелляционных судах, которые назначаются и смещаются Президентом Республики по рекомендации министра юстиции. Вместе с судами они образуют так называемую судебную магистратуру (*la magistrature judiciaire)* – единый судебный корпус – особую форму организации органов и учреждений юстиции, формально находящуюся в составе министерства юстиции (*le Ministère de la Justice*), но фактически действующую при различных судах и су-

[3] Часто американскую прокуратуру фактически отождествляют с атторнейской службой (см., напр., [7, с. 156–164]). В результате делается вывод о вхождении американской прокуратуры в систему органов Министерства юстиции США, т.е. об ее принадлежности к исполнительной ветви власти. Вместе с тем американская прокуратура представляет собой, прежде всего, совокупность независимых профессиональных корпоративных юридических структур, институционально принадлежащих различным уровням и ветвям власти. Подробнее об организации и функционировании американской прокуратуры см. в [8].

[4] Традиционно для обозначения некоторых прокурорских должностей во Франции наряду с термином «прокуроры» используются также понятия «адвокаты», «магистраты» и «секретари», что ни в коей мере не меняет функциональное содержание их деятельности, заключающееся в осуществлении уголовного преследования и руководстве нижестоящими прокурорами.

дебных палатах, строящуюся на принципах взаимозаменяемости судей и прокуроров. Для французской прокуратуры характерна высокая степень централизации и наличие субординационных связей между вышестоящими и нижестоящими прокурорами.

Французская прокуратура реализует такие функции, как уголовное преследование, поддержание государственного обвинения, надзор за дознанием, проводимым судебной полицией (*la police judiciaire*), участие в гражданском судопроизводстве, представительство в суде интересов публичной власти, обеспечение исполнения приговоров и судебных решений. Под французским влиянием похожее устройство прокуратур учреждено в Италии и Испании.

Германская прокуратура (*Staatsantwältschaft*), так же как и французская, формально входит в состав министерства юстиции, но осуществляет свою деятельность в так называемых «коллегиях государственных обвинителей» (*Kollegium der Staatsantwälte*) при Верховном Суде ФРГ, верховных судах земель, судах земель и участковых судах. Принципиальное отличие от французской прокуратуры заключается в ее полной децентрализации: прокуратуры земель полностью автономны, самостоятельны в реализации возложенных на них обязанностей и не подчиняются федеральной прокуратуре.

Так же как и французская, немецкая прокуратура руководит предварительным расследованием, осуществляет поддержание государственного обвинения, участвует в исполнении приговоров и иных судебных решений. Однако в отличие от первой обладает более существенными надзорными полномочиями по отношению к предварительному расследованию и в судебном процессе, помимо поддержания государственного обвинения, также обеспечивает правовое положение всех участников судопроизводства.

3. Советская (российская) прокуратура занимает особое место в типологии прокуратур. (О существовании отдельного типа российской прокуратуры писали также дореволюционные исследователи. Примером может служить высказывание Н.В. Муравьева: «Помимо всяких теорий и европейских образцов, в течение более полутораста лет русский народ успел усвоить себе мысль о том, что на страже закона и правосудия должны стоять особые чиновники, почему и понятие о прокуратуре как «царском оке» могло расшириться, но не извратилось присоединением к нему новейшего представления о государственном обвинителе». Подробнее см. [9, с. 23−24].) Она функционировала практически во всех известных формах организации прокурорской деятельности. Последовательно сменяя различные виды устройства советская (российская) прокуратура продолжала эволюционировать в общей канве исторического развития прокурорских систем с существенными национальными особенностями, продиктованными спецификой отечественного государственного управления и уголовного судопроизводства соответствующих исторических эпох, что позволяет выделить ее в отдельный тип.

Ее основная специфика заключается в наличии обширных надзорных полномочий, являющихся определяющими для прочих видов деятельности. В этой связи российская прокуратура в большей степени представляет собой систему независимых надзорных органов, обладающих лишь внешними признаками органов юстиции. Основная цель ее деятельности – обеспечение интересов центральной власти на всей территории государства путем осуществления прокурорского надзора за единым и правильным применением законов. Все иные функции носят производный и вспомогательный характер. Под советским влиянием такой тип организации прокурорской деятельности стал определяющим для ряда стран, ранее не знавших, отказавшихся или не использовавших американские (британские) или европейские традиции правового строительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Додонов В.Н., Крутских В.Е.* Прокуратура в России и за рубежом: сравнительное исследование. М. : НОРМА, 2001. 181 с.
2. *Воронин О.В.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части. Томск : Изд-во НТЛ, 2007. 192 с.
3. *Смирнов А.Ф.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. 236 с.
4. *Семухина О.Б.* Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германских правовых систем. Томск : Изд-во НТЛ, 2002. 92 с.
5. *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М. : Право и жизнь, 1927. 127 с.
6. *Шифман М.Л.* Прокурор в уголовном процессе. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 247 с.
7. *Российский* прокурорский надзор: учебник для вузов. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2001. 384 с.
8. *Власихин В.А.* Служба обвинения в США: закон и политика. М. : Юрид. лит., 1981. 176 с.
9. *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Т. 1: Прокуратура на Западе и в России. М. : Университетская типография, Страст. бул., 1889. 552 с.

ON THE ORGANISATION AND STRUCTURE OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITIES IN CERTAIN FOREIGN COUNTRIES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 113–117. DOI 10.17223/23088451/12/22
Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru
Keywords: typology of prosecutor's activities, prosecutor's office, prosecutor's offices of foreign countries.

There are two main types of structure and activities of the prosecutor's office; they are a criminal prosecution authority (the prosecutor as a representative of the "prosecution"); and a law enforcement authority (the prosecutor as a "supervisor of legality").
The first type of the prosecutor's office historically stems from the judicial structure of the prosecutor's activities ("judicial magistracy"). In this case, the main activity of the prosecutor's office is related to ensuring justice, mainly in criminal cases, and the prosecutor's offices are the bodies of criminal prosecution and public (state) charges support.

Recently, this type of the prosecutor's office provided a basis for a new developing one, which is "the prosecutor (prosecutor's office) as a representative of justice". The prosecutor's activities are mainly associated with the administration of criminal justice, similarly to the basic type; but the fundamental difference is that the basic model regards the prosecutor as the main engine of criminal proceedings, since the initiation and subsequent application of the criminal law rules depend strictly on the person, while the new one provides the right to initiate criminal procedure for other participants in criminal proceedings, and the list of them can be quite extensive. The charging and prosecutorial activities of the prosecutor become inferior to the legal assessment of the procedural activities of other participants in the criminal procedure. This makes the role of the prosecutor similar to the one of an "assistant judge".

The second type of "prosecutor's office as a body of supervision of legality" historically derives from the judicial-administrative and fiscal-supervisory nature of the prosecutor's activities structure. Its main goal is to supervise (monitor) the legality, which is understood as the fulfillment of the requirements set out in the laws (as the acts of the highest legal force) that is aimed at achieving the lawful state of the supervised environment. All other functions, including criminal prosecution and supporting the charges, are subordinate to the main one and are either determined by it, or regarded as of a secondary nature. Prosecutor's supervision covers the activities of all public authorities, institutions and persons, including other control, enforcement and judicial authorities. In this regard, the prosecutor's office acts as a supreme supervision body possessing only external features of an institution of justice and is quite often referred to as a law enforcement body that has the right to apply substantial legal coercion measures in a simplified (out-of-court) manner.

Currently, this type of prosecutor's activities tends to transform into a new one that can be conventionally defined as "the prosecutor's office as a rights enforcement body" (and the prosecutor, respectively, as an "ombudsman" or "the rights defender"). The principal difference from the basic model is that the traditional notion of legality as the main subject of prosecutor's activities becomes subordinate to public interest, which implies protection and securing of public goods, values and social relations rather than enforcement of the requirements set out in the law.

References

1. Dodonov, V.N. & Krutskikh, V.E. (2001) *Prokuratura v Rossii i za rubezhom: sravnitel'noe issledovanie* [Prosecutors in Russia and abroad: a comparative study]. Moscow: NORMA.
2. Voronin, O.V. (2007) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: voprosy Obshchey chasti* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation: issues of the General part]. Tomsk: NTL.
3. Smirnov, A.F. (2000) *Modeli ugolovnogo protsessa* [Models of the criminal procedure]. St. Petersburg.
4. Semukhina, O.B. (2002) *Tipologiya ugolovnogo protsessa anglo-amerikanskoy i romano-germanskikh pravovykh sistem* [Typology of the criminal procedure of the Anglo-American and Romance-Germanic legal systems]. Tomsk: NTL.
5. Polyanskiy, N.N. (1927) *Ocherki obshchey teorii ugolovnogo protsessa* [Essays on the general theory of criminal procedure]. Moscow: Pravo i zhizn'.
6. Shifman, M.L. (1948) *Prokuror v ugolovnom protsesse* [Prosecutor in criminal procedure]. Moscow: Yurid. izd-vo MYu SSSR.
7. Sukharev, A.Ya. (ed.) (2001) *Rossiyskiy prokurorskiy nadzor: uchebnik dlya vuzov* [Russian prosecutor's supervision: a textbook for universities]. Moscow: NORMA, INFRA-M.
8. Vlasikhin, V.A. (1981) *Sluzhba obvineniya v SSHA: zakon i politika* [US prosecution service: law and politics]. Moscow: Yurid. lit.
9. Murav'ev, N.V. (1889) *Prokurorskiy nadzor v ego ustroystve i deyatel'nosti: posobie dlya prokurorskoy sluzhby* [Prosecutor's supervision in its structure and activities: a manual for the prosecution service]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya, Strast. bul.

УДК 347.963 DOI 10.17223/23088451/12/23

А.Ю. Мариничева

О ПРОКУРОРСКОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Прокурорское противодействие экстремизму представляет собой самостоятельное направление прокурорской деятельности, носящее профилактическую направленность и обусловленное возложением на прокуратуру функций прокурорского надзора и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Основная специфика заключается в том, что оно охватывает профилактику экстремизма в случаях, не образующих уголовно-правовых составов, прежде всего, со стороны лиц, входящих в предмет прокурорского надзора. Кроме того, профилактика экстремизма средствами прокурорского надзора носит комплексный, оперативный и широкозахватный характер и во всех случаях порождает правовые последствия.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурор, прокурорский надзор, прокурорское противодействие экстремизму, экстремизм, экстремистская деятельность, статья 282 УК РФ, статья 20.29 КоАП РФ.*

В утвержденной Президентом РФ Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. экстремистская деятельность отнесена к одной из наиболее серьезных и актуальных угроз современному российскому обществу и государству.

Согласно действующему законодательству, обязанности по противодействию экстремизму возложены практически на все государственные и муниципальные органы и учреждения. Не исключение и отечественная прокуратура. Несмотря на то, что она прямо не указана в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» среди органов, осуществляющих профилактические, воспитательные, пропагандистские и прочие меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, органам прокуратуры отводится ключевая роль в рассматриваемом направлении. В этой связи Генеральным прокурором РФ принят ряд директив, регламентирующих прокурорское противодействие экстремизму. Ключевыми служат приказ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» и указание «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности».

В литературе правовая природа прокурорского противодействия экстремизму получила различную оценку. Одни авторы считают, что эта деятельность представляет собой одно из ординарных направлений прокурорского надзора [1, с. 205], другие склонны рассматривать ее в качестве приоритетного направления [2, с. 116], третьи, – подчеркивая неразрывную связь с прокурорским надзором, признают за ней самостоятельную правовую природу [3, с. 98]. Наиболее последовательной представляется позиция ученых, с одной стороны, признающих самостоятельность правовой природы данной деятельности, с другой – подчеркивающих ее обусловленность прокурорским надзором [4, с. 140].

Прокурорское противодействие экстремизму, безусловно, носит самостоятельный характер и представляет собой одно из направлений профилактической деятельности прокуратуры, вытекающее из реализации ею функций прокурорского надзора. Основная специфика заключается в том, что оно охватывает профилактику экстремизма в случаях, не образующих уголовно-правовых составов, прежде всего, со стороны лиц, входящих в предмет прокурорского надзора. Помимо совпадения по предмету, тесная связь профилактической деятельности с надзорной подтверждается схожей организацией, а также средствами и механизмом прокурорского реагирования. В этой связи в литературе данный вид деятельности часто не выделяется отдельно и рассматривается как одно из направлений надзорной деятельности за исполнением законов и законностью правовых актов. Основу подобных взглядов составляет мнение о том, что одной из основных задач прокурорского надзора служит предотвращение негативных явлений со стороны поднадзорных лиц. Не ставя под сомнение цели прокурорской деятельности, позволим не согласиться с указанным мнением. Экстремизм представляет собой не только разновидность правонарушений, но также является более сложным негативным явлением, проявляющимся не только в противоправном, но и ином социально-опасном поведении. В этой связи традиционных правовых средств прокурорского надзора не всегда достаточно, поэтому возникает необходимость в создании новых форм деятельности, направленных на их недопущение и устранение. Указанная профилактика осуществляется многими органам и учреждениями. Однако с учетом продолжительного опыта осуществления надзорной и координационной деятельности, включения деятельности прочих органов, осуществляющих профилактическую деятельность в предмет прокурорского надзора, прокуратура представляет собой оптимальный орган, способный осуществлять профилактику любых форм проявления экстремизма со стороны поднадзорных ей лиц в современных условиях, а также координировать деятельность иных правоохранительных органов в этом направлении, фактически осуществляя опосредованный надзор практически за любыми проявлениями экстремизма, в том числе со стороны лиц, прямо не входящих в предмет надзора прокуратуры [4, с. 140].

Помимо профилактического характера и функциональной обусловленности прокурорское противодействие экстремизму характеризуется высокой степенью оперативности, что также следует отнести к числу его

характерных черт. Использование широкого арсенала средств прокурорского реагирования позволяет максимально быстро выявить и отреагировать практически на любое проявление экстремизма в общественной, государственной и хозяйственной сфере. При этом, что немаловажно, реагирование, в отличие от противодействия со стороны иных компетентных органов, всегда носит правовой характер, что, в свою очередь, служит еще одной специфичной чертой прокурорского противодействия экстремистской деятельности.

Профилактика экстремистской деятельности силами прокурорского надзора носит многоплановый характер. Как уже подчеркивалось выше, арсенал возможностей прокуратуры весьма широк: от использования традиционных надзорных средств до предоставления прокурору специальных дополнительных полномочий, направленных как на предотвращение, пресечение, так и на устранение проявлений экстремизма [1, с. 205].

Прокуроры наделены правом объявления предостережения о недопустимости нарушения закона, а также направления письменного предупреждения общественным и религиозным организациям о недопустимости распространения экстремистских материалов или осуществления экстремисткой деятельности, инициирования перед судом вопроса о ликвидации или запрещении деятельности общественного и иного объединения, прекращения деятельности средства массовой информации, внесения в федеральный суд представления об установлении в информационных материалах наличия признаков экстремизма.

По данным прокуратуры Томской области на территории Томской области органами прокуратуры за период с 2016 г. по первое полугодие 2018 г. в сфере противодействия экстремизму было выявлено: 398 нарушений законов, принесено 17 протестов на незаконные правовые акты, направлено 89 исков (заявлений) в суд, внесено 100 представлений, 21 лицу объявлено предостережение о недопустимости нарушения закона, к дисциплинарной ответственности привлечено 90 лиц, к административной – 22, возбуждено 1 уголовное дело (таблица).

Краткий обзор общего состояния законности в сфере противодействия экстремизму в Томской области

№ п/п	Меры реагирования	Годы		
		2016	2017	2018 (первое полугодие)
1	Выявлено нарушений	207	142	49
2	Принесено протестов	3	3	11
3	Направлено исков (заявлений) в суд	31	49	9
4	Внесено преставлений	63	22	15
5	Предостережено лиц о недопустимости нарушения закона	15	3	3
6	Вынесено постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях	19	3	0
7	Привлечено к дисциплинарной ответственности	55	21	14
8	Возбуждено уголовных дел	–	1	–

Одним из наиболее эффективных способов противодействия экстремизму служит реализация прокурорами полномочий по привлечению виновных к административной ответственности. Практика показывает, что на сегодняшний день органы прокуратуры являются бесспорным лидером по числу возбужденных административных производств, направленных на привлечение виновных в экстремистской деятельности к административной ответственности. При этом следует особо подчеркнуть, что, согласно официальной статистике [5], большинство правонарушений в данной сфере совершается с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. К примеру, органами прокуратуры на территории Томской области в период с 2017 г. по первое полугодие 2018 г. в этой сфере выявлено 183 нарушения закона.

Подобная практика заставляет положительно оценивать предложения некоторых ученых о расширении возможностей прокуратуры в сфере координации деятельности правоохранительных и административных органов по борьбе с распространением идеологии экстремизма в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или же использовании положительного зарубежного или международного опыта в данной сфере [6, с. 210].

Характеризуя «административную» практику по ст. 20.29 КоАП РФ, следует поддержать предложения по установлению специальных сроков для привлечения к административной ответственности в случае выявления фактов распространения экстремистских материалов посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», поскольку поиск правонарушителя может занять продолжительное время.

В качестве еще одного эффективного способа противодействия экстремизму зарекомендовала себя работа прокуратуры по формированию и надзору за формированием списка экстремистских материалов и организаций, ведущегося Министерством юстиции России. Хотя прокуратура и лишена прямых полномочий по формированию подобного реестра, большинство материалов и организаций было внесено в него по инициативе прокурора, реализованной через участие прокурора в рассмотрении конкретных судебных дел экстремистской направленности. Эффективность прокурорского надзора на данном направлении подтверждается следующими показателями: если в 2008 г. по инициативе или с участием прокурора было внесено всего 25 материалов, то в 2012 г. – уже 264, а по состоянию на 1 ноября 2018 г. – 4 604 материала, носящих экстремистский характер [7].

Еще одно направление прокурорского противодействия экстремизму – уголовное преследование лиц, совершивших преступления экстремистской направленности. Речь не идет о непосредственном возбуждении и расследовании уголовных дел – это безусловная прерогатива следственных органов ФСБ России и Следственного комитета РФ. Однако прокуратура в ходе надзорной деятельности может выявить факты экстремизма и по результатам проверок поставить перед следственными органами вопрос о принятии соответствующих процессуальных решений. Практика по-

следних лет показывает, что число возбужденных уголовных дел по преступлениям экстремисткой направленности по результатам прокурорских проверок остается стабильно высоким [5].

Отдельное направление прокурорского противодействия экстремизму составляет прокурорский надзор за законностью уголовного преследования лиц по делам об экстремистской направленности. Дополнительную актуальность этому направлению придает частичная либерализация ст. 282 УК РФ. По мнению экспертов, уголовные дела по ст. 282 УК РФ «в целях исключения случаев уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства» [8] после вступления в силу поправок должны быть прекращены, а приговоры отменены, что, безусловно, актуализирует работу прокуроров по обеспечению прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство по данной категории дел.

Обзор прокурорской деятельности, связанной с профилактикой экстремизма, показывает, что она носит комплексный, разноплановый и широкозахватный характер, фактически предусматривает реализацию прокурором правовых возможностей в рамках различных отраслей и направлений прокурорской деятельности, направленных как на непосредственное противодействие экстремизму, так и опосредованное, главным образом, с помощью средств надзорного реагирования. В этой связи прокурорское противодействие экстремизму должно быть признано в качестве самостоятельного специфического направления прокурорской деятельности, вытекающего из реализации прокуратурой обязанности по осуществлению прокурорского надзора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тамаев Р.С.* Противодействие экстремизму средствами прокурорского надзора // Бизнес в законе: Экономико-юридический журнал. 2008. № 4. С. 204–206.
2. *Агутин А.В.* К вопросу о понятии прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремисткой направленности // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 116–121.
3. *Воронин О.В.* О значении координационной, профилактической и административно-юрисдикционной деятельности прокурора // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 96–99.
4. *Воронин О.В.* Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
5. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год // Сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls (дата обращения: 22.11.2018).
6. *Болычев Н.И.* О зарубежном опыте правового регулирования противодействия экстремизму в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 209–214.
7. *Федеральный* список экстремистских материалов // Сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials (дата обращения: 01.11.2018).
8. *Госдума* поддержала частичную декриминализацию статьи об экстремизме. Поправки предложил Путин: статья // Сайт Новой газеты. URL: https://www.novayagazeta.ru/news/2018/11/15/146795-prezidentskie-popravki-v-statyu-282-prinyali-v-pervom-chtenii (дата обращения: 22.11.2018).

ON THE PROSECUTOR'S COUNTERACTION TO EXTREMISM

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 118–121. DOI 10.17223/23088451/12/23

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's office, prosecutor, prosecutor supervision, prosecutor's counteraction to extremism, extremism, extremist activity, Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 20.29 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

The prosecutor's counteraction to extremism is independent in nature. It is one of the preventive activities of the prosecutor's office that results from the exercise of its functions of prosecutor's supervision. The main specificity lies in the fact that this activity covers the prevention of extremism in cases that do not constitute criminal elements, primarily on the part of persons included in the subject of prosecutor's supervision.

In addition to the preventive nature and functional conditionality, the prosecutor's counteraction to extremism is characterised by a high degree of efficiency. The use of a wide arsenal of prosecutor's response tools allows to quickly identify and respond to virtually any manifestation of extremism in the public, state and economic sphere. At the same time, which is quite important, the response, unlike other competent authorities' counteraction, is always legal in nature.

The prevention of extremist activities by the prosecutor's supervision is multifaceted. The arsenal of capabilities of the prosecutor's office is very wide: from the use of traditional supervisory means to the provision to the prosecutor of special additional powers aimed at preventing, suppressing and eliminating manifestations of extremism.

References

1. Tamaev, R.S. (2008) Protivodeystvie ekstremizmu sredstvami prokurorskogo nadzora [Counteraction to extremism by means of prosecutor's supervision]. *Biznes v zakone: Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*. pp. 204–206.
2. Agutin, A.V. (2016) On the prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 2 (8). pp. 116–121. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/18
3. Voronin, O.V. (2013) On significance of coordinative, preventive and administrative-jurisdictional activity of the prosecutor. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 1(1). pp. 96–99. (In Russian).

4. Voronin, O.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoy deyatel'nosti* [Theoretical foundations of modern prosecutor's activities]. Tomsk: Izd-vo NTL.
5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 god* [Summary statistics on criminal record status in Russia in 2017]. [Online]. Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/k3-svod-2017.xls. (Accessed: 22.11.2018).
6. Bolychev, N.I. (2015) O zarubezhnom opyte pravovogo regulirovaniya protivodeystviya ekstremizmu v seti internet [On the foreign experience of legal regulation of countering extremism on the Internet]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 3. pp. 209–214.
7. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2002) *Federal'nyy spisok ekstremistskikh materialov* [Federal list of extremist materials]. [Online]. Available from: http://minjust.ru/ru/extremist-materials. (Accessed: 01.11.2018).
8. Novayagazeta.ru. (2018) *Gosduma podderzhala chastichnuyu dekriminalizatsiyu stat'i ob ekstremizme. Popravki predlozhil Putin* [The State Duma supported the partial decriminalization of the article on extremism. Putin proposed amendments]. [Online]. Available from: https://www.novayagazeta.ru/news/2018/11/15/146795-prezidentskie-popravki-v-statyu-282-prinyali-v-pervom-chtenii. (Accessed: 22.11.2018).

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9.01 DOI 10.17223/23088451/12/24

И.А. Абдулаева, Д.В. Деркач, В.Е. Лоба

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

На основе анализа статистических данных, не претендуя на полноту исследования, предлагается подход к определению наличия корреляционно-регрессионной зависимости между уровнем общего числа (в том числе также тяжких и особо тяжких) преступлений на территории Краснодарского края и погодными условиями, зафиксированными на территории Кубани за период 2014 г. – первая половина 2017 г. Приведены результаты корреляционного анализа и выявлены метеопараметры, статистически значимо влияющие на число преступлений в Краснодарском крае.

Ключевые слова: *социологическая школа права, преступность, корреляционно-регрессионная зависимость, метеопараметры, общее число преступлений, тяжкие и особо тяжкие преступления, температура воздуха, атмосферное давление, относительная влажность, скорость ветра, количество выпавших осадков.*

В начале надо сказать, что крестьянская реформа 1861 г., освободившая крестьян от земли и, следовательно, разорившая их, оказала свое естественное влияние и на движение преступности. Это достаточно полно отразил уголовный статистик М. Филиппов, опубликовавший в 1864 г. в журнале «Русское слово» статью «О судебной статистике в России». По словам автора, «крестьянская эмансипация… имела огромное влияние на увеличение числа уголовных дел. Многие помещики при самом возникновении вопроса о крестьянах стали освобождать дворовых и даже оседлых крестьян на волю, но при этом не озаботились обеспечить их быта, освобождая их без земли. Отсюда явилась целая масса пролетариев, непривычных ни к серьезному труду, ни к самостоятельной вне сельского общества деятельности: так что на первых порах нужда побудила их к преступлениям» [1, с. 23]. В свою очередь, захлестнувший Россию рост преступности закономерно породил всплеск научного интереса к этому явлению[1]. И поскольку явления изучаются разными науками, то объяснить природу преступности и преступлений предпринимали не только М.В. Духовской [3. с. 7], В.В. Есипов [4], А.А. Жижиленко [5], С.В. Познышев [6] и другие представители дореволюционной науки уголовного права. Препарирование разнообразных факторов преступности осуществляли их современники: врачи П.И. Ковалевский [7], В.П. Сербский [8] и П.Н. Тарновская [9], социологи П.А. Сорокин [10] и Х.М. Чарыхов [11], статистик Е.Н. Тарновский [12]. Сочетали теоретическую направленность и эмпирические исследования преступности на страницах своих диссертаций Н.А. Неклюдов (1865 г.), А.М. Богдановский (1870 г.), Д.А. Дриль (1885 г.), П.П. Пусторослев (1890 г.), М.П. Чубинский (1905 г.), М.Н. Гернет (1906 г.), С.К. Гогель (1909 г.), Е.Н. Ефимов (1915 г.) и др. [13].

По тому времени довольно четкое понимание преступности имела социологическая школа (направление) уголовного права, которая, в отличие от антропологической школы, отождествлявшей преступление с передающейся по наследству болезнью, и от классической школы, рассматривающей преступление как логическое формальное понятие, определяла ее как результат воздействия с различной интенсивностью множества факторов. Как ни странным это может показаться на первый взгляд, но в своей статье «Влияние времен года на распределение преступлений (Опыт социального диагноза преступления)» виднейший в России «социолог» И.Я. Фойницкий к факторам преступности относил, в частности, климат, почву, температуру воздуха [14, с. 272].

Криминогенная ситуация, сложившаяся ныне в стране, обусловливает настоятельную необходимость исследования закономерностей в динамике преступности. Вот почему, взяв за основу имеющиеся открытые официальные статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности в России [15] и архив погоды в Краснодарском крае [16], авторы решили выяснить, насколько общее число (в том числе тяжких и особо тяжких) зарегистрированных преступлений в Краснодарском крае (2014 г. – май 2017 г.) коррелируется с метеорологическими условиям[2]. Или, говоря языком криминологов, осуществить (понятно, в общем виде) такое эмпирическое криминологическое исследование, как уста-

[1] Стоит ли говорить, что теоретическое объяснение преступности в России предпринималось и раньше. В частности, первый русский экономист-теоретик времен Петра I И.Т. Посошков рассматривал преступность как порождение порочной системы судопроизводства: «…вся сия чинится от неправаго судейства…» (см.: [2, с. 18]).

[2] По наблюдениям ряда сотрудников органов внутренних дел Краснодарского края, в холодные месяцы года замечен рост так называемых «бытовых преступлений», под которыми подразумеваются ряд преступлений (главным образом, против личности и общественной безопасности), совершаемых в определенной сфере жизнедеятельности людей – в быту, тогда как рост преступлений против собственности характерен для жарких месяцев.

новление территориально-метео-временного распределения общего числа преступлений.

Задача может быть решена с помощью статистических методов научного исследования, в частности корреляционно-регрессионного анализа. Для этого необходимо погодные условия описать количественно, т.е. с помощью числовых значений соответствующих метеопараметров.

Приведем интересующие нас данные уголовной статистики.

Всего преступлений в Краснодарском крае было зарегистрировано:

в 2014 г.: январь – 5068, февраль – 5065, март – 5859, апрель – 5515, май – 5453, июнь – 5597, июль – 5966, август – 6172, сентябрь – 6173, октябрь – 6899, ноябрь – 5069, декабрь – 6123;

в 2015 г.: январь – 5458, февраль – 5946, март – 6503, апрель – 5841, май – 5764, июнь – 5956, июль – 6821, август – 6965, сентябрь – 6431, октябрь – 7638, ноябрь – 5757, декабрь – 5967;

в 2016 г.: январь – 5713, февраль – 6469, март – 6991, апрель – 6324, май – 6061, июнь – 6280, июль – 5697, август – 5750, сентябрь – 5645, октябрь – 6775, ноябрь – 4894, декабрь – 4910;

в 2017 г.: январь – 5320, февраль – 4817, март – 6224, апрель – 5911, май – 5588.

Тяжких и особо тяжких преступлений в Краснодарском крае было зарегистрировано:

в 2014 г.: январь – 1141, февраль – 1199, март – 1063, апрель – 1041, май – 1080, июнь – 1036, июль – 1221, август – 1307, сентябрь – 1086, октябрь – 1342, ноябрь – 869, декабрь – 977;

в 2015 г.: январь – 1284, февраль – 1297, март – 1335, апрель – 991, май – 1070, июнь – 1024, июль – 1236, август – 1316, сентябрь – 1072, октябрь – 1255, ноябрь – 947, декабрь – 891;

в 2016 г.: январь – 1331, февраль – 1310, март – 1354, апрель – 1178, май – 991, июнь – 1072, июль – 1208, август – 1091, сентябрь – 1064, октябрь – 1350, ноябрь – 881, декабрь – 585;

в 2017 г.: январь – 1272, февраль – 1145, март – 1316, апрель – 1179, май – 998.

Как видим, исходная криминологическая информация представлена месячными данными, начиная с января 2014 г. Поэтому необходимо сформировать массив данных метеопараметров в соответствующий промежуток времени. Поскольку информация о преступлениях относится ко всему Краснодарскому краю, то значения метеопараметров необходимо представить в соответствущей форме. Для этого выбран следующий алгоритм. Так, исходя из посыла о тесной связи числа преступлений с численностью населения, нами были выбраны наиболее крупные города с численностью населения не менее 50 000 человек, географически охватывающие всю территорию Краснодарского края: г. Краснодар, г. Сочи, г. Новороссийск, г. Армавир, г. Ейск, г. Славянск-на-Кубани, г. Лабинск, г. Тихорецк, г. Тимашевск, г. Белореченск.

Для перечисленных населенных пунктов получены данные по следующим метеопараметрам за период с 01.01.2014 по 31.05.2017 г.:

– температура воздуха (градусы Цельсия) на высоте 2 метра над поверхностью земли;

– атмосферное давление на уровне станции (миллиметры ртутного столба);

– относительная влажность (%) на высоте 2 метра над поверхностью земли;

– скорость ветра на высоте 10–12 метров над земной поверхностью, осредненная за 10 минутный период, непосредственно предшествовавший сроку наблюдения (метры в секунду);

– количество выпавших осадков (миллиметры).

Для проведения анализа выполнена обработка данных – найдены средние суточные значения для температуры, атмосферного давления, относительной влажности, скорости ветра и сумма количества осадков за сутки. Затем рассчитаны средние месячные значения для этих параметров. Для характеристики погодных условий на территории всего края вычислены средние месячные значения по совокупности выбранных городов. Полученные числовые характеристики использовались для оценки тесноты взаимосвязи с показателями числа преступлений в Краснодарском крае.

Теснота взаимосвязи между метеопараметрами и числом преступлений оценивалась с помощью линейного парного коэффициента корреляции. Получена следующая корреляционная матрица:

	X1	*X2*	*X3*	*X4*	*X5*	*X6*	*X7*
X1	1						
X2	–0,84	1					
X3	–0,85	0,73	1				
X4	–0,45	0,29	0,16	1			
X5	0,08	–0,12	0,19	–0,14	1		
X6	**0,35**	–0,21	**–0,39**	–0,07	–0,01	1	
X7	0,07	–0,13	–0,27	0,06	–0,22	0,54	1

где *X*1 – средняя месячная температура воздуха в Краснодарском крае; *X*2 – среднее месячное атмосферное давление в Краснодарском крае; *X*3 – средняя месячная относительная влажность в Краснодарском крае; *X*4 – средняя месячная скорость ветра в Краснодарском крае; *X*5 – среднее месячное количество осадков в Краснодарском крае; *X*6 – количество зарегистрированных преступлений в Краснодарском крае; *X*7 – количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений в Краснодарском крае.

Можно говорить о наличии взаимосвязи между показателями, если коэффициент корреляции больше 0,3 по модулю [17, с. 130]. Выбираем соответствующие значения коэффициентов корреляции в строчках *X6* и *X7* полученной матрицы.

Общее число преступлений имеет умеренную корреляцию только для температуры воздуха (r_{X6X1} = 0,35, связь прямая, увеличение средней температуры приводит к увеличению числа преступлений, и наоборот) и относительной влажности (r_{X6X3} = –0,39, связь обратная, увеличение относительной влажности приводит к снижению числа преступлений, и наоборот).

Для остальных метеопараметров связь с числом преступлений в крае слабая (атмосферное давление) или практически отсутствует (скорость ветра, количество осадков).

Методами регрессионного анализа получена статистическая модель для прогнозирования общего числа преступлений по средней температуре воздуха:

$$X6 = 5614{,}07 + 25{,}1X1 + \varepsilon.$$

Таким образом, можно утверждать, что при увеличении средней температуры воздуха в Краснодарском крае на 1 градус по Цельсию общее число преступлений увеличивается в среднем на 25 единиц.

Проверка статистической значимости результатов регрессионного анализа показала, что приведенное уравнение регрессии является статистически значимым.

Для временного ряда общего числа преступлений рассчитаем сезонные эффекты в виде отклонений среднемесячных значений показателя от среднего значения показателя за весь рассматриваемый период (рис. 1).

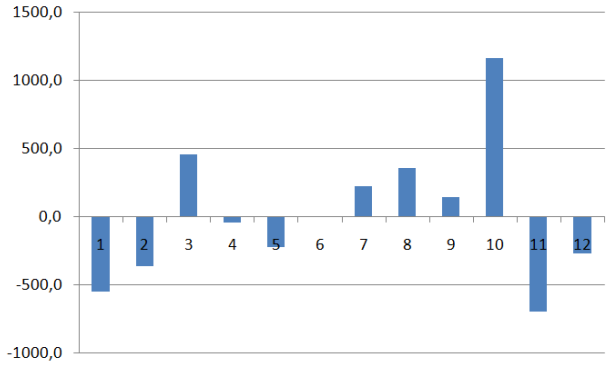

Рис. 1. Отклонения среднемесячных значений общего числа преступлений в Краснодарском крае от среднего значения показателя за весь период (с 01.01.2014 по 31.05.2017 г.)

Из приведенных данных усматривается снижение числа преступлений в ноябре, декабре, январе, феврале и мае, т.е. в подавляющем большинстве в холодное время года. В то же время делать вывод о складывающейся благополучной обстановке в декабре, авторы сочли преждевременным. С нашей точки зрения, это результат искусственного снижения, вызванного определенными манипуляциями со статистическими показателями в ведомственных интересах. Иная картина наблюдается в марте и июле-октябре, когда фиксируется всплеск числа зарегистрированных преступлений.

В условиях ограниченности объема всего исследования, когда приходится пользоваться усредненными и, в определенной мере, оценочными данными (как сетует В.В. Лунеев, в нашей стране собирается, хотя и выборочная и далеко очень не неполная, но официально учтенная информация о криминальных деяниях за исключением латентных, а их доля многократно выше, чем зарегистрированных [18, с. 260]), все же можно сделать еще и общий вывод: ни одна наука не в состоянии разрешить весь накопившийся у нее узел проблем, замыкаясь исключительно в рамках своей области знаний, т.е. без интеграционных процессов не обойтись. Вот почему ныне никого не удивляет то, что феномен преступности изучается не только криминологами, но и специалистами в области генетики [19], географии [20], сексологии [21], экономики [22, с. 197] и даже с позиции христианского учения о греховном поведении [23]. В то же время, как показало наше исследование, не должно предаваться забвению теоретическое наследие наших великих предков. Мы просто уверены, что многие важные и необходимые мысли, содержащиеся в трудах дореволюционной науки, не вправе пылиться на книжных полках, а должны работать.

И, напоследок: надеемся, что наша скромная попытка территориально-метеовременного распределения преступлений в Краснодарском крае не есть, говоря словами И.Я. Фойницкого, «блудный плод кабинетных мечтаний» [14, с. 368], а будет иметь не только познавательную ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М. : Изд-во МГУ, 1960. 339 с.
2. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. проф. Б.Б. Кафенгауза. М. : Изд- во Академии наук СССР, 1951. 407 с.
3. *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права: Вступит. лекция, читанная 3-го октября 1872 года и. д. доцента М.В. Духовским. Ярославль : В тип. Губерн. правления, 1872. 33 с.
4. *Есипов В.В.* Преступность и меры воздействия. Варшава : Тип. Варш. учеб. округа, 1900. 280 с.
5. *Жижиленко А.А.* Преступность и ее факторы. Пг. : Мир знаний, 1922. 67 с.
6. *Познышев С.В.* Алкоголизм как фактор преступности с диаграммами в тексте. М.: Изд-во Моск. Стол. попеч. о нар. трезв., 1915. 93 с.
7. *Ковалевский П.И., проф.* Вырождение и возрождение. Преступник и борьба с преступностью (Социально-психологические эскизы). 3-е изд. СПб. : Тип. М.И. Акинфеева и И.В. Леонтьева, 1903. 370 с.
8. *Сербский В.П.* Судебная психопатология. Лекции. Выпуск первый. Законодательство о душевнобольных. М. : Типо-литогр. В.С. Траугот, 1895. 224 с.
9. *Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы: Антропол. исслед. врача П.Н. Тарновской с рисунками, 8 антрополог. таблицами. СПб. : Тов-во худож. печати, 1902. 512 с.
10. *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С предисл. проф. М.М. Ковалевского. СПб. : Изд. Я.Г. Долбышева, 1914. 504 с.
11. *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности: Социологическая школа в науке уголовного права. Предисл. М.Н. Гернет, прив. доц. М. : Тип. Упр. М.-Курск., Нижегор. и Муром. ж.д., 1910. 167 с.
12. *Тарновский Е.Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства Юстиции. СПб. : Тип. Правительст. Сената, январь 1898. С. 73–107.
13. *Лоба В.Е., Сафронова Е.В., Якушев А.Н.* Диссертационные исследования по уголовному праву, защищенные в университетах Российской империи (1815–1917 гг.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 177–183.

14. *Фойницкий И.Я.* Влияние времен года на распределение преступлений (Опыт социального диагноза преступления) // На досуге: Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. I. С. 368.
15. *Генеральная* прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 22.09.2017).
16. *Расписание* погоды. rp5.ru URL: https://rp5.ru/ Погода_в_Краснодаре,_Краснодарский_край (дата обращения: 22.09.2017).
17. *Правовая* статистика : учебник / В.Н. Демидов, С.Я. Казанцев, О.Э. Згадзай и др. ; под ред. С.Я. Казанцева, С.М. Иншакова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2015. С. 130.
18. *Лунеев В.В.* Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 260.
19. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2- е изд., перераб и доп. М. : Политиздат, 1989. 351с.
20. *Бадов А.Д.* География преступности в России в постсоветский период : дис. ... д-ра географ. наук. Владикавказ, 2009. 496 с.
21. *Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В.* Криминальная сексология / под ред. Ю.М. Антоняна. М. : Спарк, 1999. 464 с.
22. *Мясников М.Н.* Статистическое исследование преступности несовершеннолетних в Российской Федерации : дис. ... канд. эконом. наук. М., 2008. 197 с.
23. *Христианское* учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М. : Норма, 2009. 336 с.

THE METEOROLOGICAL FACTOR OF CRIME (A CASES STUDY OF KRASNODAR TERRITORY)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 122–126. DOI 10.17223/23088451/12/24
Ilmira A. Abdulaeva, Dagestan State University (Kizlyar, Russian Federation). E-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru
Dmitry V. Derkach, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russian Federation). E-mail: derkach@bk.ru
Vsevolod E. Loba, Dagestan State University (Kizlyar, Russian Federation). E-mail: vsevolodka@inbox.ru
Keywords: sociological school of law, crime, correlation and regression dependence, meteorological parameters, total number of crimes, serious and especially serious crimes, air temperature, atmospheric pressure, relative humidity, wind speed, amount of precipitation.

The authors analyse the statistical data to proposes an approach to determining the presence of a correlation-regression dependence between the level of crime and weather conditions. The study is based on the weather archive for the specified period of time in the largest cities with a population of at least 50,000 people, geographically covering the entire Krasnodar Territory. Weather conditions are characterised by the following set of meteorological parameters: air temperature (Celsius) at 2 meters above the ground, atmospheric pressure at the station level (millimeters of mercury), relative humidity (%) at 2 meters above the ground, wind speed at 10–12 meters above the earth's surface, averaged over a 10 minute period immediately preceding the observation period (meters per second), amount of precipitation (millimeters). The analysis of the time series of the number of crimes is carried out to determine seasonal effects with the following interpretation of the results.

References

1. Ostroumov, S.S. (1960) *Prestupnost' i ee prichiny v dorevolyutsionnoy Rossii* [Crime and Its Causes in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State Univeristy.
2. Pososhkov, I.T. (1951) *Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya* [A Book on Poverty and Wealth and Other Works]. Moscow: USSR AS.
3. Dukhovskoy, M.V. (1872) *Zadachi nauki ugolovnogo prava: Vstupitelnaya lektsiya, chitannaya 3-go oktyabrya 1872 goda i. d. dotsenta M.V. Dukhovskim* [The tasks of the criminal law: Introductory lecture delivered on October 3, 1872, by Assistant Professor M.V. Dukhovskoy]. Yaroslavl: V tip. Gubern. Pravleniya.
4. Esipov, V.V. (1900) *Prestupnost' i mery vozdeystviya* [Crime and coercive measures]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. Okruga.
5. Zhizhilenko, A.A. (1922) *Prestupnost' i ee factory* [Crime and Its Factors]. Petrograd: Mir znaniy.
6. Poznyshev, S.V. (1915) *Alkogolizm kak faktor prestupnosti s diagrammami v tekste* [Alcoholism as a factor of crime with diagrams in the text]. Moscow: Mosk. Stol. popech. o nar. trezv.
7. Kovalevskiy, P.I. (19093) *Vyrozhdenie i vozrozhdenie. Prestupnik i bor'ba s prestupnost'yu (Sotsial'no-psikhologicheskie eskizy)* [Degeneration and Rebirth. The Criminal and the Fight Against Crime (Socio-psychological Sketches)]. 3rd ed. St. Petersburg: M.I. Akinfeev i I.V. Leont'ev.
8. Serbskiy, V.P. (1895) *Sudebnaya psikhopatologiya* [Forensic Psychopathology]. Moscow: V.S. Traugot.
9. Tarnovskaya, P.N. (1902) *Zhenshchiny-ubiytsy* [Female killers]. St. Petersburg: T-vo khudozh. pechati.
10. Sorokin, P.A. (1914) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: Sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward: A sociological study of the main forms of social behaviour and morality]. St. Petersburg: Ya.G. Dolbyshev.
11. Charykhov, Kh.M. (1910) *Uchenie o faktorakh prestupnosti: Sotsiologicheskaya shkola v nauke ugolovnogo prava* [Theory of Crime Factors: Sociological School in the Science of Criminal Law]. Moscow: Tip. Upr. M.- Kursk., Nizhegor. i Murom. zh.d.
12. Tarnovskiy, E.N. (1898) Vliyanie khlebnykh tsen i urozhaev na dvizhenie prestupleniy protiv sobstvennosti v Rossii [The influence of grain prices and yields on the crimes against property in Russia]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. January. pp. 73–107.
13. Loba, V.E., Safronova, E.V. & Yakushev, A.N. (2012) Dissertation Papers on Criminal Law Defended at Russian Empire Universities (1815–1917). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics.* 4. pp. 177–183. (In Russian).
14. Foynitskiy, I.Ya. (1898) *Na dosuge: Sbornik yuridicheskikh statey i issledovaniy s 1870 g.* [At leisure: Collection of legal articles and studies from 1870]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
15. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (n.d.) *The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. The portal of legal statistics*. [Online] Available from: http://crimestat.ru/analytics. (Accessed: 22.09.2017). (In Russian).

16. Rp5.ru. (n.d.) *Raspisanie pogody. rp5.ru* [Weather schedule. rp5.ru] [Online] Available from: https://rp5.ru/. (Accessed: 22.09.2017).
17. Kazantsev, S.Ya. & Inshakov, S.M. (eds) (2015) *Pravovaya statistika* [Legal Statistics]. 3rd ed. Moscow: Yuniti-Dana.
18. Luneev, V.V. (2014) *Istoki i poroki rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva* [The Origins and Flaws of the Russian Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.
19. Dubinin, N.P., Karpets, I.I. & Kudryavtsev, V.N. (1989) *Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behaviour, responsibility: on the nature of antisocial acts and ways to prevent them]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
20. Badov. A.D. (2009) *Geografiya prestupnosti v Rossii v postsovetskiy period* [The geography of crime in Russia in the post-Soviet period]. Geography Dr. Dis. Vladikavkaz.
21. Antonyan, Yu.M., Tkachenko, A.A. & Shostakovich, B.V. (1999) *Kriminal'naya seksologiya* [Criminal Sexology]. Moscow: Spark.
22. Myasnikov, M.N. (2008) *Statisticheskoe issledovanie prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii* [Statistical study of juvenile delinquency in the Russian Federation]. Economy Cand. Dis. Moscow.
23. Kharabet, K.V. & Tolkachenko, A.A. (2009) *Khristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii* [Christian Doctrine of Crime and Punishment]. Moscow: Norma.

УДК 349.6 DOI 10.17223/23088451/12/25

Т.А. Дедкова, Е.И. Андреев

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ РУБКУ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе анализа положений российского законодательства, регулирующего ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, рассматриваются существующие в теории и практике проблемы механизма привлечения к ответственности лиц, виновных в незаконной рубке лесных насаждений, а также предлагаются возможные пути совершенствования действующего законодательства с целью охраны окружающей среды.

Ключевые слова*: ответственность, лесные и нелесные насаждения, незаконные рубки, охрана окружающей среды, лес.*

Для Российской Федерации, ввиду ее большой территории, лесной ресурс имеет особое, стратегическое и жизнеобеспечивающее значение. Леса стабилизируют газовый состав атмосферы, водный режим, континентальный и глобальный климат, являются экономически ценным источником древесины, объемы потребления которой в разных сферах жизни с каждым годом возрастают, так же, как и негативное воздействия человека на природную среду [1, с. 21].

На протяжении последних лет в СМИ часто поднимается проблема незаконного лесного бизнеса, раскрывается содержание промысла так называемых «черных лесорубов», которые образуют между собой группировки и контролируют отдельные районы богатых лесами регионов.

А. Сухаренко выделяет несколько причин незаконных рубок, среди которых: несовершенство лесного законодательства и практики его применения, кризис системы лесоуправления, коррупция, низкий уровень межведомственного взаимодействия, непрозрачность сделок с древесиной, низкий уровень жизни в провинции, устойчивый спрос на древесину вне зависимости от её происхождения [2, с. 1]. В литературе отмечается, что сопредельные с Россией государства, такие, как Финляндия, Эстония и Китай, значительно сократили заготовку собственной древесины, рассчитывая на более дешевое российское сырье, невзирая на его криминальное происхождение [3, с. 57].

В п. 4 ст. 1 Лесного кодекса Российской Федерации [4] предусматривается в качестве одного из основных принципов лесного законодательства – обеспечение неистощительного использования лесов для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах. Между тем благодаря варварской рубке лесов количество товарного леса постепенно сокращается, что уже в обозримом будущем может повлечь за собой как экологические, так и экономические и социальные проблемы. И бить тревогу сейчас самое время.

Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. [5] определено, что к основным механизмам реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности относится осуществление эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных ресурсов, в том числе лесных ресурсов, и применению мер по сохранению экологического потенциала лесов.

Государственная программа «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг. в качестве задач предусматривает охрану и защиту лесов, сокращение потерь лесного хозяйства от пожаров и незаконных рубок, обеспечение соблюдения требований законодательства в сфере лесных отношений, в том числе по предотвращению нелегальных рубок [6].

Вполне естественно, что достигнуть исполнения данного направления политики и государственных программ должна, в том числе, правильно сконструированная система привлечения к ответственности виновных лиц.

В настоящее время за незаконную рубку лесных насаждений в Российской Федерации, предусмотрена административным [7] и уголовным законодательством юридическая ответственность [8]. Однако предусмотренная в законодательстве конструкция норм и механизм их реализации представляется недостаточно продуманной.

В связи с этим можно выделить следующие проблемы юридической ответственности за незаконную рубку лесных насаждений в России.

Во-первых, следует отметить незавершенность конструкции незаконной рубки в административном законодательстве. Речь идет о ст. 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях «Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан». Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ [9], «незаконной признается рубка насаждений с нарушением требований лесного законодательства: например, без оформления договора аренды лесного участка, решения о предоставлении лесного участка, договора купли-продажи лесных насаждений, а также в объеме, превышающем разрешенный, либо с нарушением породного или возрастного состава, либо за пределами лесосеки, а также иные технологически связанные с ней процессы (включая трелевку, частичную переработку и (или) хранение древесины в лесу)». Сравнительный анализ указанной нормы со ст. 260 УК РФ показал, что в настоящее время существует пробел в административном законодательстве об ответственности. Так, ст. 260 УК РФ в ка-

честве предмета уголовно-правовой охраны предусматривает лесные и нелесные насаждения, а ст. 8.28 КоАП РФ − только лесные. Исходя из этого, за незаконную рубку нелесных насаждений в размере, не достигающем значительного, ответственность не наступает. За повреждение в любом размере нелесных насаждений, не приводящее к прекращению роста, и за повреждение их до степени прекращения роста, не достигающее значительного размера, административная ответственность также не предусмотрена.

Вместе с тем следует отметить, что нелесные насаждения, так же, как и лесные, выполняют экологические функции и посягательство на них причиняет ущерб растительному миру [10, с. 84]. Поэтому необходимо диспозицию ст. 8.28 КоАП РФ дополнить словами «нелесных насаждений». Предложенное правовое решение несомненно будет способствовать более эффективному применению нормы об ответственности за незаконную рубку.

Во-вторых, проблема квалификации преступления возникает в случае, когда момент выявления рубки обнаружен не в самом месте рубки, а, например, при вывозе из региона с целью дальнейшей продажи, а эти деяния уже представляют собой содержание ст. 191.1 УК РФ − Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины.

Ученые-теоретики выделяют проблему выявления и дальнейшей квалификации преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, одной из первых и главнейшей [11]. В практике расследования уголовных дел и дел об административных правонарушениях считается, что наиболее сложными для выявления являются незаконные рубки, проводимые на основе разрешительных документов, но с умышленным игнорированием или искажением действующего порядка и правил рубок с целью заготовки древесины [12]. Привлечение специалистов в области природопользования в данных случаях является обязательным. Наибольшую опасность представляют незаконные выборочные рубки, при которых изымаются отдельные деревья, группы деревьев и части стволов наиболее дорогих и редких пород. Эти рубки не идентифицируются на космических снимках и практически никогда не учитываются. Кроме того, в литературе отмечается высокая степень латентности незаконных рубок леса, а из-за развития современных технологий нарушение закона в этой сфере стало еще профессиональнее и организованнее [13, с. 308]. В этой связи, полагаем, является важным проводить проектирование лесных участков, определяя их границы, указывая их площадь, с постановкой их на кадастровый учет, определение их целевого назначения и вида разрешенного использования (рубка лесных насаждений). Указанные мероприятия позволят более точно установить лицо, нарушившее правило заготовки древесины (например, при проведении выборочных рубок) и совершившее преступление.

В-третьих, следует отметить недостаточный контроль и мониторинг состояния лесов на предмет незаконных рубок ввиду отсутствия достаточного количества рабочих мест в данной сфере.

В зарубежных странах, в отличие от РФ, решая проблему недостаточного контроля и мониторинга состояния лесов, отдают предпочтение человеческому ресурсу перед технологиями, такими, как сведения и показания спутников. Так, например, в Австралии, ввиду негативного состояния лесов, увеличению количества незаконных рубок, процветания «черного» лесного бизнеса и вследствие этого – коррупции, было передано большое количество полномочий инспекторам, осуществляющим мониторинг и расследования преступных деяний. Кроме того, в 2012 г. был принят Закон о запрете незаконной рубки леса [14], предусмотревший последующую разработку различных подзаконных актов, позволяющих трактовать положения лесного законодательства. Кроме того, в этом Законе предусмотрена возможность добровольно сертифицировать лесную продукцию с целью подтверждения, что произведённая внутренняя продукция является легальной.

Проблему низкой вероятности обнаружения преступлений в сфере незаконных рубок иначе решает Евросоюз. Регламент Евросоюза по лесоматериалам позволяет создавать неправительственные организации, признаваемые на государственном уровне на всей территории страны, задачей которых является мониторинг лесов [15]. В случае обнаружения подозрительных мероприятий мониторинговые организации вправе проверять документацию лиц, производящих рубки, и в случае несоответствия ее законодательству подавать заявления в местную полицию.

В связи с этим следует обратиться к практике Томской области. Так, в 2015 г. была создана межведомственная комиссия по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины на территории Томской области [16], только за 2017 г. было выявлено 75 нарушений лесного законодательства, возбуждено 56 дел об административных правонарушениях, но, как видим, этого недостаточно. Представляется возможным предложить законодателю включить в способы совершенствования контроля за правонарушениями в добровольную сертификацию в лесозаготовительной отрасли, что позволит снизить количество незаконно добываемой древесины в Российской Федерации, а вместе с ним и количество незаконных рубок.

Следующей проблемой видится то, что в Российской Федерации с каждым годом сокращается численность работников лесничеств. Как следствие, участились ситуации, когда момент выявления рубки обнаруживается не в самом месте рубки, а, например, при вывозе из региона с целью дальнейшей продажи, что квалифицируется уже по ст. 191.1 УК РФ и лица, возможно ответственные за незаконную рубку, в соответствии со ст. 260 УК РФ не привлекаются к ответственности.

Действительно, на месте совершения преступления задержать лицо по подозрению в совершении преступления довольно сложно по объективным причинам, таким как: значительная площадь лесной территории; удаленность от населенных пунктов; шумопоглощение лесных чащ и иные обстоятельства. Чаще всего факт незаконной рубки обнаруживается после таковой либо по наличию свежеобразованных пней, либо в результа-

те получения информации о появлении во владении физического лица недавно спиленной древесины. Соответственно доказать все составляющие объективной стороны незаконной рубки леса, в том числе причинно-следственную связь между деянием и последствиями, особенно по прошествии определенного количества времени, не представляется возможным. Следует выразить надежду, что в решении обозначенной проблемы может помочь дендрологическая экспертиза. Однако и здесь есть проблема. Лица, практикующие незаконную рубку леса, узнав о новом способе доказывания, стараются умышленно искажать место спила на стволе и пне дерева, чаще всего термическим путем, что создает проблемы для доказывания факта совершения преступления, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 260 УК РФ. Ввиду этого, в целях установления природы растительных объектов, их групповой (родовой) принадлежности, источника происхождения растительных частиц может помочь проведение ботанической экспертизы.

Следующей не менее важной проблемой в области охраны лесов является наличие разных методик подсчет ущерба, причиненного лесным насаждениям. Так в Российской Федерации ущерб считался в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 08.05.2007 г. № 273 (ред. от 11.10.2014, с изм. от 02.06.2015) «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» [17]. Данный акт содержит таксы для исчисления размера ущерба, причиненного лесным насаждениям, а также не отнесенным к таковым, и методику исчисления размера вреда, причиненного лесам, в том числе лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие нарушения лесного законодательства. Анализируя положения указанного выше Постановления, юристы-теоретики делают вывод о том, что методики не содержат полного перечня основных параметров оценки такого вреда. Например, они не позволяют оценить косвенный экологический вред, вызванный экологическими правонарушениями, и не могут учесть в полной мере такой немаловажный фактор, как способность леса как экосистемы и окружающей среды в целом к самовосстановлению. Согласно разделяемому большинством экспертов мнению, «такса – это условная единица исчисления причиненного вреда, она представляет собой заранее исчисленный и зафиксированный в твердой сумме размер вреда» [18, с. 91]. При этом «невозможность установления соответствия размера вреда по таксам реальному объему причиненных убытков свидетельствует об их достаточно произвольном характере, что, в свою очередь, говорит об отступлении от принципов возмещения вреда, в частности принципа полного возмещения вреда» [19, с. 103].

В целом, следует отметить, что существующие как в теории, так и на практике проблемы существенным образом сдерживают развитие института наказания в данной сфере, однако они не являются нерешаемыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баскакова С.И., Шарова Г.Н.* Проблемы охраны лесов от пожаров // Экологическое право. 2012. № 2. С. 21–24.
2. *Сухаренко А.* Под властью топора // ЭЖ-Юрист. 2014. № 27. С. 1–3.
3. *Сухаренко А.Н., Жерновой М.В.* Декриминализация лесной отрасли России: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 55–58.
4. *Лесной* кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 01.09.2018) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 10.09.2018).
5. *Указ* Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.
6. *Постановление* Правительства РФ от 15.04.2014 № 318 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства на 2013–2020 годы» (ред. от 31.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2164.
7. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 12.09.2018).
8. *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.10.2018) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 12.09.2018).
9. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.
10. *Качина Н.В.* Проблемы уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений // Современное право. 2011. № 9. С. 84–87.
11. *Конфоркин И.А.* Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. 2009. 183 с. // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).
12. *Фомина И.А.* Типичные следственные ситуации и их значение в выборе направлений и приемов при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Сибирский юридический вестник. 2009. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnye-sledstvennye-situatsii-i-ih-znachenie-v-vybore-napravleniy-i-priemov-pri-rassledovanii-nezakonnoy-rubki-lesnyh-nasazhdeniy (дата обращения: 23.09.2018).
13. *Дицевич Я.Б., Белых О.А., Русецкая Г.Д.* Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 308.
14. *Australia* Illegal Logging Prohibition Act. URL: http://www.forestlegality.org/policy/australia-illegal-logging-prohibition-act (date of access: 10.10.2018).
15. *Регламент* (ЕС) № 995/2010 Европейского парламента и совета от 20 октября 2010 года об обязанностях операторов, размещающих лесоматериалы и продукцию на древесину на рынке. URL: https: www//new.wwf.ru/resources/publica-

tions/booklets/regulation-eu-no-995-2010-of-the-european-parliament-and-of-the-council-of-20-october-2010-laying-do/ (дата обращения: 10.10.2018).
16. *Распоряжение* Губернатора Томской области от 20.01.2015 г. № 7 «О создании межведомственной комиссии по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины на территории Томской области» // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).
17. *Постановление* Правительства РФ от 08.05.2007 № 273(ред. от 11.10.2014, с изм. от 02.06.2015) «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» (вместе с «Методикой исчисления размера вреда, причиненного лесам, в том числе лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие нарушения лесного законодательства») // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 10.09.2018).
18. *Нарышева Н.Г.* Возмещение вреда, причиненного нарушением законодательства об охране окружающей природной среды и природных ресурсов : дис. ... канд. юрид. наук. М. : РГБ, 1992. 182 с.
19. *Шуплецова Ю.И.* Актуальные вопросы ответственности за нарушение лесного законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 1. С. 80–91.

PROBLEMS OF LIABILITY FOR ILLEGAL LOGGING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 127–131. DOI 10.17223/23088451/12/25
Tatyana A. Dedkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prirodares@mail.ru
Egor I. Andreev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevei_70@ mail.ru
Keywords: liability, forest and non-forest plantations, illegal logging, environmental protection, forest.

The authors analyse legal acts regulating liability for illegal logging and legal literature to identify the causes of illegal logging and the problems of legal liability for illegal logging in Russia and propose decisions to solve them. The comparative analysis of Art.8.28 of the Administrative Code and Art. 260 of the Criminal Code of the Russian Federation has shown that there is a gap in the administrative legislation on liability, which results in no liability for illegal logging of non-forest plantations in insignificant volume, as well as for any damage of non-forest plantations that does not lead to cessation of growth, and for insignificant damage that leads to the cessation of growth. It was proposed to correct the disposition of Art. 8.28 of the Administrative Code, adding the words “non-forest plantations”. The authors suggest that the problem of identifying illegal logging on the basis of permits, yet with deliberate disregard or distortion of the current order and rules of logging for the purpose of harvesting timber should be solved by involving experts in the environmental management. Basing on the comparative legal analysis of Russian and foreign practices related to the problem of insufficient control and monitoring the state of forests for illegal logging, the authors suggest including voluntary certification in the logging industry as a way to improve crime control. They also emphasise the fact the guidance book for calculating damage provided for by Decree No. 273 of the Government of the Russian Federation of May 8, 2007, does not contribute to the imposition of a fair punishment, since it does not allow assessing indirect environmental damage caused by environmental offenses. In general, the authors conclude that both theoretical and practical problems significantly restrain the development of the institution of punishment in this sphere; however, there are ways to solve them.

References

1. Baskakova, S.I. & Sharova, G.N. (2012) Problems of protection of forests from fire. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2. pp. 21–24. (In Russian).
2. Sukharenko, A. (2014) Pod vlast’yu topora [Under the power of the ax]. *EZH-Yurist*. 27. pp. 1–3.
3. Sukharenko, A.N. & Zhernovoy, M.V. (2014) Decriminalization of forest industry of Russia: problems and prospects. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 55–58. (In Russian).
4. Russian Federation. (2006) *Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 04.12.2006 № 200-FZ (red. ot 01.09.2018)* [The Forest Code of the Russian Federation of December 4, 2006, No. 200-FZ (as amended of September 1, 2018)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/. (Accessed: 10.09.2018).
5. Russian Federation. (2017) Decree No. 176 of the President of the Russian Federation of April 19, 2017, “On the Strategy of Environmental Security of the Russian Federation till 2025”. *Sobranie zakonodatel’stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 17. Art. 2546. (In Russian).
6. Russian Federation. (2014) Decree No. 318 of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014, “On Approval of the State Program of the Russian Federation on Development of Forestry for 2013–2020” (ed. March 31, 2017). *Sobranie zakonodatel’stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 18(2). Art. 2164. (In Russian).
7. Russian Federation. (2001) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 30.10.2018)* [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on October 30, 2018)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. (Accessed: 12.09.2018).
8. Russian Federation. (1996) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.10.2018)* [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on October 21, 2018)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (Accessed: 12.09.2018).
9. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 № 21 (red. ot 30.11.2017) “O primenenii sudami zakonodatel’stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy i prirodopol’zovaniya” [Resolution No. 21 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012, (as amended on November 30, 2017) “On the application by courts of law on liability for violations in environmental protection and environmental management”]. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF*. 12.
10. Kachina, N.V. (2011) Problemy ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnuyu rubku lesnykh nasazhdeniy [Problems of criminal liability for illegal logging of forest plantations]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 9. pp. 84–87
11. Konforkin, I.A. (2009) *Ugolovnaya otvetstvennost’ za nezakonnuyu rubku lesnykh nasazhdeniy* [Criminal liability for illegal logging of forest plantations]. [Online] Available from: www.consultant.ru. (Accessed: 25.11.2018).

12. Fomina, I.A. (2009) Typical investigatory situations and their value in a choice of directions and receptions at investigation of illegal logging of woods. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 3. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnye-sledstvennye-situatsii-i-ih-znachenie-v-vybore-napravleniy-i-priemov-pri-rassledovanii-nezakonnoy-rubki-lesnyh-nasazhdeniy. (Accessed: 23.09.2018). (In Russian).
13. Ditsevich, Ya.B., Belykh, O.A. & Rusetskaya, G.D. (2017) Counteracting crimes in the sphere of forest resources' use: problems and perspectives. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11(2). p. 308–317. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).308-317
14. Australia. (n.d.) *Australia Illegal Logging Prohibition Act*. [Online] Available from: http://www.forestlegality.org/policy/australia-illegal-logging-prohibition-act. (Accessed: 10.10.2018).
15. The European Parliament. (2010) *Reglament (YES) №995/2010 Evropeyskogo parlamenta i soveta ot 20 oktyabrya 2010 goda ob obyazannostyakh operatorov, razmeshchayushchikh lesomaterialy i produktsiyu na drevesinu na rynke* [Regulation (EC) No 995/2010 of the European Parliament and of the Council of October 20, 2010, on the obligations of operators placing timber and wood products on the market]. [Online] Available from: https: www//new.wwf.ru/resources/publications/booklets/regulation-eu-no-995-2010-of-the-european-parliament-and-of-the-council-of-20-october-2010-laying-do/. (Accessed: 10.10.2018).
16. Russian Federation. (2015) *Order No. 7 of the Governor of Tomsk Region of January 20, 2015, "On the interdepartmental commission to prevent illegal harvesting and trafficking of wood in Tomsk Region"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru. (Accessed: 25.11.2018). (In Russian).
17. Russian Federation. (2007) *Resolution No. 273 of the Government of the Russian Federation of May 8, 2007, (as amended on October 11, 2014, and on June 2, 2015), "On the calculation of the amount of damage caused to forests as a result of violation of forest legislation" (together with the "Method for calculating the amount of damage caused to forests, including forest plantations, or trees, shrubs and vines not classified as forest plantations as a result of violations of forest legislation ")*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68217/. (Accessed: 10.10.2018). (In Russian).
18. Narysheva, N.G. (1992) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo narusheniem zakonodatel'stva ob okhrane okruzhayushchey prirodnoy sredy i prirodnykh resursov* [Compensation for damage caused by violation of legislation on the protection of the environment and natural resources]. Law Cand. Dis. Moscow.
19. Shupletsova, Yu.I. (2018) Aktual'nye voprosy otvetstvennosti za narushenie lesnogo zakonodatel'stva [Current issues of liability for violation of forest legislation]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 1. pp. 80–91. DOI: 10.24411/2072-4098-2018-11004

УДК 343.9 DOI 10.17223/23088451/12/26

И.С. Дроздов

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО РЕЦИДИВА ПРИ ОСУЖДЕНИИ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализируются основные показатели рецидивной преступности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Рассмотрены состояние рецидивной преступности осужденных в период исполнения наказаний, без изоляции от общества, а также после их отбытия в течение года.

Ключевые слова: *рецидив, криминологический рецидив, пенальный рецидив, допенальный рецидив, постпенальный рецидив, криминальная активность, рецидивоопасность.*

В последние годы уголовная политика нашего государства в соответствии с общемировыми тенденциями либерализации развивалась по пути увеличения числа альтернативных санкций и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Налицо стабильное, хотя и незначительное снижение удельного веса осужденных к реальному лишению свободы (с 32,7 % в 2010 г. до 28,7 % в 2017 г.) [1]. Как видно, более 70 % осужденных ныне не лишаются свободы. Отмечается значительное снижение доли осужденных к лишению свободы условно (с 40,5 % в 2010 г. до 25 % в 2017 г.) [1]. Правоприменительная практика все более опирается на такие реальные альтернативные наказания, как исправительные работы (рост с 5,1 % в 2011 г. до 7,1 % в 2017 г.), обязательные работы (с 11,4 % в 2011 г. до 18,4 % в 2017г.), ограничение свободы (с 1,4 % в 2011 г. до 3,7 % в 2017г.) [1]. В итоге среди мер, не связанных с изоляцией от общества, ныне превалируют исправительные и обязательные работы, ограничение свободы, штраф и лишение свободы условно [2, с. 13–14]. Тем не менее сокращение применения реального лишения свободы к относительно менее опасным преступникам в свете взятого курса на гуманизацию по-прежнему остается актуальной задачей государственной политики [3, с. 39].

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р (в редакции 2015 г.), также предполагается развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы. Согласно Концепции, к 2020 г. ожидается увеличение общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, на 200 тыс. человек прежде всего за счет расширения практики назначения данных наказаний судами.

Очевидно, что эти обстоятельства делают все более актуальной проблему повышения их эффективности, основным критерием которой является совершение или несовершение новых преступлений осужденными. Этот критерий принято называть «криминологическим рецидивом», он не связан с погашением или снятием судимости у лица, вновь совершившего преступление [4, с. 97–98]. При таком подходе не столь существенно, было ли новое преступление совершено до истечения срока судимости либо после ее погашения или снятия.

По официальным данным, в 2017 г. было снято с учета инспекций в связи с совершением преступления всего лишь 2,44 %[1] осужденных из состоявших на учете на конец отчетного периода, в 2014 г. – 3,2 %; в 2015 г. – 3,7 %, в 2016 г. – 2,5 %. Если следовать официальным докладам ФСИН и Генеральной прокуратуры, данный показатель выглядит еще более оптимистичным. Так, уровень повторной преступности среди лиц, прошедших по учетам УИИ, составил немногим более 2 % (2015 г. – 1,49 %) [5, с. 9–21]. Применительно к числу прошедших по учетам за год приведенные цифры снижаются вдвое, и тут же делается далекий от действительности вывод: «Ситуация с преступностью осужденных, состоящих на учете в УИИ, гораздо благоприятнее общероссийского состояния преступности» [6, с. 6].

Однако показатели уровня криминологического рецидива, которые рассчитываются по материалам статистических форм ведомственной отчетности и широко используются в аналитических материалах, официальных документах и докладах, не отражают реальный уровень рецидивоопасности осужденных по целому ряду причин.

Во-первых, показатели криминологического рецидива рассматриваются в качестве важного критерия эффективности не только уголовного наказания, но и деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Об этом свидетельствует и существующая рейтинговая оценка деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), утвержденная приказом ФСИН России от 08.04.2013 г. № 172, предусматривающая в качестве одного из оценочных показателей деятельности УИИ долю осужденных, совершивших преступления после постановки на учет, то есть в период отбывания ими наказания или в период испытательного срока при условном осуждении. В итоге показатели рецидива в отчетах уголовно-исполнительных инспекций не лишены «лукавства», в связи с чем действительное, реальное его определение на практике затруднено. Понятно, что полученные в результате обобщения данные официальной статистики ФСИН здесь также не показательны.

[1] Сведения взяты из информационно-аналитического сборника «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы в 2017 г.».

Во-вторых, традиционно коэффициент рецидивной преступности осужденных, отбывающих альтернативные наказания, рассчитывается ФСИН путем сопоставления количества лиц, совершивших повторно преступления, с числом осужденных, прошедших за анализируемый период через учеты УИИ. Учитывая, что последняя величина является переменной, так как количество лиц, находящихся на учете, отбывающих наказание, изменяется в течение анализируемого периода, декларируемый УИИ коэффициент (уровень) рецидивной преступности по сути представляет собой некую иную величину, смысл которой не совсем ясен.

Ведомственная статистика ФСИН фиксирует лишь преступления, совершенные осужденными в течение срока отбывания наказания (в период нахождения на учете).

В соответствии со ст. 16 УИК РФ наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами-исполнителями по месту жительства (работы) осужденного, исполнение регламентируется разделом 2 главы 5 УИК РФ (ст.ст. 31, 32), а также Федеральным законом «Об исполнительном производстве». При этом указанные законы не предполагают какой-либо деятельности судебных приставов-исполнителей по выявлению и регистрации фактов криминальной активности лиц, в отношении которых осуществляется принудительное взыскание штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания.

В конечном счете, за рамками регистрации оказываются осужденные, совершившие преступления после провозглашения приговора и до постановки на учет в инспекции, а также снятые с учета.

Существующая ныне система учета криминологического рецидива, опирающаяся на установленные формы первичного учета преступлений и лиц, их совершивших, – представленные в статистической карточке формы № 2 «на лицо, совершившее преступление», не предусматривает получение каких-либо данных о лицах, отбывших конкретный вид уголовного наказания или иной уголовно-правовой меры, не связанные с изоляцией от общества. Кроме того, сам принцип построения официальной статистической отчетности исключает возможность проследить персональное движение осужденных и тем самым взаимно связать данные о количестве осужденных, принятых на учет, освобожденных от наказания и совершивших новое преступление.

Сказанное приводит к выводу о необходимости использования специальной методики исследования основных показателей криминологического рецидива при исполнении наказаний и иных мер, альтернативных лишению свободы [7, с. 93–96]. Указанная методика предполагает проверку всех осужденных, попавших в выборку по оперативно-справочным учетам органов внутренних дел персонально, что позволяет получить относительно объективные и репрезентативные данные о действительном уровне криминологического рецидива при альтернативных санкциях.

Проведенное автором выборочное социологическое исследование позволило проследить судьбу осужденного в течение всего срока наказания, с момента провозглашения в течение одного года после снятия с учета, тогда как в ведомственной статистике – только в текущем периоде (квартал, полугодие, год).

Сама по себе эта работа весьма трудоемка и длительна. Здесь следует учитывать, что оперативно-справочные учеты (ИЦ УВД, ГУВД) дают сведения только о дате осуждения, виде и размере назначенного наказания, в свою очередь, первоначальные данные о дате совершения преступления получены путем перепроверки осужденных по базе ИБД-Ф (интегрированный банк данных федерального уровня). Кроме того, несмотря на автоматизацию всех учетов, при проведении исследования имеет место «бюрократическая волокита», связанная с многочисленными согласованиями и отказом сотрудников ОВД под предлогом конфиденциальности персональных данных проводить персональную проверку осужденных на предмет рецидива.

В проведенном исследовании рассчитывался, как уже отмечалось, уровень рецидивной преступности на основе количественного соотношения числа лиц, прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций Томской, Кемеровской и Новосибирской областей в 2014–2016 гг., поставленных на учет в УИИ и вновь совершивших преступления, к числу лиц, снятых с учета за определенный период [7, с. 92–95].

За основу криминологического анализа взяты социологические данные о 2 560 лицах, осужденных условно и к наказаниям, в виде исправительных, обязательных работ, штрафу, ограничению свободы. Такой подход позволил в отличие от существующих статистических форм отчетности получить не только информацию об уровне рецидива в целом, но и сведения о повторной преступности в разрезе квалификации совершенного преступления, пола лица, совершившего преступления, и иных значимых обстоятельств, что позволило в дальнейшем провести их более подробный анализ.

По данным, полученным в результате применения такой методики, средний уровень криминологического рецидива лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, с момента осуждения и после отбытия наказания (снятия с учета) в течение одного года составил – 28,6 %. Следовательно, практически каждый третий осужденный вновь совершает преступление. Данный показатель гораздо выше аналогичных показателей прошлых лет (советского периода). По данным исследования С.И. Комарицкого, проведенного им в 1989 г., в среднем только 3,9 % осужденных вновь после осуждения совершали преступления[1] [8, с. 25].

Официальных данных, сравнимых с полученными результатами по способу и методике их расчета, ныне, к сожалению, не существует, а указанный выше и декларируемый ФСИН России «уровень рецидива» при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, в 2,4 % к реальному уровню рецидива никакого отношения не имеет.

Однако порой можно встретить отдельные цифры, относительно сопоставимые с полученными нами результатами и косвенно их подтверждающие. Так, по данным Н.В. Ольховика и Л.М. Прозументова реальные показатели криминологического рецидива среди

[1] Для целей нашей работы представляют интерес выводы исследования в отношении исправительных работ и условного осуждения.

осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, находятся на уровне от 8 до 12 % [9, с. 91–97]. Между тем указанные авторы не детализируют сделанный ими вывод (например, по видам наказаний, времени криминальной активности осужденного) и не раскрывают методики полученных ими результатов.

Небезынтересны данные об уровне допенального, пенального и постпенального рецидива, в том числе в разрезе по видам наказания[1].

Как видно из рис. 1, среди всех рецидивистов число лиц, совершивших преступления в период отбывания наказания, не превышает 49 %, после снятия с учета 46 %, до постановки на учет 5 %. Сопоставление данных пенального и постпенального рецидива показывает, что за время отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, а также в течение года с момента освобождения (снятия с учета), совершает новое преступление примерно каждое второе лицо, осужденное к этим наказаниям. При этом уровень рецидива после отбытия осужденными наказания немногим меньше, чем во время его исполнения. В советский период уровень рецидивной преступности указанной категории осужденных после освобождения от отбывания наказания находился на уровне 7,8–9,2 % [8, с. 25].

Судя по данным табл. 1, наибольшую криминальную активность проявляют осужденные условно – 30,9 %, к исправительным работам – 16,9 %, обязательным работам – 22,3 %, к штрафу – 17,8 %, менее активны осужденные к ограничению свободы – 11,8 %.

Рис. 1. Уровень рецидивной преступности, %

Таблица 1

Уровень рецидивной преступности (по видам наказания в %)

Категории осужденных	Уровень рецидивной преступности по материалам выборочного исследования
Условное осуждение \(лишение свободы)	30,9
Обязательные работы	22,3
Исправительные работы	16,9
Ограничение свободы	11,8
Штраф	17,8

В советское время показатель рецидива осужденных к исправительным работам был практически вдвое меньше и составлял – 9,2 % [10, с. 141], при условном осуждении в 3 раза или – 11–12 % [11, с. 89], а уровень рецидива при исполнении наказания в виде штрафа в 2–3 раза менее рецидива после отбывания лишения свободы [12, с. 146].

Однако со времени проведенных исследований прошло более 25 лет. За это время ряд существенных изменений претерпело уголовное и уголовно-исполнительное законодательство и практика применения альтернативных наказаний значительно расширилась.

По данным исследования повторной преступности условно осужденных, проведенного С.А. Пичугиным в середине 2000-х гг., уровень рецидива осужденных составил – 10,2 % [13, с. 142]. Показатели уровня рецидива при исполнении наказания в виде ограничения свободы, по мнению Н.В. Ольховика, находятся на уровне 27 %, исправительных работ 35 %, обязательных работ 37 % [14, с. 51], а по подсчетам Н.В. Кастерина, А.В. Прозорова уровень рецидива при исполнении ограничения свободы составляет 2,9 % [15, с. 133].

Нельзя не отметить, что схожая ситуация с уровнем рецидивной преступности характерна и для осужденных, находящихся под электронным надзором службы пробации в США. Криминологический рецидив среди указанной категории осужденных составляет от 3 до 16 % в течение периода электронного надзора [16, с. 16].

Как видно из табл. 2–4, наиболее криминально активны осужденные условно. Уровень рецидива до постановки на учет составил 2 %, в период испытательного срока и нахождения на учете 26 %, после снятия с учета более 40 %. Полученные данные показывают, что практически каждое третье лицо в период испытательного срока вновь совершает преступление, а после снятия с учета данный показатель особенно возрастает.

Таким образом, возлагаемые в порядке ч. 5 ст. 73 УК РФ на период испытательного срока обязанности если и оказывают на осужденного частнопредупредительное воздействие, то весьма незначительное и оно исчерпывается, как правило, направлением части отрицательно характеризующихся осужденных, нарушающих условия испытания в места лишения свободы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что полученный нами результат практически в 10 раз превышает данные официальной статистики ФСИН.

Иная картина наблюдается в отношении осужденных к обязательным и исправительным работам. Уровень рецидива среди осужденных до постановки на учет составляет: 1,7 и 1,3 % соответственно; в период нахождения на учете (отбытия наказания) 7,9 и 10,1 %; после снятия с учета данный показатель в отношении 3 раза до 22 % (обязательные работы), до 32 % (исправительные работы). Аналогичную картину можно наблюдать с ограничением свободы и штрафом, до постановки на учет (возбуждения исполнительного производства в случае со штрафом) уровень рецидива составляет: 1 и 0,4 %, в ходе исполнения наказания 9,21 и 8,31 %, после снятия с учета показатель возрастает вдвое до 21 и 18 %.

Из полученных данных видно, что общий уровень рецидива среди осужденных условно значительно превышает аналогичный показатель у осужденных к обя-

[1] От лат. «*poena*» – наказание, в свою очередь совершение нового преступления до, в период нахождения или после снятия с учета, но в пределах срока погашения судимости следует именовать – «допенальным», «пенальным», «постпенальным» рецидивом.

зательным и исправительным работам, что связано, по-видимому, с недостаточной индивидуализацией его назначения и исполнения к отдельным наиболее уязвимым группам осужденных и к «группам повышенного риска» (ранее судимые, безработные, алкоголики, наркозависимые). В будущем целесообразно более подробно этот вопрос.

Таблица 2

Уровень рецидивной преступности до постановки на учет (в % по видам наказания) (допенальный рецидив)

Категории осужденных	Уровень рецидивной преступности по материалам выборочного исследования
Условное осуждение (лишение свободы)	2
Обязательные работы	1,7
Исправительные работы	1,3
Ограничение свободы	1
Штраф	0,4

Таблица 3

Уровень рецидивной преступности в течение срока отбывания наказания, не связанного с лишением свободы в период нахождения на учете (в % по видам наказания) (пенальный рецидив)

Категории осужденных	Уровень рецидивной преступности по материалам выборочного исследования	По данным официальных статистических форм отчетности ФСИН[1]
Условное осуждение (лишение свободы)	26	2,9
Обязательные работы	7,19	1,3
Исправительные работы	10,1	1,7
Ограничение свободы	9,21	2,5
Штраф	8,31	–

Таблица 4

Уровень рецидивной преступности после снятия с учета, отбытия наказания (в % по видам наказания) (постпенальный рецидив)

Категории осужденных	Уровень рецидивной преступности по материалам выборочного исследования
Условное осуждение (лишение свободы)	40,7
Обязательные работы	22
Исправительные работы	32
Ограничение свободы	21
Штраф	18

Сравнение полученных результатов с показателями рецидивной преступности осужденных, отбывающих лишение свободы, и тех, кто освобожден из исправительных учреждений, показывает, что разница очень велика. Следует отметить, что прямое сопоставление цифр, которые приводит официальная статистика или получены путём проведения исследований постпенитенциарного рецидива (0,5 % – преступность в исправительных учреждениях [2] и 48,5 % – уровень постпенитенциарного рецидива) [17, с. 51], методически неточно, поскольку в первом случае речь идет о коэффициенте (количестве преступлений приходящихся на 1 тыс. осужденных), а во втором – об уровне (доле повторно совершивших преступления в общем числе освобожденных). Кроме того, режим исправительного учреждения и высокая степень контроля за поведением осужденных является мощным фактором, сдерживающим криминальную активность. Само по себе отбытие наказания в исправительном учреждении для осужденного влечет серьезные социальные последствия, к числу которых относятся, например, распад социально полезных связей (семья, работа), трудности адаптации и ресоцилизации личности после освобождения, что в итоге и детерминирует постпенитенциарный рецидив.

Однако вряд ли на основании полученных выше данных можно сделать достаточно обоснованное заключение, насколько исполнение наказания влияет на состояние повторной (рецидивной) преступности. Более точную информацию можно получить лишь при изучении распределения уровня рецидива во времени, от момента провозглашения приговора и до постановки на учет, а также в момент нахождения на учете и после снятия в связи с отбытием наказания. В связи с этим представляют интерес полученные в ходе исследования сведения о периодах наибольшей интенсивности совершения преступлений осужденными с учетом каждого вида наказания и иной альтернативной меры.

Кроме того, градация периода времени между освобождением и совершением нового преступления дает возможность учитывать наиболее «поражаемый» преступлениями период для организации интенсивной работы по их предотвращению, а также способствует более точному определению причин и условий, способствующих совершению освобожденными новых преступлений [15, с. 46].

В этой связи в ходе проведенного исследования были условно выделены следующие временные интервалы: в течение первых шести месяцев с момента постановки на учет; в течение года с момента постановки на учет; в течение первых шести месяцев с момента снятия с учета; в течение года с момента снятия с учета; в течение более года с момента снятия с учета; до постановки на учет.

По результатам исследований, проведенных другими авторами, наибольшее количество преступлений совершается пенальными рецидивистами в течение первого года с момента постановки на учет в УИИ (от 6 месяцев до 1 года), а постпенальными – в течение одного года после отбытия наказания [8, с. 27]. По другим данным, наибольшее количество преступлений совершается в первые два года после снятия с учета [10, с. 158].

По нашим данным, большая часть осужденных условно рецидивистов, вновь совершает преступления

[1] Сведения взяты из информационно-аналитического сборника «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы в 2017 г.».

[2] Сведения взяты из информационно-аналитического сборника «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы в 2017 г.».

в течение года с момента постановки на учет (34,3 %). Учитывая, что 30,5 % «условников», 27,5 % осужденных к обязательным работам, 18,8 % к исправительным работам, 25 % к ограничению свободы, 22,8 % к штрафу вновь совершили преступление в течение полугода с момента поступления приговора в УИИ, следует прийти к выводу о том, что подавляющее большинство рецидивных преступлений совершается в течение первого года отбывания наказания, не связанного с лишением свободы либо иной уголовно-правовой меры (условное осуждение).

Следует также отметить, что определенная часть преступлений совершается осужденными еще до постановки на учет в УИИ или возбуждения исполнительного производства судебными приставами в случае взыскания штрафа, доля таких лиц составляет 5 % для условного осуждения, обязательных работ 7,8 %, исправительных работ 4,3 %, ограничения свободы 4,6 %, штрафа 2,4 %.

Однако совершение осужденным нового преступления в течение 1–2 месяцев с момента постановки на учет или до приведения приговора суда к реальному исполнению вряд ли может свидетельствовать о недостатках в работе инспекций, поскольку они не в состоянии в столь короткий период организовать действенный контроль за осужденными. «Допенальный» и «ранний пенальный» рецидив говорит скорее об ошибках судов при избрании конкретных мер, не связанных с лишением свободы.

Таблица 5

Время, прошедшее с момента постановки осужденного на учет до совершения им нового преступления, %

Время прошедшее с момента постановки осужденного на учет в УИИ, ФССП (при возбуждении исполнительного производства) до совершения им нового преступления	Условное осуждение (лишение свободы)	Обязательные работы	Исправительные работы	Ограничение свободы	Штраф
В течение первых шести месяцев с момента постановки на учет	30,5	27,5	18,8	25	22,8
В течение года с момента постановки на учет	34,3	4,7	13	18,7	22
В течение первых шести месяцев с момента снятия с учета	9,7	22,8	17,3	17,1	13,2
В течение года с момента снятия с учета	9,4	17,3	26	14	13
В течение более года с момента снятия с учета	10,4	19,6	20	20	14
До постановки на учет	5	7,8	4,3	4,6	2,4

Из табл. 5 видно, что с точки зрения криминальной активности после снятия с учета осужденные к обязательным и исправительным работам, ограничению свободы характеризуются примерно одинаково. Наименее криминогенная категория – «условники» и осужденные к штрафу. Наиболее поражен рецидивом один год с момента снятия с учета, на его долю приходится более четверти преступлений, в дальнейшем преступная активность угасает. При этом показатель рецидивной преступности после отбытия наказания или истечения испытательного срока и снятия с учета оказался ниже, чем во время исполнения наказания. Это еще раз подтверждает правильность уже сделанного в литературе вывода о том, что повторные преступления совершаются в течение сравнительно непродолжительного времени после отбытия наказания [18, с. 308].

Представляется, что, поскольку значительное число лиц, отбывших ранее альтернативные меры, по общему правилу, вновь совершают преступления в течение первого года после снятия с учета, было бы целесообразным сохранять контроль за их поведением в течение одного года после снятия с учета. Аналогичные предложения высказывались еще в советское время А. Ниедере и В. Якобсоном, которые предлагали в целях предотвращения преступлений за отбывшими наказание на первые месяцы за ними надзор устанавливать по месту их жительства и работы [19, с. 45].

Подытоживая, отметим, что уровень рецидива при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, исчисляемый по разработанной методике, в действительности гораздо выше не только официального, но и полученных до настоящего времени данных в ходе проведенных исследований. В то же время эти результаты следует рассматривать лишь как ориентировочные, полученные в первом приближении и ни в коем случае не претендующие на завершенность. Однако их можно рассматривать в качестве оснований для гипотез, определяющих направления будущих более глубоких исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сводные* статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 25.11.2018).
2. *Уткин В.А.* Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М. : Penal Reform International, 2013. 66 с.
3. *Зарембинская Е.Л.* Гуманизация УИС в свете современных требований // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 10. С. 31–39.

4. *Хорват Т.* Новое в судебной практике по уголовным делам в Венгерской Народной Республике // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 97–98.
5. *Сборник* материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества территориальных органов ФСИН России. Пушкин, 2017. С. 9–21.
6. *Дегтярева О. Л.* Исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы // Закон и право. 2015. № 12. С. 111–113.
7. *Дроздов И.С.* Методология и методика изучения пенального и постпенального рецидива при мерах, альтернативных лишению свободы // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 89–96.
8. *Комарицкий* С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы : учеб. пособие. М., 1991. 109 с.
9. *Ольховик Н.В., Прозументов Л.М.* Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 159 с.
10. *Михлин А.С., Гуськов В.И., Кириллова И.А., Мельникова Ю.Б., Михайлов В.Т.* Исправительные работы и их эффективность. М., 1967. 177 с.
11. *Предупреждение* рецидива преступлений : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 127 с.
12. *Уткин В.А.* Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 190 с.
13. *Пичугин С.А.* Рецидив преступлений среди условно осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 220 с.
14. *Ольховик Н.В.* Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 51–59.
15. *Кастерин Н.В., Прозоров А.В.* Криминолого-психологическая характеристика осужденных к наказанию в виде ограничения свободы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9. С. 130–135.
16. *Малолеткина* Н.С. О целесообразности полного внедрения института пробации в современную пенитенциарную систему // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2. С. 15–16.
15. *Городнянская В.В.* Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 168 с.
18. *Кудрявцев* В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. 324 с.
19. *Ниедере А., Якобсон В.* Обстоятельства, способствующие рецидивной преступности // Социалистическая законность. 1966. № 2. С 42–45.

MAIN INDICATORS OF CRIMINOLOGICAL RECIDIVISM IN CONDEMNATION WITHOUT DETENTION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 132–138. DOI 10.17223/23088451/12/26
Igor S. Drozdov, Asino City Prosecutor's Office (Asino, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru
Keywords: recidivism, criminological recidivism, penal recidivism, pre-penal recidivism, postpenal recidivism, criminal activity, risk of recidivism.

Recent statistics indicate an increase in the use of alternative sanctions by courts as a result of liberalisation of criminal policy. There is a stable, albeit a slight decrease in those convicted to actual deprivation of liberty. The proportion of those sentenced to imprisonment is also decreasing. Law enforcement practice increasingly relies on such alternative punishments as correctional labour, compulsory work, and restriction of freedom. Thus, it is becoming more urgent to increase the effectiveness of the measures, the main criterion of which is the commission or non-commission of new crimes by convicts. This criterion is called "criminological recidivism". Indicators of the level of criminological recidivism, though calculated on the basis of statistical forms of departmental reporting and widely used in analytical materials, official documents, and reports, do not reflect the real level of recidivism. According to the developed methodology, the average level of criminological recidivism of persons sentenced to non-custodial sentences from the time of conviction and after serving the sentence (deregistration) in one year makes 28.6%. The results show the information not only about the level of recidivism in general, but also about recidivism in terms of qualification of the committed crime as well as the sex of the offender, which allowed a further detailed analysis. The most criminal category are probationers, then come convicts sentenced to compulsory work. The least represented are those convicted to correctional labour, restraint of liberty, and fines. Within a year after serving the sentence, those sentenced to fines (18%) and restriction of freedom (21%) are less inclined to the repetition of crime. Recidivism among those who have served correctional labour is 32%, compulsory work – 22%. The most inclined to recidivism are probationers (40%).

References

1. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii* [Summary statistics on criminal status in Russia]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. (Accessed: 25.11.2018).
2. Utkin, V.A. (2013) *Al'ternativnye sanktsii v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy* [Alternative sanctions in Russia: state, problems and prospects]. Moscow: Penal Reform International.
3. Zarembinskaya, E.L. (2010) Gumanizatsiya UIS v svete sovremennykh trebovaniy [Humanization of the UIS in the light of modern requirements]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 10. pp. 31–39.
4. Khorvat, T. (1968) Novoe v sudebnoy praktike po ugolovnym delam v Vengerskoy Narodnoy Respublike [New in the judicial practice on criminal cases in Hungarian People's Republic]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 97–98.
5. Federal Penitentiary Service of Russian Federation. (2017) *Sbornik materialov VII Vserossiyskogo soveshchaniya rukovoditeley ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy, ispravitel'nykh tsentrov i podrazdeleniy po kontrolyu za ispolneniyem nakazaniy, ne svyazannykh s izolyatsiey osuzhdennykh ot obshchestva territorial'nykh organov FSIN Rossii* [The collection of materials of the Seventh All-Russian Meeting of the heads of penal inspections, correctional centres and units of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for monitoring the execution of punishments not related to the isolation of the convicts from society]. Pushkin: [s.n.]. pp. 9–21.
6. Degtyareva, O.L. (2015) Ispolnenie nakazaniy, al'ternativnykh lisheniyu svobody [Execution of punishments alternative to imprisonment]. *Zakon i pravo*. 12. pp. 111–113.

7. Drozdov, I.S. (2017) Methodology and techniques for studying penal and post-penal recidivism in measures alternative to deprivation of liberty. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/15
8. Komaritskiy, S.I. (1991) *Effektivnost' ispolneniya nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody* [The effectiveness of punishments which are not connected with the deprivation of liberty]. Moscow: USSR Ministry of Internal Affairs.
9. Olkhovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2008) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Mikhlin, A.S., Guskov, V.I., Kirillova, I.A., Melnikova, Yu.B. & Mikhaylov, V.T. (1967) *Ispravitel'nye raboty i ikh effektivnost'* [Correctional labour and its effectiveness]. Moscow: [s.n.].
11. Eliseev, S.A. & Tirskiy, V.V. (1990) *Preduprezhdenie retsidiva prestupleniy* [Preventing Recidivism]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Utkin, V.A. (1984) *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeystvie* [Punishment and Corrective Labour]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Pichugin, S.A. (2007) *Retsidiv prestupleniy sredi uslovno osuzhdennykh* [Recidivism among probationers]. Law Cand. Dis. Moscow.
14. Olkhovik, N.V. (2018) Effektivnost' ispolneniya ugolovnykh nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem [The effectiveness of criminal penalties not related to imprisonment]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12(1). pp. 51–59.
15. Kasterin, N.V. & Prozorov, A.V. (2013) The criminological and psychological profile of persons sentenced to restriction of freedom. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU's Vestnik*. 9. pp. 130–135. (In Russian).
16. Maloletkina, N.S. (2014) On feasibility of complete introduction of the institute of probation into the modern penitentiary system. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2. pp. 15–16. (In Russian).
17. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary recidivism]. Moscow: Yurlitinform.
18. Kudryavtsev, V.N. (1963) *Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestupleniy* [The theoretical basis for the qualification of crimes]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit-ry.
19. Niedere, A. & Yakobson, V. (1966) Obstoyatel'stva, sposobstvuyushchie retsidivnoy prestupnosti [Circumstances conducive to recidivism]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 2. pp. 42–45.

УДК 343.976 DOI 10.17223/23088451/12/27

А.П. Титаренко

ОПАСНОСТЬ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ КАК ОТНОСИТЕЛЬНО НОВЫЙ ФЕНОМЕН В ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Исследуется понятие опасности человека для окружающих как основание постановки его на профилактический учет в целях предупреждения с его стороны преступлений. Дается анализ юридической природы рассматриваемого института. Приводится характеристика общих критериев опасности правонарушителя. Делается вывод о том, что признание человека опасным для окружающих в каждом конкретном случае является прерогативой участкового уполномоченного полиции.

Ключевые слова: *профилактика, правонарушения, опасность, алкоголизм, наркомания.*

В современных общественно-политических условиях, когда у большинства людей наблюдается психологический диссонанс между конечной культурной целью общества потребления в виде денежного успеха и возможностей её реализации нормативно допускаемыми средства [1, с. 9], профилактическая деятельность правоохранительных органов характеризуется возникновением новых правовых институтов. К числу таковых следует отнести появление категории «человек, представляющий опасность для окружающих». Так, в соответствии с действующей нормативной базой сотрудник полиции в пределах своей компетенции совместно с органами здравоохранения обязан участвовать в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, лицами, больными алкоголизмом или наркоманией, представляющими опасность для окружающих (п. 35 ст. 12 Федерального закона «О полиции» 2011 г., далее – ФЗ «О полиции») и самостоятельно наблюдать за лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, также представляющими опасность для окружающих (п. 63.3 приказа МВД России от 31.12.2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции», далее – приказ № 1166). Целью такого наблюдения выступает предупреждение совершения указанными лицами преступлений и административных правонарушений (п. 35 ст. 12 ФЗ «О полиции»).

Данное нововведение обусловлено необходимостью усиления противодействия так называемой бытовой преступности. По наблюдениям отечественных ученых, наибольшее количество убийств (до 30 %) совершаются именно в быту [2, с. 38]. Особую опасность представляют насильственные преступления, совершенные на бытовой почве в отношении женщин и детей. По данным социологов, более половины всех женщин страны подвергается физическому и психическому насилию со стороны близких им людей. Как утверждает Ю.П. Оноколов, в России ежегодно от «домашнего» насилия погибает от 24 до 28 тысяч взрослых и около 2 тысяч детей [3].

До принятия Федерального закона «О полиции» термин «опасность для окружающих» в профилактической деятельности сотрудников внутренних дел не употреблялся. Поэтому можно утверждать, что этим Законом в Российской Федерации введен новый правовой институт постановки правонарушителя на профилактический учет, основным субъектом ведения которого является участковый уполномоченный полиции.

Чтобы правильно трактовать вновь образовавшийся институт, необходимо обратить внимание на контекст, в котором в настоящее время участковыми уполномоченными полиции осуществляется профилактическое воздействие.

В соответствии с вступившим в действие 22 сентября 2016 г. Федеральным законом от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 182) профилактическое воздействие в данное время имеет целью недопущение совершения правонарушений или антиобщественного поведения посредством реализации совокупности мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на правонарушителей (ст. 2 ФЗ № 182).

Анализ форм профилактического воздействия, приведенный в ст. 6 рассматриваемого Закона, указывает на то, что в современных условиях профилактическая работа при отсутствии оснований для привлечения лица к административной или уголовной ответственности не может влечь в отношении профилактируемого применение каких-либо принудительных мер (ст. ст. 21–24 ФЗ № 182).

Традиционная позиция ученых по вопросу о юридической природе профилактического учета является такой, что данный вид учета не может относиться к мерам уголовно-правового или административно-правового принуждения. Его главное отличие от последних в том, что профилактический учет не имеет принудительного характера [4, с. 36]. В ответ на то, что гражданин либо совершает противоправное поведение (немедицинское употребление наркотических средств, насилие по отношению к окружающим), либо имеет социальное заболевание (алкоголизм, наркомания, расстройство психики), то с установлением профилактического учета он подвергается повышенному вниманию со стороны государственных органов, и не более того. Современные исследователи также подчеркива-

ют, что в результате постановки на профилактический учет для лица, допускающего правонарушения, не наступает каких-либо правовых последствий. Так, по справедливому мнению А.А. Гайдукова, в этом случае гражданин не подвергается каким-либо ограничениям в правах и свободах и не получает дополнительных обязанностей. Поэтому постановка на учет лиц данной категории носит в большей степени ведомственный информативный характер [5, с. 23]. По заявлению В.А. Протченко, профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции не несет в себе элементов принуждения уголовно-правового характера, которое может применяться только при совершении общественно опасного деяния [6, с. 14].

Используя формально-юридический метод исследования ФЗ № 182, можно сделать вывод о том, что так как профилактический учет – это мера социальной защиты, то на него может распространяться теория «социальной опасности лица», ранее совершавшего правонарушения. Анализируя исторические корни данной теории, которая связана с именем итальянского ученого Р. Гарофало («Критерии опасного состояния» 1880 г.), следует указать, что опасное состояние понималось им как присущая человеку склонность к совершению преступлений [7, с. 62]. Изначально основным постулатом данной теории рассматривается возможность совершения правонарушителем в будущем нового правонарушения, основываясь на том, что он один раз уже преступил закон [8, с. 90; 9, с. 115]. В XX в. опасное состояние личности рассматривалось как постоянная или периодически возникающая предрасположенность некоторых лиц к совершению преступления [10, с. 110]. Однако следует подчеркнуть, что учет подобной предрасположенности в профилактической деятельности полиции не влечет применение уголовной ответственности к лицу. Как очень точно отмечает Д.Д. Берсей, в понятии «опасное состояние личности» нет ничего предосудительного [10, с. 112], если оно применяется в интересах большей части общества [10, с. 110]. Учитывая опасное состояние лица, участковый уполномоченный полиции, согласно ст. 21 ФЗ № 182-ФЗ, ставит его на профилактический учет с целью информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений. Никакие репрессивные меры в данном случае законодательством Российской Федерации не предусмотрены.

В соответствии с пп. 65.3 приказа МВД России № 1166, профилактический учет граждан, проживающих на административном участке, устанавливается решением начальника территориального органа МВД России при поступлении рапорта участкового уполномоченного полиции о необходимости постановки на профилактический учет гражданина, входящего в категорию, указанную в пп. 63.3–63.6 приказа МВД России № 1166. Анализ данной нормы указывает, что де-юре субъектом признания опасности правонарушителя является начальник территориального органа МВД России. Однако изучение порядка постановки на профилактический учет дает основание считать, что в настоящее время решение о признании наличия либо отсутствия опасности лица де-факто производится участковым уполномоченным полиции самостоятельно[1]. В основе такого решения лежат как фактические сведения о самом гражданине, так и правовое сознание, грамотность и внутреннее убеждение полицейского. Иными словами, участковый уполномоченный полиции в данном случае выступает в роли эксперта по оценке опасности личности для окружающих либо отсутствия таковой.

Следует заметить, что словосочетание «опасность для окружающих» ранее уже фигурировало в отдельных отечественных нормативных актах. Так, в хронологическом порядке опасным для окружающих в нашей стране признавалось:

1) состояние хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности (ст. 17 УК РСФСР 1922 г.), куда, по мнению исследователей, входило и состояние опьянения [11, с. 19];

2) заболевание наркоманией и психопатией [12, с. 8];

3) связь обвиняемого с преступной средой (циркуляр Наркомюста РСФСР от 6 июня 1923 г. № 118) [13];

4) уклонение от добровольного лечения наркомании (ст. 62 УК РСФСР 1960 г) [14, с. 57];

5) «злостное пьянство», сопровождавшееся уклонением от лечения и нарушением общественного порядка (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1967 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)» [14, с. 64];

6) любая социально-опасная болезнь, к числу которых относили туберкулез, психические, венерические заболевания, хронический алкоголизм и наркоманию (ст. 54 Закона РСФСР от 29.07.1971 г. «О здравоохранении»).

Последний вариант опасности для окружающих просуществовал до 1993 г., когда Закон «О здравоохранении» утратил силу в связи с принятием Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 22.07.1993 г. № 5489-1 «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». В новом законодательстве разработчики отказались от подобных формулировок. И только спустя семнадцать лет с изданием в феврале 2011 г. ФЗ «О полиции» понятие «опасность для окружающих» вновь появилось в отечественных нормативных актах (п. 35 ст. 12). В развитие данного Закона приказ № 1166 связал словосочетание «опасность для окружающих» с четырьмя категориями граждан:

1. Лиц, страдающих психическими расстройствами (п. 37.17).

2. Лиц, больных наркоманией (п. 63.2).

3. Лиц, больных алкоголизмом (п. 63.2).

4. Лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений (п. 63.3).

Распознание опасности среди лиц первой категории особых затруднений не вызывает в силу того, что они состоят на учете в медицинской организации (п. 22 приказа № 1166). В данном случае опасность устанавливается исходя из медицинских критериев. Бóльшую

[1] Всего было изучено движение 167 рапортов участковых уполномоченных полиции и ни в одном из предложенных нижним звеном изученных случаев не наблюдалось отказа вышестоящего должностного лица в постановке лица на профилактический учет.

сложность представляет определение опасности последних трёх категорий, так как в отношении лиц, больных наркоманией, алкоголизмом или допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, критерии опасности для окружающих не установлены ни одним нормативным актом. Но, как нам представляется, любой человек, представляющий опасность для окружающих, должен соответствовать каким-то общим, характерным для указанной категории граждан критериям. Различна лишь степень опасности лица.

Опасность для окружающих – это одно из мало исследованных состояний человека, склонного к совершению правонарушений. Даже врачи-психиатры с достаточной уверенностью не могут указать на критерии опасности человека, страдающего психическим заболеванием. Так, по мнению В.Г. Булыгиной, слишком большая надежда на какой-либо метод весьма проблематична. Констатация опасности может носить лишь временный непродолжительный характер [15, с. 47]. Опасное состояние может быть ярко выраженным, а может носить замаскированный характер, быть временным (периодическим) проявлением человеческих качеств, а может быть главной чертой характера. По мнению современных отечественных криминологов, опасное состояние личности – это постоянная или интермиттирующая предрасположенность некоторых лиц к совершению преступления, в результате чего они представляют угрозу для общества [10, с. 110]. По наблюдениям Т.В. Непомнящей, лицо, находящееся в состоянии опьянения, уже является источником повышенной опасности для окружающих [16, с. 144]. По мнению Д.Д. Берсей, опасное состояние лица – реально существующее явление, заключающееся в индивидуальном наборе таких качеств личности, которые конфликтуют с социальной средой и ее ценностями [10, с. 113].

В общеупотребительном плане под опасностью понимается вероятность того, что может произойти какое-то нежелательное событие, связанное с угрозой для жизни человека [17, т. 13, с. 726]. В повседневной практике наличие опасности очень тесно связано с таким явлением, как риск, который трактуется в виде вероятности наступления неблагоприятных событий от каких-либо действий [18, с. 890]. Риск имеет количественное выражение в виде отношения между числом нежелательных событий (например, вредом здоровью окружающих) за единицу времени (например, месяц) и противоправных воздействий опасного человека на окружающих (например, побои в семье).

Наличие либо отсутствие опасности – это объективная составляющая риска. Но критерии опасности раскрываются через субъективное отношение оценивающего лица к происходящему. На практике внутреннее содержание понятия «опасность для окружающих» напрямую зависит от сферы деятельности человека, в которой подобная опасность может проявиться. Так, опасность как юридическая категория определяется исходя из назначения и форм правового института, применительно к которому данное понятие используется. В нашем случае, согласно предмету нашего исследования, основополагающим источником для разработки указанного понятия должен выступать ФЗ № 182, который очерчивает основные направления профилактики правонарушений. Ими, в числе прочих, выступают: защита личности, общества и государства от противоправных посягательств (п. 1 ст. 6); предупреждение правонарушений (п. 2 ст. 6); развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений (п. 3 ст. 6); предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних (п. 7 ст. 6); противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (п. 9 ст. 6); обеспечение защиты и охраны частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (п. 10); обеспечение пожарной безопасности (п. 14 ст. 6); повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан (п. 16 ст. 6).

Исходя из указанных задач, мы можем для себя заключить, что признаками криминальной опасности для окружающих по убыванию степени ее проявления с точки важности для участкового уполномоченного полиции могут выступать:

1. Совершение лицом преступления.
2. Совершение лицом административного правонарушения.
3. Совершение лицом иного противоправного деликта.
4. Семейно-бытовой конфликт.
5. Аморальное поведение лица.

Наибольшую проработку общественная опасность личности к настоящему времени получила в рамках уголовного права и криминологии. Так, по мнению представителей санкт-петербургской и томской криминологических школ общественная опасность преступника заключается в возможности совершения нового подобного деяния. В частности Б.В. Волженкин утверждает, что существующая объективная возможность совершения нового преступления определенным лицом имеет свое основание прежде всего в отрицательных и противоречивых социальных качествах данной личности, в ее направленности, в характере отношений данного индивида с другими людьми, в его личных интересах, взглядах, установках [19, с. 85]. По мнению Л.М. Прозументова и А.В. Шеслера, степень общественной опасности преступника определяется степенью прецедентности (стойкости сформировавшихся негативных взглядов) [20, с. 117]. По заявлению американского психолога исследователя преступности К. Бартола, людям свойственно совершать одни и те же поступки в одних и тех же ситуациях [21, с. 148]. Следовательно, криминальная агрессия в прошлом позволяет с определенной долей вероятности предполагать подобную агрессию в будущем.

Все иные признаки противоправных проявлений (совершение лицом административного правонарушения, иного противоправного деликта, семейно-бытовой конфликт, аморальное поведение) также несут в себе антиобщественный характер [22, с. 381].

Приведенные точки зрения различных ученых можно объединить в один императив: «опасность правонарушителя в том, что он может совершить другое правонарушение».

Таким образом, в рамках нашего вопроса вполне уместно понятие «опасность для окружающих» рассматривать через признаки «потенциального правонарушителя». Сам криминальный потенциал может быть оценен на основании следующих индивидуальных характеристик человека: а) пол; б) возраст; в) привычки; г) пристрастия; д) сфера интересов; е) поведение в быту (аморальность, асоциальность, противоправность); ж) условия, в которых человек теряет контроль над собой и может прибегнуть к насилию.

С некоторой долей вероятности, потенциальную опасность для окружающих можно установить при проведении психолого-психиатрической экспертизы в рамках уголовного судопроизводства в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. Но в приказе № 1166 речь идет о еще не реализованной опасности граждан. На это указывает слово «предупреждения» в выражении «представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений» (п. 37.17 приказа № 1166).

Для обобщения сказанного будем полагать, что любые действия, которые могут причинить телесный вред здоровью окружающим, следует считать опасными. Добавим: так как наш прогноз должен быть направлен на будущее (будет или не будет данный человек представлять опасность для окружающих в дальнейшем), мы должны учитывать еще такой фактор, как угроза, то есть запугивание, обещание причинить кому-либо вред, в будущем. А если еще быть более точным, то угроза криминальная. В этой связи необходимо помнить, что действующий государственный стандарт Российской Федерации, регулирующий вопросы безопасности граждан, под криминальной угрозой рекомендует понимать совокупность условий и факторов, создающих опасность преднамеренного противоправного нанесения ущерба здоровью и жизни физического лица (п. 2.1.16. Национального стандарта РФ ГОСТ Р 52551-2016 от 22 ноября 2016 г. № 1743-ст «Системы охраны и безопасности. Термины и определения») [23].

В целом, по результатам изложенного следует заключить, что точность и достоверность определения опасности конкретного лица для окружающих зависит от научных знаний и профессионального опыта работы участкового уполномоченного полиции с гражданами. Также большую роль в оценке степени опасности играет объем информации о лицах, участвующих в различных конфликтных инцидентах на административном участке.

По наблюдениям ученых, занимающихся вопросами реализации принудительных мер медицинского характера, жизнедеятельность организма, страдающего наркотической зависимостью, полностью подчинена поиску очередной дозы психоактивного вещества. Поэтому в процессе поиска очередной дозы наркотикосодержащей субстанции больной наркоманией может совершать любые преступления.

Представители Волгоградской школы криминологов В.И. Третьяков и Ю.И. Черникова отмечают, что повышенная общественная опасность лица, находящегося в состоянии любого вида опьянения, характеризуется объективной способностью и вероятностью причинения более тяжкого вреда [24, с. 25]. Специалист в области проблем наркомании и реабилитации профессор, доктор медицинских наук, руководитель отделения психических расстройств, осложненных патологическими видами зависимости Московского НИИ Психиатрии А.Г. Гофман еще более категорично утверждает, что больных наркоманией, совершивших преступления, нужно изолировать от общества, так как они уже сами по себе являются источником повышенной опасности. По его мнению, больных наркоманией необходимо госпитализировать не потому, что у них наблюдаются бредовые галлюцинации, а потому, что их поведение опасно для них самих и для окружающих [25]. По официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2017 г. в России удельный вес от расследованных преступлений, совершенных лицами в состоянии наркотического опьянения, составил 2,2 % (21370) [26, с. 43]. Наиболее распространенными и в то же время социально-опасными видами наркоманий являются героинизм и гашишизм.

При взгляде на отечественную историю развития советских нормативных источников профилактической деятельности сотрудников внутренних дел М.А. Бугера и Р.А. Семенюк отмечали, что в период советской эпохи установление диагноза «наркомания» или «токсикомания» уже само по себе являлось основанием для постановки зависимого лица на профилактический учет [27, с. 68]. Причем, по их мнению, опасность представляют не только лица, характеризующиеся повреждением психики в результате немедицинского потребления наркотических средств, но и наркотически зависимые лица, которые в психическом плане рассматриваются как здоровые [27, с. 69].

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что если в ОВД поступили документы из медицинской организации о нахождении какого-либо лица на учете в такой организации в связи с заболеванием наркомании, то, согласно приказу № 1166, участковому уполномоченному полиции следует провести оценку личности больного на предмет опасности его для окружающих (п. 65.2 и 67.2 приказа 1166). Специфической чертой при оценке опасности для окружающих со стороны больных наркоманией является вид наркотической зависимости, продолжительность болезни, глубина поражения физической и интеллектуальной сферы лица, употребляющего наркотические средства.

Причиной значительного количества убийств и нанесения тяжкого вреда здоровью в быту наряду с социально-экономическими причинами (отсутствие работы, низкий жизненный уровень и т.п.) является распространенность пьянства, особенно в сельской местности и небольших городах. Этому, безусловно, сопутствует и доступность дешевого и низкокачественного алкоголя и спиртосодержащих напитков [28, с. 8].

По официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2017 г. в России удельный вес от расследованных общественно опасных деяний, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, составил 36,4 %. В абсолютном выражении на территории России в 2017 г. данной категорией граждан было совершено 352 062 преступления [26, с. 43].

К понятию опасности лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, относятся все те признаки, которые мы привели ранее по отношению к преступникам, страдающим наркотической зависимостью. Разница заключается лишь в том, что лицо, больное алкоголизмом, менее мотивировано обеспечением средств на удовлетворение своей пагубной потребности. Поэтому добыча алкогольной продукции не является основой его поступков. Криминальный оттенок данная личность приобретает после её употребления. В этот момент у лиц, больных алкоголизмом, как правило, регистрируется психомоторное возбуждение, проявляющееся в двигательном беспокойстве разной степени выраженности (от суетливости до разрушительных действий), часто сопровождающееся речевым возбуждением (многословие, выкрики фраз, издание нечленораздельных звуков). Наряду с этим для лиц, систематически употребляющих алкогольную продукцию, характерны ярко выраженные аффективные расстройства: растерянность, гнев, злобность, агрессивность, тревога, беспричинное веселье.

В ходе интервьюирования участковых уполномоченных полиции Алтайского края выяснено: по мнению практических работников, лицо, страдающее алкоголизмом, только тогда опасно для окружающих, когда оно допускает правонарушения. А если оно не совершает их, то оно не должно считаться опасным для окружающих. Однако врачи-наркологи, напротив, утверждают, что даже когда больной алкоголизмом не употребляет спиртные напитки, он движется к срыву, который чреват непредсказуемыми последствиями [29]. В этом момент все люди, которые контактируют с больным (супруг, родители, дети, родственники и даже сотрудник полиции) находятся в непосредственной опасности [29].

Учитывая вышеизложенное, следует сделать вывод, что лицо, страдающее алкоголизмом, представляет опасность для окружающих даже в независимости от наличия состояния опьянения и поэтому должно находиться на профилактическом учете.

Более сложным представляется определение опасности лиц, допускающих правонарушения в бытовой сфере не злоупотребляющие алкоголем, не принимающие наркотических средств и не состоящие на учете в медицинской организации как страдающие психическими расстройствами. В приказе № 1166 закреплена юридическая конструкция, согласно которой профилактический учет устанавливается за лицами, «совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих» (п. 63.3). Для более детального анализа мы разделим данную конструкцию на формальный критерий (совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений) и материальный – (представляющими опасность для окружающих).

По отношению к первому критерию следует обратить внимание на следующее. Понятие «семейно-бытовые отношения» относится к области жизнедеятельности человека [2, с. 33], включающей в себя удовлетворение материальных потребностей в пище, одежде, поддержании физического здоровья, продолжение рода, духовных исканий, творческой деятельности, посредством взаимодействия членов семьи между собой.

Наиболее вероятное возникновение конфликта возможно в неблагополучной семье в самом широком ее понимании: «социально уязвимая семья»; «дисфункциональная семья»; семьи группы риска; «негармоничная семья»; «проблемная семья»; малообеспеченные семьи; неполные семьи; семьи, нуждающиеся в социальной поддержке [30, с. 25].

Некоторые ученые выделяют две группы причин внутрисемейных конфликтов: 1) так называемые «инстинктивные формы поведения», связанные в основном с наследственностью и 2) «индивидуально-изменчивые формы поведения», зависящие в основном от имеющихся навыков и развития рассудочной деятельности [31, с 20]. Признаком разлада семейно-бытовых отношений выступает семейно-бытовой конфликт, в основе которого лежит противоречие между членами семьи. По наблюдениям А.В. Равнюшкина, в правонарушения перерастают наиболее глубокие и напряженные семейные-бытовые конфликты [32, с. 67]. По мнению А.Н. Варыгина и А.В. Куяновой, семейно-бытовые правонарушения спонтанны по времени их совершения и очерчены пространством квартиры, дома, подъезда, дачного участка, гаража, придомовой территории [33, с. 101; 34, с. 53]. Участниками рассматриваемого правонарушения могут быть только лица, связанные между собой супружескими, родственными, соседскими или дружескими взаимоотношениями [34, с. 53].

Ученые при характеристике особо длительного, сопряженного с насилием семейно-бытового конфликта иногда используют словосочетание «домашнее насилие». Можно определить, что домашнее насилие в рассматриваемом нами значении составляют правонарушения, совершаемые в сфере бытовых отношений, посредством физического и (или) психологического воздействия на жертву, связанную с виновным родственными узами.

На наш взгляд, противодействие психологическому воздействию на окружающих должны оказывать психологические и социальные службы, которые могут быть подключены к работе самим участковым уполномоченным полиции. С точки зрения профилактического учета интерес для нас должны представлять лица, оказывающие только физическое воздействие на окружающих в сфере семейно-бытовых отношений.

Беря во внимание существующее в настоящее время единственное юридическое определение понятия физического насилия, содержащееся в методических рекомендациях по профилактике жестокого обращения с детьми и насилия в семье, делаем вывод, что физическое насилие – это преднамеренное нанесение травм и/или повреждений человеку, которые вызывают серьезные (требующие медицинской помощи) нарушения физического, психического здоровья [35].

На основании вышеизложенного следует признать, что, согласно п. 4 ст. 12 ФЗ «О полиции» (в ред. от 07.03.2018), по формальному критерию индивидуальную профилактическую работу по признаку, отражен-

ному в п. 63.3 приказа № 1166, необходимо проводить с лицами, совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, предусмотренные ст. ст. 6.1.1 КоАП РФ (Побои) и 20.1 КоАП РФ (Мелкое хулиганство), а также осужденных за ряд преступлений против личности и общественной безопасности, предусмотренных ст. ст. 111, 112, 115–117, 119, 124, 125, 127, 127^1, 127^2, 131, 132, 133, 134, 135, 150, 151, 156, 230 и 240 УК РФ. Если правонарушитель привлекался к ответственности по любой из указанных норм КоАП РФ или УК РФ, то уже есть основание рассматривать вопрос о целесообразности постановки его на учет по признаку, предусмотренному п. 63.3 приказа № 1166, как лицо, совершившее правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений.

Особо следует подчеркнуть, что если один раз произошел конфликт в семье, сопряженный с физическим насилием, то это еще не основание считать личность для окружающих опасным, так как в приказе № 1166 существительное «правонарушение» в сфере семейно-бытовых отношений во всех случаях употреблено во множественном числе (см. п. 63.3 раздела VIII Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции и п. 15 приложения № 3 к данному Наставлению). Следовательно, под категорию лиц, представляющих профилактический интерес по признаку опасных для окружающих, подпадают только субъекты правонарушения, ранее неоднократно применявшие физическое насилие в семейно-бытовой сфере. Главной задачей участкового уполномоченного полиции в этом случае выступает отграничение бытовой драки между сожительствующими от действительной опасности для окружающих.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что если участковый уполномоченный полиции имеет информацию о двукратном обращении граждан административного участка за медицинской помощью после семейного скандала, то в отношении причинителя вреда необходимо рассмотреть вопрос о постановке его на профилактический учет по п. 15 разд. VII Приложения 3 приказа МВД России № 1166 как лицо, допускающее правонарушение в сфере бытовых отношений и представляющее опасность для окружающих.

Следующим шагом является определение материального критерия, отраженного в окончании п. 63.3. приказа № 1166 словами «и представляющими опасность для окружающих». Он предусматривает наличие такого поведения человека, которое указывает на возможное причинение им вреда здоровью близких в будущем.

По справедливому замечанию А.В. Шеслера и В.И. Яркеева, в механизме преступного поведения участвуют все психологические составляющие личности человека [36, с. 132]. Параметры опасности для окружающих человека, создающего конфликтную обстановку в семье, можно вывести, учитывая: а) темперамент человека (сангвиник, флегматик, холерик, меланхолик); б) черты характера (отношение к себе, окружающим); в) волевые качества (целеустремленность, импульсивность); г) акцентуации характера (конформные – позволяющие подстраиваться под изменяющуюся ситуацию (способность подчиняться мнению большинства), дисконформные – затрудняющие адаптацию в обществе (тревожность, мнительность, нерешительность)); д) способности человека. Зная их, можно предположительно составить мнение о степени опасности нарушителя семейного благополучия для окружающих

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что при наличии в поведении гражданина формального критерия (совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений) и материального критерия (представление опасности для окружающих), участковому уполномоченному полиции необходимо проводить индивидуальную профилактическую работу, как с лицом, указанным в п. 63.3 приказа № 1166.

Все ранее сказанное позволяет сделать следующие выводы. Меры профилактического воздействия (в том числе и профилактический учет) не являются мерами принудительного характера, а служат для предупреждения вреда другим лицам.

Анализ нормативных актов, регламентирующих деятельность ОВД по установлению наличия либо отсутствия опасности лица для окружающих, является прерогативой участкового уполномоченного полиции, который в данном случае выступает в роли самостоятельного и независимого эксперта по оценке состояния личности. Только участковый уполномоченный полиции может с большей долей вероятности оценить человека как опасным или не опасным для общества.

Точность и достоверность определения опасности для окружающих зависит от научных знаний и профессионального опыта работы участкового уполномоченного полиции с гражданами. Также большую роль в оценке степени опасности играет объем информации о лицах, участвующих в различных конфликтных инцидентах на административном участке.

При наличии информации о психически больных на участке, признание опасности зависит от вида и формы протекания психического расстройства. Постановка такого лица на учет в большей степени должно опираться на мнение врача-психиатра.

При поступлении в ОВД из медицинской организации документов о нахождении какого-либо лица на учете в связи с заболеванием наркомании постановка лица на профилактический учет по признаку опасности для окружающих решается с учетом степени зависимости больного от наркотического средства. В данном случае мнение врача-нарколога является обязательным, но не основным аргументом для признания лица опасным для общества.

Лицо, страдающее алкоголизмом, перманентно представляет опасность для окружающих независимо от наличия состояния опьянения, а в силу неконтролируемых вспышек агрессии. Поэтому данная категория граждан в обязательном порядке ставится на профилактический учет.

Из лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, с точки зрения ведомственного профилактического учета интерес представляют только лица, оказывающие физическое воздействие на окружающих и создающих угрозу вреда здо-

ровью. При наличии в поведении гражданина формального критерия (совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений), материальный критерий (опасность для окружающих) устанавливается с учетом комплексной оценки правонарушителя через анализ его индивидуальных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 1. С. 5–14.
2. *Антонян Ю.М.* Криминологические черты агрессивного поведения // Агрессия, агрессивное поведение и психопатология: постановка проблемы // Агрессия и психическое здоровье. М., 2002. 464 с.
3. *Оноколов Ю.П.* Девиантные отклонения и виктимность военнослужащих – обстоятельства, влияющие на формирование мотивации преступного поведения в воинской среде // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).
4. *Горобцов В.И.* О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Красноярск : Изд-во Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2001. Вып. 4. С. 34–42.
5. *Гайдуков А.А.* Профилактика участковым уполномоченным полиции правонарушений, совершаемых на почве семейно-бытовых отношений: лекция. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 27 с.
6. *Протченко В.А.* Принудительные меры медицинского характера. М., 1976. 104 с.
7. *Шестаков Д.А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. 2-изд., перераб. и доп. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 561 с.
8. *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90–98.
9. *Сахаров А.Б.* Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 110–116.
10. *Берсей Д.Д.* Опасное состояние личности в свете современного российского уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 1. С. 109–113.
11. *Спасенников Б.А., Спасенников С.Б.* Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение. М., 2011. 144 с.
12. *Сегалов Т.Е.* Основы советского законодательства о душевнобольных. М., 1925. 59 с.
13. *Еженедельник* советской юстиции. 1923. № 23. URL: http://www.twirpx.com (дата обращения: 25.11.2018).
14. *Батанов А.Н.* Принудительные меры медицинского характера: История, теория, законодательное регулирование и практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 178 с.
15. *Булыгина В.Г.* Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 393 с.
16. *Непомнящая Т.В.* Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. М., 2012. 384 с.
17. *Большой* академический словарь русского языка. М. ; СПб. : Наука, 2009. Т. 13. 770 с.
18. *Юридический* словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2007. 1152 с.
19. *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 80–89.
20. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 116–117.
21. *Бартол К.* Психология криминального поведения. СПб., 2004. 352 с.
22. *Алехин А.П.* Административное право России. Общая часть. М., 2016. 480 с.
23. *ЭПС* «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «Гарант-сервис-университет». Версия от 13.07.2018.
24. *Козаренко Ю.И.* Состояние опьянения: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородская академия МВД России, 2014. 215 с.
25. *Развитие* дискуссии об отечественной наркологии: профессор Гофман отвечает профессору Менделевичу и доктору Зобину // Русский народный сервер против наркотиков. URL: http://www.Narcom.ru/publ/info/950 (дата обращения: 11.04.2018).
26. *Состояние* преступности в России за январь декабрь 2017 года. М. : Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информатизационных технологий. 52 с.
27. *Бугера М.А., Семенюк Р.А.* Наблюдение за больными алкоголизмом или наркоманией: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4. С. 67–69.
28. *Хлопушин С.Н.* Особо тяжкие преступления на бытовой почве: профилактика и снижение // Законность. 2011. № 5. С. 8–11.
29. *Алкоголизм* проблема России. URL: http: narkomedcentr.ru/poleznaya-informatsiya/alkogolizm.html (дата обращения: 25.11.2018).
30. *Иванова Ж.Б., Ращектаева Н.Н.* Проблемы совершенствования правовых норм, регламентирующих правовое положение несовершеннолетних детей в неблагополучных семьях // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 4. С. 24–27.
31. *Кузнецов В.В.* Превентивная педагогика: теория и практика. М., 2015. 99 с.
32. *Равнюшкин А.В.* Семейно-бытовое дебоширство как административное правонарушение: понятие и состав // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. С. 64–69.
33. *Варыгин А.Н.* Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 1. С. 101–104.
34. *Куянова А.В.* Профилактика семейно-бытовых конфликтов, домашнего насилия и предупреждение преступлений, совершаемых на бытовой почве // Административное право и процесс. 2015. № 9. С. 52–56.
35. *Методические* рекомендации «Профилактика жестокого обращения с детьми и насилия в семье» (утв. председателем Комитета здравоохранения г. Москвы 15.10.1999) // «Консультантплюс»: Справочно-правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 25.11.2018).

36. *Яркеев В.И., Шеслер А.В.* Учет свойств личности преступника в процессе воздействия на механизм индивидуального преступного поведения // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. статей Кузбасского института исполнения наказаний. 2018. С. 131–133.

PUBLIC DANGER OF THE OFFENDER AS A RELATIVELY NEW PHENOMENON IN THE POLICE PREVENTION ACTIVITY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 139–147. DOI 10.17223/23088451/12/27

Andrey P. Titarenko, Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tapavlovich@mail.ru

Keywords: prevention, crime, danger, alcoholism, drug addiction.

In the Russian Federation, preventive registration of some offenders requires establishing their danger to others. Nowadays this should be applied to the offenders with mental disorders, drug or alcohol addicts, who commit offenses in family and domestic relationships. The criteria for this danger are not described in any of the currently existing documents. In this paper, the author analyses the legal nature of preventive registration to conclude that description of the danger in this category of offenders should be based on the theory of "social danger of a person". However, the probability of a repeated delict is different on the part of different people and depends on the individual characteristics of a particular person and, to some extent, on their social environment. Given the current regulatory framework, it should be pointed out that legal recognition of a person as dangerous to others falls within the competence of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The study of the procedure for recognising a person as dangerous shows that the main and, in fact, independent subject of recognition is the district police officer. The author uses empirical research methods (questionnaire, study of documents) to make the following conclusion. Since the knowledge of the nature of a mental disorder is strictly special, the recognition of a person suffering from this disorder as dangerous must largely rely on the opinion of a psychiatrist. The danger of a drug addict depends on the type of addiction and degree of their intellectual deprivation. It requires considering an opinion of a narcologist, which, however, is not an unconditional reason to recognise a person as dangerous. Uncontrolled outbreaks of aggression of a person with alcoholism clearly indicate their danger to others. People committing an offense in family and domestic relationships are dangerous for others only if their negative individual characteristics prevail over positive qualities.

References

1. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2008) Obshchesotsial'nye determinanty prestupnosti [General social determinants of crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 1. pp. 5–14.
2. Antonyan, Yu.M. (2002) Kriminologicheskie cherty agressivnogo povedeniya [Criminological features of aggressive behaviour]. In: Dmitrieva, T.B. & Shostakovich, B.V. (eds) *Agressiya i psikhicheskoe zdorov'e* [Aggression and Mental Health]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Onokolov, Yu.P. (n.d.) *Deviantnye otkloneniya i viktimnost' voennosluzhashchikh – obstoyatel'stva, vliyayushchie na formirovanie motivatsii prestupnogo povedeniya v voinskoy srede* [Deviations and victimisation of military personnel – the circumstances affecting the formation of motivation for criminal behaviour in the military environment]. [Online] Available from: www.consultant.ru. (Accessed: 25.11.2018).
4. Gorobtsov, V.I. (2001) O ponyatii i tselevykh ustanovkakh ugolovno-pravovogo prinuzhdeniya [On the concept and objectives of criminal law enforcement]. In: Gorobtsov, V.I. (ed.) *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimenitel'noy praktiki* [Topical problems of the theory of combating crime and law enforcement]. Vol. 4. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 34–42.
5. Gaydukov, A.A. (2015) *Profilaktika uchastkovym upolnomochennym politsii pravonarusheniy, sovershayemykh na pochve semeyno-bytovykh otnosheniy* [Prevention by the district police officer of offenses committed on the basis of family and domestic relationships]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6. Protchenko, V.A. (1976) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera* [Compulsory Medical Measures]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Shestakov, D.A. (2006) *Kriminologiya: Novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti: Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire* [Criminology: New approaches to crime: Criminogenic laws and criminological legislation. Counteraction to crime in a changing world]. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
8. Volzhenkin, B.V. (1963) Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i osnovaniye ugolovnoy otvetstvennosti [Public danger of the criminal and the basis of criminal liability]. *Pravovedenie*. 3. pp. 90–98.
9. Sakharov, A.B. (1970) Ob antisotsial'nykh chertakh lichnosti prestupnika [On the antisocial personality traits of a criminal]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 110–116.
10. Bersey, D.D. (2014) Dangerous condition of a person in context of Russian modern criminal law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 109–113. (In Russian).
11. Spasennikov, B.A. & Spasennikov, S.B. (2011) *Sostoyanie op'yaneniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie* [Intoxication and its criminal law significance]. Moscow: Yurlitinform.
12. Segalov, T.E. (1925) *Osnovy sovetskogo zakonodatel'stva o dushevnobol'nykh* [Basics of the Soviet legislation on the mentally ill]. Moscow: Narkomzdrav.
13. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii* [Soviet Justice Weekly]. (1923) 23. [Online] Available from: http://www.twirpx.com. (Accessed: 25.11.2018).
14. Batanov, A.N. (2004) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera: Istoriya, teoriya, zakonodatel'noe regulirovanie i praktika primeneniya* [Compulsory medical measures: History, theory, legislative regulation and practice of application]. Law Cand. Dis. Ulyanovsk.
15. Bulygina, V.G. (2015) *Psikhologicheskaya kontseptsiya profilaktiki obshchestvenno opasnykh deystviy lits s tyazhelymi psikhicheskimi rasstroystvami* [Psychological concept of prevention of socially dangerous actions of persons with severe mental disorders]. Psychology Dr. Dis. Moscow.

16. Nepomnyashchaya, T.V. (2012) *Mera ugolovnogo nakazaniya: problemy teorii i praktiki* [A measure of criminal punishment: problems of theory and practice]. Moscow: Yurlitinform.
17. Gorbachevich, K.S. et al. (2009) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 13. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
18. Azriliyan, A.N. (ed.) (2007) *Yuridicheskiy slovar'* [Law Dictionary]. Moscow: Institut novoy ekonomiki.
19. Volzhenkin, B.V. (2008) Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i ee znacheniye dlya ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya po sovetskomu ugolovnomu pravu [The public danger of the offender and its importance for criminal liability and punishment under Soviet criminal law]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad*. 1. pp. 80–89.
20. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2008) Obshchestvennaya opasnost' gruppovoy prestupnosti [Public danger of group crime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311. pp. 116–117.
21. Bartol, K. (2004) *Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya* [Criminal Behavior: A Psychosocial Approach]. Translated from English by A. Borichev, A. Mozhaev, M. Parsadanova. St. Petersburg: Praim-Evroznak.
22. Alekhin, A.P. & Karmolitskiy, A.A. (2016) *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Administrative Law of Russia. A Common Part]. Moscow: Zertsalo.
23. The Garant System. (n.d.) *EPS "Sistema GARANT": GARANT-Maksimum. Vsya Rossiya* [EPS "System GARANT": GARANT-Maximum. All Russia]. Version of July 13, 2018.
24. Kozarenko, Yu.I. (2014) *Sostoyanie op'yaneniya: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Intoxication: criminal law and criminological aspects]. Law Cand. Dis. Nizhny Novgorod.
25. Hoffman. A. (n.d.) *Razvitie diskussii ob otechestvennoy narkologii: professor Gofman otvechayet professoru Mendelevichu i doktoru Zobinu* [Development of the discussion on domestic narcology: Professor Hoffman responds to Professor Mendelevich and Dr. Zobin]. [Online] Available from: http://www.Narcom.ru/publ/info/950. (Accessed: 11.04.2018).
26. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2017) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2017 goda* [The state of crime in Russia in January – December 2017]. Moscow: General Prosecutor's Office of the Russian Federation. General Directorate of Legal Statistics and Information Technologies.
27. Bugera, M.A. & Semenyuk, R.A. (2013) The problem of monitoring of patients with alcoholism or drug abuse. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 4. pp. 67–69. (In Russian).
28. Khlopushin, S.N. (2011) Osobo tyazhkie prestupleniya na bytovoy pochve: profilaktika i snizhenie [Particularly serious crimes on domestic soil: prevention and reduction]. *Zakonnost'*. 5. pp. 8–11.
29. Narkomedcentr.ru. (n.d.) *Alkogolizm – problema Rossii* [Alcoholism is the problem of Russia]. [Online] Available from: narkomedcentr.ru/poleznaya-informatsiya/alkogolizm.html. (Accessed: 25.11.2018).
30. Ivanova, Zh.B. & Rashchektaeva, N.N. (2014) Problemy sovershenstvovaniya pravovykh norm, reglamentiruyushchikh pravovoe polozhenie nesovershennoletnikh detey v neblagopoluchnykh sem'yakh [Problems of improving the legal norms governing the legal status of minor children in disadvantaged families]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii – Issues of Juvenile Justice*. 4. pp. 24–27.
31. Kuznetsov, V.V. (2015) *Preventivnaya pedagogika: teoriya i praktika* [Preventive pedagogy: theory and practice]. Moscow: Egves.
32. Ravnyushkin, A.V. (2011) Semeyno-bytovoe deboshirstvo kak administrativnoe pravonarushenie: ponyatie i sostav [Family and domestic disorder as an administrative offense: the concept and composition]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 4. pp. 64–69.
33. Varygin, A.N. (2015) Osobennosti semeyno-bytovykh prestupleniy i ikh preduprezhdeniya [Domestic crimes and their prevention]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 1. pp. 101–104.
34. Kuyanova, A.V. (2015) Profilaktika semeyno-bytovykh konfliktov, domashnego nasiliya i preduprezhdenie prestupleniy, sovershaemykh na bytovoy pochve [Prevention of domestic conflicts, violence and crimes]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 9. pp. 52–56.
35. Moscow Healthcare Committee. (1999) *Metodicheskie rekomendatsii "Profilaktika zhestokogo obrashcheniya s det'mi i nasiliya v sem'e" (utv. predsedatelem Komiteta zdravookhraneniya g. Moskvy 15.10.1999)* [Methodical recommendations "Prevention of child abuse and violence in the family" (approved by the Chairman of the Moscow Healthcare Committee on October 15, 1999)]. [Online] Available from: www.consultant.ru. (Accessed: 25.11.2018).
36. Yarkeev, V.I. & Shesler, A.V. (2018) Uchet svoystv lichnosti prestupnika v protsesse vozdeystviya na mekhanizm individual'nogo prestupnogo povedeniya [Taking in consideration the personality of the criminal in the process of influencing the mechanism of individual criminal behaviour]. In: Antonov, A.G. (ed.) *Vestnik molodogo uchenogo Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Young Scientist of the Kuzbass Institute]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 131–133.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98 DOI 10.17223/23088451/12/28

Н.Т. Ведерников

АНАЛИЗ РЕЧИ ОПОЗНАВАЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются уголовно-процессуальный и тактический подходы к производству предъявления для опознания по признакам голоса и речи. Отмечается, что наиболее важной задачей является решение проблемы классификации признаков голоса и речи и выделения конкретных критериев, по которым опознающий мог бы определить особенности голоса и речи опознаваемого. Проанализированы особенности устной речи, выделяемые учеными, и предложена классификация признаков голоса и речи, подходящая для производства опознания.

Ключевые слова: *предъявление для опознания, устная речь, признаки речи.*

Познание человека, проблема человеческой личности издавна являлась и является одной из актуальных проблем науки, в особенности таких ее отраслей, как философия, медицина, психология, история, правоведение. Трудности в познании человеческой личности обусловлены как сложностью мироустройства этого объекта познания, так и тем, что человек при этом стремится познать себе подобного, по существу, самого себя, что, конечно, непросто.

В юридических науках криминального цикла интерес к личности объясняется тем, что человек выступает в них как автор, «творец» всех противоправных деяний, и потому проблема познания личности через изучение совершенного ею, проблема воздействия на личность с целью невозможности совершения ею аналогичных деяний в будущем является определяющей для самого предмета той или иной из этих наук.

В уголовном процессе, призванном по самой своей природе обеспечивать реализацию норм материального уголовного права, встает задача не только определить параметры предмета изучения личности участника следственных действий, но и обеспечить его установление в объеме, необходимом и достаточном для решения всех возникающих правовых вопросов по тому или иному уголовному делу.

В криминалистике личность субъекта, совершившего преступление, устанавливается через познание ее отдельных свойств и качеств, получающих отражение в следах преступления, с тем, чтобы затем использовать эти знания в качестве средств воздействия на данную личность при производстве следственных действий [1, с. 148].

Восприятие информации человеком происходит через три репрезентативных системы: визуальную, аудиальную и кинестетическую. Естественно, что большинство информации человек получает посредством зрения, однако, когда это невозможно или затруднено, на первый план выходит слух. Этот фактор учитывается и при расследовании преступлений, в частности при производстве такого следственного действия, как предъявление для опознания по признакам голоса и речи.

Как правило, исследования, касающиеся рассматриваемого следственного действия, сводятся к описанию процедуры его проведения, процессуальных аспектов, что является важным и необходимым, однако не дает ответа на вопрос – по каким признакам устной речи опознающий должен определить опознаваемого. С точки зрения криминалистики наиболее интересной задачей является решение проблемы класификации признаков голоса и речи и выделения конкретных критериев, по которым опознающий мог бы определить особенности голоса и речи опознаваемого.

Целью данного исследования является анализ производства предъявления для опознания по признакам голоса и речи с точки зрения уголовного процесса, а также разработка классификации признаков устной речи, использование которых необходимо при проведении опознания. Под признаками устной речи мы будем понимать как особенности самой речи, так и особенности голоса, в соответствии с процессуальной традицией следственного действия – предъявление для опознания по признакам голоса и речи.

Говоря о производстве рассматриваемого следственного действия, прежде всего необходимо подчеркнуть, что на основании особенностей расположения участников (опознаваемого и опознающего) выделяют две разновидности опознания по голосу и речи:

1) предъявление для опознания лица по голосу и речи в условиях нахождения участников в одном помещении;

2) предъявление для опознания лица по голосу и речи в условиях нахождения участников в разных помещениях или через перегородку.

Целесообразно участие четырех понятых, место расположения которых необходимо максимально приблизить к месту расположения опознаваемого и опознающего. Результативность проводимого предъявления для опознания зависит от акустических характеристик обоих помещений или перегородки между участниками. Важно отметить, что для оценки последнего фактора необходимо привлечение специалиста-фоноскописта, обладающего специальными познаниями в области физиологии, психологии и акустики [2, с. 114].

В зависимости от обстоятельств дела и особенностей восприятия опознающего следователь решает, целесообразно ли получение голосовых проб для опознания в

форме диалога следователя и опознаваемого лица или монолога опознаваемого.

Если выбор следователя пал на монологовую форму, необходимо понимать, что её преимущество – естественность изложения и возможность опознающего не отвлекаться на голос собеседника опознаваемого, а недостаток – возможность опознаваемого скорректировать в той или иной форме голос или в значительной степени речь, прежде всего её содержательную составляющую.

Если выбор следователя пал на диалоговую форму, необходимо понимать, что её преимущество – возможность противодействия следователя попыткам контролировать свой голос и речь, а недостаток – вынужденное переключение внимания опознающего с голоса опознаваемого на голос следователя, снижающее эффективность узнавания ввиду потери концентрации внимания.

Недопустимо в случае монолога чтение с листа, так как в этом случае изменяются вокальные характеристики человека.

В случае диалоговой формы получения вокальных проб следователь также не должен читать свои реплики с листа, так как в случае естественной «ритмики речи» опознающего и «читающей ритмики» следователя речь первого будет психологически восприниматься опознающим как обладающая более выраженными индивидуальными свойствами, чем в реальности. Понятно, что при подготовке к диалогу сам перечень реплик следователь должен сформулировать заранее, а к монологу – выбрав тему, вписать в неё слова и предложения, воспринятые ранее опознающим. Традиционно рекомендуется при выборе темы монолога ориентироваться на её доступность не только для опознаваемого, но и для статистов [3, с. 70].

В диалоговой форме коммуникации следователю необходимо задавать вопросы опознаваемому, которые содержат в себе элемент рассуждений, что значительно ограничит при ответе на них возможность недобросовестного опознаваемого корректировать голос и речь [4, с. 278–279].

Сам термин «опознание» означает процесс отнесения предъявляемого объекта к одному из нескольких заранее фиксированных классов или категорий [5, с. 199]. Следовательно, необходимо определить «категории», по которым будет проходить опознание по голосу и речи.

В настоящее время авторами подчеркивается, что предъявление для опознания живых лиц по голосу и речи характеризуется противоречивостью, несовершенностью и излишней субъективностью, что и является причиной проблем, с которыми неизбежно сталкивается следователь. Так, например, Е.И. Галяшина отмечает, что основным недостатком метода аудитивного анализа является его субъективный характер и высокая обусловленность индивидуальными врожденными или тренированными способностями эксперта (в контексте статьи – опознающего) к аудитивному восприятию речевых особенностей [6, с. 207]. В то же время Т.А. Вольская в своей работе говорит о возможности использования голоса и речи человека в качестве объекта идентификации, доказывая такие свойства речи, как индивидуальность и устойчивость [2, с. 114–115].

Следовательно, принципиальным вопросом является не только создание системы классификации признаков устной речи, но и простота их формулирования для опознающего лица, как правило, не знакомого со специальной терминологией.

В учебной и научной литературе рассмотрение вопроса об особенностях голоса и речи при предъявлении для опознания, как правило, не носит системного характера и сводится к перечислению следующих признаков:

1) особенности голоса: громкость, диапазон, высота, сила, тембр, интонация, певучесть, хриплость, сиплость и т.д.;

2) особенности речи: выразительность, скорость, длина фраз, типичные конструкции предложений, ошибки; особенности речи, вызванные дефектами речевого аппарата; наличие акцента, слов-паразитов, жаргона и т.п. [7, с. 84–85].

Заимствование терминов, принятых среди профессиональных вокалистов для определения высоты мужского голоса – бас, баритон, тенор – и женского – контральто, меццо-сопрано, – сопрано, также представляется нецелесообразным в силу их специфики и неоднозначности понимания для людей, не имеющих отношения к данной сфере.

Наиболее подробная классификация признаков устной речи в криминалистике была представлена в работе [8, с. 6–11]. Авторы предлагают следующие группы признаков:

1. *Звуковые особенности речи*: голос, интонация, темп речи; характер, длительность и распределение пауз; характер и степень логической выделенности; степень фонетической редукции; диалектные черты; иноязычный акцент.

2. *Семантико-грамматические признаки*: характер заполнения пауз, мера выразительности, мера правильности, мера организованности текста.

3. *Категориальные признаки речи*: возрастные, социальные, территориальные особенности; национальная принадлежность.

Для того чтобы классифицировать признаки устной речи для использования при опознаниии, необходимо четко определиться с понятиями и терминами, которые используются при производстве предъявления для опознания по признакам голоса и речи.

Речь – это функционирование языка в процессе общения. Ее важнейшими свойствами являются: индивидуальность, свобода выражения, бессистемность, творческий характер, преднамеренность и обращенность к определенной цели, динамизм, вариативность [9, с. 358].

В данном случае основная проблема состоит в том, чтобы выделить структурные элементы явления, которое считается неструктурированным. Данная проблема была частично решена лингвистами путем формулирования правила рекурсивности (конечность формулирования предложения) и выделения различных лексических связей между словами [10], а также анализа устных показаний допрашиваемого лица [11].

Таким образом, существует возможность выделения конкретных элементов устной речи и характеристика их отличительных признаков.

Следующим понятием, требующим рассмотрения, является голос человека. В физическом смысле под

голосом понимается совокупность разнообразных по высоте, силе и тембру звуков, возникающих в результате колебаний голосовых связок. То есть для уточнения понятия «голос» следует раскрыть указанные характеристики звука.

Высота звука (или высота голоса) определяется частотой колебаний голосовых связок. Поскольку у мужчин и женщин голосовые связки различаются по длине и толщине, то и высота голоса у них обычно разная: у мужчин в среднем 100–250 Гц, у женщин в среднем 200–400 Гц. Диапазон высот для человеческих голосов может составлять от 80 до 1300 Гц (приблизительно четыре октавы). Предельные значения диапазона наблюдаются в певческих голосах (бас и меццо-сопрано). Для обычных голосов диапазон изменения высоты звука составляет две октавы. Диапазон голоса – это интервал от самого низкого до наиболее высокого звука, воспроизводимого человеком.

Сила звука – интенсивность звуковых колебаний, которая связана с их амплитудой. Человек воспринимает разные по силе звуки как более громкие или более тихие.

Громкость – это субъективная характеристика силы звука. При восприятии возникает сложное взаимодействие между высотой и силой звука и их субъективной оценкой. Так, если низкий и высокий звуки одинаковы по силе, т.е. имеют одинаковую интенсивность, то высокий звук воспринимается как более громкий.

Тембр – важная характеристика голоса. Объективно (т.е. с точки зрения акустических показателей) тембр – это окраска голоса, определяемая количеством дополнительных тонов (обертонов), накладывающихся на основной тон. Субъективно тембр голоса мы воспринимаем как приятный или неприятный, мягкий, стальной, скрипучий или визгливый и т.п. Тембр голоса каждого человека сугубо индивидуален, что, в конечном счете, зависит от строения его произносительного аппарата. Он изменяется не только с возрастом, но и в зависимости от физического и эмоционального состояния человека. Так, по голосу можно судить, веселый человек или грустный, больной, усталый или здоровый, полный сил и т.д. По тембру различаются также одни и те же звуки, произносимые разными людьми. Именно благодаря тембру произносимых звуков мы часто различаем знакомых нам людей по голосу, не видя их (например, в разговоре по телефону) [12, с. 106–107].

Следователю при производстве предъявления для опознания по признакам голоса и речи важно учитывать следующие критерии признаков устной речи с учетом субъективного восприятия опознающего:

1) доступность понимания – следует избегать сложных формулировок и специальных терминов при описании признаков голоса и речи;

2) возможность объяснения бытовым языком – необходимо дать возможность опознающему самому описать те признаки, в которых он уверен, позволить проанализировать и сделать выводы о признаках, характеризующих опознаваемого (например, пол, возраст, профессия, национальность и т.д.);

3) формализация описываемых признаков – четкая классификация признаков устной речи необходима для единого понимания используемого термина как следователем, так и опознающим. К тому же все указанные признаки должны быть внесены в протокол и быть максимально четко определены.

Предлагают следующую классификацию признаков устной речи:

1. Признаки голоса, к которым следует отнести: громкость (сила голоса), тембр (тон голоса), звуковые особенности голоса.

Громкость голоса определяется по шкале «громко – средняя громкость – тихо». Тембр определяется как высокий или низкий, исходя из этого, можно говорить о мужском либо женском тембре. К звуковым особенностям голоса относятся такие характеристики, как глухой, звонкий, хриплый, сиплый.

2. Признаки речи, к которым относятся: интонация, темп, речевые паузы, дефекты речи, акцент, диалект, особенности структуры предложения, акцент на отдельных словах.

Интонация является наиболее субъективным признаком и оценивается с точки зрения эмоциональности: интонация, выражающая вопрос, восторг, удивление, призыв, страх, отвращение, гнев, радость, отрицание, подтверждение и т.д.

Темп речи – скорость изменения тех или иных отрезков речи во времени. Темп может быть определен по шкале «быстрый – средний – медленный».

Речевые паузы – это остановки голоса, разделяющие речевой поток на логические или эмоционально-смысловые части. Можно выделить короткие, средние и долгие речевые паузы.

К дефектам речи относятся: шепелявость, заикание, картавость и другие проблемы с артикуляцией или произношением отдельных букв.

Акцент непосредственно связан с национальностью опознаваемого, и здесь, скорее всего, важно будет то, имел ли опознающий опыт общения с представителями той или иной национальности и может назвать конкретный признак, либо просто указать наличие или отсутствие акцента в речи.

Говоря о диалекте можно выделить территориальные и социальные особенности речи. Территориальный диалект указывает на принадлежность опознаваемого к определенной территории, социальный диалект можно оценить при помощи наличия в речи профессионализмов, жаргона или арготизмов. Стоит оговориться, что данный признак речи требует от опознающего наличие некоторых специальных знаний или опыта. Представляется, что обычному человеку сложно будет определить диалекты в речи.

Особенности структуры предложения можно рассматривать с точки зрения синтаксиса – употребление сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, использование вводных слов, причастных и деепричастных оборотов.

Акцент на отдельных словах в речи может выражаться в выделении слова голосом, неправильной постановке ударения, неоднократном повторении.

3. Личностные особенности речи – эти признаки больше относятся к уровню анализа и включают в себя выводы самого опознаваемого о личности опо-

знающего: пол, возраст, профессия, эмоциональное состояние и т.д.

При производстве предъявления для опознания по признакам голоса и речи важно предоставить возможность опознающему право самому выбирать очередность описания признаков устной речи, лишь направляя его показания и акцентируя внимание на тех признаках, которые он пропустил. Представленная классификация признаков устной речи при производстве предъявления для опознания по признакам голоса и речи способствует наиболее детальному описанию устной речи опознаваемого, при этом избегая сложных и непонятных формулировок для опознающего. Кроме того, указанная классификация может быть использована и в рамках других следственных действий, имеющих коммуникативный характер, в аспекте изучения личности [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведерников Н.Т.* Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
2. *Вольская Т.А.* Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 201 с.
3. *Петрова А.Н.* Об особенностях предъявления личности для опознания по голосу и речи // Сборник материалов криминалистических чтений. 2012. № 8. С. 70–72.
4. *Ахмедшин Р.Л.* Тактика экспериментальных следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2017. 319 с.
5. *Большая* психологическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2007. 544 с.
6. *Галяшина Е.И.* Судебная фоноскопическая экспертиза // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2001. 302 с.
7. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М. : Зерцало, 1998. 352 с.
8. *Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И.* Речь в криминалистике и судебной психологии. М. : Наука, 1977. 62 с.
9. *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта: Наука, 2011. 696 с.
10. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М.: Языки русской культуры, 1995
11. *Алексеева Т.А.* Основные проблемы анализа устной речи в криминалистике // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 113–114.
12. *Гойхман О.Я., Надеина Т.М.* Речевая коммуникация. М. : Инфра-М, 2008. 207 с.
13. *Юань В.Л.* О современных подходах к криминалистическому исследованию личности допрашиваемого // Сборник материалов криминалистических чтений. 2017. № 14. С. 93–94.

ANALYSIS OF THE SPEECH OF THE PERSON IDENTIFIED IN THE PRESENTATION FOR IDENTIFICATION: PROCEDURAL AND TACTICAL ASPECTS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 148–151. DOI 10.17223/23088451/12/28
Nikolay T. Vedernikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru
Keywords: presentation for identification, oral speech, features of speech.

The criminal procedural and tactical approaches to the presentation for identification on the basis of voice and speech are considered. It is noted that the most important task is to solve the problem of classifying the features of voice and speech and selecting specific criteria by which the identifier could determine the features of voice and speech of the person identified. The features of oral speech, distinguished by scientists, are analysed. A classification of voice and speech features suitable for identification is proposed; it includes: (1) features of voice: volume (power of voice), timbre (tone of voice), sound features of voice; (2) features of speech: intonation, tempo, speech pauses, speech defects, accent, dialect, features of sentence structure, emphasis on certain words; (3) personal features of speech – semantic features of speech that reflect the identity of the person identified.

References

1. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian).
2. Vol'skaya, T.A. (2006) *Protsessual'nye i takticheskie aspekty pred"yavleniya dlya opoznaniya lits po golosu i rechi* [Procedural and tactical aspects of the presentation of persons for the identification by voice and speech]. Law Cand. Dis. Voronezh.
3. Petrova, A.N. (2012) Ob osobennostyakh pred"yavleniya lichnosti dlya opoznaniya po golosu i rechi [On the peculiarities of the presentation of the person for identification by voice and speech]. *Sbornik Materialov Kriminalisticheskikh chteniy*. 8. pp. 70–72.
4. Akhmedshin, R.L. (2017) *Taktika eksperimental'nykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of experimental investigative actions]. Moskva : Yurlitinform.
5. Al'mukhanova, A.B. et al. (2007) *Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [Big psychological encyclopedia]. Moscow: Eksmo.
6. Galyashina, E.I. (2001) Sudebnaya fonoskopicheskaya ekspertiza [Judicial phonoscopic examination]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*.
7. Shikhantsov, G.G. (1998) *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow: Zertsalo.
8. Leont'ev, A.A., Shakhnarovich, A.M. & Batov, V.I. (1977) *Rech' v kriminalistike i sudebnoy psikhologii* [Speech in criminalistics and criminalistic psychology]. Moscow: Nauka.
9. Kozhina, M.N. (ed.) (2011) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
10. Mel'chuk, I.A. (1995) *Russkiy yazyk v modeli "Smysl – Tekst"* [Russian language in the model "Meaning – Text"]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Alekseeva, T.A. (2013) Osnovnye problemy analiza ustnoy rechi v kriminalistike [The main problems of the analysis of oral speech in criminalistics]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 113–114.
12. Goykhman, O.Ya. & Nadeina, T.M. (2008) *Rechevaya kommunikatsiya* [Speech communication]. Moscow: Infra-M.
13. Yuan, V.L. (2017) O sovremennykh podkhodakh k kriminalisticheskomu issledovaniyu lichnosti doprashivaemogo [On modern approaches to forensic investigation of the identity of the interrogated person] *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy*. 14. pp. 93–94.

УДК 343.98 DOI 10.17223/23088451/12/29

Е.И. Попова

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОЗДАНИЮ СРЕДСТВ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТОК, АДРЕСОВАННЫХ ШИРОКИМ СЛОЯМ НАСЕЛЕНИЯ)

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-4484.2018.6

Автор обращает внимание на тот факт, что существенное число преступлений совершается лицами, даже не предполагающими, что их действия (бездействие) запрещены уголовным законом. Отмечается, что одним из возможных направлений решения обозначенной проблемы видится правовое просвещение широких слоев населения силами представителей науки криминалистики. Рассматриваются критерии, на основе которых целесообразно создавать памятки просветительского характера.

Ключевые слова: правовое *просвещение, криминалистика, памятки, профилактика преступлений.*

Ежегодно в нашей стране регистрируется в среднем свыше двух миллионов преступлений (в 2015 г. – 238 8476, в 2016 г. – 2 160 063, в 2017 г. – 2 058 476, 6 месяцев 2018 г. – 992 966). Из них около 78,5 % (в 2015 г. – 1 868 821, в 2016 г. – 1 702 284, в 2017 г. – 1 621 173, за 6 месяцев 2018 г. – 770 926) составляют те, что относятся к посягательствам небольшой и средней тяжести [1]. При этом значительная доля преступлений совершается непрофессиональными преступниками, не предполагающими, что их действия (бездействие) запрещены уголовным законом. На эту закономерность обращалось внимание и ранее. Так, например Н.А. Добролюбов, анализируя криминальные проявления в обществе в дореволюционный период, отмечал, что большинство преступлений совершается по невежеству, недостатку должных представлений, неумению оценить положение и последствия своего поступка [2; цит. по: 3, с. 152, 259]. Высказывание этого видного российского общественного деятеля XIX в. не потеряло своей актуальности и по сей день. Приведем ряд типичных примеров, подтверждающих правоту подобного рода рассуждений.

Так, мало кто из граждан, получая социальные выплаты на основе предоставленных ими в уполномоченные органы недостоверных сведений, понимает, что такие действия могут подпадать под признаки преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Большинству людей практически не известно, что оказание чиновнику за совершение им действий, входящих в его должностные полномочия, имущественных услуг (например, строительство бани, ремонт автомобиля) может быть квалифицировано как дача взятки. Многие из проживающих на территории нашей страны и не подозревают, что обращение найденного сотового телефона в свою собственность в ряде случаев может образовывать состав кражи. Перечень подобных примеров, которыми богата судебно-следственная практика, можно продолжать достаточно долго [4].

Повторимся, типичным субъектом, совершающим обозначенные и многие иные, подобные им преступления, зачастую является лицо, которое не предполагает, что своими действиями нарушает уголовный закон. Указанные обстоятельства во многом обусловлены низкой правовой грамотностью и правовым нигилизмом широких слоев населения. Вероятно, понимая остроту обозначенной проблемы, руководство страны в последнее время предпринимает все более активные действия для ее решения.

Так, в 2011 г. Президентом России утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (далее – Основы) [5]. Как обозначено в самом документе, содержащиеся в нем предписания направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства (п. 3 Основ). Заметим, что первыми среди прочих направлений осуществления государственной политики в рассматриваемом нормативном акте названы правовое просвещение и правовое информирование граждан (п. 1 ст. 15 Основ).

Развитие идей, обозначенных главой государства, мы находим и в других документах, разработанных как на федеральном, так и на региональном уровне. Среди них следует назвать Стратегию развития правового просвещения граждан в Российской Федерации, подготовленную Министерством юстиции РФ в связи с утверждением Президентом страны Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (далее – Стратегия) [6]. При обосновании предпосылок развития правового просвещения в Стратегии акцентируется внимание на том, что Основы направлены на обеспечение и реализацию гарантированных конституционных прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации. Подчеркивается, что создание сбалансированной, внутренне непротиворечивой и работоспособной юридической структуры организации и проведения на федеральном, региональном и местном уровнях правового просвещения населения долж-

но стать ведущим направлением политики по преодолению правового нигилизма в России и построения действительно демократического государства, в котором будет главенствовать закон [7].

Следует обратить внимание и на Концепцию правового просвещения на период до 2020 г., подготовленную Общественным советом при Уполномоченном по правам человека в Хабаровском крае (далее – Концепция) [8]. В документе содержится ряд принципиально значимых положений для понимания целей и содержания правового просвещения. Так, отмечается, что все граждане имеют право на получение информации, затрагивающей их интересы… Данное право распространяется на всех граждан и признается всеми, кого это касается или может касаться, на всей территории страны (ч. 3 разд. 1 Концепции). Акцентируется внимание и на том, что право граждан на правовое просвещение неотъемлемо. Лица, ограниченные в правах по решению суда, не могут быть лишены права на просвещение; ограничению подлежат лишь способы его реализации, обусловленные лишением права на свободное передвижение и свободный доступ к информации (ч. 4 разд. 1 Концепции).

Следует отметить, что реализация государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, а следовательно, ее составная часть – правовое просвещение возлагаются на государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные юридические сообщества, общественные объединения юристов. Названным субъектам предписывается воплощать заложенные в Основах идеи в тесном взаимодействии со структурами гражданского общества.

На наш взгляд, весомая роль в деле правового просвещения должна отводиться науке. И в этом смысле для криминалистики (равно как и других наук антикриминального цикла) раскрываются широчайшие перспективы не только и не столько формирования (создания «с нуля»), сколько преобразования криминалистических разработок для профессионалов в рекомендации просветительского характера. При этом вновь разрабатываемые средства правового просвещения могут сопровождаться технико-, тактико- и методико-криминалистическими рекомендациями по их использованию соответствующими субъектами [9].

И здесь хотелось бы обратить внимание на следующее. На сегодняшний день деятельность, которая призвана способствовать правовому просвещению населения, осуществляют достаточно большое число органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических сообществ. Так, например, официальные сайты многих из них содержат разделы, посвященные вопросам правового просвещения, правовой грамотности, антикриминальной профилактики (см., например, сайты: Прокуратуры Нижегородской области http://proc-nn.ru/; Комитета гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл http://gov.mari.ru/kgo/prav_prosv.shtml; Агентства по обеспечению деятельности мировых судей Иркутской области http://irkobl.ru/sites/mirsud/; Прокуратуры Приморского края http://prosecutor.ru/education/, и многие другие). Размещаемая там информация посвящена актуальным вопросам, находящимся в ведении соответствующих субъектов и, безусловно, способствует преодолению правового нигилизма и повышению правовой грамотности и культуры граждан. Вместе с тем необходимо отметить, что изучение данной информации показывает, что, как правило, она является кратким изложением (некоей «выжимкой») содержания тех или иных нормативных правовых актов. Таким образом, по сути, реализуется правовое информирование населения, заключающееся лишь в доведении до адресата какой-либо информации правового характера (более подробно об этом см., например [10], а также соответствующие разделы сайтов Прокуратуры Иркутской области https://www.irkproc.ru/qa/285.html, Прокуратуры Томской области http://www.prokuratura.tomsk.gov.ru). Конечно, подобного рода знания необходимы гражданам, зачастую недостаточно осведомленным в тонкостях юриспруденции. Однако не менее важной для них является информация, касающаяся *особенностей реализации норм права*, и *разъяснения, изложенные в доступной для адресата форме, позволяющие выбрать наиболее приемлемый вариант законопослушного поведения в той или иной ситуации* (курсив наш. – *Е.П.*). Именно наличие ситуационно-обусловленных рекомендаций гражданам по применению правовой информации отличает правовое просвещение от правового информирования. Разумно и то, что средства правового просвещения и правового информирования населения могут быть облечены в форму разнообразных печатных и электронных памяток, пособий, лекций, видео-роликов, плакатов, буклетов [9].

На страницах настоящей публикации хотелось бы остановиться на особенностях разработки комплексов рекомендаций, облеченных в форму разнообразных Памяток для граждан, поскольку научный коллектив, осуществляющий работу по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ России НШ-4484.2018.6, уже имеет значительный опыт создания подобного рода научных продуктов [11–13; 14, с. 10–13; 15, с. 3–7; 16, с. 86–98].

Работая над названными средствами правового просвещения, представляется важным придерживаться некоторых условий:

1. Для начала следует определить адресата и то, что конкретно вы собираетесь до него донести. С учетом этого рекомендации могут варьироваться в зависимости: а) от категории граждан; б) от вида (категории) посягательств (а).

2. Необходимо помнить, что Памятки, как правило, включают в себя различную надлежащим образом систематизированную информацию. С учетом этого они как бы аккумулируют в себе нормы различных отраслей права, а также следственную и/или судебную практику.

3. Важно отметить, что рекомендации должны быть максимально прикладными, конкретными, нужными для адресата.

С это целью рекомендуется: а) проанализировать действующее законодательство, регулирующее этот и

смежные правовые институты; б) данные официальной статистики; в) разъяснения высших судебных органов; г) материалы судебно-следственной практики; д) использовать методы анкетирования, интервьюирования, экспертных оценок; е) научные публикации, посвященные рассматриваемой вами сфере правоотношений.

4. Недопустимо предлагать рекомендации, противоречащие действующему законодательству. Текст целесообразно снабжать ссылками на нормативно-правовые акты, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ и т.п. В ряде случаев рекомендации могут подкрепляться статистическими данными, краткими примерами из практики, иллюстрирующими ту или иную ситуацию.

5. При составлении Памятки представляется верным обращать внимание на следующие технические требования:

– Текст не должен быть неоправданно большим и одновременно должен быть максимально информативным. В связи с этим не рекомендуется приводить в большом количестве ссылки на теоретические источники и цитаты ученых. Но если без них не обойтись, то число их должно быть минимальным.

– Текст должен быть максимально доступным для восприятия, учитывать особенности адресата. Так, рекомендации для широких слоев населения целесообразно излагать максимально простым, доступным для восприятия языком, по возможности избегая длинных и не всегда понимаемых лицами, не имеющими юридического образования и опыта работы в соответствующей сфере, терминов.

– Памятки должны быть структурированы, могут содержать разделы, подразделы и т.п.

– Для того чтобы сделать в тексте акцент на ключевых словах, словосочетаниях, можно и нужно выделять их курсивом, другим цветом или размером шрифта и т.п.

– В тексте важно обратить внимание адресата не просто на необходимость изучения содержания Памятки, но и соотнесения ее с действующим законодательством (например, размещенным в справочно-правовых системах Консультант, Гарант, Кодекс). Это особенно актуально, если учитывать высокую активность законодателя.

– Рекомендуется указать разработчика Памятки и дату ее издания (например, путем включения соответствующей информации в нижний или верхний колонтитул).

6. Текст должен носить рекомендательный, а не принуждающий характер, оставлять адресату право выбора. Поэтому лучше употреблять не слова: должен, обязан, а выражения типа: рекомендуется, вероятно, как следует из судебной или следственной практики и т.д.

7. В содержании Памятки недопустим обвинительный уклон. Так, нецелесообразно писать, что если обвиняемый не является по вызову должностных лиц, в отношении него будет избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Лучше так: если обвиняемый не является по вызову должностных лиц, следователь при наличии к тому оснований вправе рассмотреть вопрос о необходимости избрания в отношении этого участника уголовного судопроизводств меры пресечения в виде заключения под стражу.

8. Помимо Памятки может быть разработан целый комплекс сопутствующих материалов: образцы протоколов, жалоб, ходатайств и т.п. Так, нами разработано и внедрено в следственную практику Руководство для следователей и дознавателей по использованию норм об особом порядке, куда, помимо Памяток для практических работников и обвиняемого, вошли и протоколы разъяснения норм главы 40 УПК РФ и особенностей из реализации, адресованные обвиняемым и потерпевшим [17, с. 31].

9. После того как проект Памятки готов, рекомендуем направить ее опытным практикам (специалистам в соответствующей сфере) для критического анализа. При этом желательно обратить внимание рецензентов, что для вас особую ценность представляют именно замечания, которые могут возникнуть по итогам изучения текста. Такая критика, безусловно, поможет усовершенствовать ваш научный продукт. После устранения замечаний можно внедрять.

10. Внедрять лучше по нескольким направлениям:

В научную среду:

– путем публикации в журналах, сборниках, монографиях;

– путем выступления на конференциях, круглых столах.

В правоприменительную практику:

– путем проведения занятий, в рамках курсов повышения квалификации;

– посредством направления созданного вами научного продукта с сопроводительным письмом на имя того или иного руководителя учреждения, организации, ведомства различного уровня. В сопроводительном письме можно указать на особенности ваших рекомендаций, их научную обоснованность, отличие от других, ранее имевших место, и, в конечном счете, ценность для практики. В завершении обычно излагается просьба о внедрении научного продукта.

Отметим также, что одним из перспективных направлений внедрения тех или иных рекомендаций является их размещение в Интернете, а также создание мобильных приложений. Чтобы Памятка принесла пользу потенциальному адресату-правоприменителю, желательно, чтобы она была в свободном доступе для просмотра, а лучше скачивания в электронном виде.

В завершение хотелось бы сказать, что разработка Памяток, иных научных продуктов – это дело творческое. Сегодня были названы лишь некоторые критерии создания таких кратких прикладных пособий (полагаем, перечисленные рекомендации по созданию научно-обоснованных прикладных памяток могут быть полезны не только в направлении борьбы с правонарушениями и преступлениями, но и для целей оптимизации по другим направлениям), которые, смеем надеяться, позволят облегчить работу разработчиков-исследователей в этом направлении и способствовать правовому просвещению населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Состояние* преступности в 2015 г., 2016 г., 2017 г., 6 мес. 2018 года. URL: http://www.mvd.ru. Загл. с экрана (дата обращения: 11.10.2018).
2. *Добролюбов Н.А.* Избранные философские произведения. М., 1948. Т. 1. 582 с.
3. *Векленко С.В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск : Омская академия МВД России, 2002. 191 с.
4. *Чумаков А.В.* Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат : дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2018. 239 с.
5. *Основы* государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом РФ 04 мая 2011 г. № 1465р. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/11139 (дата обращения: 20.10.2018).
6. *Стратегия* развития правового просвещения граждан в Российской Федерации. URL: http://pandia.ru/text/77/390/34387.php (дата обращения 20.10.2018).
7. *Предпосылки* развития правового просвещения // Стратегия развития правового просвещения граждан в Российской Федерации. URL: http://pandia.ru/text/77/390/34387.php (дата обращения: 20.10.2018).
8. *Концепция* правового просвещения на период до 2020 года, подготовленная Общественным советом при Уполномоченном по правам человека в Хабаровском крае / Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае. URL: http://pravo.khv.ru/ (дата обращения: 02.08.2018).
9. *Гармаев Ю.П.* Правовое просвещение и правовое информирование в уголовном процессе и криминалистике // Официальный сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: http://www.iuaj.net/node/1768 (дата обращения: 15.10.2018).
10. *Шмелев А.А.* Что такое правовая информация? URL: http://www.jurprofs.ru/pages.php?p=406 (дата обращения: 29.01.2018).
11. *Гармаев Ю.П.* Предупреждение коррупции в вузе и защита от незаконного обвинения в коррупционном преступлении (для занятий с профессорско-преподавательским составом) : практич. пособие. Улан-Удэ, 2014. 78 с.
12. *Степаненко Р.А., Гармаев Ю.П.* Противодействие коррупционным преступлениям, связанным с мнимым посредничеством во взяточничестве: памятка для следователей Следственного комитета Российской Федерации и работников других правоохранительных органов / отв. ред. Ю.П. Гармаев. Новосибирск, 2015. 64 с.
13. *Гармаев Ю.П., Фалилеев В.А.* Предупреждение коррупции и реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры РФ и органами Следственного комитета РФ : учеб.-методич. пособие. Новосибирск, 2015. 35 с.
14. *Гармаев Ю.П., Попова Е.И.* Памятка подозреваемому, обвиняемому об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и советы по ее практическому применению // Российский следователь. М. : Юристъ, 2013. № 22. С. 10–13.
15. *Попова Е.И.* Памятка потерпевшему об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Администратор суда. 2014. № 2. С. 3–7.
16. *Попова Е.И.* Памятка потерпевшему, заявившему гражданский иск в уголовном процессе // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции 23–25 июня 2017 г. / под ред. И.А. Шаралдаевой ; отв. ред. Е.А. Хлыстов. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 86–98.
17. *Гармаев Ю.П., Попова Е.И.* Руководство по использованию норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ) в рамках досудебного производства по уголовному делу (с памятками и протоколами для подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего) : учеб. пособие. Новосибирск, 2015. 31 с.

RECOMMENDATIONS ON CREATING LEGAL EDUCATION MEANS (A CASE STUDY OF MEMOS ADDRESSED TO GENERAL PUBLIC)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 152–156. DOI 10.17223/23088451/12/29
Elena I. Popova, East Siberian State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: popovaelena03@yandex.ru
Keywords: legal education, forensics, memos, crime prevention.

The state policy in the development of legal literacy and awareness of citizens, and, consequently, legal education as its constituent part is entrusted to state bodies, local governments, professional legal communities, and public associations of lawyers. These subjects are to implement the ideas laid down in the Basics in close cooperation with the structures of civil society. A significant role in legal education should be assigned to science. In this sense, criminology (as well as other sciences of the anti-crime cycle) have broad prospects not only and not so much in the formation (creation from scratch), as in the transformation of professional forensics into educational recommendations. At the same time, newly developed means of legal education may be accompanied by technical, tactical, and forensic recommendations on their use by relevant subjects. Nowadays, a sufficiently large number of government bodies, local governments, and legal communities carry out activities aimed at promoting legal education of the population. This knowledge is necessary for citizens, who often duffer from the lack of information about the subtleties of jurisprudence. However, it is important to provide the information on the specifics of the legal norms in an accessible, which allows choosing the most acceptable variant of law-abiding behaviour in a given situation. It is the situational recommendations to citizens on the use of legal information that distinguishes legal education from legal information. It is also reasonable that the means of legal education and legal information of the population should be accessible as a variety of printed and electronic memos, manuals, lectures, video clips, posters, and booklets.

References

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Sostoyaniye prestupnosti v 2015 g., 2016 g., 2017 g., 6 mes. 2018 goda* [The state of crime in 2015, 2016, 2017, 6 months of 2018]. [Online] Available from: http://www.mvd.ru. (Accessed: 11.10.2018).
2. Dobrolyubov, N.A. (1948) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Vol. 1. Moscow.

3. Veklenko, S.V. (2002) *Ponyatie, sushchnost', soderzhanie i formy viny v ugolovnom prave* [The concept, essence, content and forms of guilt in criminal law]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Chumakov, A.V. (2018) *Osobennosti metodiki rassledovaniya moshennichestva pri poluchenii vyplat* [Methods of investigation of fraud in the receipt of payments]. Law Cand. Dis. Barnaul.
5. Russian Federation. (2011) *Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan, utverzhdennye Prezidentom RF 04 maya 2011 goda № 1465r* [Basics of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens, approved by the President of the Russian Federation on May 4, 2011 No. 1465r]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/11139. (Accessed: 20.10.2018).
6. Isaeva, E. (n.d.) *Strategiya razvitiya pravovogo prosveshcheniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [The strategy for the development of legal education of citizens in the Russian Federation]. [Online] Available from: http://pandia.ru/text/77/390/34387.php. (Accessed: 20.10.2018).
7. Isaeva, E. (n.d.) *Predposylki razvitiya pravovogo prosveshcheniya. Strategiya razvitiya pravovogo prosveshcheniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Prerequisites for the development of legal education. Strategy for the development of legal education of citizens in the Russian Federation]. [Online] Available from: http://pandia.ru/text/77/390/34387.php. (Accessed: 20.10.2018).
8. Commissioner for Human Rights in the Khabarovsk Territory. (n.d.) *Kontseptsiya pravovogo prosveshcheniya na period do 2020 goda, podgotovlennaya Obshchestvennym sovetom pri Upolnomochennom po pravam cheloveka v Khabarovskom krae* [The concept of legal education till 2020, prepared by the Public Council under the Commissioner for Human Rights in the Khabarovsk Territory]. [Online] Available from: http://pravo.khv.ru/. (Accessed: 02.08.2018).
9. Garmaev, Yu.P. (n.d.) *Pravovoe prosveshchenie i pravovoe informirovanie v ugolovnom protsesse i kriminalistike* [Legal education and legal information in criminal proceedings and forensics]. [Online] Available from: http://www.iuaj.net/node/1768. (Accessed: 15.10.2018).
10. Shmelev, A.A. (n.d.) *Chto takoe pravovaya informatsiya?* [What is legal information?]. [Online] Available from: http://www.jurprofs.ru/pages.php?p=406. (Accessed: 29.01.2018).
11. Garmaev, Yu.P. (2014) *Preduprezhdenie korruptsii v vuze i zashchita ot nezakonnogo obvineniya v korruptsionnom prestuplenii (dlya zanyatiy s professorsko-prepodavatel'skim sostavom)* [Prevention of corruption in the university and protection against illegal charges of corruption offenses (for classes with the teaching staff)]. Ulan-Ude: [s.n.].
12. Stepanenko, R.A. & Garmaev, Yu.P. (2015) *Protivodeystvie korruptsionnym prestupleniyam, svyaznym s mnimym posrednichestvom vo vzyatochnichestve: pamyatka dlya sledovateley Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii i rabotnikov drugikh pravookhranitel'nykh organov* [Counteraction to corruption crimes, connected with imaginary mediation in bribery: a reminder for investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation and employees of other law enforcement agencies]. Novosibirsk: [s.n.].
13. Garmaev, Yu.P. & Falileev, V.A. (2015) *Preduprezhdenie korruptsii i realizatsiya mer antikorruptsionnogo prosveshcheniya organami prokuratury RF i organami Sledstvennogo komiteta RF* [Prevention of corruption and the implementation of anti-corruption education by the bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation]. Novosibirsk: [s.n.].
14. Garmaev, Yu.P. & Popova, E.I. (2013) Instruction to the suspect accused about features of consideration of criminal case by court of a special order, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provided by Chapter 40 and Councils on its practical application. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 22. pp. 10–13. (In Russian).
15. Popova, E.I. (2014) Memo to the victim about the features of the criminal proceedings in a special court procedure stipulated by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Administrator suda – Court's Administrator*. 2. pp. 3–7. (In Russian).
16. Popova, E.I. (2017) [Memo to the victim who filed a civil lawsuit in the criminal process]. *Problemy i perspektivy razvitiya gosudarstva i prava v XXI veke* [Problems and Prospects of State and Law Development in the 21st Century]. Proc. of the 8th All-Russian Conference. Ulan-Ude, June 23–25, 2017. Ulan-Ude: VSGUTU. pp. 86–98. (In Russian).
17. Garmaev, Yu.P. & Popova, E.I. (2015) *Rukovodstvo po ispol'zovaniyu norm ob osobom poryadke (gl. 40 UPK RF) v ramkakh dosudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu (s pamyatkami i protokolami dlya podozrevayemogo, obvinyayemogo i poterpevshego)* [Guidelines on the use of rules on a special procedure (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure) in the framework of pre-trial criminal proceedings (with instructions and protocols for the suspect, accused and victim)]. Novosibirsk: [s.n.].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/12/30

Н.А. Кудратов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА

Рассматриваются формирование, развитие и категория классификации «государственные преступления» на территории Таджикистана, предлагаются к расследованию отдельные виды государственных преступлений и ответственность за их совершения.

Ключевые слова: *государственные преступления, измена Родине, неповиновение правителю, организация мятежа, покушение на жизнь царя, измена правителю, захват царской власти, неэтичное поведение в отношении царского трона.*

История государственности (властвования) в Таджикистане начинается с возникновения государства Пешдадидов и Каянидов и продолжается до нынешнего независимого, демократического, правового, светского и унитарного государства – Республики Таджикистан. Формирование государственности на территории Таджикистана стало основой возникновения категории «государственные преступления», которая в начале включала в себе такие деяния (объективная сторона), как измена Родине, неповиновение правителю, организацию мятежа, бунт, покушение на жизнь царя (шаха, шаханшаха, великого царя (шохи кабир), султана, эмира) и его семьи, покушение на жизнь визиря, приведение врагов во двор или укрывание шпионов, измена правителю, захват царской власти или присвоение царских полномочий, дезертирство или побег с поля боя, разглашение личных и семейных секретов правителя, посягательство на царское имущество, покушение на территорию дворца правителя, неэтичное поведение в отношении царского трона и т.д. Указанные преступления входили в состав «преступления против государства», «преступления против власти» и «преступления против общества».

Исследования категории «преступления против государства» на территории Таджикистана, прежде всего, зависели от периодизации развития права и государства Таджикистана. Исходя из цивилизационного подхода, И.Б. Буриев выделил следующие периоды развития государства и права Таджикистана, которые мы взяли за основу и провели исследование развития преступлений против государства. Этими периодами являются:

1) возникновение государства и права;

2) право и государство таджиков под влиянием зороастрийской религии и культуры (2 тыс. лет до н.э. – начало VIII в. н.э.);

3) право и государство таджиков при исламе (мусульманское право. – *К.Н.*) (VIII в. – 1868 г.);

4) смешанное мусульманско-имперское право и государственность (в этот период также действовало обычное право. – *К.Н.*) (1868 г. – 1917–1920 гг.);

5) советское государство и право Таджикистана (1917–1991 гг.);

6) постсоветское государство и право Таджикистана (с. 1991 г.) [1, с. 23].

Возникновение государства и права на территории Таджикистана связано с первобытнообщинным строем, который существовал со времен возникновения человеческого общества до появления антагонистических и неантагонистических классов. Антагонизм приводит к совершению преступления против общества и государства. Антагонистическое противоречие как один из типов противоречий общественного развития, характеризующийся наивысшей остротой борьбы непримиримо враждебных тенденций, сил, общественных классов, который с неизбежностью приводит к такому радикальному способу разрешения противоречия, как революция [2], стало причиной возникновения новых и первых государств (Пешдадидов, Каянидов, Бактрии, Согда, Ахменидов и т.д.) на территории Таджикистана. Несмотря на отсутствие формально-правовых актов в первобытнообщинном периоде, некоторые преступления против правителей, глав племен, главы рода, территории, союз племен напоминается в мифах и эпосах.

Таким образом, в первобытнообщинном строе все преступления подобного рода одинаково оценивались, однако какие наказания за них применялись, неизвестно.

Второй период формирования и развития категории «государственные преступления» связано с развитием права и государства таджиков под влиянием зороастрийской религии и правовой системы (2 тыс. лет до н.э. – начало VIII в. н.э.). Этот период связан с появлением и функционированием таких государств, как Ахменидов, Греко-бактрийское царство (Македонская империя, Селивкидская династия), Кушанское царство, Эфталитов, Тюрский Каганат и Сасанидов.

Правовая система зороастризма, особенно уголовно-правовые нормы, такие, как виды преступления, наказуемость деяния, принципы уголовного права, классификация преступления, категории вины, капитальные преступления, способы искупления вины, совокупность преступлений достаточно хорошо пред-

ставлены в источниках зороастрийкого права – «Авеста (Вендидад (закон против дэвов))», «Шайастна-шайаст» (Дозволенное и недозволенное), «Сасанидский судебник», «Арда-Вираф-Наме», «Суждения Духа разума», позитивные законодательства (указы и предписания царей).

В зороастрийском праве преступлением считались общественно опасные деяния, посягающие на жизнь человека, ангелов, животных (государственной власти, общественного порядка. – *К.Н.*), религию и ведущие к загрязнению окружающей среды [3, с. 308]. Изучая источники зороастрийского права, исследователи классифицировали преступления по различным критериям. Например, некоторые предлагают, чтобы преступления в зависимости от объекта уголовной защиты в данный период были разделены на три части: а) преступления против общественного порядка; б) преступления против религии и религиозных ценностей; в) преступления против власти [4, с. 11]. Данная классификация направлена на уголовно-правовую защиту трех основных элементов (компонентов) – общества, религия и власти. И.Б. Буриев разделяет преступления на следующие виды: преступления против личности, преступления против собственности, преступления против религии, преступления против морали и нравственности, преступления против сил природы и окружающей среды, должностные преступления [1, с. 77].

С точки зрения А.Г. Периханян, все преступления, указанные в источниках зороастрийского права, можно классифицировать на: 1) преступления против личности; 2) преступления в отношении имущественных прав; 3) религиозные и этические преступления; 4) деликты, связанные с обязательственными соглашениями; 5) судебные проступки; 6) должностные проступки [5, с. 247–248].

Г.С. Азизкулова и Н. Хакимов в зависимости от объекта преступления предлагают классифицировать все преступления на 1) преступления против религии; 2) преступления против власти (государства); 3) преступления против жизни и здоровья; 4) преступления против собственности [6, с. 116–118].

Уголовное право зороастризма выделяет в отдельную группу «преступления против государства (власти)», однако точного количества этих преступлений не существует. К этой группе Ф. Сафизода, У.А. Азизов, Г.С. Азизкулова и Н. Хакимов относят такие деяния, как неповиновение правителю, шпионаж, измена Родине, измена правителю, дезертирство или побег с поля боя, разглашение личных и семейных секретов правителя, покушение на территорию дворца правителя, сближение с прислугой гарема правителя, неэтичное поведение в отношении царского трона и т.д. В число самых опасных преступлений такого рода входили покушение на жизнь шаха и членов его семьи (преступления против правителей и религиозных служителей. – *К.Н.*), шпионаж, восстание, бунт и государственная измена. Все преступления подобного рода одинаково оценивались, и наказания за них были почти одинаковыми [7, с. 116–118; 8, с. 77].

Такая система преступления и наказания действовала и в период государственности Ахменидов. Ахмениды при развитии уголовного права и формировании институтов преступления и наказания следовали сформированным уже тенденциям действующего уголовного закона и особенно – Своду законов Хаммурапи. Они на этом поприще, так же как и в области политики и культуры, относились к побежденным народам толерантно, предоставляя им свободу при выборе традиций, норм поведения и даже законов [1, с. 30]. После завоевания территории Таджикистана Александром Македонским правовая жизнь общества и государства развивалась под влиянием греческих законов. Наравне с греческими законами применялись и местные правовые нормы об ответственности за государственные преступления, такие, как «Бундахишн» (Сотворение основы), «Денкард» и т.д. Уголовное право этого периода расширил перечень деяний, которые считались государственными преступлениями, и наказания за эти преступления ужесточились. Все преступления этого периода (IV в. до н.э. – II в. н.э.) классифицируют на две группы – преступления против личности и преступления против государства.

Эйсагемия (измена государству), обман народа, внесение противозаконных предложений в Народное собрание, оскорбление богов, нечестное поведение ораторов на народном собрании, ложный донос (сикофантия), дурное обращения детей с родителями относились к государственным преступлениям [9, с. 203]. Необходимо отметить, что во все времена государственности воинская измена, дезертирство при военных действиях, сдача врагу города, области, поджог города или обороняемого объекта в условиях боевых действий, заговор с целью изменения формы государственного строя или изменения полномочий учреждений, восстание с любой целью или участие в нем, действия с целью передачи власти неуправомоченному лицу являлись преступлениям против безопасности государства, государственного строя и безопасности общества. Эти преступления направлены против царя, обороноспособности государства, территориальной целостности и неприкосновенности, государственной власти, жизни государственного или общественного деятеля.

Суждение об экстремизме как об одном из видов преступления против государства в Авесте и зороастризме встречается в научной литературе. Экстремизм во времена зороастризма в основном имел религиозный характер. Как справедливо пишет А.Г. Холиков, Авеста как священная книга, которая посвящена миру, содружеству, миропониманию, взаимопонимаю и взаимопомощи, призывает людей к доброте, милосердию, благомыслию, благословию и благодеянию [3, с. 374]. Война, вражда и противоборство в обществе являются порождением негативных феноменов, таких, как терроризм, экстремизм, сепаратизм и т.д. Для прекращения вражды между военным племен древнего Ирана и Турана Пророк зороастризма призывает их к прекращению и подчинению единому доброму богу Ахура Мазде.

Зороастризм осуждает вражду и рознь между религиями. Религия, которая призывает своих последователей к вражде и противостоянию другим религиям и

культам, согласно учениям зороастризма, небожественная и неправдивая религия. В «Суждениях Духа разума» говорится: «И когда он увидел, что одна религия враждебна и противна другой, тогда он понял, что эти религии, верования и исповедания противны одна другой, недостойны считаться божественными творениями, так как божественная вера – это праведность, а закон – правдивость». Следует отметить, что одним из основных источников появления экстремистских движений является неудовлетворенность и непримиримость субъекта к происходящим событиям. Зороастризм с самого начала учит подростков тем качествам и знаниям, которые не только отрицают экстремистские проявления в человеке, но и не оставляют шансов тем, кто встал на неправильный путь и поставил своей целью деморализовать правосознание молодого поколения [3, с. 379–380].

Третий период формирования и развития категории «государственные преступления» связано с развитием права и государства таджиков при исламе (мусульманское право. – *К.Н.*) (VIII в. – 1868 г.). Этот период связан с образованием и функционированием раннефеодальных и феодальных государств, которыми правили разные династии (Тахаридов, Саффаридов, Саманидов, Караханидов, Гуридов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов, Тимуридов, Шейбанидов, Аштарханидов), и ханств (Бухарское и Кокансдское). Уголовное право данного периода развивалось под влиянием религии ислама и таких нормативных актов, как Яса «Их засаг хууль» Чингисхана, Тузуки (Уложение Тимура) и т.д.

Мусульманское уголовное право и его институты имели религиозный характер и были отражены в таких источниках как Коран, Хадис (Сунна), Кияс, иджма, иджтихад, фетву и урф. Все преступления в мусульманском праве классифицировали на хадд, кисас и тазир. За совершенные преступления в Коране или Сунне строго установлены определенные виды наказаний, которые входят в группу хадд или худуд. Преступления против личности (жизни и здоровья) наказываются кисасом – «воздаянием равным», а преступления, за которые применяются назидательные, исправительные наказания, являются деяниями категории тазир [10, с. 48–49].

В мусульманском уголовном праве правоведы и ученые исламисты [11, с. 103–109] при классификации преступления наравне с преступлениями против религии, личности, собственности и т.п. выделяют категорию «преступления против государственной власти». Например, исходя из объекта посягательства, М.С. Хайдарова следующим образом классифицирует все уголовно-правовые нормы Корана: а) преступления против религии и власти; б) преступления против собственности; в) преступления против личности [12, с. 55–62]. И.Д. Сафаров разделяет уголовно-правовые нормы мусульманского права периода государственности Саманидов на три группы: 1) преступления против жизни и здоровья; 2) преступления, выраженные в действиях, нарушающих предписания Корана; 3) преступления против государственной власти [11, с. 19–23]. А.К. Назаров, исследуя правовые нормы Корана и Хадисов, классифицирует все преступления так: измена Богу, преступления против жизни, против здоровья, против половой свободы и половой неприкосновенности, против чести и достоинства, против общественного порядка, против собственности, против исламской общины [13, с. 103–109].

Преступления против государственной власти исходя из классификации уголовно-правовых норм мусульманского права на хадд, кисас и тазир, относятся к категориям хадд. Общественные отношения, на которые посягают преступления и относятся к категориям хадд, слишком разнородны.

Т.Ш. Шарипов под хаддом понимает те «деяния, которые посягают на интересы мусульманской общины», а также «наказания, предусмотренные для группы преступлений, упомянутых в Коране» [14, с. 32–41]. В литературе не существует одинакового мнения по поводу разновидностей этой группы преступлений. К таким деяниям относились отступничество от ислама, бунт и сопротивление государственным властям, разбой, кража, употребление спиртных напитков, прелюбодеяние и ложное обвинение в прелюбодеянии. Иногда из этой категории исключают либо бунт, либо вероотступничество, либо их оба [8, с. 152; 15, с. 48–50].

Умышленное насильственное свержение или попытка свержения законного главы государства и законной власти (эмиров, царей), непризнание законного правителя и неисполнение своих обязательств перед государством, стремление к отстранению от власти главы исламского государства, вооруженный захват власти, покушение на государственный переворот [16; 8, с. 155] в исламе входят в состав бунта. Бунт как преступление против государства посягает на основы мусульманского политического строя, безопасности государства, главы государства, правителей. В соответствии с мусульманским уголовным правом, мятежники (баги – «покушающийся (на кого-нибудь)») – это вооруженная группа мусульман, выступивших против легитимного правителя с целью его свержения, обосновывающих свою позицию религиозными доводами, даже если и слабыми. Первый пример такого мятежа случился сразу после смерти Мухаммада, когда несколько племен отказались платить закят новому халифу [17, с. 157].

Во время государственности Саманидов (IX–X вв.) замечаются совершения таких преступлений против государства, как: свержение эмиров (Нух ибн Наср был свергнут со стороны дяди, Абдул-Малик I всего один день правил государством и был свергнут Алп-Тегином – главой тюркской гвардии), убийство эмира (в 914 г. эмир Ахмад Саманид был убит заговорщиками из дворцовой гвардии), покушение на убийство эмира (сторонники секты Карматов и мусульманские духовенства организовали покушение на эмира Насра II), мятежи (в 915 г. племянник эмира Насра II Мансур начал мятеж против эмира Насра II) и т.д. Необходимо отметить, что с целью подрыва экономической безопасности, нарушения единой денежной системы и неподчинения главы государства в период государственности таджиков при исламе некоторые главы областей эмиссировали (чеканили) деньги (монеты) от своего имени. Например, во время правления государства Саманидов со стороны Насра главы Чач (Якуб ибн

Ахмад) и Ферганы (Асад) [17, с. 451] чеканили монеты от своего имени. Такое деяние является диверсией. Однако ответственность за диверсию в указанный период в литературе не встречается.

Наличие государства является необходимым фактором защиты религии. Государства, главы государства и правители областей должны обеспечивать верующим стабильность и безопасность для того, чтобы они могли выполнять обязанности, возложенные на них Аллахом. Исходя из этого, совершение государственных преступлений представляет опасность основам мусульманского общественного и политического строя. Во все периоды развития государственности, особенно в монархический период правления, преступление против государственной власти считалось одним из тяжких преступлений, которые строго карались. В самом Коране как особо опасный вид преступления признается свержение или же попытка свержения главы государства, неповиновение властям и совершение других подобных деяний, посягающих на основы исламского строя и исламского правления. Согласно теории мусульманского права, лицам, совершившим такое деяние, необходимо дать время для отказа от совершённого. Также от правителя требуется рассмотреть их претензии и требования, мирным путем разрешать возникшие вопросы и избегать кровопролития. В случае непослушания их деяния квалифицируются как преступление бунт, и против них будет использоваться сила [16].

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу определения места данного преступного деяния в общей классификации преступлений. Некоторые авторы, в частности Л.Р. Сюкияйнен, Мухаммад аз-Захри ал-Гамрави, утверждают, что попытка насильственного свержения правителя карается строго определенной санкцией. Другие авторы считают, что шариат не устанавливает однозначной и жестко фиксированной санкции за данное правонарушение. По их мнению, мятеж правильнее включить в категорию тазира, так как наказание за него должно устанавливаться по усмотрению суда [18, с. 191].

Мусульманам вменяется в обязанность организация переговорного процесса между противоборствующими сторонами. Они должны попытаться убедить мятежников прекратить сопротивление и сложить оружие. Если они прислушаются и подчинятся воле Аллаха, то они будут освобождены от наказания. Более того, по мнению трех мазхабов, кроме шафиитского, им прощаются все преступления, совершенные во время мятежа. Данная позиция мусульманской правовой доктрины показывает, что целью борьбы с повстанцами является принуждение их к повиновению воли Аллаха. Поэтому, как только данная задача решена, всякое преследование должно быть прекращено. Если мятежники будут настаивать на продолжении восстания, то мусульмане обязаны поддержать легитимную власть в ее борьбе с преступниками [16, с. 157].

В XIII–XIV вв. в результате внешнего вторжения со стороны монголов на территорию Таджикистана формировалось новое государства под руководством Чингисхана. Монгольское право не разделяло преступления и гражданско-правовой деликт. Источники уголовного права наравне с нормами мусульманского права являлись «Их засаг хууль» (Яса) (уложение) Чингисхана. Достоверных данных о содержании Яса нет, есть лишь предполагаемые её составные части, полученные из разных источников. Уголовное право периода монголов направлено на охрану и обеспечению порядка в государстве и обществе. Вопросы категории «преступления против государства» достаточно хорошо освящены в Ясе. Преступления против хана, правителей, должностных лиц и государства карались смертной казнью.

Нижеприведённый перечень преступлений, согласно книге Харольда Альберта Лэмба (англ. Harold Albert Lamb) «Genghis Khan: The Emperor of All Men», Garden City Publishing, 1927 г,. является государственными:

1) под страхом смертной казни, запрещено самовольно провозглашать себя императором, если на то нет решения курултая;

2) запрещено вождям народов и кланов, подчинённых монголам, носить почётные титулы;

3) шпионов приговаривали к смерти.

Яса предусматривает ответственность также за отказ подчинится приказу командира, побег с поля боя, измену государству.

Уголовное право, обладая самым мощным и ярко выраженным карательным инструментарием, делало процесс наказания наглядным, демонстративным для восприятия членами общества, чтобы никто не совершал уголовно-наказуемые деяния.

Нормы уголовного права в составе Яса имели цель укрепить новое политическое устройство общества, власть хана на принадлежащей монголам территории, обеспечить равноправные связи империи с иностранными государствами в сфере торговли, договорных отношений. Яса предписывала всем подданным, независимо от происхождения, строго соблюдать закон.

Тузуки (Уложение Тимура), по мнению И.Б. Буриева также был источником уголовного права, в нем установлены наказания за совершения преступлений против государства и царевичей, как своеволие царевичей, военных и других должностных лиц государства [1, с. 263]. Уложение Тимура является инструкцией из личного опыта Тимура и пожелание (совет) для своих детей, счастливых завоевателей государств, своих потомков. В Уложение Тимура существует двенадцать правил, которые помогли Тимуру достичь власти, завоевать государства.

В ч. 2 Уложения Тимура, *в главе постановление для расширения моего могущества* отмечаются следующие преступления против государства и ее предупреждение: 1) приказы монархов должны исполняться обязательно, ни один подданный не должен быть настолько могущественным или смелым, чтобы остановить их исполнение, если бы даже казалось, что эти приказания должны были иметь прискорбные последствия (включая против государственный безопасности); 2) попытку завладения государством. Тимур пишет, что безопасность требует, чтобы правители не полагались на других в государственных делах и не вверяли бразды власти в руки посторонние. Прогнав своего

повелителя, они завладеют государством. Необходимо поэтому разделить управление делами между несколькими, достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый известной работой, не будет стремиться к высшей власти; 3) для предупреждения возбуждения бунта против амира со стороны солдат Тимур утверждает, что уважение к власти повелителя должно быть так крепко впечатлено в сердцах его солдат и подданных, чтобы ни один них не имел смелости ослушаться его или возбуждать против него бунт; 4) шпионаж и измена монарха иногда была связана с окружением монарха. Тимур напоминает, что во время государственной службы часто встречаются люди злонамеренные, которые разглашают всё. Их главная забота – передавать визирям и эмирам все слова и действия государя. Это я испытал, когда большая часть моего дивана состояла из шпионов, подкупленных моими визирями и эмирами [19].

В главе *о наказаниях моих сыновей, родственников, эмиров и визирей* речь идет о таких преступлениях против государства, как посягательства на верховную власть со стороны сыновей, восстание внуков и других родственников против монарха, замешательства начальников в государстве. Тимур в Уложение отмечает, что если кто-нибудь из моих сыновей дерзал посягнуть на верховную власть, я не отдавал приказа о лишении его жизни или изувечении, но довольствовался содержанием его в тюрьме до тех пор, пока он не отказывался от своих притязаний. Если мой внук или другой родственник восставал против меня, то я лишал их почестей и всего состояния. Начальники – опора государства. Если в момент действия они забывали исполнить должное, я лишал их власти и почестей. Если они предпринимали что-либо, могущее произвести замешательство в государстве, я смещал их на низшие должности [20, с. 55–56].

В главе *постановления для министров – лиц служащих твердо и верных столпов величия* Тимур писал об изменниках, свержении высшей власти и о подстрекании врагов против власти со стороны министров. Если со стороны министров совершаются такие преступления, амир Тимур требовал, чтоб не слишком поспешно произносили ему смертный приговор. Необходимо сначала собрать самые полные справки (доказательства) об обвинителях, нужно еще проверить справедливость самих обвинений.

Министры иногда силою своих происков подрывают спокойствие государства. Тимур приводит пример, «Эмир-Хоссеин в сообществе с одним из визирей, которого он подкупил, подговорил его восстановить меня против Эмира Ику Тимура и Эмира Джаку, самых надежных моих помощников. Я узнал о его замыслах и не поверил его доносу». В книге Тамерлана об эпохе, личности и деянии написано: «Узбеки для того чтобы повредить мне во мнении Туклук Тимура, послали ему донос, будто бы я намерен отделиться и восстать против него. Туклук Тимур прислал грамоту, чтобы меня казнили за измену, но совершенно случайно приказ этот попал в мои руки, и я принял все меры предосторожности, чтобы защитить себя от совершенно незаслуженного мной наказания. Как раз в это время во сне явился мне пророк и объявил, что за освобождение мною из плена 70 саидов (почтительное название духовного лица) семьдесят поколений моего потомства будут царствовать» [20, с. 55–56].

В главе *постановления, которыми нужно руководствоваться при завоевании государств*, Тимур осуждает проблемы становления государства добычей тирании, насилий и жестокостей. Если такое имело место, Тимур призывает государя, верного законам правосудия, употребить все усилия для искоренения этих бичей.

Таким образом, в Уложение Тимура есть такие главы, как постановление для расширения могущества, наказания его сыновей, родственников, эмиров и визирей, постановления для министров – лиц, служащих твердо и верных столпов величия, постановления, которыми нужно руководствоваться при завоевании государств встречается представление о посягательстве на безопасность государства, возбуждение бунта против эмира со стороны солдат, шпионаже, посягательстве на верховную власть, измена государства и эмира, свержение высшей власти. В Уложении Тимура наравне с нормами уголовного права есть и предложение о предупреждении преступления и наказания за них.

Независимо от того, что действовало Уложение Тимура и другие нормативные акты, динамика династической борьбы (государственные преступления) среди Тимуридов выросла. Например, после смерти Тимура созданная им империя распалась, а Мавераннахр превратился в арену кровавой династической борьбы. Еще при жизни Тимур назначил управлять частями государства своих сыновей Джехангира, Омар-шейха, Миран-шаха, Шахруха и внуков Мухаммад Султана, Пир Мухаммада, Ибрахима, Улугбека. Не прошло и несколько дней после смерти Тимура, как каждый из Тимуридов объявлял себя независимым. Внук Тимура, правитель Ташкента Халил-султан (сын Миран-шаха), собрал войско и, опередив другого внука Тимура, сына Джехангира Пир Мухаммада, которого Тимур назначил своим преемником, овладел столицей государства Самаркандом. Неоднократные попытки Пир Мухаммада восстановить свои права не увенчались успехом. В 1406 г. он был убит [17, с. 221–222].

Четвертый период формирования и развития категории «государственные преступления» связано с развитием смешанного мусульманско-имперского права и государственности (1868 г. – 1917–1920 гг.). Развитие права и государственности в этом периоде связано с присоединением Средней Азии к царской России. В 1987 г. на части территории Таджикистана и других государств Средней Азии образовался Туркестанский генерал-губернатор, где был создан аппарат колониального управления во главе с генерал-губернатором, назначаемым непосредственно императором из царской России. Присоединение к царской России стало причиной ликвидации феодальной формы государственности и была создана система органов колониального управления, которая действовала на основе законодательных актов Российской империи.

В области правовых отношений, особенно уголовно-правовых, в период 1868 г. – 1917–1920 гг. в Таджикистане параллельно действовало, с одной сторо-

ны, имперское русское право и, с другой – мусульманское право, каждое в зависимости от своего значения в политики государства и жизни общества играло свою роль. Уголовное право данного периода было мусульманским, а также развивалось под влиянием российского имперского права.

С присоединением Средней Азии к царской России, где территория Таджикистана входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства, действие мусульманского права ограничивается. Причина такого ограничения (вытеснения) была связана с распространением на этой территории российской правовой системы. Однако все это не означало, что правовые источники ислама (Коран, сунны, иджмы, кияс и другие их формы) полностью отменялись или приостанавливались. Мусульманское право в государствах Центральной Азии развивалось не путем отмены старых норм и издания новых, а путем толкования догм права [21, с. 48]. Таковыми явились сочинения мусульманских богословов, в том числе среднеазиатских, в которых давались комментарии и толкование норм. В книге Н.П. Остроумова дается перечень 38 наиболее распространенных среди казиев и муфтиев Центральной Азии сочинений мусульманских законоведов, в числе которых упоминаются работы местных авторов, приобретших известность в мусульманских странах. Из наиболее популярных и распространенных в дореволюционном Таджикистане, как и во всей Центральной Азии, сочинений законоведов являлись: «Фусул-и-Истравшани» [22, с. 9–18], «Фусуль-уль-Имади», «Бахр-ур-Раик», «Джами-ур-румуз», «Тагзиб-уль-Фахри» и другие, авторы которых пользовались наибольшим авторитетом в толковании норм мусульманского права.

Таким образом, судьи и иные духовные лица, применявшие мусульманское право при решении конкретных дел, должны были ссылаться на эти книги или сборники, а не непосредственно на первоисточники мусульманского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буриев И.Б.* История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1–4 (от древнейших времен до начала XX века). Душанбе : Ирфон, 2007. 352 с.
2. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. М., 1980. Т. 13. С. 7–8. URL: http://www.esperanto.mv.ru/wiki/Марксизм/Антагонизм (дата обращения: 25.11.2018).
3. *Холиков А.Г.* Правовая система зороастризма. Душанбе : Матбоут, 2005. 302 с.
4. *Талезари Али Аббас.* Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Душанбе, 2014. 25 с.
5. *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды. М. : Наука, 1983. 371 с.
6. *Азизкулова Г.С., Хакимов Н.* История государства и права Таджикистана. Душанбе, 2018. Ч. 1. 174 с.
7. *Сафизода Фаррух.* Таърихи ҳуқуқ дар Эрони Бостон. = [История права в Древнем Иране]. Тегеран : Джангал, 1391 х./ 2013. 215 с.
8. *Азизов У.А.* Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование : дис. … д-ра юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 77.
9. *Азизкулова Г.С., Хакимов Н.* История государства и права Таджикистана. Душанбе, 2018. Ч. 1. С. 203.
10. *Елаян Г.Ф.* Основы мусульманского уголовного права. Махачкала, 2002. 120 с.
11. *Сафаров И.Д.* Правовая система государства Саманидов // Государство и право. Душанбе, 1997. № 1. С. 19–23.
12. *Хайдарова М.С.* Правовые нормы Корана и Шариата // Известия АН РТ. Серия философия и правоведение. 1986. № 4. С. 55–62.
13. *Назаров А.К.* Уголовно-правовые нормы Корана и Хадисов и их классификация по институтам уголовного права. Душанбе, 2014. 193 с.
14. *Шарипов Т.Ш.* Манобеъи ҳуқуқи ҷазои чиноятии Эрон. = [Источники уголовно-исполнительного права Ирана] // Государство и право. 1998. № 6. С. 32–41. (На тадж. яз.).
15. *Елаян Г.Ф.* Ответственность за посягательство на собственность по мусульманскому уголовному праву : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 189 с.
16. *Islamic* criminal law and procedure. New York, 1988. P. 49.
17. *Гафуров Б.Г.* Таджики: древнейшая, древняя, средневековая и новейшая история. Душанбе : Ирфон, 1998. 750 с.
18. *Сюкияйнен Л.Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014. 212 с.
19. *Якубовский А.* Тамерлан: эпоха, личность, деяния. М. : Гураш, 1992. URL: http://historylib.org/historybooks/Tamerlan--Epokha--Lichnost--Deyaniya/7 (дата обращения: 25.11.2018).
20. *Якубовский А.* Тамерлан: эпоха, личность, деяния. М. : Гураш, 1992. 252 с.
21. *Ишанов А.И., Саматова Х.С., Уразаев Ш.З.* История государства и права Узбекистана. Ташкент, 1969. 160 с.
22. *Остроумов Н.П.* Исламоведение. Ташкент, 1912. 150 с.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CATEGORY "CRIMES AGAINST STATE" IN TAJIKISTAN

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 157–163. DOI 10.17223/23088451/12/30

Nekruz A. Kudratov, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

Keywords: state crimes, treason, disobedience to the ruler; organisation of insurrection; assassination attempt, treason to the ruler, seizure of royal power, unethical behaviour towards the royal throne.

The history of statehood (ruling) in Tajikistan begins with the emergence of the state of Peshdadids and Kayanids and continues until the current independent, democratic, legal, secular and unitary state – the Republic of Tajikistan. The formation of statehood in Tajikistan became the basis for the emergence of "crimes against state" category, which initially included such acts (objective side) as treason, disobedience to the ruler, organisation of insurrection, rebellion, assassination attempt on the life of the king (shah, shahanshah, great king (Shokhi Kabir), Sultan, Emir) and his family, vizier's assasination, bringing enemies into the courtyard or harbouring spies, cheat-

ing on the governor, seizing royal authority or appropriating royal powers, deserting or escaping the battle field, disclosure of the ruler's personal and family secrets, encroachment on the royal property, an attempt to seize the palace, unethical behaviour in relation to the royal throne, etc. These crimes were part of "crimes against state", "crimes against authorities" and "crimes against society". The studies of the category "crimes against state" in Tajikistan depended on the periodisation of the development of law and state in Tajikistan. The following periods of development of the state and law of Tajikistan are distinguished:

1) emergence of state and law;
2) the law and state of the Tajiks under the influence of the Zoroastrian religion and culture (2 thousand years BC – early 8th century AD);
3) the law and state of the Tajiks under Islam (the Muslim law of K.N.) (8th century – 1868);
4) mixed Muslim-imperial law and statehood (the common law of K.N. also acted during this period (1868–1917-1920);
5) the Soviet state and law of Tajikistan (1917–1991);
6) the post-Soviet state and law of Tajikistan (since 1991).

References

1. Buriev, I.B. (2007) *Istoriya gosudarstva i prava Tadzhikistana* [History of State and Law of Tajikistan]. Vol. 1(1-4). Dushanbe: Irfon.
2. Marx, K. (1980) K kritike politicheskoy ekonomii. Predisloviye [Criticism of political economy. Preface]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. 2nd ed. Vol. 13. Translated from German. Moscow" [s.n.]. pp. 7–8.
3. Kholikov, A.G. (2005) *Pravovaya sistema zoroastrizma* [The legal system of Zoroastrianism]. Dushanbe: Matbout.
4. Talezari, A.A. (2014) *Stanovlenie i razvitie institutov prestupleniya i nakazaniya v istorii prava Irana* [Formation and development of institutions of crime and punishment in the history of Iranian law]. Abstract of Law Cand. Dis. Dushanbe.
5. Perikhanyan, A.G. (1983) *Obshchestvo i pravo Irana v Parfyanskiy i Sasanidskiy periody* [Iranian society and law in the Parthian and Sassanian periods]. Moscow: Nauka.
6. Azizkulova, G.S. & Khakimov, N. (2018) *Istoriya gosudarstva i prava Tadzhikistana* [History of State and Law of Tajikistan]. Dushanbe: [s.n.].
7. Safizod Farrukh. (2013) *Ta"rikhi ҳuk,uk, dar Eroni Boston* [History of Law in Ancient Iran]. Tehran: Dzhangal.
8. Azizov, U.A. (2015) *Evolyutsiya institutov prestupleniya i nakazaniya na territorii istoricheskogo i sovremennogo Tadzhikistana: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Evolution of the institutions of crime and punishment in the territory of historical and modern Tajikistan: historical and legal research]. Law Dr. Dis. Dushanbe.
9. Azizkulova, G.S. & Khakimov, N. (2018) *Istoriya gosudarstva i prava Tadzhikistana* [History of State and Law of Tajikistan]. Part 1. Dushanbe: [s.n.].
10. Elayan, G.F. (2002) *Osnovy musul'manskogo ugolovnogo prava* [Basics of Muslim Criminal Law]. Makhachkala: [s.n.].
11. Safarov, I.D. (1997) Pravovaya sistema gosudarstva Samanidov [The legal system of the Samanid state]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 19–23.
12. Khaydarova, M.S. (1986) Pravovye normy Korana i Shariata [Legal norms of the Koran and Sharia]. *Izvestiya AN RT. Seriya filosofiya i pravovedeniye*. 4. pp. 55–62.
13. Nazarov, A.K. (2014) *Ugolovno-pravovye normy Korana i Khadisov i ikh klassifikatsiya po institutam ugolovnogo prava* [Criminal law norms of the Koran and Hadis and their classification by the institutions of criminal law]. Dushanbe: [s.n.].
14. Sharipov, T.Sh. (1998) *Manobe"i ҳuk,uk,i ҷazoi ҷinoyatii Eron* [Sources of Iranian Penal Law]. *Gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 32–41.
15. Elayan, G.F. (2000) *Otvetstvennost' za posyagatel'stvo na sobstvennost' po musul'manskomu ugolovnomu pravu* [Responsibility for infringement of property under Muslim criminal law]. Law Cand. Dis. Krasnodar.
16. Lippman, M., McConville, S. & Yerushalmi, M. (1988) *Islamic sriminal law and procedure*. New York: Praeger. pp. 49.
17. Gafurov, B.G. (1998) *Tadzhiki: drevneyshaya, drevnyaya, srednevekovaya i noveyshaya istoriya* [Tajiks: earliest, ancient, medieval and modern history]. Dushanbe: Irfon.
18. Syukiyaynen, L.R. (2014) *Islam i prava cheloveka v dialoge kul'tur i religiy* [Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions]. Moscow: Sadra.
19. Yakubovskiy, A. (1992a) *Tamerlan: epokha, lichnost', deyaniya* [Tamerlane: Epoch, Personality, Deeds]. Moscow: Gurash. [Online] Available from: http://historylib.org/historybooks/Tamerlan--Epokha--Lichnost--Deyaniya/7. (Accessed: 25.11.2018).
20. Yakubovskiy, A. (1992b) *Tamerlan: epokha, lichnost', deyaniya* [Tamerlane: Epoch, Personality, Deeds]. Moscow: Gurash.
21. Ishanov, A.I., Samatova, Kh.S. & Urazaev, Sh.Z. (1969) *Istoriya gosudarstva i prava Uzbekistana* [History of state and law of Uzbekistan]. Tashkent: [s.n.].
22. Ostroumov, N.P. (1912) *Islamovedeniye* [Islamic Studies]. Tashkent: Turkestanskie vedomosti.

УДК 343.8 DOI 10.17223/23088451/12/31

С.И. Паканич

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Рассматривается зарубежный опыт обеспечения личной безопасности в учреждениях для несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы. Актуальность изучения данного вопроса обуславливается объективной необходимостью совершенствования законодательства и практики его применения. Это наглядно доказывают рост уровня преступности в воспитательных колониях, концентрация в них лиц за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также имеющих различные формы психических заболеваний. Подобная ситуация наблюдается в зарубежных исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. На основе анализа правовой базы, условий отбывания наказания, организации режима, надзора, охраны и подготовки персонала автор отмечает ряд положительных достижений зарубежных стран в сфере защиты жизни и здоровья несовершеннолетних в условиях их изоляции от общества. По мнению автора, некоторые положения могут быть успешно реализованы в законодательстве Российской Федерации при совершенствовании работы исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: *безопасность осужденных, личная безопасность осужденных, несовершеннолетние осужденные, зарубежные пенитенциарные учреждения, право на безопасность, исполнение наказания, персонал исправительных учреждений, воспитательные колонии, несовершеннолетние правонарушители.*

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе России проходят масштабные реформы. Их основные параметры определены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р [1]. Особое внимание в рамках проводимых изменений уделяется несовершеннолетним осужденным. Общеизвестно, что они в силу своего возраста являются одной из наиболее незащищенных категорий.

В 2017 г. в России функционировали 23 воспитательные колонии. В них отбывали наказание 1,4 тысяч несовершеннолетних правонарушителей. Значительная часть из них имела психические отклонения. Здесь сосредотачивается наиболее криминальная часть несовершеннолетних осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Угрожающие тенденции принимает высокий уровень преступности в воспитательных колониях на протяжении последних нескольких лет. Так, в расчете на 1 000 человек он составляет: в 2014 г. – 1,1; в 2015 г. – 2,83; в 2016 г. – 5,36; в 2017 г. – 2,08 [2].

Например, в марте 2015 г. в Ангарской воспитательной колонии произошли массовые беспорядки с участием несовершеннолетних осуждённых. Они совершили поджоги в помещениях, расположенных на территории колонии, нанесли вред здоровью сотрудников и осужденных. Ущерб, причиненный колонии, составил более 2,6 млн рублей. В 2017 г. вынесен обвинительный приговор 33 осужденным [3].

Представляется, что при таких условиях одной из наиболее сложных задач, стоящих перед сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, остается обеспечение личной безопасности несовершеннолетних осужденных. Анализ периодической литературы показывает, что данная проблема характерна и для пенитенциарных учреждений зарубежных стран [4, с. 58–59].

Следует отметить, что в последние десятилетия наша страна активно входит в процессы мировой интеграции. В этой связи происходят серьезные изменения не только в политической и экономической сферах общества, но и в области исполнения уголовных наказаний. Поэтому изучение зарубежного опыта обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы имеет большое значение для совершенствования действующего законодательства и практики его применения в Российской Федерации.

В первую очередь обозначим понятие рассматриваемого объекта. Право на личную безопасность несовершеннолетних осужденных при исполнении уголовных наказаний на современном этапе представляется как естественное, базисное право осужденных, гарантируемое международным и российским законодательством, обеспечивающее отсутствие опасностей и их прогрессивное развитие, путем реализации прав, свобод и законных интересов. Это межотраслевой институт. Центральное место в его содержании занимает защита наиболее важных ценностей – их жизни и здоровья.

В то же время вызывает интерес правовое регулирование вопросов обеспечения личной безопасности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних осужденных. Международные документы и зарубежное законодательство, которое регламентирует рассматриваемые меры личной безопасности, условно можно представить в виде трех блоков.

В первый блок следует включить международные акты в области исполнения наказаний и обращения с несовершеннолетними осужденными. К числу таких документов относятся: Конвенция о правах ребенка;

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила); Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних; Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Сюда же, на наш взгляд, следует включить международные документы по вопросам предупреждения преступности и обращения с правонарушителями, исполнения уголовных наказаний общего характера. Наиболее значимыми среди них являются: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными; Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Европейские тюремные правила. Они распространяют свое влияние на исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных [5, с. 10–21].

Так, например, Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания дополняет российское законодательство понятием пытка. Под пыткой понимается любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству с целью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц. Данное понятие используется при инспектировании исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных к лишению свободы и оценке деятельности персонала данных заведений на предмет обеспечения личной безопасности правонарушителей.

Второй блок составляют региональные документы по правам человека. В Европе к их числу следует отнести: Конвенцию по защите прав человека и основных свобод; Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращение или наказания; Европейские пенитенциарные правила. К примеру, ст. 6 Конвенции по защите прав человека и основных свобод закрепляет, что в случаях судебного разбирательства оно осуществляется публично (в том числе по вопросам обеспечения права несовершеннолетних осужденных на личную безопасность). Однако допускаются исключения из этого правила. Например, в случаях, когда того требуют интересы несовершеннолетних.

Международные документы первого и второго блоков устанавливают лишь общие принципы обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы. Однако следует отметить тот факт, что Европа является единственным регионом мира, где существует надгосударственный механизм инспекции мест заключения. Так, в соответствии со статьей 2 «Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания» [6, с. 230–242], граждане одной страны могут инспектировать пенитенциарные учреждения другой страны, открыто публиковать их результаты. В настоящее время к рассматриваемому документу присоединилось 47 европейских государств.

Третий блок представляет национальное законодательство в области обеспечения права на личную безопасность несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы. Он представлен наиболее объемным массивом правовой базы, сложившимся с учетом исторических особенностей развития каждого отдельного государства. В него входят нормативные документы от конституции страны до ведомственных и региональных (штатов, областей, провинций). Значительное распространение в рамках рассматриваемого вопроса получило ведомственное законодательство. Примером может служить правовая база соответствующих пенитенциарных учреждений Великобритании, Германии, Франции. Здесь администрация принимает все усилия, чтобы нормы и правила в области обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных были понятны и усвоены каждым, приобрели для него логический смысл. Правильная организация режима отбывания наказания в соответствии с международными стандартами непременно предполагает формирование отлаженной системы взаимоотношений как в среде осужденных, так и между администрацией и осужденными.

В конечном счете, можно выделить три больших блока документов, регламентирующих вопросы обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран. Эти блоки представлены международным, региональным и национальным законодательством. Европа является единственным регионом мира, где право на личную безопасность гарантировано не только национальным законодательством. Это обстоятельство создает дополнительные гарантии для его защиты и обеспечения.

Для эффективной реализации рассматриваемого права осужденных персонал должен четко знать основные принципы работы с различными категориями несовершеннолетних и иметь достаточную профессиональную подготовку. В этой связи обратимся к особенностям подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних осужденных в зарубежных странах.

Проведенный анализ позволяет говорить, что в большинстве стран подготовку персонала осуществляют одно (Финляндия, Южно-Африканская Республика) или сразу несколько специализированных учебных заведений (Великобритания, США, Германия). В их задачи также входит проведение научно-исследовательской и экспериментальной работы. Новые сотрудники пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних осужденных проходят курс смешанного обучения в среднем два года. Он включает в себя изучение теории и применение ее на практике. В современных условиях подготовка персонала синтезирует знания, навыки и умения в сферах педагогики, психологии, права, управления, экономики и медицины [7, с. 91]. Полагаем, что это позволяет создать более высокие гарантии реализации несовершеннолетними осужденными рассматриваемого права.

Несомненный интерес представляет программа обеспечения личной безопасности несовершеннолет-

них осужденных в Норвегии. В ее основе лежит внушение всему персоналу в ходе обучения об ответственности каждого за жизнь и здоровье осужденных. Реализация требований Европейских пенитенциарных правил в учреждениях для несовершеннолетних осужденных в Норвегии требует от сотрудников надлежащей подготовки. Все кандидаты на должности отличаются максимальной честностью, гуманностью, владением профессиональными навыками и личной пригодностью к выполнению работы. Для решения вопросов адаптации осужденных с июня 2002 г. на служащих была возложена дополнительная обязанность – кураторство трех-четырех заключенных. Главная цель состоит в том, чтобы у каждого осужденного был куратор, который заинтересован в организации исправления, обучения и обеспечения безопасности заключенного [8]. Полагаем, что подобный институт кураторства несовершеннолетних осужденных может быть использован в России.

При подготовке персонала в Норвегии выделяют два основных принципа обучения, заложенных в программе. Во-первых, это повышение уровня индивидуального самосознания в вопросах, связанных с личной безопасностью и рисками через систему упражнений и аналитических подходов. Во-вторых, это обмен опытом и знаниями, имеющимися у каждого сотрудника в отдельности, активное участие в учебном процессе (обсуждение реальных ситуаций, фильмов, ролевые игры) [9, с. 32–35]. Вероятно, что указанная программа должна быть использована при подготовке и переподготовке персонала воспитательных колоний в нашей стране.

Однако следует отметить, что в некоторых государствах дополнительное специальное обучение не является обязательным условием для работы с несовершеннолетними осужденными. Например, в Швейцарии лица, принимаемые на работу в пенитенциарные учреждения, изначально обладают жизненным опытом, имеют профессию и образование. Люди, имеющие достаточно высокую квалификацию, вообще могут не направляться в учебные центры [10, с. 79].

Представляется, что отсутствие должной подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних осужденных снижает уровень обеспечения их личной безопасности. Наглядно это было продемонстрировано при проведении «Стэнфордского тюремного эксперимента», проводимого под руководством профессора Филиппа Зимбардо. Неподготовленные сотрудники из числа обычных студентов калифорнийского университета уже на второй день эксперимента стали проявлять чрезмерную жестокость и грубость в отношении своих сверстников, исполнявших роль заключенных [11, с. 44–46]. Возможно поэтому, необходимость специальной подготовки персонала, в том числе в сфере обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных, осознанна в большинстве зарубежных стран.

Значительное внимание в целом ряде государств уделяется организации режима, надзора и охраны как элементам, без которых невозможно эффективно обеспечить право несовершеннолетних осужденных на личную безопасность в местах лишения свободы. Практика обеспечения указанных направлений деятельности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних осужденных постоянно совершенствуется. Поэтому использование зарубежного опыта, несомненно, полезно для организации режима, надзора и охраны в условиях проводимых реформ.

В большинстве стран несовершеннолетние осужденные содержатся в специализированных пенитенциарных учреждениях. Данные учреждения чаще всего рассчитаны на небольшое количество осужденных (100–200 человек). В свою очередь, само учреждение в ряде европейских государств (Великобритании, Германии, Франции) условно делится на блоки и рубежи. Несовершеннолетние осужденные размещаются в блоках дифференцировано. Для обеспечения правопорядка и должного уровня обеспечения личной безопасности осужденных широко используются специальные и технические средства, средства индивидуальной защиты [12, с. 185–189].

Персонал пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних оснащен звуковыми средствами подачи тревоги (свисток). В помещениях располагаются кнопки экстренного вызова. При себе сотрудники имеют личные радиостанции. Каждый сотрудник оснащен удобным прибором личной тревожной сигнализации. Он носится в кармане и обеспечивает легкое и скрытое включение. На пункте управления положение прибора отражается автоматически. Вследствие этого данный прибор также применяется для непрерывного контроля местоположения каждого сотрудника пенитенциарного учреждения для несовершеннолетних [13, с. 14]. В России подобная система контроля повсеместно не используется в связи с высокой стоимостью приборов слежения.

Материально-бытовые условия являются определяющим фактором обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы за рубежом. От окружающего осужденных быта во многом зависит характер их отношений, эффективность воздействия средств исправления в достижении рассматриваемой цели по защите жизни и здоровья осужденных пенитенциарных учреждений. В большинстве европейских стран для несовершеннолетних осужденных в исправительных учреждениях созданы комфортные условия отбывания наказания. Для своего развития они имеют доступ к спортивным площадкам. Так, например, во Франции несовершеннолетние осужденные занимаются спортом в течение 20 часов в неделю. Те из них, которые активно занимаются спортом, общественнополезной деятельностью, повышают свой образовательный и культурный уровень, имеют реальную возможность улучшения условий содержания [14, с. 39].

Территория пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних осужденных представлена красивыми корпусами, ровно подстриженными газонами и клумбами. Уборку учреждений осуществляют сами осужденные. Подобная работа по благоустройству мест лишения свободы несовершеннолетними осужденными широкое распространение получила в Норвегии.

Это помогает снизить агрессивность среди подростков. Совместная деятельность под руководством персонала позволяет установить доверительные отношения с осужденными [15, с. 44–48].

Из этого следует, что за рубежом накоплен значительный опыт материально-бытового обеспечения несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы. В рамках обеспечения их права на личную безопасность большинство стран стремится соответствовать международным стандартам. В этом направлении следует отметить положительный опыт организации питания, комнатного содержания в ночное и вечернее время, благоустройства территории, занятий с рассматриваемой категорией осужденных спортом.

Следующим направлением обеспечения права на личную безопасность несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы является организация взаимодействия с общественными институтами. Сотрудничая с уголовно-исполнительными ведомствами и учреждениями своих стран, общественные формирования вносят значительный вклад в реформирование системы исполнения уголовных наказаний, способствуют укреплению и усилению контроля их деятельности. Эта деятельность общественности связана с работой по различным направлениям.

В большинстве зарубежных стран в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних осужденных широкое распространение получила работа священнослужителей. Духовно-нравственное просвещение, как правило, способствует законопослушному образу жизни осужденного. Так, в Белоруссии принята специальная «Инструкция о порядке работы священнослужителей Белорусской православной церкви в исправительных учреждениях, следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, лечебно-трудовых профилакториях МВД Республики Беларусь». Она закрепляет основные права и обязанности тюремных священников [16, с. 12–14]. Индивидуальную работу с несовершеннолетними правонарушителями активно осуществляют священнослужители на Украине. Надо полагать, что пропаганда законопослушного поведения представителей церкви позволяет создать более «безопасные» условия для отбытия наказания.

Отдельным направлением взаимодействия пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних с общественными институтами за рубежом является благотворительность. В ряде стран силами общественности оказывается помощь в разработке учебных программ, поиске спонсоров, привлечении специалистов, направлении ходатайств об оказании социальной помощи персоналу. Важным гарантом личной безопасности несовершеннолетних правонарушителей является Европейская служба юридической консультации. Она действует на территории всей Европы и работает с лицами всех национальностей в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Например, в Великобритании бесплатную помощь осужденному по составлению обращения о нарушении его права на личную безопасность оказывает Служба консультаций [17, с. 40].

Одним из наиболее важных направлений обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в рамках взаимодействия пенитенциарных учреждений с общественностью является контроль их деятельности. Во Франции действует Национальная ассоциация посетителей тюрем. Согласно уголовно-процессуальному законодательству страны, они призваны помогать пенитенциарным учреждениям. Оказывается моральная поддержка несовершеннолетних правонарушителей, материальная помощь им и их семьям. Кроме того, во Франции широко развита сеть Студенческих ассоциаций. Они оказывают помощь осужденным, способствуют развитию у них творческой активности, разъясняют действующее законодательство.

В Великобритании контрольные функции возложены на комитеты (советы) посетителей. Они осуществляют проверку материально-бытовых условий осужденных, организацию управления пенитенциарным учреждением для несовершеннолетних и обращением с ними. Посещения организуются один или два раза в неделю. Свои жалобы несовершеннолетние правонарушители могут опускать в специальные ящики. В случаях выявления фактов нарушений обеспечения их личной безопасности комитеты посетителей докладывают об этом государственному секретарю [18, с. 8].

В Италии и США широкое распространение получила «Программа примирения жертвы и преступника». Ее реализует Центр жертв, в отношении которых было совершено преступление. Программа предоставляет потерпевшему возможность встретиться в присутствии специально обученного посредника с несовершеннолетним правонарушителем. Молодой преступник сталкивается лично с последствиями своего деяния. Эти программы оказывают мощное нравственное влияние на личность осужденных, позволяя склонить их на сторону одобряемого обществом поведения и снизить агрессивность [19, с. 47].

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что организация взаимодействия с общественными институтами за рубежом является важным направлением обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы. Передовой опыт зарубежных стран в этом направлении мог бы служить основой для внесения изменений в условиях реформирования в действующее уголовно-исполнительное законодательство нашей страны. Полагаем, что в этой связи целесообразным бы было продумать возможность использования зарубежной практики привлечения студенческих и общественных организаций в реализации несовершеннолетними осужденными своего права на личную безопасность. Явно не достаточно в этом направлении используется потенциал Русской православной церкви. Зарубежная практика показала эффективность программ примирения жертвы и преступника. Заслуживает внимания опыт привлечения дополнительных материальных средств. Это позволило бы создать в местах лишения свободы для осужденных и сотрудников более комфортабельные условия, оснастить современными средствами обеспечения безопасности учреждения, повысить эффективность работы соответствующих служб.

Далее рассмотрим опыт зарубежных стран по применению средств обеспечения безопасности в отношении

несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы, имеющих принудительный характер. В этом направлении представляет несомненный интерес работа персонала Германии, Великобритании, Уэльса. Администрация рассматриваемых учреждений регулярно проводит тренировки и учения среди сотрудников по пресечению групповых неповиновений, буйства, случаев обеспечения личной безопасности, неподчинения несовершеннолетних осужденных законным требованиям персонала. При этом тактика действий в условиях обострения оперативной обстановки предусматривает четкое распределение функций. Например, при пресечении буйства в камере группа из 5 сотрудников действует следующим образом: после нескольких требований о прекращении противоправных действий группа внезапно врывается в камеру. Один сотрудник захватывает голову буйствующего осужденного, второй и третий – руки, четвертый блокирует ноги. Пятый сотрудник страхует остальных и надевает наручники. Перемещение данного осужденного осуществляется на специальных носилках с зажимами [20, с. 40].

Таким образом, в отличие от других регионов мира в Европе существует механизм надгосударственной защиты жизни и здоровья несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы путем инспектирования пенитенциарных учреждений и подачи жалоб. В большинстве зарубежных стран важной гарантией обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных является прохождение персоналом специальной подготовки. Личная безопасность осужденных поддерживается за счет мер общего и специального характера. В целом, зарубежный опыт обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы может быть успешно воспринят нашим государством при совершенствовании деятельности воспитательных колоний. Для повышения эффективности использования рассматриваемого зарубежного опыта следует активно развивать систему сотрудничества с иностранными пенитенциарными учреждениями, службами, представителями пенитенциарной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Распоряжение* Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43.
2. *Характеристика* лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL: http: /fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK. (дата обращения: 25.11.2018).
3. *В Ангарске* вынесли приговоры участникам бунта в воспитательной колонии. URL: http: //baikal24.ru/text/22-12-2017/kolonii. (дата обращения: 25.11.2018).
4. *Гусев Д.* Французская тюрьма – «Ветхость, жестокость, бедность и унижение» // Преступление и наказание. 2010. № 5. С. 58–59.
5. *Беляева Л.И.* Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних: международные стандарты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 10-21.
6. *Европейская* конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987) // Российский ежегодник международного права. 1992. СПб. : Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 1994. С. 230–242.
7. *Нагорных Р.В.* Проблемы использования зарубежного опыта профессиональной подготовки кадров в деятельности органов и учреждений ФСИН России // Профессиональная подготовка кадров для пенитенциарных учреждений в России и за рубежом: проблемы и перспективы: Сборник материалов Международного научно-практического семинара (Вологда, 20 апреля 2006 г.). Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2006. 154 с.
8. *Щербаков А. В., Налдеев А. Б.* Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских условиях // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 393–396. URL: https://moluch.ru/archive/82/15027 (дата обращения: 25.11.2018).
9. *Стагеберг О.* Безопасность в уголовно-исполнительной системе Норвегии и человеческий фактор // Повышение квалификации сотрудников пенитенциарных учреждений: состояние, проблемы, перспективы: материалы Международной российско-норвежской конференции. СПб. : Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России, 2010. С. 32–35.
10. *Аналитический* обзор с предложениями «Зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних». Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2010. 180 с.
11. *Бартелеми П.* «Заключенные» для науки, или 40 лет Стэнфордскому эксперименту // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 12. С. 44–46.
12. *Паканич С.И., Тимохов Е.В.* Особенности обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы в XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 185-189.
13. *Тюрьмы* Великобритании // Российский тюремный журнал. 2009. № 2. //[Электронный ресурс] URL: http://zagr.org/474.html (дата обращения: 25.11.2018).
14. *Слепцов И.В.* Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 2. С. 39–42.
15. *Зауторова Э.В.* О реализации программы «ART-метод тренировки социальной компетенции» в исправительных учреждениях ФСИН России // Вестник института. 2012. № 20. С. 44–48.
16. *Болоховский Н.И., Синкевич С.А.* Статус священнослужителя Белорусской Православной Церкви по законодательству Республики Беларусь // Минские епархиальные ведомости. 2008. № 4. С. 12–14.
17. *Маруков А.Ф.* Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. 48 с.
18. *Тихомиров Е.В.* Зарубежный опыт участия общественности в деятельности учреждений для содержания несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 6. С. 8–10.

19. *Головизнина М.В.* Преступность несовершеннолетних, ювенальная юстиция и восстановительное правосудие в Италии // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2. С. 44–47.
20. *Пантелеев В.А.* Предупреждение и пресечение кризисных ситуаций в пенитенциарных системах зарубежных стран : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Владимир, 2008. 68 с.

FOREIGN EXPERIENCE OF ENSURING THE PERSONAL SECURITY OF JUVENILE CONVICTS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 164–170. DOI 10.17223/23088451/12/31

Sergey I. Pakanich, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sergeipakanich@mail.ru

Keywords: security of convicts, personal security of convicts, juvenile convicts, foreign penal institutions, right to security, execution of sentences, correctional facility personnel, juvenile correctional facilities, juvenile offenders.

The organisation of interaction with public institutions abroad is an important direction in ensuring the personal security of minors in prisons. The advanced experience of foreign countries in this direction could serve as a basis for introducing changes into the existing penal legislation of Russia. The author believes that in this regard it would be advisable to think about the possibility of using foreign practice of attracting student and public organisations in the implementation by convicted juveniles of their right to personal security. Obviously, the potential of the Russian Orthodox Church is not sufficiently used in this direction. Foreign practice has shown the effectiveness of reconciliation programs of the victim and the perpetrator. The experience of attracting additional material resources is noteworthy. This would make it possible to create more comfortable conditions for convicts and employees in correctional facilities, equip them with modern security tools and increase the efficiency of the work of the relevant services.

Unlike other regions of the world, Europe has a mechanism of supranational protection of the life and health of juvenile convicts by inspecting prisons and filing complaints. In most foreign countries, an important guarantee for ensuring the personal security of juvenile convicts is that the staff undergo special training. The personal security of convicts is maintained by measures of a general and special nature. In general, the foreign experience of ensuring the personal security of juvenile convicts can be successfully perceived by Russia while improving the activities of juvenile correctional facilities. In order to increase the effectiveness of using the foreign experience in question, cooperation with foreign penitentiary institutions, services, representatives of the penitentiary science should be actively developed.

References

1. Russian Federation. (2010) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) "O Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda" [Order of the Government of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010 (as amended on September 23, 2015) "On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation.* 43.
2. FSIN of Russia. (2017) *Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh* [Characteristics of persons held in juvenile detention facilities]. [Online]. Available from: http: /fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka v VK. (Accessed: 25.11.2018).
3. Baikal24.ru. (2017) *V Angarske vynesli prigovory uchastnikam bunta v vospitatel'noy kolonii* [In Angarsk, the participants of the revolt in the correctional facility were sentenced]. [Online]. Available from: http: //baikal24.ru/text/22-12-2017/kolonii.. (Accessed: 25.11.2018).
4. Gusev, D. (2010) Frantsuzskaya tyur'ma – "Vetkhost', zhestokost', bednost' i unizhenie" [Prison: "Decay, Cruelty, Poverty and Humiliation"]. *Prestuplenie i nakazanie.* 5. pp. 58–59.
5. Belyaeva, L.I. (2008) Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh: mezhdunarodnye standarty [Execution of punishment in the form of deprivation of liberty against minors: international standards]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie.* 3. pp. 10–21.
6. European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. (1994) *Evropeyskaya konventsiya po preduprezhdeniyu pytok i beschelovechnogo ili unizhayushchego dostoinstvo obrashcheniya ili nakazaniya (Zaklyuchena v g. Strasburge 26.11.1987)* [European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (concluded in Strasbourg on November 26, 1987)]. In: *Rossiyskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1992* [Russian Yearbook of International Law. 1992]. St. Petersburg: Sotsial'no-kommercheskaya firma "Rossiya-Neva". pp. 230–242.
7. Nagornykh, R.V. (2006) [Problems of using foreign experience in professional training of personnel in the activities of bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Professional'naya podgotovka kadrov dlya penitentsiarnykh uchrezhdeniy v Rossii i za rubezhom: problemy i perspektivy* [Professional training of personnel for penitentiary institutions in Russia and abroad: problems and prospects]. Proceedings of the international seminar. Vologda. April 20, 2006. Vologda: VIPE FSIN Rossii. p. 91. (In Russian).
8. Shcherbakov, A.V. & Naldeev, A.B. (2015) Polozhitel'nyy opyt funktsionirovaniya penitentsiarnykh uchrezhdeniy Norvegii i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v rossiyskikh usloviyakh [Positive experience of the functioning of penitentiary institutions in Norway and the possibility of its use in the Russian context]. *Molodoy uchenyy.* 2. pp. 393–396. [Online]. Available from: https://moluch.ru/archive/82/15027. (Accessed: 25.11.2018).
9. Stageberg, O. (2010) [Security in the penal system of Norway and the human factor]. *Povyshenie kvalifikatsii sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdeniy: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Improving the qualification of prison staff: status, problems, prospects]. Proceedings of the International Russian-Norwegian Conference. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy IPKR FSIN Rossii. pp. 32–35. (In Russian).
10. FSIN of Russia. (2010) *Analiticheskiy obzor s predlozheniyami "Zarubezhnyy opyt ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh"* [Analytical review with the proposals "Foreign experience in the execution of the sentence of imprisonment for minors"]. Vologda: VIPE FSIN Rossii.
11. Bartelemi, P. (2011) "Zaklyuchennye" dlya nauki, ili 40 let St·enfordskomu eksperimentu ["Prisoners" for science, or 40 years of the Stanford experiment]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy.* 12. pp. 44–46.

12. Pakanich, S.I. & Timokhov, E.V. (2014) Features of Personal Safety of Juvenile Offenders in Prison in the 20th Century. *Vestnik vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 1 (30). pp. 185–189. (In Russian).
13. *Rossiyskiy tyuremnyy zhurnal.* (2009) Tyur'my Velikobritanii [British prisons]. 2.
14. Sleptsov, I.V. (2009) Penitentsiarnaya sistema Frantsii (kratkiy obzor) [The penitentiary system of France (a brief overview)]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2.
15. Zautorova, E.V. (2012) O realizatsii programmy "ART-metod trenirovki sotsial'noy kompetentsii" v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii [On the implementation of the program "ART-method of training social competence" in prisons of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vestnik instituta*. 20. pp. 44–48.
16. Bolokhovskiy, N.I. & Sinkevich, S.A. (2008) Status svyashchennosluzhitelya Belorusskoy Pravoslavnoy TSerkvi po zakonodatel'stvu Respubliki Belarus' [The status of a clergyman of the Belarusian Orthodox Church according to the legislation of the Republic of Belarus]. *Minskie eparkhial'nye vedomosti.* 4. pp. 12–14.
17. Marukov, A.F. (2001) *Tyuremnaya politika Anglii i Uel'sa: istoriko-pravovoe issledovanie* [The prison policy of England and Wales: a historical and legal study]. Absract of Law Dr. Dis St. Petersburg.
18. Tikhomirov, E.V. (2006) Zarubezhnyy opyt uchastiya obshchestvennosti v deyatel'nosti uchrezhdeniy dlya soderzhaniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Foreign experience of public participation in the activities of institutions for the support of juvenile convicts]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 6. pp. 8.
19. Goloviznina, M.V. (2007) Prestupnost' nesovershennoletnikh, yuvenal'naya yustitsiya i vosstanovitel'noe pravosudie v Italii [e and restorative justice in Italy]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii – Issues of Juvenile Justice*. 2.
20. Panteleev, V.A. (2008) *Preduprezhdenie i presechenie krizisnykh situatsiy v penitentsiarnykh sistemakh zarubezhnykh stran* [Prevention and suppression of crisis situations in the penitentiary systems of foreign countries] 2nd ed. Vladimir: Vladimir Law Institute.

УДК 343.235.2 DOI 10.17223/23088451/12/32

В.А. Терентьева

ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ

Изучается институт освобождения от уголовного наказания в его сравнительно-правовом аспекте с законодательством Германии. Приведенное исследование позволяет оценить правовую обусловленность указанного института и учесть позитивный опыт иностранного нормативно-правового регулирования. Изучая освобождение в ФРГ, можно сделать вывод, что этот институт прошел долгий путь эволюции. При этом в Германии он регулируется не только и не столько УК ФРГ, а специально существующим законом, исключающим уголовную ответственность несовершеннолетних. Выделение специальной отрасли – молодежного права – является одним из критериев эффективности институтов права. Учет российским законодателем указанного положительного опыта позволит снизить процент рецидива в нашей стране.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, освобождение от уголовного наказания, молодежное право.*

Уголовное законодательство Германии имеет отдельную отрасль, касающуюся несовершеннолетних, так называемый – Jugendgerichtsgesetz [1], т.е. Закон «О суде по делам молодежи», принятый в 1953 г. (он дополняет ранее действовавший Закон от 1923 г. «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних»). Однако этот закон представляет собой набор не только материальных уголовно-правовых норм, он также содержит и процессуальные нормы. Кроме того, существует еще и Уголовный кодекс, который применяется в определенных случаях и к несовершеннолетним.

В целом, именно такой подход оценивается учеными как подход наибольшего благоприятствования несовершеннолетнему. Такого мнения придерживаются, например, С.В. Долгова, И.А. Иванова [2, с. 128–137], Т.А. Савина [3, с. 232]. Это обусловлено, по их мнению, тем, что законодатель обязывает суд применять к несовершеннолетнему воспитательные меры, а принудительные меры, и тем более наказание, рассматриваются только как вспомогательные средства.

При анализе Уголовного законодательства Германии выделены четыре группы правовых последствий преступлений несовершеннолетних:

1) Massregeln der Besserung und Sicherung (дословно – меры восстановления и защиты), т.е. меры исправления и безопасности;

2) Erziehungsmassregeln (дословно – правила воспитания), т.е. воспитательные меры;

3) Zuchtmitteln (дословно – дисциплинарные меры), т.е. принудительные меры;

4) Freiheitsentzug, т.е. лишение свободы.

Меры исправления и безопасности отражены в разд. 7 Закона «О судах по делам молодежи». Указанный акт только называет эти меры, раскрываются же они в УК ФРГ. В целом, данные меры являются субсидиарными, то есть применяются совместно с наказанием или воспитательными мерами. Меры исправления и безопасности не могут быть назначены, если они не соответствуют тяжести совершенного лицом деяний или степени его опасности, а также возможности совершения преступлений в будущем.

Выделяется следующие меры, применяемые к несовершеннолетним:

а) помещение в психиатрическую клинику – psychiatrischen Krankenhaus;

б) помещение в лечебное учреждение для принудительного лечения от алкоголизма или наркомании – Entziehungsanstalt;

в) установление надзора за поведением – Führungsaufsicht;

г) лишение права управлять автомобилем – Entziehung der Fahrerlaubnis;

д) превентивное заключение – Sicherungsverwahrung vorbehalten.

Помещение в психиатрическую лечебницу – это одна из тех мер, которые могут назначаться лицам с ограниченной вменяемостью либо полностью невменяемым вместо наказания. Так, разд. 62 Уголовного кодекса Германии гласит, что «Если кто-либо совершил противоправное деяние в состоянии невменяемости (§ 20) или уменьшенной вменяемости (§ 21), то суд выносит решение о помещении в психиатрическую больницу, если из совокупной оценки правонарушителя и его деяния следует, что вследствие его состояния от него можно ожидать серьезных противоправных деяний и поэтому он представляет опасность для общества» [4].

Раздел 64 УК ФРГ регламентирует помещение в лечебное учреждение для принудительного лечения от алкоголизма или наркомании, которое назначается лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения и имеющим зависимость. Опять же такое помещение возможно, если есть реальная угроза, что виновный будет вновь совершать серьезные противоправные деяния.

Установление надзора возможно в соответствии с разд. 68 УК ФРГ в качестве меры, назначаемой лицу, лишенному свободы на срок не менее шести месяцев, при условии, что есть опасность совершения повторных уголовно наказуемых деяний. Суть данной меры заключается в том, что суд назначает виновному на период испытательного срока куратора, который будет помогать осужденному и заботиться о нем. Куратор

совместно со Службой надзора контролирует поведение осужденного и выполнение им предписаний.

По смыслу Закона, лишение права управлять автомобилем (разд. 69 УК Германии) может быть назначено за совершение противоправного деяния, в связи с вождением автотранспортного средства или в результате нарушения обязанностей водителя автотранспортного средства. Причем указанная мера может быть назначена как субъектам уголовного права, так и ограниченно вменяемым или вовсе невменяемым.

Превентивное заключение, – пожалуй, самая детально описанная мера в Законе «О судах по делам молодежи» 1953 г. Превентивное заключение применяется только в отношении несовершеннолетних, которые приговорены к, по меньшей мере, 7-летнему лишению свободы либо осуждены за серьезные уголовные преступления против жизни, физической или сексуальной неприкосновенности, либо от которых жертва понесла серьезный психический или физический ущерб или подвергалась такой опасности. При этом суд, в обязательном порядке учитывая общую оценку личности несовершеннолетнего и его правонарушения, приходит к выводу, что он, скорее всего, вновь совершит уголовные преступления того же характера. Также указанная мера может применяться и по отношению к лицам, ранее помещенным в психиатрическую больницу в соответствии с разд. 7 Закона «О судах по делам молодежи». А.В. Серебренникова, А.С. Клемент указывают, что при выборе превентивного заключения учитывается также развитие несовершеннолетнего в ходе отбывания наказания, которое свидетельствует о высокой вероятности совершения повторного преступления. Применяется превентивное заключение после отбытия осужденным наказания в качестве дополнительной меры [5, с. 52].

Воспитательные меры включают в себя две разновидности – это указания (Weisungen – дословно: инструкции), которые регламентируются разд. 10 Закона «О суде по делам молодежи», и предписания оказать помощь в воспитании (Hilfe zur Erziehung – дословно: надзорная помощь), которые закреплены в разд. 12 указанного нормативно-правового акта.

Раздел 10 содержит девять указаний – это совокупность обязанностей и запретов, которые регулируют образ жизни подростка и предназначены для поощрения и обеспечения его образования:

1) соблюдать предписания, касающиеся его места жительства;

2) проживать вместе со своей семьей или в социальном учреждении;

3) устроиться обучаться или на работу;

4) выполнять определенные рабочие функции;

5) поступить под попечение и наблюдение конкретного лица (помощника по уходу);

6) посещать курсы обучения навыкам социальной адаптации;

7) попытаться урегулировать конфликт с потерпевшим;

8) избегать контакта с определенными лицами или посещения общественных мест или мест развлечения;

9) посещать учебные курсы по изучению правил дорожного движения.

Помимо перечисленных в разд. 10 указаний, суд может предусмотреть и иные, так как данный перечень является открытым. Сроки, на которые назначаются указания, являются весьма различными, так, например, общим сроком является 2 года, однако попечение и наблюдение помощника по уходу назначается на срок до 1 года, а участие в курсах социальной адаптации – до 6 месяцев.

Важным шагом на пути к соблюдению прав несовершеннолетнего является положение Закона «О судах по делам молодежи» о том, что указания не могут предъявлять необоснованных требований к поведению несовершеннолетнего. По нашему мнению, положение разд. 10 указанного акта относятся не только к соблюдению основных прав и свобод, гарантированных Конституцией ФРГ и УК Германии, они также не должны содержать неприемлемые в силу образа жизни несовершеннолетнего или его возможностей требования. Это вытекает из того, что целью данных мер является предотвращение новых преступлений путем устранения причин совершения предыдущих, позитивного влияния на ту среду, где находится несовершеннолетний. Кроме того, указания не должны содержать обязанности оскорбительного характера для несовершеннолетнего, а также должны соответствовать его возрасту и развитию [6, с. 47].

Вторым элементом, включенным Законом «О суде по делам молодежи» в воспитательные меры, являются предписания об оказании помощи в воспитании. Данные меры применяются в соответствии с § 12 указанного нормативно-правового акта. Смысл предписаний заключается в назначении опекуна несовершеннолетнему или помещение в учреждение, которое обеспечит ему заботу и уход. При этом пребывание в таком учреждении может являться круглосуточным или только в ночное время.

Надзорная помощь обеспечивается социальным работником, порядок назначения которого и обязанности предусмотрены ст. 30 Социального кодекса, том 8.

С согласия родителя или опекуна и законного представителя судья может также потребовать, чтобы несовершеннолетний подвергся специальному реабилитационному лечению или лечению наркомании. Если несовершеннолетнему более шестнадцати лет, такое указание должно налагаться только с его согласия.

Стоит оговориться, что по своему смыслу именно предписания представляют собой аналог в уголовном праве ФРГ принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ. Перечень же указаний в значительной мере напоминает те обязанности, которые назначаются условно осужденным несовершеннолетним в соответствии с УК РФ. Однако основной отличительной чертой этих институтов от существующих в российском уголовном праве является их несоотносимость с совершенным преступлением. В отличие от Российского уголовного права воспитательные меры в Германии назначаются не в соответствии с преступлением, а в соответствии с необходимостью несовершеннолетнего в воспитании. Эта позиция прямо закреплена в разд. 5 Закона «О суде по делам молодежи» 1953 г. Такого же мнения при-

держивается и О.Н. Бибик, указывая на то, что целью же воспитательных мер является устранение недостатков в воспитании и формировании его личности, при этом в данных мерах отсутствует карательный характер [6, с. 45].

Указания отличаются от обязанностей, налагаемых в рамках принудительных мер, которые будут рассмотрены ниже, они не предусматривают кары за преступление, не имеют репрессивного содержания. Однако эти меры все же являются уголовно-правовыми, поскольку законодатель предусматривает ответственность за злостное уклонение от них. Подросток, злостно не исполняющий указания, может быть подвергнут аресту до 4 недель, при условии, что ему ранее разъяснялись последствия злостного нарушения. Стоит отметить, что в отличие от уголовного права РФ такая ответственность не связана с назначением уголовного наказания, что существенно улучшает положение несовершеннолетнего.

Отличаются также и условия назначения воспитательных мер в России и Германии. Если исходить из смысла ст.ст. 90–92 УК РФ, то условием применения принудительных мер воспитательного воздействия является совершение несовершеннолетним преступления определенной категории тяжести. «При назначении данных мер (*в Германии*) критерием выступает не тяжесть преступления, а потребность в воспитании и восприимчивость к нему» [2, с. 130]. Условием применения указанных мер является способность несовершеннолетнего адекватно воспринимать назначенные меры, а также его потребность в воспитании, но никак не тяжесть совершенного преступления [6, с. 49].

Эта особенность позволяет применять воспитательные меры не в замен наказания, а вовсе не назначая его, в то время как по смыслу ч. 2 ст. 92 УК РФ суд сначала должен назначить наказание несовершеннолетнему, а уж затем заменить его принудительными мерами воспитательного воздействия. При этом не любой вид наказания подлежит такой замене, а только наказание в виде лишения свободы. Таким образом, несмотря на схожесть по содержанию, воспитательные меры в Законе ФРГ «О судах по делам молодежи» 1953 г. не могут быть признаны аналогами современных принудительных мер воспитательного воздействия, существующих в РФ.

Следующей разновидностью мер для несовершеннолетних в законодательстве Германии являются меры принуждения (Zuchtmitteln). По своей правовой природе меры принуждения являются пограничными между уголовным наказанием и воспитательными мерами. Они не несут тех же юридических последствий, что и уголовное наказание, однако применяются к тем несовершеннолетним, которые совершили уголовное преступление, если не назначается наказание, но виновный осознает общественную опасность своего деяния. Однако ряд немецких ученых считает, что это скорее воспитательные меры [7, с. 79]. Среди российских же исследователей чаще встречается мнение, что меры принуждения ближе к уголовному наказанию. Такого мнения придерживается, например, А.А. Пергатая [8, с. 109].

Мы же полагаем, что промежуточное положение принудительных мер вытекает из того, что они могут применяться только при нехватке воспитательных мер, вторым условием является отсутствие у несовершеннолетнего вредных наклонностей и такой тяжести деяния, которая требует применения наказания (разд. 13 закона «О судах по делам молодежи» 1953 г.).

К данному институту относятся весьма разнообразные по своему содержанию меры. Раздел 13 Закона «О судах по делам молодежи» в качестве таковых выделяет:

1) предупреждение – Verwarnung (дословно – выговоры);

2) обязанности – Auflagen (дословно – условия);

3) арест – Jugendarest.

Предупреждение регулируется разд. 14 анализируемого нормативно-правового акта. Цель вынесения предупреждения заключается в том, чтобы совершенно ясно дать понять несовершеннолетнему, что он совершает противоправные действия, от которых в будущем необходимо воздержаться.

Следующей разновидностью принудительных мер являются обязанности, которые регулируются разд. 15 Закона «О судах по делам молодежи». Суд может впоследствии изменить обязанности или освободить несовершеннолетнего от соблюдения их полностью или частично, если это способствует целям надзора. Всего вышеуказанным актом предусмотрено четыре обязанности:

1) загладить, насколько это возможно, ущерб, причиненный в результате преступления;

2) извиниться лично перед потерпевшим;

3) выполнить определенную работу;

4) заплатить денежную сумму благотворительной организации.

Стоит подробнее остановиться на последней мере, а именно: заплатить денежную сумму в пользу благотворительной организации. Некоторые ученые полагают, что данная обязанность является разновидностью штрафа [8, с. 115], однако его применение к несовершеннолетним запрещено УК ФГР.

Согласно разд. 15 Закона «О судах по делам молодежи», суд может назначить выплату денежной суммы, только если несовершеннолетний совершил незначительный проступок и имеет собственный доход. Вторым случаем назначения указанной обязанности является то, что несовершеннолетним получены доходы от преступления.

О принудительном характере этого института свидетельствует то, что уголовным правом Германии предусмотрена возможность ответственности за уклонение от исполнения обязанностей. Раздел 11 п. 3: «Если несовершеннолетний виновен в несоблюдении обязанностей, может быть наложен арест, если ранее он был предупрежден о последствиях умышленного уклонения. Период содержания под стражей, налагаемый в таких случаях, не может превышать четырех недель» [1]. Стоит отметить, что ответственность за нарушение принудительных мер аналогична ответственности за нарушение мер воспитания.

Самой суровой разновидностью принудительных мер является, несомненно, арест. Данная мера назнача-

ется согласно разд. 16 Закона «О судах по делам молодежи» в исключительных случаях при недостаточности воспитательных или принудительных мер. Данный нормативно-правовой акт знает три разновидности ареста несовершеннолетнего: заключение в свободное время, краткосрочное или длительное. При этом арест, назначенный «в свободное время», означает, что несовершеннолетний подвергается заключению только в свободное от работы и учебы время. Краткосрочный арест предполагает заключение на срок от 2 до 4 дней, а длительным считается применяемый на срок от 1 до 4 недель.

Арест, как и меры исправления и защиты, может применяться субсидиарно, то есть вместе с уголовным наказанием, если наложение или исполнение наказания приостановлено на испытательный срок. В данном случае суд руководствуется тем, что арест способен заставить несовершеннолетнего задуматься о последствиях совершенного деяния или данная мера необходима для того, чтобы вывести несовершеннолетнего из его окружения, оказывающего вредное воздействие.

Последней разновидностью последствий за преступления несовершеннолетних является лишение свободы. Данная мера регулируется разд. 17 Закона «О судах по делам молодежи». Судья назначает такое наказание, если в результате общественно опасных наклонностей, проявленных несовершеннолетним, надзорных или дисциплинарных мер было недостаточно для превентивных целей, а также в случае совершения им серьезного уголовного проступка. Минимальная продолжительность лишения свободы составляет шесть месяцев, а его максимальная – пять лет. Если это деяние представляет собой серьезное уголовное преступление, за которое в общем уголовном праве предписывается максимальное наказание в виде лишения свободы более десяти лет, максимальная продолжительность лишения свободы для несовершеннолетнего составляет десять лет.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что уголовное право ФРГ знает более широкий круг требований, обязанностей, имеет огромный выбор заменяющих мер. Закон акцентирует внимание правоприменителя именно на воспитании уважительного отношения несовершеннолетнего к охраняемым законом нормам и осознании противоправности совершенного деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jugendgerichtsgesetz* (JGG) – Закон о суде по делам молодежи от 4 августа 1953 года, в редакции Первого закона к изменению закона о суде по делам молодежи от 30 августа 1990 года. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_jgg/englisch_jgg.html#p0033 (дата обращения: 25.11.2018).
2. *Долгова С.В., Иванова И.А.* «Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 9. С 128–137.
3. *Савина Т.А.* Сравнительная характеристика принудительных мер воспитательного воздействия по уголовному закону России и Германии // Вектор науки ТГУ. 2013. № 1(23). С. 231–235.
4. *Уголовный* кодекс Федеративной Республики Германии. URL: http://constitutions.ru/?p=5854&attempt=1 (дата обращения: 25.11.2018).
5. *Серебренникова А.В., Клемент А.* Является ли превентивное заключение посягательством на свободу личности (германский опыт) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2006. № 6. С. 52–61.
6. *Бибик О.Н.* Введение в ювенальное уголовное право Германии. Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2009. 84 с.
7. *Schaffstein F., Beulke W.* Jugendstrafrecht: eine systematische Darstellung. Auflage. Stuttgart ; Berlin ; Köln : VerlagW. Kohlhammer, 1993. 327 p.
8. *Пергатая А.А.* Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии : дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 1999. 180 с.

EXEMPTION OF MINORS FROM CRIMINAL PUNISHMENT UNDER GERMAN LEGISLATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 171–175. DOI 10.17223/23088451/12/32

Valeria A. Terentyeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terent@list.ru

Keywords: minors, exemption from criminal punishment, youth law.

The German criminal law has a separate branch concerning juveniles, the so-called Jugendgerichtsgesetz [1], the Youth Courts Law adopted in 1953 (it complements the earlier law of 1923 “On the Administration of Juvenile Justice”). In analysing the German criminal law, the author identified four groups of legal consequences of juvenile crimes: correctional and security measures, educational measures, enforcement measures, deprivation of liberty.

The criminal law of the Federal Republic of Germany knows a wider range of requirements, duties, and has a big choice of alternative measures. The law focuses the attention of the law enforcer on teaching the respectful attitude of the minor to the norms protected by the law and the awareness of the wrongfulness of the act committed.

References

1. Jugendgerichtsgesetz (JGG) *Youth Courts Law of August 4, 1953, as amended by the First Law to amend the Law on the Administration of Juvenile Justice of August 30, 1990.* [Online]. Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_jgg/englisch_jgg.html#p0033. (Accessed: 25.11.2018).
2. Dolgova, S.V. & Ivanova, I.A. (2012) “Sravnitel’nyy analiz mer vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnikh, nakhodyashchikhsya v konflikte s zakonom” [Comparative analysis of measures of influence against minors in conflict with the law]. *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU’s Journal*. 9. pp. 128–137.

3. Savina, T.A. (2013) Sravnitel'naya kharakteristika prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeystviya po ugolovnomu zakonu Rossii i Germanii [Comparative characteristics of coercive measures of educational influence in the criminal law of Russia and Germany]. *Vektor nauki TGU*. 1(23), pp. 231–235.
4. Constitutions.ru. (2011) *Ugolovnyy kodeks Federativnoy respubliki Germanii* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. [Online]. Available from: http://constitutions.ru/?p=5854&attempt=1.
5. Serebrennikova, A.V. & Klement, A. (2006) Yavlyaetsya li preventivnoe zaklyuchenie posyagatel'stvom na svobodu lichnosti (germanskiy opyt) [Is preventive detention an encroachment on the freedom of the individual (German experience)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 11, Pravo*. 6. pp. 52–61.
6. Bibik, O.N. (2009) *Vvedenie v yuvenal'noe ugolovnoe pravo Germanii* [Introduction to juvenile criminal law of Germany] Omsk: Omsk State University.
7. Schaffstein, F. & Beulke, W. (1993) *Jugendstrafrecht: eine systematische Darstellung* [Juvenile justice: a systematic representation]. Stuttgart, Berlin; Cologne: VerlagW. Kohlhammer.
8. Pergataya, A.A. (1999) *Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnikh po zakonodatel'stvu Federativnoy Respubliki Germanii* [Criminal liability of minors under the laws of the Federal Republic of Germany]. Law Cand. Dis. Krasnoyarsk.

УДК 343 DOI 10.17223/23088451/12/33

А.А. Трефилов

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ШВЕЙЦАРСКИХ КАНТОНОВ ААРГАУ И БЕРН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

На основе нормативных и доктринальных источников рассматриваются основные особенности судебных систем швейцарских кантонов Ааргау и Берн. Первая из них имеет монократический характер, в ней отсутствует Конституционный суд, установлена достаточно узкая специализация судей, допускается совмещение должности кантонального судьи и депутата Федерального собрания Швейцарии, судьи подразделяются на штатных и внештатных; при этом большинство судей являются выборными и осуществляют свою деятельность на профессиональной основе. Вторая из них характеризуется поликратичностью, трёхзвенной структурой, достаточно узкой специализацией судей, наличием судебных согласительных комиссий, возможностью передачи функций по рассмотрению уголовных и административных дел органам исполнительной власти, а также специфическим требованием к судьям о необходимости знания двух государственных языков (французского и немецкого).

Ключевые слова: *Швейцария, Ааргау, Берн, судебная система, уголовный процесс, правоохранительные органы.*

В то время как федеральная судебная система Швейцарии обстоятельно рассмотрена в российской правовой науке [1], правоохранительные органы в кантонах Ааргау и Берн до настоящего времени ещё ни разу не становились предметом её анализа.

В Швейцарии каждый кантон (всего их насчитывается 26) самостоятельно «выстраивает» свою судебную систему, создаёт по своему усмотрению специализированные судебные органы (в том числе по рассмотрению ювенальных дел, экономических и финансовых преступлений и т.д.), решает, необходимы ли суды по вопросам мер принуждения, делает выбор между единоличным и коллегиальным началом в отправлении правосудия, устанавливает требования к судьям и сотрудникам аппарата суда, организует деятельность прокуратуры, предусматривает в законе её структуру, решает вопрос о создании специализированных прокуратур. Как мы видим, многие из этих вопросов являются не только *судоустройственными*, но и *судопроизводственными* (*уголовно-процессуальными*).

Единственная обязанность каждого кантона, возлагаемая федеральным правом (в сфере построения своей судебной системы), – предусмотреть Верховный суд кантона (ст. 80 Федерального закона о Федеральном суде) [2, с. 175], акты которого подлежат обжалованию в Федеральный уголовный суд и при определённых условиях в Федеральный суд (последний является высшей судебной инстанцией Швейцарии).

Судебная система кантона Ааргау определяется в настоящее время, прежде всего, Конституцией данного кантона (*Verfassung des Kantons Aargau*) [3] от 25 июня 1980 г. в редакции от 23 сентября 2013 г. и Законом об организации судов (*Gerichtsorganisationsgesetz*) от 6 декабря 2011 г.а в редакции от 1 января 2013 г.

Можно выделить следующие особенности судебной системы кантона Ааргау:

1) *Монократический характер*. Иначе говоря, все судебные органы возглавляются Верховным судом кантона Ааргау. Нет таких государственных органов, решения которых не могли бы быть обжалованы в указанную выше высшую судебную инстанцию. При этом судебная система в данном кантоне является трёхзвенной: мировые судьи, Окружной суд, Верховный суд кантона.

2) *Отсутствует Конституционный суд*. Функцию конституционного контроля в настоящее время осуществляют все судебные органы, которые «не применяют предписания, которые противоречат федеральному праву или кантональной конституции или законодательству» (ч. 2 § 95 Конституции Ааргау). Данная норма рассматривается в качестве одной из гарантий независимости судей.

3) *Узкая специализация судей*. Согласно § 50 Закона об организации судов, Окружной суд состоит из следующих коллегий: по гражданским делам, по уголовным делам, по трудовым спорам, по семейным спорам, ювенальная палата. Также предусмотрено создание судебной согласительной комиссии по вопросам примирения (она компетентна в отношении гендерных споров в соответствии с федеральным Законом о равноправии мужчин и женщин от 23 марта 1995 г.), коллегии по вопросам мер принуждения, специальной административной коллегии (состоит из налоговой палаты, а также палаты каузальных пошлин и изъятий). Верховный суд Ааргау разделён на следующие коллегии: по гражданским делам, по уголовным делам, по административным делам, по торговым делам.

Отметим важную особенность юридической техники: кантональный законодатель вместо термина «коллегия» использует категорию «суд» (*Gericht*). Например, суд по гражданским делам, суд по уголовным делам, суд по вопросам мер принуждения и т.д.[1]

[1] Например, в России в районных судах обычно функционируют *коллегии* по уголовным и по гражданским делам. При этом мы никогда не скажем, что районный суд состоит из *суда* по уголовным и *суда* по гражданским делам.

4) В Ааргау *не создан институционально обособленный суд по вопросам мер принуждения*. Указанные функции, как отмечено выше, возложены на соответствующую коллегию Окружного суда. Самостоятельный судебный орган, ответственный за санкционирование заключения под стражу и других наиболее строгих мер принуждения, на сегодняшний момент создан только в кантонах Базель-Ланштафт, Тургау и Люцерн [3, с. 279].

5) *Допускается совмещение должности судьи Верховного суда Ааргау и члена Федерального собрания* (*парламент Швейцарии*). Вместе с тем, согласно ч. 2 § 96 Конституции Ааргау, «более двух членов Верховного суда не должны принадлежать к Федеральному собранию»[1] [4]. Таким образом, строгое разделение властей в Швейцарии на кантональном и федеральном уровне отсутствует. Трудно представить, чтобы в России мировой судья из какого-либо субъекта РФ был бы депутатом Государственной Думы или членом Совета Федерации.

6) *Подразделение судей на штатных и внештатных*. К последним относятся судьи судебного присутствия, специальные судьи, запасные судьи окружных судов, члены судебной согласительной комиссии по вопросам примирения, члены судебных согласительных комиссий по вопросам найма и аренды, а также мировые судьи (ч. 3 § 11 Закона об организации судов).

7) *Диспозитивные нормы о составе суда*. Федеральный УПК Швейцарии 2007 г. не регулирует данный вопрос, поскольку он, скорее, является судоустройственным, а не судопроизводственным. Следовательно, каждый кантон принимает самостоятельное решение о соотношении единоличного и коллегиального состава в деятельности суда. В Ааргау закон предусматривает, что Окружной и Верховный суды заседают только коллегиально. Согласно § 4 Закона об организации судов, орган, постановляющий приговор, должен заседать в полном составе, чтобы рассмотреть дело, провести совещание и принять решение. С согласия сторон в виде исключения *допускается рассмотрение дела неполным составом суда*.

8) *Выборность большинства судей*. По п. «е» ч. 1 ст. 61 Конституции Ааргау, председатель и судьи Окружного суда, за исключением специальных судей, избираются населением (по смыслу данной нормы процедура назначения исключена). Согласно § 14 Закона об организации судов, избиратели выбирают мировых судей, председателей и судей окружных судов. Остальные судьи назначаются Большим советом (кантональным парламентом), например, председатель и вице-председатель, судьи Верховного суда, а также правительством, в том числе председатель и члены судебной согласительной комиссии по вопросам найма и аренды, специальные судьи суда по трудовым спорам и по защите детей и молодёжи.

По замыслу законодателя выборность судей повышает доверие к ним со стороны населения, укрепляет авторитет суда.

9) *Профессионализация судебной деятельности* (обязательность юридического образования). М. Питт пишет, что в настоящее время «лишь немногие кантоны рассматривают юридическое образование в качестве предпосылки назначения на судейскую должность. В некоторых кантонах назначение на должность непрофессиональных судей совершенно обычное дело. В качестве примера можно привести кантон *Ааргау*, в котором ещё недавно следственные судьи, не имея юридического образования, должны были принимать решения в качестве инстанции по вопросам заключения под стражу» [5]. В настоящее время в Ааргау все штатные судьи обязаны иметь высшее юридическое образование.

10) *Специфические этические требования к поведению судей*. Согласно § 21 Закона об организации судов, *судьи исполняют свои полномочия со сдержанностью и человечностью* (*mit Zurückhaltung und Menschlichkeit*); они защищают нуждающуюся в помощи сторону с сохранением своей беспристрастности. В силу этого же параграфа, судьи руководят процессом строго и осмотрительно. Как мы видим, данные категории имеют достаточно оценочное содержание.

11) *Процедура лишения иммунитета*. Судьи подлежат надзору лишь в той мере, которая не угрожает их независимости (§ 25 Закона об организации судов). Уголовное преследование в отношении судьи в связи с совершением преступления или уголовного проступка при исполнении полномочий возможно с согласия Большого совета (§ 26). Таким образом, судью лишает иммунитета не соответствующий орган судебного сообщества, как в России, а кантональный парламент.

12) *Конституция Ааргау предусматривает создание и деятельность третейских судов*. Их деятельность имеет конституционную основу, так как они осуществляют квазисудебные функции. Согласно ч. 4 § 97 Закона об организации судов, признаётся подсудность дела третейскому суду в имущественно-правовых спорах. Решения третейских судов могут быть в дальнейшем пересмотрены в судах в соответствии с законом. Третейские суды не входят в судебную систему и представляют собой способ альтернативного разрешения гражданско-правовых споров.

Судебная система кантона Берна определяется в настоящее время, прежде всего, Конституцией данного кантона (*Verfassung des Kantons Bern*) [6] от 6 июня 1993 г. в редакции от 11 марта 2015 г. и Законом об организации судов и прокуратуры (*Gesetzüber die Organisation der Gerichtsbehörden und der Staatsanwaltschaft*) [7] от 11 июня 2009 г. в редакции от 1 июня 2013 г.

Можно выделить следующие особенности судебной системы кантона Берн:

1) В отличие от Ааргау, *судебная система в Берне является поликратической*. Согласно ст. 2 Закона об орга-

[1] Сравните с оригиналом: «*Es dürfen nicht mehr als zwei Mitglieder des Obergerichtes der Bundesversammlung angehören*».

низации судов и прокуратуры, высшими судами являются Верховный суд и Административный суд (каждый из них возглавляет соответствующую систему нижестоящих судов). Как и в Ааргау, Конституционный суд отсутствует. Конституционный контроль в процессе правоприменения осуществляют все судебные органы.

Как пишут Курт Нусплигер и Яна Медер, кантональные органы юстиции в каждом отдельном случае правоприменения предварительно проверяют, соответствует ли данный правовой акт вышестоящим нормам. Они используют в этой связи термин «*Einzelaktenkontrolle mit akzessorischer Normenkontrolle*» («контроль отдельных актов с акцессорным нормоконтролем») [8].

2) *Судебная система в Берне, как и в Ааргау, является трёхзвенной*: высшие суды (Верховный и Административный), кантональные компетентные судебные органы, региональные судебные органы.

3) *Достаточно узкая специализация судей*. В составе Верховного суда функционируют палата по гражданским делам и палата по уголовным делам. В первой из них работает отделение по торговым делам, надзорный орган по делам о занятиях и конкурсах, судебная комиссия по вопросам обжалования превентивного лишения свободы (любопытно, что последняя относится к отделению по гражданским, а не по уголовным делам), вторая на отделения не делится. В составе Административного суда действуют административно-правовая палата, палата социального страхования, палата по франко-язычным делам. Кантональными судебными органами являются: кантональный суд по вопросам мер принуждения; суд по экономическим преступлениям[1]; ювенальный суд; судебная комиссия по вопросам налоговых обжалований; судебная комиссия по вопросам обжалования мер, принимаемых в отношении водителей; судебная комиссия по вопросам оценки изымаемого имущества; судебная комиссия по вопросам улучшения почвы. Региональными судебными органами являются региональные суды (общей юрисдикции); региональные суды по вопросам мер принуждения; региональные судебные согласительные комиссии (во всех случаях речь идёт об отдельных палатах, а не о самостоятельных институционально обособленных судах) (как пишут К. Нусплигер и Я. Медер, данная система сложилась в ходе реформы юстиции от 24 сентября 2006 г.) [8].

4) *Судебные согласительные комиссии* – любопытный для компаративного анализа институт. Согласно ст. 86 Закона об организации судебных органов и прокуратуры, споры в соответствии с Федеральным законом от 24 марта 1995 г. об обеспечении равноправия мужчин и женщин (Закон о выравнивании) рассматривают судебные согласительные комиссии. Интересен состав данного органа. Судебная согласительная комиссия принимает решение коллегиально («заседание пятёрки»). В зависимости от характера спора орган, выносящий решение, состоит из председателя и равного числа представителей работодателей и работников и публичной и частной сферы; мужской и женский пол должны быть представлены равным образом (ч. 4 ст. 88).

5) Согласно ч. 2 ст. 99 Конституции Берна, на основе закона *функции по рассмотрению уголовных и административных дел также могут передаваться органам исполнительной власти кантона или общинам*. Данный подход в компаративном отношении не получил распространения в европейских странах, поскольку в большинстве из них правосудие осуществляется только судом [8]. Рассмотренный подход отнюдь не отрицает принцип разделения властей (*Grundsatz der Gewaltenteilung*). Согласно ст. 66 Конституции Берна, никакой государственный орган не может осуществлять свою власть бесконтрольно и неограниченно. Как пишут К. Нусплигер и Я. Медер, принцип разделения властей требует, чтобы государственную власть осуществляли различные, независимые друг от друга органы.

6) *Состоящие в штате судьи не могут наряду с их должностью заниматься никакой другой деятельностью* (ч. 1 ст. 20 Закона об организации судов и прокуратуре). В отличие от этого, в большинстве стран, напротив, допускается осуществление судьями преподавательской, научной или иной творческой деятельности.

7) *Требование о знании двух государственных языков* (ч. 2 ст. 29 Закона об организации судов и прокуратуры). Поскольку данный кантон, согласно абз. 1 ст. 6 Конституции Берна, является двуязычным (официальные языки – немецкий и французский (как пишут К. Нусплигер и Я. Медер, в Берне 84 % населения говорят на *немецком* языке и 7,8 % – на *французском*)) [9], судьи обязаны владеть ими на достаточном уровне.

Таким образом, опыт кантонов Ааргау и Берн может быть полезен при проведении дальнейших компаративных исследований в области швейцарского конституционного и уголовно-процессуального права, а также системы правоохранительных органов этой страны, в том числе в сравнении с Российской Федерацией.

---

[1] Вспомним о том, что действия **бернского Суда по экономическим преступлениям** стали предметом рассмотрения ЕСПЧ по делу «*W. против Швейцарии*» (решение от 26 января 1993 года). Краткая фабула состоит в следующем. Гражданин W. подозревался в совершении ряда экономических преступлений и был заключен под стражу. Обвинения касались деятельности примерно *60 контролируемых им швейцарских и иностранных компаний* и выдвинуты также *против 11 его соучастников*. Следствие проводилось двумя специально назначенными судьями. Оно касалось проверки примерно *200 банковских счетов*, включало *около 350 допросов* заявителя, его сообвиняемых и других лиц, при этом *составлено 711 томов* основной документации по делу в дополнение к оригинальным документам, которые заняли *120 метров полок*. Выявленный по делу ущерб оценен, по меньшей мере, в *50 000 000 швейцарских франков*. Заявитель подал *8 ходатайств об освобождении* из предварительного заключения, все они были отклонены. Суд по экономическим преступлениям кантона Берн после разбирательства, длившегося около *6 недель*, признал его виновным в мошенничестве, злостном банкротстве, подделке документов и умышленном незаконном ведении дел компаний. Он приговорен к *11 годам* тюремного заключения и штрафу *в 10 000 швейцарских франков*; *1465 дней* (*четыре года и три дня*), которые он провел в предварительном заключении, зачтены в тюремный срок. По мнению заявителя, нарушен п. 3 ст. 5 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, согласно которому «каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию… имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока…» ЕСПЧ, рассмотрев дело, пришел к выводу, что нарушение Конвенции не имело места в связи с «исключительной сложностью дела и поведением заявителя».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрова М.А.* Органы центральной власти современной Швейцарии: тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014, 215 с.
2. *Пилипенко Ю.А.* Судебная система Швейцарии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 211 с.
3. *Трефилов А.А.* Уголовный процесс зарубежных стран. М., 2016. Т. 1, 2. 1006 с.
4. *Конституция* кантона Аргау. URL: https://gesetzessammlungen.ag.ch/frontend/versions/1810 (дата обращения: 25.11.2018).
5. *Pieth M.* Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009. S. 57. 355 p.
6. *Конституция* кантона Берн. URL: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19930146/ (дата обращения: 25.11.2018).
7. *Закон* об организации судебных органов и прокуратуры. URL: https://www.belex.sites.be.ch/frontend/versions/103?locale=de (дата обращения: 25.11.2018).
8. *Nuspliger Kurt, Mäder Jana.* Bernisches Staatsrecht und Grundzuge des Verfassungsrechts der Kantone. Bern, 2012. 184 p.

JUDICIAL SYSTEMS OF THE SWISS CANTONS OF AARGAU AND BERN: A COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 12, pp. 176–179. DOI 10.17223/23088451/12/33

Aleksandr A. Trefilov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Keywords: Switzerland, Aargau, Bern, judicial system, criminal procedure, law enforcement bodies.

Switzerland currently consists of 26 cantons, each of them having its own government bodies, including the judiciary ones. On the basis of regulatory and doctrinal sources, the author examines the main features of the judicial systems of the Swiss cantons of Aargau and Bern. The first one is of a monocratic nature; it has no Constitutional Court; the judges' established specialisation is rather narrow; unlike the cantons of Basel-Landschaft, Thurgau and Lucerne, there is no institutionally separate court considering the procedural coercion measures; the offices of the cantonal judge and the deputy of the Federal Assembly of Switzerland are compatible; the judges are divided into full-time and freelance ones; the majority of the judges are elected and carry out their activities on a professional basis. The second system is polycratic; it has a three-tiered structure; the judges' specialisation is rather narrow; there are judicial conciliation commissions; the functions of trying criminal and administrative cases are transferrable to executive authorities; the judges face a specific requirement to know two state languages (French and German). It is shown that the experience of the cantons of Aargau and Bern can be useful in the further comparative research of the constitutional and criminal procedure law of Switzerland, including comparing it with the Russian Federation.

Bern is a major business, financial and tourist "business centre", while Aargau is primarily a rural and agrarian canton. Bern has a long history, it was founded in 1353; vice versa, Aargau is a fairly young region that emerged during the Napoleonic wars in 1803. The population of the canton of Bern is almost 1 million people, and in Aargau there are 627 thousand people (as of 2012). In terms of crime, these cantons differ from each other due to geographical, sociological and other conditions; thus, the means to combat it, including the procedural mechanisms, are also different. Bern is a bilingual canton where both German and French languages have an official status; in Aargau, German is the only official language. The mentioned circumstances resulted in a strong influence of French law on the criminal procedure of Bern (this is also traceable in the canton of Aargau that was influenced as well).

References

1. Petrova, M.A. (2014) *Organy tsentral'noy vlasti sovremennoy Shveytsarii: tendentsii razvitiya* [The central authorities of modern Switzerland: development trends]. Law Cand. Dis. Moscow.
2. Pilipenko, Yu.A. (2001) *Sudebnaya sistema Shveytsarii* [The judicial system of Switzerland]. Law Cand. Dis. Moscow.
3. Trefilov, A.A. (2016) *Ugolovnyy protsess zarubezhnykh stran* [Criminal procedure of foreign countries]. Vol. 1. Moscow: [s.n.].
4. Gesetzessammlungen.ag.ch. (2013) *The constitution of the canton of Aargau.* [Online]. Available from: https://gesetzessammlungen.ag.ch/frontend/versions/1810. (Accessed: 25.11.2018). (In German).
5. Pieth, M. (2009) *Schweizerisches Strafprozessrecht* [Swiss Criminal Procedure Law]. Basel: Helbing Lichtenhahn Verlag.
6. Admin.ch. (2015) *The Constitution of the canton of Bern.* [Online]. Available from: https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19930146/. (Accessed: 25.11.2018). (In German).
7. Belex.sites.be.ch. (2012) *Law on the organization of the judiciary and the prosecutor's office.* [Online]. Available from:https://www.belex.sites.be.ch/frontend/versions/103?locale=de. (Accessed: 25.11.2018). (In German).
8. Nuspliger, K. & Mäder, J. (2012) *Bernisches Staatsrecht und Grundzuge des Verfassungsrechts der Kantone* [Bern constitutional law and basic principles of cantonal constitutional law]. Bern: Stämpfli Verlag AG.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛАЕВА Ильмира Абдурагимовна – доцент, кандидат философских наук, заместитель директора по науке Дагестанского государственного университета в городе Кизляр, г. Кизляр. E-mail: ilmira.abdulaeva@mail.ru

АЗАРОВ Владимир Александрович – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск. E-mail: kafprokrim@mail.ru

АНДРЕЕВ Егор Игоревич – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: andreevei_70@ mail.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – доцент, доктор юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г.Томск. E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

БЕЛЯЕВ Максим Владимирович – кандидат юридических наук, заместитель Председателя Верховного Суда Республики Татарстан по уголовным делам, г. Казань. E-mail: crim.just@mail.ru

БОТВИН Илья Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Барнаул. E-mail: botviniv@mail.ru

ВЕДЕРНИКОВ Николай Трофимович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Москва E-mail: tsu-crime@mail.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – профессор, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва. E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

ГУЛИЕВА Натаван Байрам кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета, г. Кемерово. E-mail: natavan-1212@mail.ru

ДЕДКОВА Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: prirodares@mail.ru

ДЕРКАЧ Дмитрий Васильевич – доцент, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики, физики и методики их преподавания Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир. E-mail: derkach@bk.ru

ДОЛГИЕВА Мадина Муссаевна – кандидат юридических наук, старший прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Московской области, младший советник юстиции, г. Москва. E-mail: novator111@mail.ru

ДРОЗДОВ Игорь Сергеевич – заместитель Асиновского городского прокурора Томской области, младший советник юстиции, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ДУДАРЕВ Сергей Станиславович – студент Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. E-mail: sergey.dudarev@icloud.com

ЕРМАКОВА Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, подполковник полиции, г. Барнаул. E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, г. Москва. E-mail: oleg010663@mail.ru

ЗИНЧЕНКО Игорь Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Калининградского филиала Международного университета в Москве, г. Калиниград. E-mail: zinchenko3939@mail.ru

КОКОТОВА Дарья Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург. E-mail: darya.kokotova@mail.ru

КОРЯКИН Евгений Анатольевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры инженерно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России, г. Киров. E-mail: e.a.koryakin@yandex.ru

КУДРАТОВ Некруз Абдунабиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции, г. Душанбе. E-mail: nek-kudratov@mail.ru

ЛОБА Всеволод Евгеньевич – доцент, кандидат юридических наук, научный сотрудник Дагестанского государственного университета в городе Кизляр, г. Кизляр. E-mail: vsevolodka@inbox.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

НЕХОРОШИХ Михаил Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: mihaneh_92@mail.ru

НУРБАЕВ Даулет Маулитович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, адвокат, г. Омск. E-mail: daulet_mn@mail.ru

ОЛЬХОВИК Николай Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г.Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ПАКАНИЧ Сергей Иванович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, майор внутренней службы, г. Новокузнецк. E-mail: sergeipakanich@mail.ru

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк. E-mail: liorev@mail.ru

ПОБЕДКИН Александр Викторович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, г. Москва. E-mail: apobedkin71@mail.ru

ПОПОВА Елена Ильинична – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ. E-mail: popovaelena03@yandex.ru

РЕПЬЕВА Анна Михайловна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул. E-mail: anna-repeva@yandex.ru

САВЕНКОВ Алексей Витальевич – начальник Ростовской школы служебно-розыскного собаководства Министерства внутренних дел Российской Федерации г. Ростов. E-mail: s_savenkov_80@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВА Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического института Кемеровского государственного университета г. Кемерово. E-mail: terent@list.ru

ТИТАРЕНКО Андрей Павлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Барнаул. E-mail: tapavlovich@mail.ru

ТКАЧ Александр Сергеевич – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: alexandertkach01@gmail.com

ТРЕФИЛОВ Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

ТРУБНИКОВА Татьяна Владимировна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: trubn@mail.ru

ТУЗОВ Андрей Геннадьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. E-mail: a.tuzov@spbu.ru

УШАКОВ Роман Вадимович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, г. Рязань. E-mail: ushakovrv@list.ru

ФИЛИМОНОВ Вадим Донатович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ФРОЛОВ Алексей Иннокентьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Санкт-Петербург. E-mail: f_ai@bk.ru

ЧЕРЕПАНОВ Вадим Валерьевич – адвокат, Адвокатская палата Томской области, г. Томск. E-mail: vadim_2009@list.ru

ЯСЕЛЬСКАЯ Вероника Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru